АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

ФАНТАСТИКА
ПУТЕШЕСТВИЯ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ВОСЬМИ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» * 1963

Александр Беляев

Собрание сочинений

Том 3

Человек-амфибия

Подводные земледельцы

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» * 1963

Р2
Б44

Обложка и титул
художника
Б. Маркевича

Иллюстрации
художника
Н. Гришина

Человек-амфибия

Текст печатается по изданию:

Александр Беляев.

Избранные научно-фантастические произведения в 3 томах,

М., «Молодая гвардия», 1957, т. 1.

Часть первая

«МОРСКОЙ ДЬЯВОЛ»

НАСТУПИЛА душная январская ночь аргентинского лета. Черное небо покрылось звездами. «Медуза» спокойно стояла на якоре. Тишина ночи не нарушалась ни всплеском волны, ни скрипом снастей. Казалось, океан спал глубоким сном.

На палубе шхуны лежали полуголые ловцы жемчуга. Утомленные работой и горячим солнцем, они ворочались, вздыхали, вскрикивали в тяжелой дремоте. Руки и ноги у них нервно подергивались. Быть может, во сне они видели своих врагов — акул. В эти жаркие безветренные дни люди так уставали, что, окончив лов, не могли даже поднять на палубу лодки. Впрочем, это было не нужно: ничто не предвещало перемены

погоды. И лодки оставались на ночь на воде, привязанные у якорной цепи. Реи не были выровнены, такелаж плохо подтянут, неубранный кливер чуть-чуть вздрагивал при слабом дуновении ветерка. Все пространство палубы между баком и ютом было завалено грудами раковин-жемчужниц, обломками кораллового известняка, веревками, на которых ловцы опускаются на дно, холщовыми мешками, куда они кладут найденные раковины, пустыми бочонками. Возле бизань-мачты стояла большая бочка с пресной водой и железным ковшом на цепочке. Вокруг бочки на палубе виднелось темное пятно от пролитой воды.

От времени до времени то один, то другой ловец поднимался, шатаясь в полусне, и, наступая на ноги и руки спящих, брел к бочке с водой. Не раскрывая глаз, он выпивал ковш воды и валился куда попало, словно пил он не воду, а чистый спирт. Ловцов томила жажда: утром перед работой есть опасно, — слишком уж сильное давление испытывает человек в воде, — поэтому работали весь день натощак, пока в воде не становилось темно, и только перед сном они могли поесть, а кормили их солониной.

Ночью на вахте стоял индеец Бальтазар. Он был ближайшим помощником капитана Педро Зурита, владельца шхуны «Медуза».

В молодости Бальтазар был известным ловцом жемчуга: он мог пробыть под водою девяносто и даже сто секунд — вдвое больше обычного.

«Почему? Потому, что в наше время умели учить и начинали обучать нас с детства, — рассказывал Бальтазар молодым ловцам жемчуга. — Я был еще мальчишкой лет десяти, когда отец отдал меня в ученье на тендер к Хозе. У него было двенадцать ребят учеников. Учил он нас так. Бросит в воду белый камень или раковину и прикажет: «Ныряй, доставай!» И каждый раз бросает все глубже. Не достанешь — выпорет линем * или плетью и бросит

---

* Линь — тонкая веревка.

в воду, как собачонку. «Ныряй снова!» Так и научил нас нырять. Потом стал приучать к тому, чтобы мы привыкали дольше находиться под водою. Старый опытный ловец опустится на дно и привяжет к якорю корзинку или сеть. А мы потом ныряем и под водой отвязываем. И пока не отвяжешь, наверх не показывайся. А покажешься — получай плеть или линь.

Били нас нещадно. Не многие выдержали. Но я стал первым ловцом во всем округе. Хорошо зарабатывал».

Состарившись, Бальтазар оставил опасный промысел искателя жемчуга. Его левая нога была изуродована зубами акулы, его бок изодрала якорная цепь. Он имел в Буэнос-Айресе небольшую лавку и торговал жемчугом, кораллами, раковинами и морскими редкостями. Но на берегу он скучал и потому нередко отправлялся на жемчужный лов. Промышленники ценили его. Никто лучше Бальтазара не знал Ла-Платского залива, его берегов и тех мест, где водятся жемчужные раковины. Ловцы уважали его. Он умел угодить всем — и ловцам и хозяевам.

Молодых ловцов он учил всем секретам промысла: как задерживать дыхание, как отражать нападение акул, а под хорошую руку — и тому, как припрятать от хозяина редкую жемчужину.

Промышленники же, владельцы шхун, знали и ценили его за то, что он умел по одному взгляду безошибочно оценивать жемчужины и быстро отбирать в пользу хозяина наилучшие.

Поэтому промышленники охотно брали его с собой как помощника и советчика.

Бальтазар сидел на бочонке и медленно курил толстую сигару. Свет от фонаря, прикрепленного к мачте, падал на его лицо. Оно было продолговатое, не скуластое, с правильным носом и большими красивыми глазами — лицо арауканца *. Веки Баль-

---

* Араукацы — одно из племен американских индейцев.

тазара тяжело опускались и медленно поднимались. Он дремал. Но если спали его глаза, то уши его не спали. Они бодрствовали и предупреждали об опасности даже во время глубокого сна. Но теперь Бальтазар слышал только вздохи и бормотание спящих. С берега тянуло запахом гниющих моллюсков-жемчужниц, — их оставляли гнить, чтобы легче выбирать жемчужины: раковину живого моллюска нелегко вскрыть. Этот запах непривычному человеку

показался бы отвратительным, но Бальтазар не без удовольствия вдыхал его. Для него, бродяги, искателя жемчуга, этот запах напоминал о радостях привольной жизни и волнующих опасностях моря.

После выборки жемчуга самые крупные ракови-

ны переносили на «Медузу». Зурита был расчетлив: раковины он продавал на фабрику, где из них делали пуговицы и запонки.

Бальтазар спал. Скоро выпала из ослабевших пальцев и сигара. Голова склонилась на грудь.

Но вот до его сознания дошел какой-то звук, доносившийся далеко с океана. Звук повторился ближе. Бальтазар открыл глаза. Казалось, кто-то трубил в рог, а потом как будто бодрый молодой чело-

веческий голос крикнул: «А!» — и затем октавой выше: «А-а!..»

Музыкальный звук трубы не походил на резкое звучание пароходной сирены, а веселый возглас совсем не напоминал крика о помощи утопающего.

Это было что-то новое, неизвестное. Бальтазар поднялся; ему казалось, будто сразу посвежело. Он подошел к борту и зорко оглядел гладь океана. Безлюдье. Тишина. Бальтазар толкнул ногой лежащего на палубе индейца и, когда тот поднялся, тихо сказал:

— Кричит. Это, наверно, *он.*

— Я не слышу, — так же тихо ответил индеец-гурона *, стоя на коленях и прислушиваясь. И вдруг тишину вновь нарушил звук трубы и крик:

— А-а!..

Гурона, услышав этот звук, пригнулся, как под ударом бича.

— Да, это, наверно, *он,* — сказал гурона, лязгая от страха зубами.

Проснулись и другие ловцы. Они сползли к освещенному фонарем месту, как бы ища защиты от темноты в слабых лучах желтоватого света. Все сидели, прижавшись друг к другу, напряженно прислушиваясь. Звук трубы и голос послышались еще раз вдалеке, и потом все замолкло.

— Это он...

— «Морской дьявол», — шептали рыбаки.

— Мы не можем больше оставаться здесь!

— Это страшнее акулы!

— Позвать сюда хозяина!

Послышалось шлепание босых ног. Зевая и почесывая волосатую грудь, на палубу вышел хозяин, Педро Зурита. Он был без рубашки, в одних холщовых штанах; на широком кожаном поясе висела кобура револьвера. Зурита подошел к людям. Фонарь осветил его заспанное, бронзовое от загара лицо, густые вьющиеся волосы, падавшие прядями на лоб, черные брови, пушистые, приподнятые кверху усы и небольшую бородку с проседью.

— Что случилось?

Его грубоватый спокойный голос и уверенные движения успокоили индейцев.

Они заговорили все сразу.

---

* Гурона — племя американских индейцев.

Бальтазар поднял руку в знак того, чтобы они замолчали, и сказал:

— Мы слышали голос его... «морского дьявола».

— Померещилось! — ответил Педро сонно, опустив голову на грудь.

— Нет, не померещилось. Мы все слышали «а-а!..» и звук трубы! — закричали рыбаки.

Бальтазар заставил замолчать их тем же движением руки и продолжал:

— Я сам слышал. Так трубить может только «дьявол». Никто на море так не кричит и не трубит. Надо быстрее уходить отсюда.

— Сказки, — так же вяло ответил Педро Зурита.

Ему не хотелось брать с берега на шхуну еще не перегнившие, зловонные раковины и сниматься с якоря.

Но уговорить индейцев ему не удалось. Они волновались, размахивали руками и кричали, угрожая, что завтра же сойдут на берег и пешком отправятся в Буэнос-Айрес, если Зурита не поднимет якорь.

— Черт бы побрал этого «морского дьявола» вместе с вами! Хорошо. Мы поднимем якорь на рассвете. — И, продолжая ворчать, капитан ушел к себе в каюту.

Ему уже не хотелось спать. Он зажег лампу, закурил сигару и начал ходить из угла в угол по небольшой каюте. Он думал о том непонятном существе, которое с некоторых пор появилось в здешних водах, пугая рыбаков и прибрежных жителей.

Никто еще не видел этого чудовища, но оно уже несколько раз напоминало о себе. О нем слагались басни. Моряки рассказывали их шепотом, боязливо озираясь, как бы опасаясь, чтобы это чудовище не подслушало их.

Одним это существо причиняло вред, другим неожиданно помогало. «Это морской бог, — говорили старые индейцы, — он выходит из глубины океана раз в тысячелетие, чтобы восстановить справедливость на земле».

Католические священники уверяли суеверных испанцев, что это «морской дьявол». Он стал яв-

ляться людям потому, что население забывает святую католическую церковь.

Все эти слухи, передаваемые из уст в уста, достигли Буэнос-Айреса. Несколько недель «морской дьявол» был излюбленной темой хроникеров и фельетонистов бульварных газет. Если при неизвестных обстоятельствах тонули шхуны, рыбачьи суда, или портились рыбачьи сети, или исчезала пойманная рыба, в этом обвиняли «морского дьявола». Но другие рассказывали, что «дьявол» подбрасывал иногда в лодки рыбаков крупную рыбу и однажды даже спас утопающего.

По крайней мере один утопающий уверял, что, когда он уже погружался в воду, кто-то подхватил его снизу за спину и, так поддерживая, доплыл до берега, скрывшись в волнах прибоя в тот миг, когда спасенный ступил на песок.

Но удивительнее всего было то, что самого «дьявола» никто не видел. Никто не мог описать, как выглядит это таинственное существо. Нашлись, конечно, очевидцы, — они награждали «дьявола» рогатой головой, козлиной бородой, львиными лапами и рыбьим хвостом или изображали его в виде гигантской рогатой жабы с человеческими ногами.

Правительственные чиновники Буэнос-Айреса сначала не обращали внимания на эти рассказы и газетные заметки, считая их досужим вымыслом.

Но волнение — главным образом среди рыбаков — все усиливалось. Многие рыбаки не решались выезжать в море. Лов сократился, и жители чувствовали недостаток рыбы. Тогда местные власти решили расследовать эту историю. Несколько паровых катеров и моторных лодок полицейской береговой охраны было разослано по побережью с приказом «задержать неизвестную личность, сеющую смуту и панику среди прибрежного населения».

Полиция рыскала по Ла-Платскому заливу и побережью две недели, задержала нескольких индейцев как злостных распространителей ложных слухов, сеющих тревогу, но «дьявол» был неуловим.

Начальник полиции опубликовал официальное сообщение о том, что никакого «дьявола» не существует, что все это лишь выдумки невежественных людей, которые уже задержаны и понесут должное наказание, и убеждал рыбаков не доверять слухам и взяться за лов рыбы.

На время это помогло. Однако шутки «дьявола» не прекращались.

Однажды ночью рыбаки, находившиеся довольно далеко от берега, были разбужены блеянием козленка, который каким-то чудом появился на их баркасе. У других рыбаков оказались изрезанными вытащенные сети.

Обрадованные новым появлением «дьявола» журналисты ждали теперь разъяснения ученых.

Ученые не заставили себя долго ждать.

Они считали, что в океане не может существовать неизвестное науке морское чудовище, совершающее поступки, на которые способен только человек. «Иное дело, — писали ученые, — если бы такое существо появилось в малоисследованных глубинах океана». Но ученые все же не могли допустить, чтобы такое существо могло поступать разумно. Ученые вместе с начальником морской полиции считали, что все это — проделки какого-нибудь озорника.

Но не все ученые думали так.

Другие ученые ссылались на знаменитого немецкого натуралиста Конрада Геснера *, который описал морскую деву, морского дьявола, морского монаха и морского епископа.

«В конце концов многое из того, о чем писали древние и средневековые ученые, оправдалось, несмотря на то, что новая наука не признавала этих старых учений. Божеское творчество неистощимо, и нам, ученым, скромность и осторожность в заклю-

---

* Конрад Геснер — знаменитый немецкий ученый XVI века. Написал «Книгу о животных», имевшую в течение долгого времени необыкновенно сильное влияние на натуралистов. *(Прим. автора.)*

чениях приличествуют больше чем кому-либо другому», — писали некоторые старые ученые.

Впрочем, трудно было назвать учеными этих скромных и осторожных людей. Они верили в чудеса больше, чем в науку, и лекции их походили на проповедь.

В конце концов, чтобы разрешить спор, отправили научную экспедицию.

Членам экспедиции не посчастливилось встретиться с «дьяволом». Зато они узнали много нового о поступках «неизвестного лица» (старые ученые настаивали на том, чтобы слово «лица» было заменено словом «существа»).

В докладе, опубликованном в газетах, члены экспедиции писали:

«1. В некоторых местах на песчаных отмелях нами были замечены следы узких ступней человеческих ног. Следы выходили со стороны моря и вели обратно к морю. Однако такие следы мог оставить человек, подъехавший к берегу на лодке.

2. Осмотренные нами сети имеют разрезы, которые могли быть произведены острым режущим орудием. Возможно, что сети зацепились за острые подводные скалы или железные обломки затонувших судов и порвались.

3. По рассказам очевидцев, выброшенный бурей на берег, на значительное расстояние от воды, дельфин был кем-то ночью стащен в воду, причем на песке обнаружены следы ног и как бы длинных когтей. Вероятно, какой-то сердобольный рыбак оттащил дельфина в море.

Известно, что дельфины, охотясь за рыбой, помогают рыбакам тем, что загоняют ее к отмели. Рыбаки же часто выручают из беды дельфинов. Следы когтей могли быть произведены пальцами человека. Воображение придало следам вид когтей..

4. Козленок мог быть привезен на лодке и подброшен каким-нибудь шутником».

Ученые нашли и другие, не менее простые причины, чтобы объяснить происхождение следов, оставленных «дьяволом».

Ученые пришли к выводу, что ни одно морское чудовище не могло совершить столь сложных действий.

И все же эти объяснения удовлетворяли не всех. Даже среди самих ученых нашлись такие, которым

эти объяснения казались сомнительными. Как мог самый ловкий и упорный шутник проделывать такие вещи, не попадаясь так долго на глаза людей? Но главное, о чем умолчали ученые в своем докладе, заключалось в том, что «дьявол», как это было установлено, совершал свои подвиги на протяжении короткого времени в различных, расположенных далеко друг от друга местах. Или «дьявол» умел плавать с неслыханной быстротой, или у него были какие-то особенные приспособления, или же, наконец, «дьявол» был не один, а их было несколько. Но тогда все эти шутки становились еще более непонятными и угрожающими.

Педро Зурита вспоминал всю эту загадочную историю, не переставая шагать по каюте.

Он не заметил, как рассвело и в окно иллюминатора проник розовый луч. Педро погасил лампу и начал умываться.

Обливая себе голову теплой водой, он услышал испуганные крики, доносившиеся с палубы. Зурита, не кончив умываться, быстро поднялся по трапу.

Голые ловцы, с холщовой перевязью на бедрах, стояли у борта, размахивали руками и беспорядочно кричали. Педро посмотрел вниз и увидел, что лодки, оставленные на ночь на воде, отвязаны. Ночной бриз отнес их довольно далеко в открытый океан. Теперь утренним бризом их медленно несло к берегу. Весла шлюпок, разбросанные по воде, плавали по заливу.

Зурита приказал ловцам собрать лодки. Но никто не решался сойти с палубы. Зурита повторил приказ.

— Сам лезь в лапы «дьяволу», — отозвался кто-то.

Зурита взялся за кобуру револьвера. Толпа ловцов отошла и сгрудилась у мачты. Ловцы враждебно смотрели на Зуриту. Столкновение казалось неминуемым. Но тут вмешался Бальтазар.

— Арауканец не боится никого, — сказал он, — акула меня не доела, подавится и «дьявол» старыми

костями. — И, сложив руки над головой, он бросился с борта в воду и поплыл к ближайшей лодке.

Теперь ловцы подошли к борту и со страхом наблюдали за Бальтазаром. Несмотря на старость и больную ногу, он плавал отлично. В несколько взмахов индеец доплыл до лодки, выловил плавающее весло и влез в лодку.

— Веревка отрезана ножом, — крикнул он, — и хорошо отрезана! Нож был острый как бритва.

Видя, что с Бальтазаром ничего страшного не произошло, несколько рыбаков последовали его примеру.

ВЕРХОМ НА ДЕЛЬФИНЕ

Солнце только что взошло, но уже палило немилосердно. Серебристо-голубое небо было безоблачно, океан неподвижен. «Медуза» была уже на двадцать километров южнее Буэнос-Айреса. По совету Бальтазара якорь бросили в небольшой бухте, у скалистого берега, двумя уступами поднимавшегося из воды.

Лодки рассеялись по заливу. На каждой лодке, по обычаю, было два ловца: один нырял, другой вытаскивал ныряльщика. Потом они менялись ролями.

Одна лодка подошла довольно близко к берегу. Ныряльщик захватил ногами большой обломок кораллового известняка, привязанный к концу веревки, и быстро опустился на дно.

Вода была очень теплая и прозрачная, — каждый камень на дне был отчетливо виден. Ближе к берегу со дна поднимались кораллы — неподвижно застывшие кусты подводных садов. Мелкие рыбки, отливавшие золотом и серебром, шныряли между этими кустами.

Ныряльщик опустился на дно и, согнувшись, начал быстро собирать раковины и класть в привязанный к ремешку на боку мешочек. Его товарищ по работе, индеец-гурона, держал в руках конец веревки и, перегнувшись через борт лодки, смотрел в воду.

Вдруг он увидел, что ныряльщик вскочил на ноги так быстро, как только мог, взмахнул руками, ухватился за веревку и дернул ее так сильно, что едва не стянул гурона в воду. Лодка качнулась. Индеец-гурона торопливо поднял товарища и помог ему взобраться на лодку. Широко открыв рот, ныряльщик тяжело дышал, глаза его были расширены. Темно-бронзовое лицо сделалось серым, — так он побледнел.

— Акула?

Но ныряльщик ничего не мог ответить, он упал на дно лодки.

Что могло его так напугать на дне моря? Гурона нагнулся и начал всматриваться в воду. Да, там творилось что-то неладное. Маленькие рыбки, как птицы, завидевшие коршуна, спешили укрыться в густых зарослях подводных лесов.

И вдруг индеец-гурона увидел, как из-за выступавшей углом подводной скалы показалось нечто похожее на багровый дым. Дым медленно расползался во все стороны, окрашивая воду в розовый цвет. И тут же показалось что-то темное. Это было тело акулы. Оно медленно повернулось и исчезло за выступом скалы. Багровый подводный дым мог быть только кровью, разлитой на дне океана. Что произошло там? Гурона посмотрел на своего товарища, но тот неподвижно лежал на спине, ловя воздух широко раскрытым ртом и бессмысленно глядя в небо. Индеец взялся за весла и поспешил отвезти своего внезапно заболевшего товарища на борт «Медузы».

Наконец ныряльщик пришел в себя, но как будто потерял дар слова, — только мычал, качал головой и отдувался, выпячивая губы.

Бывшие на шхуне ловцы окружили ныряльщика, с нетерпением ожидая его объяснений.

— Говори! — крикнул, наконец, молодой индеец, тряхнув ныряльщика. — Говори, если не хочешь, чтобы твоя трусливая душа вылетела из тела.

Ныряльщик покрутил головой и сказал глухим голосом:

— Видал... «морского дьявола».

— *Его?*

— Да говори же, говори! — нетерпеливо кричали ловцы.

— Смотрю — акула. Акула плывет прямо на меня. Конец мне! Большая, черная, уже пасть открыла, сейчас есть меня будет. Смотрю — еще плывет...

— Другая акула?

— «Дьявол»!

— Каков же он? Голова у него есть?

— Голова? Да, кажется, есть. Глаза — по стакану.

— Если есть глаза, то должна быть голова, — уверенно заявил молодой индеец. — Глаза к чему-нибудь да приколочены. А лапы у него есть?

— Лапы, как у лягушки. Пальцы длинные, зеленые, с когтями и перепонками. Сам блестит, как рыба чешуей. Поплыл к акуле, сверкнул лапой — шарк! Кровь из брюха акулы...

— А какие у него ноги? — спросил один из ловцов.

— Ноги? — пытался вспомнить ныряльщик. — Ног совсем нет. Большой хвост есть. А на конце хвоста две змеи.

— Кого же ты больше испугался — акулы или чудовища?

— Чудовища, — без колебания ответил он. — Чудовища, хотя оно спасло мне жизнь. Это был *он*...

— Да, это был *он*.

— «Морской дьявол», — сказал индеец.

— «Морской бог», который приходит на помощь бедным, — поправил старый индеец.

Эта весть быстро разнеслась по лодкам, плававшим в заливе. Ловцы поспешили к шхуне и подняли лодки на борт.

Все обступили ныряльщика, спасенного «морским дьяволом». И он повторял, рассказывая все новые и новые подробности. Он вспомнил, что из ноздрей чудовища вылетало красное пламя, а зубы были острые и длинные, в палец величиной. Его

уши двигались, на боках были плавники, а сзади — хвост, как весло.

Педро Зурита, обнаженный по пояс, в коротких белых штанах, в туфлях на босу ногу и в высокой, широкополой соломенной шляпе на голове, шаркая туфлями, ходил по палубе, прислушиваясь к разговорам.

Чем больше увлекался рассказчик, тем более убеждался Педро, что все это выдумано ловцом, испуганным приближением акулы.

«Впрочем, может быть, и не все выдумано. Кто-то вспорол акуле брюхо: ведь вода в заливе порозовела. Индеец врет, но во всем этом есть какая-то доля правды. Странная история, черт возьми!»

Здесь размышления Зурита были прерваны звуком рога, раздавшимся вдруг из-за скалы.

Этот звук поразил экипаж «Медузы», как удар грома. Все разговоры сразу прекратились, лица побледнели. Ловцы с суеверным ужасом смотрели на скалу, откуда донесся звук трубы.

Недалеко от скалы резвилось на поверхности океана стадо дельфинов. Один дельфин отделился от стада, громко фыркнул, как бы отвечая на призывный сигнал трубы, быстро поплыл к скале и скрылся за утесами. Прошло еще несколько мгновений напряженного ожидания. Вдруг ловцы увидели, как из-за скалы показался дельфин. На его спине сидело верхом, как на лошади, странное существо — «дьявол», о котором недавно рассказывал ныряльщик. Чудовище обладало телом человека, а на его лице виднелись огромные, как старинные часы-луковицы, глаза, сверкавшие в лучах солнца подобно фонарям автомобиля, кожа отливала нежным голубым серебром, а кисти рук походили на лягушечьи — темно-зеленые, с длинными пальцами и перепонками между ними. Ноги ниже колен находились в воде. Оканчивались ли они хвостами, или это были обычные человеческие ноги — осталось неизвестным. Странное существо держало в руке длинную витую раковину. Оно еще раз протрубило в эту раковину, засмеялось веселым человеческим

смехом и вдруг крикнуло на чисто испанском языке: «Скорей, Лидинг *, вперед!» — похлопало лягушечьей рукой по лоснящейся спине дельфина и пришпорило его бока ногами. И дельфин, как хорошая лошадь, прибавил скорость.

Ловцы невольно вскрикнули.

Необычный наездник обернулся. Увидев людей, он, с быстротой ящерицы соскользнув с дельфина, скрылся за его телом. Из-за спины дельфина показалась зеленая рука, ударившая животное по спине. Послушный дельфин погрузился в воду вместе с чудовищем.

Странная пара сделала под водой полукруг и скрылась за подводной скалой...

Весь этот необычный выезд занял не более минуты, но зрители долго не могли прийти в себя от изумления.

Ловцы кричали, бегали по палубе, хватались за голову. Индейцы упали на колени и заклинали бога моря пощадить их. Молодой мексиканец от испуга влез на грот-мачту и кричал. Негры скатились в трюм и забились в угол.

О лове нечего было и думать. Педро и Бальтазар с трудом водворили порядок. «Медуза» снялась с якоря и направилась на север.

НЕУДАЧА ЗУРИТА

Капитан «Медузы» спустился к себе в каюту, чтобы обдумать происшедшее.

— Можно с ума сойти! — проговорил Зурита, выливая себе на голову кувшин теплой воды. — Морское чудовище говорит на чистейшем кастильском наречии! Что это? Чертовщина? Безумие? Но не может же безумие сразу охватить всю команду. Даже одинаковый сон не может присниться двум людям. Но мы все видели «морского черта». Это неоспоримо. Значит, он все-таки существует, как

* Лидинг — по-английски «Ведущий». *(Прим. автора.)*

это ни невероятно. — Зурита снова облил водой голову и выглянул в иллюминатор, чтобы освежиться.

— Как бы то ни было, — продолжал он, несколько успокоившись, — это чудовищное существо наделено человеческим разумом и может совершать разумные поступки. Оно, по-видимому, чувствует себя одинаково хорошо в воде и на поверхности. И оно умеет говорить по-испански — значит, с ним можно объясниться. Что, если бы... Что, если бы поймать чудовище, приручить и заставить ловить жемчуг! Одна эта жаба, способная жить в воде, может заменить целую артель ловцов. И потом какая выгода! Каждому ловцу жемчуга как-никак приходится давать четверть улова. А эта жаба ничего не стоила бы. Ведь этак можно нажить в самый короткий срок сотни тысяч, миллионы пезет!

Зурита размечтался. До сих пор он надеялся разбогатеть, искал жемчужные раковины там, где их никто не добывал. Персидский залив, западный берег Цейлона, Красное море, австралийские воды — все эти жемчужные места находятся далеко, и люди давно ищут там жемчуг. Идти в Мексиканский или Калифорнийский залив, к островам Фомы и Маргариты? Плыть к берегам Венецуэлы, где добывается лучший американский жемчуг, Зурита не мог. Для этого его шхуна была слишком ветхой, да и не хватало ловцов — словом, нужно было поставить дело на широкую ногу. А денег у Зурита не хватало. Так и оставался он у берегов Аргентины. Но теперь! Теперь он мог бы разбогатеть в один год, если бы только ему удалось поймать «морского дьявола».

Он станет самым богатым человеком Аргентины, даже, быть может, Америки. Деньги проложат ему дорогу к власти. Имя Педро Зурита будет у всех на устах. Но надо быть очень осторожным. И прежде всего сохранить тайну.

Зурита поднялся на палубу и, собрав весь экипаж вплоть до кока, сказал:

— Вы не знаете, какая участь постигла тех, кто распространял слухи о «морском дьяволе»? Их аре-

стовала полиция, и они сидят в тюрьме. Я должен предупредить вас, что то же будет с каждым из вас, если вы хоть одним словом обмолвитесь о том, что видали «морского дьявола». Вас сгноят в тюрьме. Понимаете? Поэтому, если вам дорога жизнь, — никому ни слова о «дьяволе».

«Да им все равно не поверят: все это слишком похоже на сказку», — подумал Зурита и, позвав к себе в каюту Бальтазара, посвятил его одного в свой план.

Бальтазар внимательно выслушал хозяина и, помолчав, ответил:

— Да, это хорошо. «Морской дьявол» стоит сотни ловцов. Хорошо иметь у себя на службе «дьявола». Но как поймать его?

— Сетью, — ответил Зурита.

— Он разрежет сеть, как распорол брюхо акулы.

— Мы можем заказать металлическую сеть.

— А кто будет его ловить? Нашим ныряльщикам только скажи: «дьявол», — и у них подгибаются колени. Даже за мешок золота они не согласятся.

— А ты, Бальтазар?

Индеец пожал плечами.

— Я никогда еще не охотился на «морских дьяволов». Подстеречь его, вероятно, будет не легко, убить же, если только он сделан из мяса и костей, не трудно. Но вам нужен живой «дьявол».

— Ты не боишься его, Бальтазар? Что ты думаешь о «морском дьяволе»?

— Что я могу думать о ягуаре, который летает над морем, и об акуле, которая лазает по деревьям? Неведомый зверь страшней. Но я люблю охотиться на страшного зверя.

— Я щедро вознагражу тебя. — Зурита пожал руку Бальтазару и продолжал развивать перед ним свой план: — Чем меньше будет участников в этом деле, тем лучше. Ты переговори со всеми араукáнцами. Они храбры и сметливы. Выбери человек пять, не больше. Если не согласятся наши, найди на стороне. «Дьявол» держится у берегов. Прежде

всего надо выследить, где его логово. Тогда нам легко будет захватить его в сети.

Зурита и Бальтазар быстро принялись за дело. По заказу Зурита была изготовлена проволочная мережа, напоминающая большую бочку с открытым дном. Внутри мережи Зурита натянул пеньковые сети, чтобы «дьявол» запутался в них, как в паутине. Ловцов рассчитали. Из экипажа «Медузы» Бальтазару удалось уговорить только двух индейцев племени араукана участвовать в охоте на «дьявола». Еще троих он завербовал в Буэнос-Айресе.

Выслеживать «дьявола» решили начать в том заливе, где экипаж «Медузы» впервые увидел его. Чтобы не возбудить подозрения «дьявола», шхуна бросила якорь в нескольких километрах от небольшого залива. Зурита и его спутники время от времени занимались рыбной ловлей, как будто это и было целью их плавания. В то же время трое из них по очереди, прячась за камнями на берегу, зорко следили за тем, что делается в водах залива.

Была вторая неделя на исходе, а «дьявол» не подавал о себе вести.

Бальтазар завязал знакомство с прибрежными жителями, фермерами-индейцами, дешево продавал им рыбу и, беседуя с ними о разных вещах, незаметно переводил разговор на «морского дьявола». Из этих разговоров старый индеец узнал, что место для охоты они выбрали правильно: многие индейцы, жившие вблизи залива, слышали звук рога и видели следы ног на песке. Они уверяли, что пятка у «дьявола» человеческая, но пальцы значительно удлинены. Иногда на песке индейцы замечали углубление от спины, — он лежал на берегу.

«Дьявол» не причинял вреда прибрежным жителям, и они перестали обращать внимание на следы, которые он от времени до времени оставлял, напоминая о себе. Но самого «дьявола» никто не видел.

Две недели стояла «Медуза» в заливе, занимаясь для видимости ловом рыбы. Две недели Зурита,

Бальтазар и нанятые индейцы, не спуская глаз, следили за поверхностью океана, но «морской дьявол» не появлялся. Зурита беспокоился. Он был нетерпелив и скуп. Каждый день стоил денег, а этот «дьявол» заставлял себя ждать. Педро начал уже сомневаться. Если «дьявол» существо сверхъестественное, его никакими сетями не поймать. Да и опасно связываться с таким чертом, — Зурита был суеверен. Пригласить на всякий случай на «Медузу» священника с крестом и святыми дарами? Новые расходы. Но, может быть, «морской дьявол» совсем не дьявол, а какой-нибудь шутник, хороший пловец, вырядившийся дьяволом, чтобы пугать людей? Дельфин? Но его, как всякое животное, можно приручить и выдрессировать. Уж не бросить ли всю эту затею?

Зурита объявил награду тому, кто первый заметит «дьявола», и решил подождать еще несколько дней.

К его радости, в начале третьей недели «дьявол», наконец, начал появляться.

После дневного лова Бальтазар оставил лодку, наполненную рыбой, у берега. Рано утром за рыбой должны были прийти покупатели.

Бальтазар пошел на ферму навестить знакомого индейца, а когда вернулся на берег, лодка была пуста. Бальтазар сразу решил, что это сделал «дьявол».

«Неужели он сожрал столько рыбы?» — удивился Бальтазар.

В ту же ночь один из дежурных индейцев услышал звук трубы южнее залива. Еще через два дня, рано утром, молодой арауканец сообщил, что ему, наконец, удалось выследить «дьявола». Он приплыл на дельфине. На этот раз «дьявол» не сидел верхом, а плыл рядом с дельфином, ухватившись рукой за «упряжь» — широкий кожаный ошейник. В заливе «дьявол» снял с дельфина ошейник, похлопал животное и скрылся в глубине залива, у подошвы отвесной скалы. Дельфин выплыл на поверхность и исчез.

Зурита, выслушав арауканца, поблагодарил, обещая наградить, и сказал:

— Сегодня днем «дьявол» едва ли выплывет из своего убежища. Нам надо поэтому осмотреть дно залива. Кто возьмется за это?

Но никому не хотелось опускаться на дно океана, рискуя встретиться лицом к лицу с неведомым чудовищем.

Бальтазар выступил вперед.

— Вот я! — коротко сказал он. Бальтазар был верен своему слову.

«Медуза» все еще стояла на якоре. Все, кроме вахтенных, сошли на берег и отправились к отвесной скале у залива.

Бальтазар обвязал себя веревкой, чтобы его можно было вытащить, если бы он оказался раненым, взял нож, зажал между ног камень и опустился на дно.

Арауканцы с нетерпением ожидали его возвращения, вглядываясь в пятно, мелькавшее в голубоватой мгле затененного скалами залива. Прошло сорок, пятьдесят секунд, минута, — Бальтазар не возвращался. Наконец он дернул веревку, и его подняли на поверхность. Отдышавшись, Бальтазар сказал:

— Узкий проход ведет в подземную пещеру. Там темно, как в брюхе акулы. «Морской дьявол» мог скрыться только в эту пещеру. Вокруг нее — гладкая стена.

— Отлично! — воскликнул Зурита. — Там темно — тем лучше! Мы расставим наши сети, и рыбка попадется.

Вскоре после захода солнца индейцы опустили проволочные сети на крепких веревках в воду у входа в пещеру. Концы веревок закрепили на берегу. К веревкам Бальтазар привязал колокольчики, которые должны были звонить при малейшем прикосновении к сети.

Зурита, Бальтазар и пять арауканцев уселись на берегу и стали молча ждать.

На шхуне никого не оставалось.

Темнота быстро сгущалась. Взошел месяц, и его свет отразился на поверхности океана. Было тихо. Всех охватило необычайное волнение. Быть может, сейчас они увидят странное существо, наводившее ужас на рыбаков и искателей жемчуга.

Медленно проходили ночные часы. Люди начинали дремать.

Вдруг колокольчики зазвенели. Люди вскочили, бросились к веревкам, начали поднимать сеть. Она была тяжелой. Веревки вздрагивали. Кто-то трепыхался в сети.

Вот сеть показалась на поверхности океана, а в ней при бледном свете месяца билось тело получеловека полуживотного. В лунном свете сверкали огромные глаза и серебро чешуи. «Дьявол» делал невероятные усилия, чтобы освободить руку, запутавшуюся в сети. Это удалось ему. Он вынул нож, висевший у бедра на тонком ремешке, и начал резать сеть.

— Не прорежешь, шалишь! — тихо сказал Бальтазар, увлеченный охотой.

Но, к его удивлению, нож одолел проволочную преграду. Ловкими движениями «дьявол» расширял дыру, а ловцы спешили поскорее вытянуть сеть на берег.

— Сильнее! Гоп-гоп! — уже кричал Бальтазар.

Но в тот самый момент, когда, казалось, добыча была уже в их руках, «дьявол» провалился в прорезанную дыру, упал в воду, подняв каскад сверкавших брызг, и исчез в глубине.

Ловцы в отчаянии опустили сеть.

— Хороший ножик! Проволоку режет! — с восхищением сказал Бальтазар. — Подводные кузнецы лучше наших.

Зурита, опустив голову, смотрел на воду с таким видом, как будто там потонуло все его богатство.

Потом он поднял голову, дернул пушистый ус и топнул ногой.

— Так нет же, нет! — крикнул он. — Скорее ты подохнешь в своей подводной пещере, чем я от-

ступлю. Я не пожалею денег, я выпишу водолазов, я весь залив покрою сетями и капканами, и ты не уйдешь от моих рук!

Он был смел, настойчив и упрям. Недаром в жилах Педро Зурита текла кровь испанских завоевателей. Да и было из-за чего бороться.

«Морской дьявол» оказался не сверхъестественным, не всемогущим существом. Он, очевидно, сделан из костей и мяса, как говорил Бальтазар. Значит, его можно поймать, посадить на цепочку и заставить добывать для Зурита богатство со дна океана. Бальтазар добудет его, хотя бы сам бог моря Нептун со своим трезубцем стал на защиту «морского дьявола».

ДОКТОР САЛЬВАТОР

Зурита приводил в исполнение свою угрозу. Он возвел на дне залива много проволочных заграждений, протянул во всех направлениях сети, наставил капканы. Но его жертвами пока были только рыбы, «морской дьявол» как будто провалился сквозь землю. Он больше не показывался и ничем не напоминал о себе. Напрасно прирученный дельфин каждый день появлялся в заливе, нырял и фыркал, как бы приглашая своего необычайного друга совершить прогулку. Его друг не показывался, и дельфин, сердито фыркнув в последний раз, уплыл в открытое море.

Погода испортилась. Восточный ветер раскачал гладь океана; воды залива стали мутными от песка, поднявшегося со дна. Пенистые гребни волн скрывали дно. Никто не мог разглядеть, что происходит под водой.

Зурита часами мог стоять на берегу, глядя на гряды волн. Огромные, они шли одна за другой, обрушивались шумными водопадами, а нижние слои воды с шипением катились дальше по сырому песку, ворочая гальку и раковины, подкатываясь к ногам Зурита.

— Нет, это никуда не годится, — говорил Зурита. — Надо придумать что-нибудь иное. «Дьявол» живет на дне моря и не желает выходить из своего убежища. Значит, чтобы поймать его, нужно пойти к нему — опуститься на дно. Это ясно!

И, обратившись к Бальтазару, мастерившему новый, сложный капкан, Зурита сказал:

— Отправляйся немедленно в Буэнос-Айрес и принеси оттуда два водолазных костюма с кислородными резервуарами. Обычный водолазный костюм со шлангом для нагнетания воздуха не годится. «Дьявол» может перерезать шланг. Притом, быть может, нам придется совершить небольшое подводное путешествие. Да не забудь захватить с собой электрические фонари.

— Вы желаете в гости к «дьяволу»? — спросил Бальтазар.

— С тобой, конечно, старина.

Бальтазар кивнул головой и отправился в путь. Он привез не только водолазные костюмы и фонари, но и пару длинных, замысловато искривленных бронзовых ножей.

— Теперь уже не умеют делать таких, — сказал он. — Это древние ножи арауканцев, которыми мои прадедушки вспарывали когда-то животы белым — вашим прадедушкам, не в обиду вам будь сказано.

Зурита не понравилась эта историческая справка, но ножи он одобрил.

— Ты очень предусмотрителен, Бальтазар.

На другой день, на заре, несмотря на сильную волну, Зурита и Бальтазар надели водолазные костюмы и опустились на дно моря. Не без труда распутали они стоявшие у входа в подводную пещеру сети и влезли в узкий проход. Их окружала полная темнота. Став на ноги и вынув ножи, водолазы засветили фонари. Испуганные светом мелкие рыбы метнулись в сторону, а потом приплыли к фонарю, суетясь в его голубоватом луче, как рой насекомых.

Зурита отогнал их рукой: блеском чешуи они ослепляли его. Это была довольно большая пещера, не менее четырех метров высоты и пяти-шести мет-

ров ширины. Водолазы осмотрели углы. Пещера была пуста и необитаема. Только стаи мелкой рыбы, очевидно, укрывались здесь от морского волнения и хищников.

Осторожно ступая, Зурита и Бальтазар продвинулись вперед. Пещера постепенно суживалась. Вдруг Зурита в изумлении остановился. Свет фо-

наря осветил толстую железную решетку, преграждавшую путь.

Зурита не поверил своим глазам. Он схватился рукой за железные прутья и начал дергать их, пытаясь открыть железную преграду. Но решетка не

поддавалась. Осветив ее фонарем, Зурита убедился, что решетка эта прочно вделана в обтесанные стены пещеры и имеет петли и внутренний запор.

Это была новая загадка.

«Морской дьявол» должен быть не только разумным, но и исключительно одаренным существом. Он сумел приручить дельфина, ему известна обработка металлов. Наконец, он мог создать на дне моря крепкие железные преграды, охраняющие его жилище. Но ведь это невероятно! Не мог же он ковать железо под водой. Значит, он живет не в воде или по крайней мере надолго выходит из воды на землю.

У Зурита стучало в висках, как будто в его водолазном колпаке не хватало кислорода, хотя он пробыл в воде всего несколько минут.

Зурита подал знак Бальтазару, и они вышли из подводной пещеры — больше здесь делать им было нечего — и поднялись на поверхность.

Арауканцы, с нетерпением ожидавшие их, очень обрадовались, увидев водолазов невредимыми.

Сняв колпак и отдышавшись, Зурита спросил:

— Что ты на это скажешь, Бальтазар?

Араукапец развел руками.

— Я скажу, что нам долго придется высиживать здесь. «Дьявол», наверное, питается рыбой, а рыбы там достаточно. Голодом нам его не выманить из пещеры. Взорвать решетку динамитом — только и придется.

— А не думаешь ли ты, Бальтазар, что пещера может иметь два выхода: один — с залива, а другой — с поверхности земли?

— Бальтазар об этом не подумал.

— Так надо подумать. Как это мы раньше не догадались осмотреть окрестности? — сказал Зурита.

Теперь они принялись изучать берег.

На берегу Зурита набрел на высокую стену из белого камня, опоясывавшую огромный участок земли — не менее десяти гектаров. Зурита обошел стену. Во всей стене он нашел только одни ворота,

сделанные из толстых листов железа. В воротах была маленькая железная дверь с прикрытым изнутри волчком.

«Настоящая тюрьма или крепость, — подумал Зурита. — Странно! Фермеры не строят таких толстых и высоких стен. В стене ни просвета, ни щели, через которые можно было бы заглянуть внутрь».

Кругом — безлюдная, дикая местность: голые серые скалы, поросшие кое-где колючим кустарником и кактусами. Внизу — залив.

Зурита несколько дней бродил вдоль стены, подолгу следил за железными воротами. Но ворота не раскрывались, никто не входил в них и не выходил; ни один звук не долетал из-за стены.

Вернувшись вечером на палубу «Медузы», Зурита позвал Бальтазара и спросил:

— Ты знаешь, кто живет в крепости над заливом?

— Знаю, я спрашивал уже об этом индейцев, работающих на фермах. Там живет Сальватор.

— Кто же он, этот Сальватор?

— Бог, — ответил Бальтазар.

Зурита от изумления поднял свои черные густые брови.

— Ты шутишь, Бальтазар?

Индеец едва заметно улыбнулся.

— Я говорю то, о чем слышал. Многие индейцы называют Сальватора божеством, спасителем.

— От чего же он спасает их?

— От смерти. Они говорят, что он всесилен. Сальватор может творить чудеса. Он держит в своих пальцах жизнь и смерть. Хромым он делает новые ноги, живые ноги, слепым дает зоркие, как у орла, глаза и даже воскрешает мертвых.

— Проклятие! — проворчал Зурита, подбивая пальцами снизу вверх пушистые усы. — В заливе — «морской дьявол», над заливом — «бог». Не думаешь ли ты, Бальтазар, что «дьявол» и «бог» могут помогать друг другу?

— Я думаю, что нам следовало бы убраться отсюда как можно скорее, пока еще наши мозги не

свернулись, как скисшее молоко, от всех этих чудес.

— Видел ли ты сам кого-нибудь из исцеленных Сальватором?

— Да, видел. Мне показывали человека со сломанной ногой. Побывав у Сальватора, этот человек бегает, как мустанг. Еще я видел воскрешенного Сальватором индейца. Вся деревня говорит, что этот индеец, когда его несли к Сальватору, был холодным трупом — череп расколот, мозги наружу. А от Сальватора он пришел живой и веселый. Женился после смерти. Хорошую девушку взял. И еще я видел детей индейцев...

— Значит, Сальватор принимает у себя посторонних?

— Только индейцев. И они идут к нему отовсюду: с Огненной Земли и Амазонки, из пустыни Атакамы и Асунсьона.

Получив эти сведения от Бальтазара, Зурита решил съездить в Буэнос-Айрес.

Там он узнал, что Сальватор лечит индейцев и пользуется среди них славой чудотворца. Обратившись к врачам, Зурита узнал, что Сальватор талантливый и даже гениальный хирург, но человек с большими чудачествами, как многие выдающиеся люди. Имя Сальватора было широко известно в научных кругах Старого и Нового Света. В Америке он прославился своими смелыми хирургическими операциями. Когда положение больных считалось безнадежным и врачи отказывались делать операцию, вызывали Сальватора. Он никогда не отказывался. Его смелость и находчивость были беспредельны. Во время империалистической войны он был на французском фронте, где занимался почти исключительно операциями черепа. Много тысяч человек обязаны ему своим спасением. После заключения мира он уехал к себе на родину, в Аргентину. Врачебная практика и удачные земельные спекуляции дали Сальватору огромное состояние. Он купил большой участок земли недалеко от Буэнос-Айреса, обнес его огромной стеной —

одна из его странностей — и, поселившись там, прекратил всякую практику. Он занимался только научной работой в своей лаборатории. Теперь он лечил и принимал индейцев, которые называли его богом, сошедшим на землю.

Зурита удалось узнать еще одну подробность, касающуюся жизни Сальватора. Там, где сейчас находятся обширные владения Сальватора, до войны стоял небольшой дом с садом, также обнесенный каменной стеной. Все время, пока Сальватор находился на фронте, дом этот сторожили негр и несколько огромных собак. Ни одного человека не пропускали во двор эти неподкупные сторожа.

В последнее время Сальватор окружил себя еще большей таинственностью. Он не принимает у себя даже бывших товарищей по университету.

Узнав все это, Зурита решил:

«Если Сальватор врач, он не имеет права отказаться принять больного. Почему бы мне не заболеть? Я проникну к Сальватору под видом больного, а потом будет видно».

Зурита отправился к железным воротам, охранявшим владения Сальватора, и начал стучать. Стучал долго и упорно, но ему никто не открывал. Взбешенный, Зурита взял большой камень и начал бить им в ворота, подняв шум, который мог бы разбудить мертвых.

Далеко за стеной залаяли собаки, и, наконец, волчок в двери приоткрылся.

— Что надо? — спросил кто-то на ломаном испанском языке.

— Больной, отоприте скорей, — ответил Зурита.

— Больные так не стучат, — спокойно возразил тот же голос, и в волчке показался чей-то глаз. — Доктор не принимает.

— Он не смеет отказать в помощи больному, — горячился Зурита.

Волчок закрылся, шаги удалились. Только собаки продолжали отчаянно лаять.

Зурита, истощив весь запас ругательств, вернулся на шхуну.

Жаловаться на Сальватора в Буэнос-Айрес? Но это ни к чему не приведет. Зурита трясло от гнева. Его пушистым черным усам угрожала серьезная опасность, так как в волнении он поминутно дергал их, и они опустились вниз, как стрелка барометра, показывающая низкое давление.

Понемногу он успокоился и начал обдумывать, что ему предпринять дальше.

По мере того как он думал, его коричневые от загара пальцы все чаще взбивали растрепанные усы кверху. Барометр поднимался.

Наконец он взошел на палубу и неожиданно для всех отдал приказ сниматься с якоря.

«Медуза» отправилась в Буэнос-Айрес.

— Хорошо, — сказал Бальтазар. — Сколько времени напрасно потрачено! Пусть черт поберет этого «дьявола» вместе с «богом»!

БОЛЬНАЯ ВНУЧКА

Солнце палило немилосердно. По пыльной дороге вдоль тучных полей пшеницы, кукурузы и овса шел старый, изможденный индеец. Одежда его была изорвана. На руках он нес больного ребенка, прикрытого от лучей солнца стареньким одеяльцем. Глаза ребенка были полузакрыты. На шее виднелась огромная опухоль. Время от времени, когда старик оступался, ребенок хрипло стонал и приоткрывал веки. Старик останавливался, заботливо дул в лицо ребенка, чтобы освежить его.

— Только бы донести живым! — прошептал старик, ускоряя шаги.

Подойдя к железным воротам, индеец переложил ребенка на левую руку и ударил правой в железную дверь четыре раза. Волчок в калитке приоткрылся, чей-то глаз мелькнул в отверстии, заскрипели засовы, и калитка открылась.

Индеец робко переступил порог. Перед ним стоял одетый в белый халат старый негр с совершенно белыми курчавыми волосами.

— К доктору, ребенок больной, — сказал индеец.

Негр молча кивнул головой, запер дверь и знаком пригласил следовать за собой.

Индеец осмотрелся. Они находились на небольшом дворе, вымощенном широкими каменными плитами. Этот двор был обнесен с одной стороны высокой наружной стеною, а с другой — стеною пониже, отгораживавшей двор от внутренней части усадьбы. Ни травы, ни кустика зелени — настоящий тюремный двор. В углу двора, у ворот второй стены, стоял белый дом с большими, широкими окнами. Возле дома на земле расположились индейцы — мужчины и женщины. Многие были с детьми.

Почти все дети выглядели совершенно здоровыми. Одни из них играли ракушками в «чет и нечет», другие беззвучно боролись, — старый негр с белыми волосами строго следил за тем, чтобы дети не шумели.

Старый индеец покорно опустился на землю в тени дома и начал дуть в неподвижное, посиневшее лицо ребенка. Возле индейца сидела старая индианка с опухшей ногой. Она посмотрела на ребенка, лежавшего на коленях индейца, спросила:

— Дочь?

— Внучка, — ответил индеец.

Покачав головой, старуха сказала:

— Болотный дух вошел в твою внучку. Но *он* сильнее злых духов. *Он* изгонит болотного духа, и твоя внучка будет здорова.

Индеец утвердительно кивнул головой.

Негр в белом халате обошел больных, посмотрел на ребенка индейца и указал на дверь дома.

Индеец вошел в большую комнату с полом из каменных плит. Посреди комнаты стоял узкий длинный стол, покрытый белой простыней. Открылась вторая дверь, с матовыми стеклами, и в комнату вошел доктор Сальватор, в белом халате, высокий, широкоплечий, смуглый. Кроме черных бровей и ресниц, на голове Сальватора не было ни одного волоска. По-видимому, он брил голову посто-

янно, так как кожа на голове загорела так же сильно, как и на лице. Довольно большой нос с горбинкой, несколько выдающийся, острый подбородок и плотно сжатые губы придавали лицу жестокое и даже хищное выражение. Карие глаза смотрели холодно. Под этим взглядом индейцу стало не по себе.

Индеец низко поклонился и протянул ребенка. Сальватор быстрым, уверенным и в то же время осторожным движением взял больную девочку из рук индейца, развернул тряпки, в которые был завернут ребенок, и бросил их в угол комнаты, ловко попав в стоявший там ящик. Индеец заковылял к ящику, желая взять оттуда лохмотья, но Сальватор строго остановил его:

— Оставь, не трогай!

Затем положил девочку на стол и наклонился над нею. Он стал в профиль к индейцу. И индейцу вдруг показалось, что это не доктор, а кондор наклонился над маленькой птичкой. Сальватор начал прощупывать пальцами опухоль на горле ребенка. Эти пальцы также поразили индейца. Это были длинные, необычайно подвижные пальцы. Казалось, они могли сгибаться в суставах не только вниз, но и вбок и даже вверх. Далеко не робкий индеец старался не поддаться тому страху, который внушал ему этот непонятный человек.

— Прекрасно. Великолепно, — говорил Сальватор, как будто любуясь опухолью и ощупывая ее пальцами.

Окончив осмотр, Сальватор повернул лицо к индейцу и сказал:

— Сейчас новолуние. Приходи через месяц, в следующее новолуние, и ты получишь свою девочку здоровой.

Он унес ребенка за стеклянную дверь, где находились ванная, операционная и палаты для больных.

А негр уже вводил в приемную комнату новую пациентку — старуху с больной ногой.

Индеец низко поклонился стеклянной двери, закрывшейся за Сальватором, и вышел.

Ровно через двадцать восемь дней открылась та же стеклянная дверь.

В дверях стояла девочка в новом платьице, здоровая, румяная. Она пугливо глядела на дедушку. Индеец бросился к ней, схватил на руки, расцеловал, осмотрел горло. От опухоли не осталось следа. Только небольшой, едва заметный красноватый шрам напоминал об операции.

Девочка отталкивала дедушку руками и даже вскрикнула, когда он, поцеловав, уколол ее давно не бритым подбородком. Пришлось спустить ее с рук на пол. Следом за девочкой вошел Сальватор. Теперь доктор даже улыбнулся и, потрепав головку девочки, сказал:

— Ну, получай свою девочку. Ты вовремя принес ее. Еще несколько часов, и даже я не в силах был бы вернуть ей жизнь.

Лицо старого индейца покрылось морщинами, губы задергались, из глаз полились слезы. Он вновь приподнял девочку, прижал ее к груди, упал на колени перед Сальватором и прерывающимся от слез голосом сказал:

— Вы спасли жизнь моей внучки. Что может предложить вам в награду бедный индеец, кроме своей жизни?

— На что мне твоя жизнь? — удивился Сальватор.

— Я стар, но еще силен, — продолжал индеец, не поднимаясь с пола. — Я отнесу внучку к матери — моей дочери — и вернусь к вам. Я хочу отдать вам весь свой остаток жизни за то добро, которое вы мне сделали. Я буду служить вам, как собака. Прошу вас, не откажите мне в этой милости.

Сальватор задумался.

Он очень неохотно и осторожно брал новых слуг. Хотя работа нашлась бы. Да и немало работы, — Джим не справляется в саду. Этот индеец кажется человеком подходящим, хотя доктор предпочел бы негра.

— Ты даришь мне жизнь и просишь, как о милости, принять твой подарок. Хорошо. Будь по-твоему. Когда ты можешь прийти?

— Еще не окончится первая четверть луны, как я буду здесь, — сказал индеец, целуя край халата Сальватора.

— Как твое имя?

— Мое?.. Кристо — Христофор.

— Иди Кристо. Я буду ждать тебя.

— Пойдем, внучка! — обратился Кристо к девочке и снова подхватил ее на руки.

Девочка заплакала. Кристо поспешил уйти.

ЧУДЕСНЫЙ САД

Когда Кристо явился через неделю, доктор Сальватор сосредоточенно посмотрел ему в глаза и сказал:

— Слушай внимательно, Кристо. Я беру тебя на службу. Ты будешь получать готовый стол и хорошее жалованье...

Кристо замахал руками.

— Мне ничего не надо, только бы служить у вас.

— Молчи и слушай, — продолжал Сальватор. — У тебя будет все. Но я буду требовать одного: ты должен молчать обо всем, что увидишь здесь.

— Скорее я отрежу свой язык и брошу его собакам, чем скажу хоть одно слово.

— Смотри же, чтобы с тобой не случилось такого несчастья, — предупредил Сальватор. И, вызвав негра в белом халате, доктор приказал: — Проводи его в сад и сдай его в руки Джиму.

Негр молча поклонился, вывел индейца из белого дома, провел через знакомый уже Кристо двор и постучал в железную калитку второй стены.

Из-за стены послышался лай собак, калитка скрипнула и медленно открылась. Негр втолкнул Кристо через калитку в сад, что-то гортанно

крикнул другому негру, стоявшему за калиткой, и ушел.

Кристо в испуге прижался к стене: с лаем, похожим на рев, к нему бежали неведомые звери красновато-желтого цвета, с темными пятнами. Если бы Кристо встретился с ними в пампасах, он сразу признал бы в них ягуаров. Но бежавшие к нему звери лаяли по-собачьи. Сейчас Кристо было безразлично, какие животные нападают на него. Он бросился к соседнему дереву и начал взбираться по ветвям с неожиданной быстротой. Негр зашипел на собак, как рассерженная кобра. Это сразу успокоило собак. Они перестали лаять, легли на землю и положили головы на вытянутые лапы, искоса поглядывая на негра.

Негр опять зашипел, на этот раз обращаясь к Кристо, сидевшему на дереве, и замахал руками, приглашая индейца слезть.

— Что ты шипишь, как змея? — сказал Кристо, не оставляя своего убежища. — Язык проглотил?

Негр только сердито замычал.

«Наверно, он немой», — подумал Кристо и вспомнил предупреждение Сальватора. Неужели Сальватор отрезает языки у слуг, которые выдают его тайны? Быть может, и у этого негра вырезан язык... И Кристо сделалось вдруг так страшно, что он едва не упал с дерева. Ему захотелось бежать отсюда во что бы то ни стало и как можно скорее. Он прикинул в уме, далеко ли от дерева, на котором он сидел, до стены. Нет, не перепрыгнуть... Но негр подошел к дереву и, ухватив индейца за ногу, нетерпеливо тащил его вниз. Пришлось покориться. Кристо спрыгнул с дерева, улыбнулся как только мог любезно, протянул руку и дружески спросил:

— Джим?

Негр кивнул головой.

Кристо крепко пожал руку негра. «Уж если попал в ад, надо быть в ладу с дьяволами», — подумал он и продолжал вслух:

— Ты немой?

Негр не ответил.

— Языка нет?

Негр молчал по-прежнему.

«Как бы ему заглянуть в рот?» — подумал Кристо. Но Джим, видимо, не намеревался вступать даже в мимический разговор. Он взял Кристо за руку, подвел к красно-рыжим зверям и что-то прошипел им. Звери поднялись, подошли к Кристо,

обнюхали его и спокойно отошли. У Кристо немного отлегло от сердца.

Махнув рукой, Джим повел Кристо осматривать сад.

После унылого двора, мощенного камнями, сад поражал обилием зелени и цветов. Сад простирался

на восток, постепенно понижаясь по направлению к берегу моря. Дорожки, посыпанные красноватыми измельченными раковинами, разбегались в разные стороны. Возле дорожек росли причудливые кактусы и голубовато-зеленые сочные агавы *, метелки со множеством желтовато-зеленых цветов. Целые рощи персиковых и оливковых деревьев прикрывали своею тенью густую траву с пестры-

ми, яркими цветами. Среди зелени травы сверкали водоемы, выложенные по краям белыми камнями. Высокие фонтаны освежали воздух.

* Агава — растение с сочными, мясистыми листьями. Из его волокон делают ткани, из сока приготовляют «пульке», любимый напиток местных жителей. *(Прим. автора.)*

Сад был наполнен разноголосыми криками, пением и щебетанием птиц, ревом, писком и визгом животных. Никогда еще Кристо не приходилось видеть столь необычных животных. В этому саду жили невиданные звери.

Вот, блестя медно-зеленой чешуей, перебежала дорогу шестиногая ящерица. С дерева свисала змея с двумя головами. Кристо в испуге отпрыгнул в сторону от двухголового пресмыкающегося, зашипевшего на него двумя красными ртами. Негр ответил ему более громким шипением, и змея, помахав в воздухе головами, упала с дерева и скрылась в густых зарослях тростника. Еще одна длинная змея уползла с дорожки, цепляясь двумя лапами. За проволочной сеткой хрюкал поросенок. Он уставился на Кристо единственным большим глазом, сидевшим посреди лба.

Две белые крысы, сросшиеся боками, бежали по розовой дорожке, как двухголовое и восьминогое чудовище. Иногда это двуединое существо начинало бороться само с собою: правая крыса тянула вправо, левая — влево, и обе недовольно попискивали. Но побеждала всегда правая. Рядом с дорожкой паслись сращенные боками «сиамские близнецы» — две тонкорунные овцы. Они не ссорились, как крысы. Между ними, видимо, уже давно установилось полное единство воли и желаний. Один уродец особенно поразил Кристо: большая, совершенно голая розовая собака. А на ее спине, словно вылезшая из собачьего тела, виднелась маленькая обезьянка — ее грудь, руки, голова. Собака подошла к Кристо и махнула хвостом. Обезьянка вертела головой, размахивала руками, похлопывала ладонями спину собаки, с которой она составляла одно целое, и кричала, глядя на Кристо. Индеец опустил руку в карман, вынул кусок сахару и протянул обезьянке. Но кто-то быстро отвел руку Кристо в сторону. За его спиной послышалось шипение. Кристо оглянулся — Джим. Старый негр жестами и мимикой объяснял Кристо, что обезьянку нельзя кормить. И тотчас же воробей с головой

маленького попугая вырвал на лету кусок сахару из пальцев Кристо и скрылся за кустом. Вдали на лужайке промычала лошадь с коровьей головой.

Две ламы промчались по поляне, помахивая лошадиными хвостами. Из травы, из зарослей кустарников, с ветвей деревьев глядели на Кристо необычные гады, звери и птицы: собаки с кошачьими головами, гуси с петушиными головами, рогатые кабаны, страусы-нанду с клювами орлов, бараны с телом пумы...

Кристо казалось, что он бредит. Он протирал глаза, смачивал голову холодной водой фонтанов, но ничто не помогало. В водоемах он видел змей с рыбьей головой и жабрами, рыб с лягушечьими лапами, огромных жаб с телом длинным, как у ящерицы...

И Кристо снова захотелось бежать отсюда.

Но вот Джим вывел Кристо на широкую площадку, усыпанную песком. Посреди площадки, окруженная пальмами, стояла вилла из белого мрамора, выстроенная в мавританском стиле. Сквозь пальмовые стволы виднелись арки и колонны. Медные фонтаны в виде дельфинов выбрасывали каскады воды в прозрачные водоемы с резвящимися в них золотыми рыбками. Самый большой фонтан перед главным входом изображал юношу, сидящего на дельфине подобно мифическому Тритону*, с витым рогом у рта.

За виллой находилось несколько жилых построек и служб, а дальше шли густые заросли колючих кактусов, доходившие до белой стены.

«Опять стена!» — подумал Кристо.

Джим ввел индейца в небольшую прохладную комнату. Жестами он объяснил, что эта комната предоставляется ему, и удалился, оставив Кристо одного.

---

* Тритон — по греческой мифологии, бог морской волны. Трубя в морскую раковину, он вызывал или прекращал волнение моря. Часто изображался сидящим на дельфине. *(Прим. автора.)*

ТРЕТЬЯ СТЕНА

Понемногу Кристо привык к тому необычайному миру, который окружал его. Все звери, птицы и гады, наполнявшие сад, были хорошо приручены. С некоторыми из них у Кристо завязалась даже дружба. Собаки со шкурой ягуара, так напугавшие его в первый день, ходили за ним по пятам, лизали руки, ласкались. Ламы брали хлеб из рук. Попугаи слетали на его плечо.

За садом и зверями ухаживали двенадцать негров, таких же молчаливых или немых, как Джим. Кристо никогда не слышал, чтобы они разговаривали даже друг с другом. Каждый молча делал свою работу. Джим был чем-то вроде управляющего. Он наблюдал за неграми и распределял их обязанности. А Кристо, к его собственному удивлению, был назначен помощником Джима. Работы у Кристо было не так уж много, кормили его хорошо. Он не мог жаловаться на свою жизнь. Одно его беспокоило — это зловещее молчание негров. Он был уверен, что Сальватор отрезал всем им языки. И когда Сальватор изредка вызывал Кристо к себе, индеец всякий раз думал: «Язык резать». Но вскоре Кристо стал меньше бояться за свой язык.

Однажды Кристо увидел Джима, спящего в тени оливковых деревьев. Негр лежал на спине, раскрыв рот. Кристо воспользовался этим, осторожно заглянул внутрь рта спящего и убедился, что язык старого негра находится на месте. Тогда индеец немного успокоился.

Сальватор строго распределял свой день. От семи до девяти утра доктор принимал больных индейцев, с девяти до одиннадцати оперировал, а затем уходил к себе в виллу и занимался там в лаборатории. Он оперировал животных, а потом долго изучал их. Когда же кончались его наблюдения, Сальватор отправлял этих животных в сад. Кристо, убирая иногда в доме, проникал и в лабораторию. Все, что он видел там, поражало его. Там в стеклянных банках, наполненных какими-то растворами, пуль-

сировали разные органы. Отрезанные руки и ноги продолжали жить. И когда эти живые, отделенные от тела части начинали болеть, то Сальватор лечил их, восстанавливая угасавшую жизнь.

На Кристо все это нагоняло ужас. Он предпочитал находиться среди живых уродов в саду.

Несмотря на то доверие, которое Сальватор оказывал индейцу, Кристо не смел проникнуть за третью стену. А это его очень интересовало. Както в полдень, когда все отдыхали, Кристо подбежал к высокой стене. Из-за стены он услышал детские голоса — он различал индейские слова. Но иногда к детским голосам присоединялись чьи-то еще более тонкие, визжащие голоса, как будто спорившие с детьми и говорившие на каком-то непонятном наречии.

Однажды, встретив Кристо в саду, Сальватор подошел к нему и, по обычаю глядя прямо в глаза, сказал:

— Ты уже месяц работаешь у меня, Кристо, и я доволен тобой. В нижнем саду заболел один из моих слуг. Ты заменишь его. Ты увидишь там много нового. Но помни наш уговор: крепко держи язык за зубами, если не хочешь потерять его.

— Я уже почти разучился говорить среди ваших немых слуг, доктор, — ответил Кристо.

— Тем лучше. Молчание — золото. Если ты будешь молчать, ты получишь много золотых песо. Я надеюсь через две недели поставить на ноги моего больного слугу. Кстати, ты хорошо знаешь Анды?

— Я родился в горах.

— Прекрасно. Мне нужно будет пополнить мой зверинец новыми животными и птицами. Я возьму тебя с собой. А теперь иди. Джим проводит тебя в нижний сад.

Ко многому уже привык Кристо. Но то, что он увидел в нижнем саду, превосходило его ожидания.

На большом, освещенном солнцем лугу резвились голые дети и обезьяны. Это были дети разных

индейских племен. Среди них были и совсем маленькие — не более трех лет, старшим было лет двенадцать. Эти дети были пациентами Сальватора. Многие из них перенесли серьезные операции и были обязаны Сальватору своей жизнью. Выздоравливающие дети играли, бегали в саду, а потом, когда силы их возвращались, родители брали их домой.

Кроме детей, здесь жили обезьяны. Бесхвостые обезьяны. Обезьяны без клочка шерсти на теле.

Самое удивительное — все обезьяны, одни лучше, другие хуже, умели говорить. Они спорили с детьми, бранились, визжали тонкими голосами. Но все же обезьяны мирно уживались с детьми и ссорились с ними не больше, чем дети между собой.

Кристо подчас не мог решить, настоящие ли это обезьяны или люди.

Когда Кристо ознакомился с садом, он заметил, что этот сад меньше, чем верхний, и еще круче спускается к заливу, упираясь в отвесную, как стена, скалу.

Море находилось, вероятно, недалеко за этой стеной. Из-за стены долетал гул морского прибоя.

Обследовав через несколько дней эту скалу, Кристо убедился, что она искусственная. В густых зарослях глициний Кристо обнаружил серую железную дверь, выкрашенную под цвет скал, совершенно сливавшуюся с ними.

Кристо прислушался. Ни один звук, кроме прибоя, не долетал из-за скалы. Куда вела эта узкая дверь? На берег моря?

Вдруг послышался возбужденный детский крик. Дети смотрели на небо. Кристо поднял голову и увидел небольшой красный детский шар, медленно летевший через сад. Ветер относил шар в сторону моря.

Обычный детский шар, пролетавший над садом, очень взволновал Кристо. Он стал беспокоиться. И как только выздоровевший слуга вернулся, Кристо отправился к Сальватору и сказал ему:

— Доктор! Скоро мы едем в Анды, быть может,

надолго. Разрешите мне повидаться с дочерью и внучкой.

Сальватор не любил, когда его слуги уходили со двора, и предпочитал иметь одиноких. Кристо молчаливо ждал, глядя в глаза Сальватора.

Сальватор, холодно посмотрев на Кристо, напомнил ему:

— Помни наш уговор. Береги язык! Возвращайся не позже как через три дня. Подожди!

Сальватор удалился в другую комнату и вынес оттуда замшевый мешочек, в котором позванивали золотые пезо.

— Вот твоей внучке. И тебе за молчание.

НАПАДЕНИЕ

— Если он не придет и сегодня, я откажусь от твоей помощи, Бальтазар, и приглашу более ловких и надежных людей, — говорил Зурита, нетерпеливо подергивая пушистые усы.

Теперь Зурита был одет в белый городской костюм и шляпу-панаму. Он встретился с Бальтазаром в окрестностях Буэнос-Айреса, там, где кончаются обработанные поля и начинаются пампасы.

Бальтазар в белой блузе и синих полосатых штанах сидел у дороги и молчал, смущенно пощипывая выжженную солнцем траву.

Он сам начинал раскаиваться, что послал своего брата Кристо шпионом к Сальватору.

Кристо был на десять лет старше Бальтазара. Несмотря на свои годы, Кристо оставался сильным и ловким человеком. Он был хитер, как кошка пампасов. И все же он был ненадежным человеком. Он пробовал заниматься сельским хозяйством, — это показалось ему скучным. Потом держал кабачок в порту, но, пристрастившись к вину, скоро разорился. Последние годы Кристо занимался самыми темными делами, пуская в ход свою необычайную хитрость, а подчас и вероломство. Такой человек был подходящим шпионом, но верить ему нельзя

было. Если ему было выгодно, он мог предать даже родного брата. Бальтазар знал это и потому беспокоился не меньше Зурита.

— Ты уверен, что Кристо видел пущенный тобою воздушный шар?

Бальтазар неопределенно пожал плечами. Ему хотелось скорее бросить эту затею, пойти домой, промочить горло холодной водой с вином и лечь пораньше спать.

Последние лучи заходящего солнца осветили клубы пыли, поднявшиеся из-за бугра. В то же время послышался резкий протяжный свист.

Бальтазар встрепенулся.

— Это он!

— Наконец-то!

Кристо бодрой походкой приближался к ним. Он уже не был похож на изможденного старого индейца. Еще раз лихо свистнув, Кристо подошел и поздоровался с Бальтазаром и Зурита.

— Ну что, познакомился ты с «морским дьяволом»? — спросил его Зурита.

— Еще нет, но он там. Сальватор хранит «дьявола» за четырьмя стенами. Главное сделано: я служу у Сальватора, и он верит мне. С больной внучкой очень хорошо у меня вышло. — Кристо засмеялся, сощурив свои хитрые глаза. — Она едва не испортила дело, когда выздоровела. Я ее обнимаю, целую, как и следует любящему деду, а она, дурочка, брыкаться и чуть не в слезы. — Кристо снова засмеялся.

— Где ты добыл свою внучку? — спросил Зурита.

— Деньги не найдешь, девчонок легко найти,— ответил Кристо. — Мать ребенка довольна. Я получил от нее пять бумажных песо, а она получила здоровую девочку.

О том, что он получил увесистый мешочек золотых песо от Сальватора, Кристо умолчал. Конечно, он и не думал отдавать деньги матери девочки.

— Чудеса у Сальватора. Настоящий зверинец.—

И Кристо начал рассказывать обо всем, что он видел.

— Все это очень интересно, — сказал Зурита, закуривая сигару, — но ты не видел самого главного: «дьявола». Что ты думаешь делать дальше, Кристо?

— Дальше? Предпринять небольшую прогулку в Анды. — И Кристо рассказал, что Сальватор собирается на охоту за зверями.

— Отлично! — воскликнул Зурита. — Участок Сальватора находится вдали от остальных поселений. В его отсутствие мы нападем на владения Сальватора и похитим «морского дьявола».

Кристо отрицательно покачал головой.

— Ягуары оторвут вам голову, и вы не сможете найти «дьявола». И с головой не найдете его, если я его не нашел.

— Тогда вот что, — подумав, сказал Зурита, — мы устроим засаду, когда Сальватор отправится на охоту; захватим его в плен и потребуем выкуп — «морского дьявола».

Кристо ловким движением вынул из бокового кармана Зурита торчавшую сигару.

— Благодарю вас. Засада — это лучше. Но Сальватор обманет: пообещает выкуп и не даст. Эти испанцы... — Кристо закашлялся.

— Но что же ты предлагаешь? — уже с раздражением спросил Зурита.

— Терпение, Зурита. Сальватор верит мне, но только до четвертой стены. Надо, чтобы доктор поверил мне, как самому себе, и тогда он покажет мне «дьявола».

— Ну?

— Ну, и вот. На Сальватора нападут бандиты,— и Кристо ткнул пальцем в грудь Зурита, — а я,— он ударил себя в грудь, — честный арауканец, спасу ему жизнь. Тогда для Кристо не останется тайны в доме Сальватора. («И кошелек мой пополнится золотыми пезо», — докончил он про себя.)

— Что же, это неплохо.

И они условились, по какой дороге Кристо повезет Сальватора.

— Накануне того дня, когда мы выедем, я брошу через забор красный камень. Будьте готовы.

Несмотря на то, что план нападения обдумали очень тщательно, одно непредвиденное обстоятельство едва не испортило дело.

Зурита, Бальтазар и десять головорезов, навербованных в порту, одетые в костюмы гаучо * и хорошо вооруженные, верхом на лошадях поджидали свою жертву вдали от жилья.

Стояла темная ночь. Всадники вслушивались, ожидая услышать топот лошадиных копыт.

Но Кристо не знал, что Сальватор отправляется на охоту не так, как это делалось несколько лет тому назад.

Бандиты неожиданно услышали быстро приближавшийся шум мотора. Из-за пригорка ослепительно сверкнули огни фар. Огромный черный автомобиль промчался мимо всадников, прежде чем они успели сообразить, что произошло.

Зурита отчаянно бранился. Бальтазара это рассмешило.

— Не огорчайтесь, Педро, — сказал индеец. — Днем жарко, они едут ночью, — у Сальватора два солнца на машине. Днем они будут отдыхать. Мы можем нагнать их на привале. — И, пришпорив лошадь, Бальтазар поскакал следом за автомобилем.

За ним двинулись другие.

Проехав часа два, всадники неожиданно заметили вдали костер.

— Это они. У них что-нибудь случилось. Стойте, я проберусь ползком и узнаю. Ждите меня.

И, соскочив с лошади, Бальтазар пополз, как уж.

Через час он вернулся.

— Машина не везет. Испортилась. Они чинят ее. Кристо стоит на часах. Надо спешить.

---

* Гаучо — полудикие пастушеские племена, живущие в пампасах, метисы с преобладанием индейской крови. Прекрасные наездники. *(Прим. автора.)*

Все остальное свершилось очень быстро. Бандиты напали. И не успел Сальватор опомниться, как ему, Кристо и трем неграм связали руки и ноги.

Один из наемных бандитов, главарь шайки, — Зурита предпочитал держаться в тени, — потребовал от Сальватора довольно большую сумму выкупа.

— Я уплачу, освободите меня, — ответил Сальватор.

— Это за тебя. Но столько же ты должен уплатить за троих спутников! — нашелся бандит.

— Сразу такой суммы я не могу дать, — ответил Сальватор, подумав.

— Тогда смерть ему! — закричали бандиты.

— Если не согласишься на наши условия, на рассвете мы убьем тебя, — сказал бандит.

Сальватор пожал плечами и ответил:

— Такой суммы у меня нет на руках.

Спокойствие Сальватора поразило даже бандита.

Бросив связанных позади автомобиля, бандиты принялись шарить и нашли запасы спирта для коллекций. Они выпили спирт и, пьяные, свалились на землю.

Незадолго до рассвета кто-то осторожно подполз к Сальватору.

— Это я, — тихо сказал Кристо. — Мне удалось развязать ремни. Я подкрался к бандиту с ружьем и убил его. Остальные пьяны. Шофер исправил машину. Надо спешить.

Все быстро уселись в автомобиль, негр-шофер пустил мотор, машина рванулась и помчалась по дороге.

Сзади послышались крики и беспорядочная стрельба.

Сальватор крепко пожал руку Кристо.

Только после отъезда Сальватора Зурита узнал от своих бандитов, что Сальватор соглашался дать выкуп. «Не проще ли было, — думал Зурита, — получить выкуп, чем пытаться похитить «морского дьявола», который неизвестно еще, что собой представляет?» Но случай был упущен, оставалось ожидать вестей от Кристо.

Кристо надеялся, что Сальватор подойдет к нему и скажет: «Кристо, ты спас мне жизнь. Теперь для тебя нет тайн в моих владениях. Идем, я покажу тебе морского дьявола».

Но Сальватор не собирался этого делать. Он щедро наградил Кристо за спасение и углубился в свои научные работы.

Не теряя времени, Кристо стал изучать четвертую стену и потайную дверь. Она долго не давалась, но в конце концов Кристо удалось открыть секрет. Однажды, ощупывая эту дверь, он нажал небольшую выпуклость. Вдруг дверь подалась и открылась. Она оказалась тяжелой и толстой, как дверь несгораемого шкафа. Кристо быстро проскользнул за дверь, которая сразу захлопнулась за ним. Это несколько озадачило его. Он осматривал дверь, нажимал на выступы, но дверь не открывалась.

— Я сам себя запер в ловушку, — проворчал Кристо.

Но делать было нечего. Оставалось осмотреть этот последний, неведомый сад Сальватора.

Кристо очутился в густо заросшем саду. Весь сад представлял собой небольшую котловину, со всех сторон окруженную высокой стеной из искусственно сложенных скал. Слышался не только прибой волн, но и шуршанье гальки по песчаной отмели.

Тут были деревья и кустарники, которые обыкновенно растут на влажной почве. Среди больших тенистых деревьев, хорошо защищавших от лучей солнца, струилось много ручьев. Десятки фонтанов разбрасывали брызги воды, увлажняя воздух. Было сыро, как на низменных берегах Миссисипи. Посреди сада стоял небольшой каменный дом с плоской крышей. Его стены были сплошь покрыты плющом. Зеленые жалюзи на окнах были спущены. Дом казался необитаемым.

Кристо дошел до конца сада. У стены, отделявшей усадьбу от залива, находился огромный квадратный бассейн, густо обсаженный деревьями, занимав-

ший площадь не менее пятисот квадратных метров и глубиной не меньше пяти метров.

При приближении Кристо какое-то существо испуганно выбежало из зарослей и бросилось в бассейн, подняв тучи брызг. Кристо остановился в волнении. Он! «Морской дьявол». Наконец-то Кристо увидит его.

Индеец подошел к водоему, заглянул в прозрачную воду.

На дне бассейна, на белых каменных плитах, сидела большая обезьяна. С испугом и любопытством она глядела из-под воды на Кристо. Кристо не мог прийти в себя от удивления: обезьяна дышала под водой. Бока ее то опускались, то поднимались.

Оправившись от изумления, Кристо невольно рассмеялся: «морской дьявол», наводивший ужас на рыбаков, оказался земноводной обезьяной. «Чего только не бывает на свете», — подумал старый индеец.

Кристо был доволен: наконец ему удалось выведать все. Но теперь он был разочарован. Обезьяна совсем не напоминала то чудовище, о котором рассказывали очевидцы. Чего не сделают страх и воображение!

Но надо было подумать о возвращении. Кристо вернулся назад, к двери, влез на высокое дерево у забора и, рискуя сломать себе ноги, спрыгнул с высокой стены.

Едва он встал на ноги, как услышал голос Сальватора:

— Кристо! Где же ты?

Кристо схватил лежавшие на дорожке грабли и начал сгребать сухие листья.

— Я здесь.

— Идем, Кристо, — сказал Сальватор, подходя к замаскированной железной двери в скале. — Смотри, эта дверь открывается вот так. — И Сальватор нажал уже известную Кристо выпуклость на шероховатой поверхности двери.

«Доктор опоздал — я уже видел «дьявола», — подумал Кристо.

Сальватор и Кристо вошли в сад. Минуя домик, увитый плющом, Сальватор направился к бассейну. Обезьяна еще сидела в воде, пуская пузыри.

Кристо удивленно вскрикнул, как будто увидел ее впервые. Но вслед за этим ему пришлось по-настоящему удивиться.

Сальватор не обратил на обезьяну никакого внимания. Он только махнул на нее рукой, как будто она мешала ему. Обезьяна тотчас выплыла, выбралась из бассейна, отряхнулась и влезла на дерево. Сальватор наклонился, ощупал траву и сильно нажал небольшую зеленую пластину. Послышался глухой шум. В полу по краям бассейна открылись люки. Через несколько минут бассейн был пуст. Люки захлопнулись. Откуда-то сбоку выдвинулась железная лесенка, ведущая на дно бассейна.

— Идем, Кристо.

Они опустились в бассейн. Сальватор ступил на одну плиту, и тотчас открылся новый люк — посреди бассейна, шириною в квадратный метр. Железные ступени уходили куда-то под землю.

Кристо последовал за Сальватором в это подземелье. Они шли довольно долго. Сверху через люк проникал только рассеянный свет. Но скоро он исчез. Их окружил полный мрак. Шаги глухо отдавались в этом подземном коридоре.

— Не оступись, Кристо, сейчас мы придем.

Сальватор остановился, шаря по стене рукой. Щелкнул выключатель, и яркий свет разлился вокруг. Они стояли в сталактитовой пещере, перед бронзовой дверью со львиными мордами, держащими кольца в зубах. Сальватор дернул за одно кольцо. Тяжелая дверь плавно открылась, и путники вошли в темную залу. Снова щелкнул выключатель. Матовый шар осветил обширную пещеру, одна стена которой была стеклянная. Сальватор переключил свет: пещера погрузилась во мрак, а сильные прожекторы осветили пространство за стеклянной стеной. Это был огромный аквариум — вернее, стеклянный дом, на дне моря. С земли поднимались водоросли и кусты кораллов, среди них резвились рыбы. И вдруг

Кристо увидел выходившее из зарослей человекообразное существо с большими выпуклыми глазами и лягушечьими лапами. Тело неизвестного сверкало синевато-серебристой чешуей. Быстрыми, ловкими

движениями это существо подплыло к стеклянной стене, кивнуло Сальватору головой, вошло в стеклянную камеру, захлопнув за собой дверь. Вода из камеры быстро выливалась. Неизвестный открыл вторую дверь и вошел в грот.

— Сними очки и перчатки, — сказал Сальватор.

Неизвестный послушно снял очки и перчатки, и Кристо увидел перед собою стройного красивого молодого человека.

— Познакомьтесь: Ихтиандр, человек-рыба, или, вернее, амфибия, он же «морской дьявол», — отрекомендовал юношу Сальватор.

Юноша, приветливо улыбаясь, протянул руку индейцу и сказал по-испански:

— Здравствуйте!

Кристо молча пожал протянутую руку. Пораженный, он не мог выговорить ни слова.

— Негр, слуга Ихтиандра, заболел, — продолжал Сальватор. — Я оставлю тебя с Ихтиандром на несколько дней. Если ты справишься с новыми обязанностями, я сделаю тебя постоянным слугой Ихтиандра.

Кристо молча кивнул головой.

ДЕНЬ ИХТИАНДРА

Еще ночь, но скоро рассвет.

Воздух теплый и влажный, напоенный сладким запахом магнолий, тубероз, резеды. Ни один лист не шелохнется. Тишина. Ихтиандр идет по песчаной дорожке сада. На поясе мерно покачиваются кинжал, очки, ручные и ножные перчатки — «лягушечьи лапы». Только под ногами потрескивает ракушечный песок. Дорожка еле видна. Кусты и деревья обступили ее черными бесформенными пятнами. От водоемов поднимается туман. Иногда Ихтиандр задевает ветку. Роса окропляет его волосы и горячую щеку.

Дорожка круто поворачивает вправо и идет под уклон. Воздух становится все свежее и влажнее. Ихтиандр чувствует под ногами каменные плиты, замедляет шаги, останавливается. Не спеша надевает большие очки с толстыми стеклами, перчатки на руки и на ноги. Выдыхает из легких воздух и прыгает в водоем. Вода обволакивает тело приятной свежестью, пронизывает холодком жабры. Жаберные

щели начинают ритмически двигаться, — человек превратился в рыбу.

Несколько сильных движений руками, и Ихтиандр на дне водоема.

Юноша уверенно плывет в полной темноте. Протягивает руку, находит железную скобу в каменной стене. Рядом другая, третья скоба... Так добирается он до тоннеля, доверху наполненного водой. Идет по дну, преодолевая холодное встречное течение. Отталкивается от дна, всплывает наверх — и словно погружается в теплую ванну. Вода, нагретая в водоемах садов, течет вверху тоннеля к открытому морю. Теперь Ихтиандр может плыть по течению. Скрещивает на груди руки, ложится на спину и плывет головой вперед.

Конец тоннеля близок. Там, возле самого выхода в океан, внизу из расщелины скалы под сильным напором вырывается горячий источник. В его струях шуршат придонные камешки и раковины.

Ихтиандр ложится на грудь и смотрит вперед. Темно. Протягивает руку вперед. Вода чуть-чуть свежеет. Ладони касаются железной решетки, прутья которой покрыты мягкой и скользкой морской растительностью и шероховатыми ракушками. Цепляясь за решетку, юноша находит сложный затвор и открывает его. Тяжелая круглая решетчатая дверь, загораживающая выход из тоннеля, медленно приоткрывается. Ихтиандр проскальзывает в образовавшуюся щель. Дверь решетки захлопывается.

Человек-амфибия направляется в океан, загребая воду руками и ногами. В воде все еще темно. Только кое-где в черной глубине мелькают голубоватые искры ночесветок да тускло-красные медузы. Но скоро рассвет, и светящиеся животные одно за другим тушат свои фонарики.

Ихтиандр чувствует в жабрах тысячи мелких уколов — становится труднее дышать. Это значит — он миновал скалистый мыс. За мысом морская вода всегда загрязнена частицами глинозема, песком и отбросами разных веществ. Вода опреснена, — невдалеке в океан впадает река.

«Удивительно, как это речные рыбы могут жить в мутной, пресной воде, — думает Ихтиандр. — Наверное, их жабры не так чувствительны к песчинкам и частицам ила».

Ихтиандр поднимается немного выше, резко поворачивает вправо, на юг, затем опускается в глубину. Здесь вода чище. Ихтиандр попал в холодное подводное течение, которое идет вдоль берега с юга на север, до впадения реки Параны, которая отклоняет холодное течение на восток. Течение это проходит на большой глубине, но верхняя граница находится в пятнадцати-двадцати метрах от поверхности. Теперь Ихтиандр вновь может предоставить себя течению, — оно вынесет его далеко в открытый океан.

Можно подремать немного. Опасности нет: еще темно, и морские хищники спят. Перед восходом солнца так приятно вздремнуть. Кожа чувствует, как изменяются температура воды, подводные течения.

Вот ухо улавливает глухой грохочущий звук, за ним другой, третий. Это гремят якорные цепи: в заливе, за несколько километров от Ихтиандра, рыбачьи шхуны снимаются с якоря. Рассвет близок. А вот далекий-далекий мерный рокот. Это винт и моторы «Горрокса» — большого английского океанского парохода, совершающего рейс между Буэнос-Айресом и Ливерпулем. «Горрокс» еще километрах в сорока. А как слышно! Звук проходит в морской воде полторы тысячи метров в секунду. Как красив «Горрокс» ночью — настоящий плавучий город, залитый огнями! Но, чтобы увидеть его ночью, надо с вечера выплыть далеко в открытое море. В Буэнос-Айрес «Горрокс» приходит при свете восходящего солнца, уже с погашенными огнями. Нет, дремать больше уже не придется: винты, рули и моторы «Горрокса», колебания его корпуса, огни иллюминаторов и прожекторов разбудят обитателей океана. Наверное, дельфины первые услышали приближение «Горрокса» и, ныряя, подняли несколько минут тому назад легкое волнение, которое заставило Ихтианд-

ра насторожиться. И, наверное, они уже помчались навстречу пароходу.

Дробь судовых моторов раздается с разных сторон: пробуждаются порт и залив. Ихтиандр открывает глаза, трясет головой, словно отряхивает последнюю дремоту, взмахивает руками, отталкивается ногами и всплывает на поверхность.

Осторожно высунул голову из воды, осмотрелся. Вблизи ни лодок, ни шхун. Вынырнул по пояс и так держится, медленно перебирая ногами.

Низко над водой летают бакланы и чайки, иногда задевают грудью или концом крыла зеркальную поверхность и оставляют на ней медленно расходящиеся круги. Крики белых чаек похожи на детский плач. Свистя огромными крыльями и обдавая ветром, над головой Ихтиандра пролетел огромный снежно-белый альбатрос-буревестник. Маховые крылья его черные, клюв красный, с желтым кончиком, а лапы оранжевые. Он направляется к заливу. Ихтиандр с некоторой завистью провожает его глазами. Траурные крылья птицы имеют в размахе не менее четырех метров. Вот бы иметь такие крылья!

На западе ночь уходит за далекие горы. Уже алеет восток. На глади океана появилась едва заметная спокойная зыбь, и на ней — золотые струйки. Белые чайки, поднимаясь выше, становятся розовыми. По бледной глади вод зазмеились пестрые, голубые и синие дорожки: это первые порывы ветра. Синих дорожек становится все больше. Ветер крепчает. На песчаном берегу уже появляются перистые желто-белые язычки прибоя. Вода возле берега становится зеленой.

Приближается целая флотилия рыбачьих шхун. Отец приказал не попадаться людям на глаза. Ихтиандр ныряет глубоко в воду, находит холодное течение. Оно несет его еще дальше от берега на восток, в открытый океан. Кругом сине-лиловая темнота морской глубины. Плавают рыбы, они кажутся светло-зелеными, с темными пятнами и полосками. Красные, желтые, лимонные, коричневые рыбы беспрерывно снуют, как рои пестрых бабочек.

Сверху доносится рокот, вода темнеет. Это низко над водой пролетел военный гидроплан.

Однажды такой гидроплан сел на воду. Ихтиандр незаметно ухватился за железный упор поплавков и... едва не поплатился жизнью: гидроплан неожиданно снялся с воды. Ихтиандр спрыгнул с высоты десяти метров.

Ихтиандр приподнимает голову. Свет солнца виден почти над головой. Близок полдень. Поверхность воды уже не кажется зеркалом, в котором отражаются камни отмели, крупные рыбы, сам Ихтиандр. Сейчас зеркало искривилось, выгибается, беспрерывно движется.

Ихтиандр всплывает. Волны качают. Вот он выглянул из воды. Поднялся на гребне волны, опус-

тился, снова поднялся. Ого, что делается вокруг! У берега прибой уже шумит, ревет и ворочает камнями. Вода возле берега стала желто-зеленая. Дует резкий юго-западный ветер. Волны растут. На гребнях волн мелькают белые барашки. Брызги все время падают на Ихтиандра. Ему это приятно.

«Почему это, — думает Ихтиандр, — если плыть

навстречу волнам, они кажутся темно-синими, а оглянешься — позади они бледные?»

С верхушек волн срываются стаи рыб — летунов-долгоперов. То поднимаясь, то опускаясь, минуя гребни волн и ложбинки между ними, летуны пролетают сотню метров и опускаются, а через минуту-две снова выпрыгивают из воды. Мечутся, плачут белые чайки. Режут воздух широкими крыльями са-

мые быстроходные птицы — фрегаты. Огромный изогнутый клюв, острые когти, темно-коричневые перья с зеленоватым металлическим оттенком, зоб оранжевого цвета. Это самец. А невдалеке — другой фрегат, посветлее, с белой грудью, — самка. Вот она камнем падает в воду, и через секунду в кривом клюве уже трепещет сине-серебристая рыбка. Летают буревестники-альбатросы. Будет буря. Навстречу грозовой туче, наверно, уже несется чудесная смелая птица — паламедея. Она всегда встречает грозу своей песней. Зато рыбачьи шхуны и нарядные яхты на всех парусах спешат к берегу укрыться от бури.

Стоят зеленоватые сумерки, но сквозь толщу воды еще можно различить, где находится солнце — большое светлое пятно. Этого достаточно, чтобы определить направление. Надо добраться до отмели, прежде чем туча покроет солнце, иначе — прощай завтрак! А есть уже давно хочется. В темноте не найти ни отмели, ни подводных скал. Ихтиандр с силой работает руками и ногами — он плывет, как плавают лягушки.

Время от времени он ложится на спину и проверяет свой курс по едва заметному просвету в густом сине-зеленом полумраке. Иногда внимательно всматривается вперед, не видно ли отмели. Его жабры и кожа чувствуют, как изменяется вода: вблизи отмели вода не такая плотная, она более соленая и в ней больше кислорода, — приятная, легкая вода. Он пробует воду на вкус — на язык. Так старый опытный моряк, еще не видя земли, знает о ее приближении по приметам, известным ему одному.

Постепенно становится светлее. Справа и слева маячат давно знакомые очертания подводных утесов. Между ними небольшое плато, за ним каменная стена. Ихтиандр называет это местечко подводной бухтой. Здесь бывает тихо даже во время самой сильной бури.

Как много рыб набралось в тихой подводной бухте! Кишат, как в кипящем котле с ухой. Маленькие, темные, с желтой поперечной полосой посредине те-

ла и желтым хвостом, с косыми темными полосами, красные, голубые, синие. Они то внезапно исчезают, то так же неожиданно появляются на том же самом месте. Всплывешь вверх, оглянешься по сторонам — рыбы кишат, а внизу уже пропали, словно провалились. Долго Ихтиандр не мог понять, отчего это происходит, пока не поймал однажды рыбку руками. Ее тельце было величиною в ладонь, но совсем плоское. Поэтому сверху рыб было трудно разглядеть.

Вот и завтрак. На ровной площадке возле отвесной скалы много устриц. Ихтиандр подплывает, ложится на площадке возле самых раковин и принимается есть. Вынимает устриц из раковин и отправляет их в рот. Он привык есть под водой: положив кусок в рот, ловко выбрасывает сквозь полусжатые губы воду изо рта. Немного воды, впрочем, проглатывает он с пищей, но он привык к морской воде.

Вокруг него колышутся водоросли — испещренные дырочками зеленые листья агара, перистые зеленые листья каулерпы мексиканской, нежные розовые нитофилы. Но сейчас все они кажутся темно-серыми: в воде сумеречный свет, — гроза и буря продолжаются. Иногда глухо слышится гром. Ихтиандр смотрит вверх.

Почему вдруг так потемнело? Над самой головой Ихтиандра появилось темное пятно. Что бы это могло быть? Завтрак окончен. Можно взглянуть на поверхность. Ихтиандр осторожно поднимается к темному пятну над головой, скользя вдоль отвесной скалы. Оказывается, на воду сел огромный альбатрос. Оранжевые ноги птицы совсем близко от Ихтиандра. Он протягивает руки вверх и схватывает альбатроса за ноги. Испуганная птица раскрывает свои мощные крылья и поднимается, вытаскивая из воды Ихтиандра. Но на воздухе тело Ихтиандра сразу тяжелеет, и альбатрос вместе с ним грузно падает на волну, покрывая юношу своей перистой, мягкой грудью. Ихтиандр не ждет, пока буревестник клюнет красным клювом в голову, ныряет и через несколько секунд всплывает на поверхность в другом

месте. Альбатрос улетает на восток и скрывается за водяными горами разыгравшегося шторма.

Ихтиандр лежит на спине. Гроза уже прошла. Гром грохочет где-то вдали на востоке. Но ливень как из ведра. Ихтиандр жмурит глаза от удовольствия. Наконец открывает глаза, встает, оставаясь наполовину погруженным в воду, оглядывается. Он на гребне высочайшей волны. Вокруг него небо, океан, ветер, тучи, ливень, волны — все смешалось в мокрый вращающийся клубок, который гудит, шумит, ревет, грохочет. Курчавится пена на гребнях и сердито змеится на ребрах волн. Стремительно бегут вверх водяные горы и низвергаются как лавины, поднимаются валы, шумит ливень, воет неистовый ветер.

То, что страшит земного человека, радует Ихтиандра. Конечно, надо быть осторожным, иначе на него обрушится водяная гора. Но Ихтиандр не хуже рыб умеет управляться с волнами. Надо только знать их: одна несет вверх-вниз, вверх-вниз, другая того и гляди перебросит через голову. Он знал и то, что делается под волной, знал, как пропадают волны, когда кончается ветер: знал, что сначала исчезают мелкие волны, потом крупные, но мерная мертвая зыбь остается еще долго. Он любил кувыркаться в прибрежной волне, но знал, что это опасно. Однажды волна неожиданно перевернула Ихтиандра, он сильно ударился головой о дно и потерял сознание. Обыкновенный человек утонул бы, но Ихтиандр отлежался в воде.

Дождь перестал. Его унесло вслед за грозою куда-то на восток. Ветер переменился. С тропического севера подуло теплом. Сквозь тучи показались куски голубого неба. Прорвались солнечные лучи и ударили по волнам. На юго-востоке на темном еще, мрачном небе появляется двойная радуга. Океана не узнать. Теперь он не свинцово-темный, а синий, с ярко-зелеными пятнами в тех местах, где прорвались солнечные лучи.

Солнце! В одно мгновение небо и океан, берег и далекие горы стали иными. Какой чудесный, легкий,

влажный воздух после грозы и бури! Ихтиандр то вбирает в легкие чистый, здоровый морской воздух, то начинает усиленно дышать жабрами. Среди людей только Ихтиандр один знает, как легко дышится после того, как буря, гроза, ветер, волны, дождь перемешают небо с океаном, воздух с водою и густо насытят воду кислородом. Тогда оживают все рыбы, все морские твари.

После грозы и бури из зарослей морских джунглей, из тесных щелей скал, из чащи причудливых кораллов и губок выплывают мелкие рыбки, за ними появляются скрывавшиеся в глубине крупные рыбы и, наконец, когда уже совсем утихнет, всплывают нежные, слабые медузы, прозрачные, почти невесомые рачки, сифонофоры, гребневики, венерины пояса.

Вот луч солнца упал на волну. Вода вокруг сразу позеленела, сверкают мелкие водяные пузырьки, шипит пена... Недалеко от Ихтиандра резвятся его друзья — дельфины, поглядывая на него веселыми, хитрыми, любопытными глазами. Их лоснящиеся темные спины мелькают среди волн. Плещутся, фыркают, гоняются друг за другом. Ихтиандр смеется, ловит дельфинов, плавает, ныряет вместе с ними. Ему кажется, что и этот океан, и эти дельфины, и это небо и солнце созданы только для него.

Ихтиандр приподнимает голову, щурясь, смотрит на солнце. Оно склоняется к западу. Скоро вечер. Сегодня ему не хочется возвращаться домой рано. Он будет вот так качаться, пока не потемнеет синее небо и на нем не покажутся звезды.

Однако скоро ему надоедает бездействие. Недалеко от него гибнут маленькие морские твари. Он может спасти их. Он привстает и смотрит на далекий берег. Туда, к отмели у песчаной косы! Там больше всего нужна его помощь. Там свирепствует морской прибой.

Этот бешеный прибой после каждой бури выбрасывает на берег груды водорослей и морских обита-

телей: медуз, крабов, морских звезд, а иногда и неосторожного дельфина. Медузы погибают очень скоро, некоторые рыбы добираются до воды, но много их гибнет на берегу. Крабы почти все возвращаются в океан. Иногда они сами выходят из воды на

берег поживиться жертвами прибоя. Ихтиандр любит спасать выброшенных на берег морских животных.

Часами бродил он после бури по берегу и спасал, кого еще можно было спасти. Он радовался, видя, как рыба, брошенная им в воду, уплывала, весело махнув хвостом. Он радовался каждый раз, когда полуснувшие рыбы, плававшие в воде боком или брюшком, в конце концов оживали. Подбирая на

берегу большую рыбу, Ихтиандр нес ее к воде; рыба трепетала в его руках, а он смеялся и уговаривал ее не биться и потерпеть еще немного. Конечно, эту самую рыбу он съел бы с удовольствием, если бы, проголодавшись, поймал ее в океане. Но то было

неизбежное зло. Здесь же, на берегу, он был покровителем, другом, спасителем обитателей моря.

Обыкновенно Ихтиандр возвращался к берегу так же, как и уплывал, пользуясь подводными морскими течениями. Но сегодня ему не хотелось надолго погружаться под воду, — уж очень красивы были океан и небо. Юноша нырял, проплывал под водою и вновь появлялся на поверхности, подобно морским птицам, охотящимся за рыбами.

Угасли последние лучи солнца. На западе еще догорает желтая полоса. Угрюмые волны, точно темно-серые тени, бегают одна за другой.

После прохладного воздуха в воде так тепло. Кругом темно, но не страшно. Никто не нападает в этот час. Дневные хищники уже уснули, ночные еще не вышли на охоту.

Вот то, что ему нужно: северное течение, находящееся совсем близко от поверхности океана. Не успокоившаяся мертвая зыбь немного раскачивает эту подводную реку вверх-вниз, но она продолжает медленно течь с жаркого севера на холодный юг. А много ниже лежит обратное, холодное течение — с юга на север. Ихтиандр часто пользуется этими течениями, когда ему нужно долго плыть вдоль берега.

Сегодня он далеко заплыл на север. Теперь это теплое течение доставит его до тоннеля. Только бы не вздремнуть и не проплыть дальше, как это однажды с ним было. Он то кладет руки за голову, то вытягивает их в стороны, медленно расставляет и снова сжимает ноги — занимается гимнастикой. Течение несет его к югу. Теплая вода и медленные движения рук и ног действуют на него успокоительно.

Ихтиандр смотрит вверх — перед ним свод, сплошь усеянный мелкими, как пыль, звездами. Это ночесветки зажгли свои фонари и поднимаются на поверхность океана. Кое-где во тьме виднеются голубоватые и розоватые светящиеся туманности — плотные скопления мельчайших светящихся животных. Медленно проплывают шары, излучающие мягкий зеленоватый свет. Совсем недалеко от Ихтиандра светится медуза — она похожа на лампу, прикрытую затейливым абажуром с кружевами и длинной бахромой. Бахрома медленно покачивается, как от легкого ветра, при каждом движении медузы. На отмелях уже загорелись морские звезды. В больших глубинах быстро двигаются огни крупных ночных

хищников. Они гоняются друг за другом, кружатся, гаснут и вспыхивают снова.

Снова отмель. Причудливые стволы и ветви кораллов освещены изнутри голубым, розовым, зеленым, белым огнем. Одни кораллы горят бледным мигающим светом, другие — как накаленный добела металл.

На земле ночью только маленькие, далекие звезды в небе, иногда луна. А здесь тысячи звезд, тысячи лун, тысячи маленьких разноцветных солнц, горящих мягким нежным светом. Ночь в океане несравненно прекраснее ночи на земле.

И, чтобы сравнить, Ихтиандр всплывает на поверхность воды.

Воздух потеплел. Над головой темно-синий свод неба, усеянный звездами. Над горизонтом стоит серебристый диск луны. От луны протянулась по всему океану серебряная дорожка.

Из порта доносится низкий, густой, продолжительный гудок. Это гигант «Горрокс» собирается в обратный путь. Однако как поздно! Скоро рассвет. Ихтиандр отсутствовал почти целые сутки. Отец, наверно, будет его бранить.

Ихтиандр направляется к тоннелю, запускает руку между прутьев, открывает железную решетку, плывет в тоннеле среди полной темноты. На этом обратном пути плыть приходится внизу, в холодном течении, идущем с моря к садовым бассейнам.

Легкий толчок в плечо будит его. Он в бассейне. Быстро поднимается вверх. Начинает дышать легкими, вбирая воздух, напоенный знакомыми запахами цветов.

Через несколько минут он уже крепко спит в кровати, как приказывал отец.

ДЕВУШКА И СМУГЛЫЙ

Однажды он плыл в океане после грозы.

Вынырнув на поверхность, Ихтиандр заметил на волнах недалеко от себя какой-то предмет, похожий

на кусок белого паруса, сорванный бурей с рыбачьей шхуны. Подплыв ближе, он с удивлением увидел, что это был человек — женщина, молодая девушка. Она была привязана к доске. Неужели эта красивая девушка мертва? Ихтиандр был так взволнован своей

находкой, что у него впервые появилось враждебное чувство к океану.

Быть может, девушка только потеряла сознание? Он поправил ее беспомощно склонившуюся голову, ухватился за доску и поплыл к берегу.

Он быстро плыл, напрягая все свои силы, только иногда делая короткие остановки, чтобы поправить голову девушки, вновь съехавшую с доски. Он шеп-

тал ей, как рыбе, попавшей в беду: «Потерпи немного!» Он хотел, чтобы девушка открыла глаза, но боялся этого. Хотел видеть ее живою, но боялся, что она испугается его. Не снять ли очки и перчатки? Но на это уйдет время, а плыть без перчаток будет труднее. И он снова торопится плыть, толкая доску с девушкой к берегу.

Вот и полоса прибоя. Тут надо быть осторожным. Волны сами несут его к берегу. Ихтиандр время от времени опускает ногу — ощупывает дно. Наконец он попал на мелководье, вынес девушку на берег, отвязал от доски, перенес ее в тень от дюны, поросшей кустарником, и начал приводить ее в чувство — делать искусственное дыхание.

Ему казалось, что веки ее дрогнули, ресницы шевельнулись. Ихтиандр приложил ухо к сердцу девушки и услышал слабое биение. Она жива... Ему хочется кричать от радости.

Девушка приоткрывает глаза, смотрит на Ихтиандра, и на ее лице появляется выражение ужаса. Потом она закрывает глаза. Ихтиандр огорчен и обрадован. Он все же спас девушку. Теперь он должен уйти — не пугать ее. Но можно ли ее оставить одну, такую беспомощную? Пока он раздумывал, он услышал чьи-то тяжелые быстрые шаги. Колебаться дальше нельзя. Ихтиандр бросился головой в прибой, нырнул, поплыл под водой к каменной гряде, вынырнул и, скрываясь между обломками скал, стал наблюдать за берегом.

Из-за дюны вышел смуглый человек с усами и эспаньолкой, в широкополой шляпе на голове. Он негромко сказал по-испански: «Вот она, слава Иисусу!» — почти побежал к ней, потом неожиданно круто повернул к океану и окунулся в волны прибоя. Весь вымокший, он подбежал к девушке, начал делать искусственное дыхание (зачем оно теперь?), наклонился к лицу девушки... Поцеловал ее. Что-то начал говорить быстро и горячо. Ихтиандр улавливал только отдельные слова: «Я предупреждал вас... Было безумие... Хорошо, что догадался привязать вас к доске...»

Девушка открывает глаза, приподнимает голову. На лице страх, сменяющийся удивлением, гневом, неудовольствием. Человек с эспаньолкой продолжает о чем-то горячо говорить, помогает девушке встать. Но она еще слаба, и он снова опускает ее на песок. Только через полчаса они тронулись в путь. Они прошли недалеко от камней, за которыми скрывался Ихтиандр. Девушка, хмурясь, сказала, обращаясь к человеку в сомбреро:

— Так это вы спасли меня? Благодарю. Да вознаградит вас бог!

— Не бог, а только вы можете вознаградить меня, — ответил смуглый.

Девушка будто не слыхала этих слов. Она помолчала, а потом сказала:

— Странно. А мне показалось, почудилось, будто возле меня было какое-то чудовище.

— Конечно, это вам почудилось, — ответил ее спутник. — А быть может, это был дьявол, который счел вас мертвой и хотел захватить вашу душу. Прочитайте молитву и обопритесь на меня. Со мной ни один дьявол не тронет вас.

И они прошли — чудесная девушка и этот нехороший смуглый человек, уверивший девушку, будто он спас ее. Но Ихтиандр не мог изобличить его во лжи. Пусть поступают, как хотят, — Ихтиандр сделал свое дело.

Девушка и ее спутник скрылись за дюнами, а Ихтиандр все еще смотрел им вслед. Потом повернул голову к океану. Какой он большой и пустынный!..

Прибой выбросил на песок синюю рыбу с серебряным брюшком. Ихтиандр оглянулся, кругом — никого. Он выбежал из своей засады, схватил рыбу и бросил в море. Рыба поплыла, но Ихтиандру стало почему-то грустно. Он бродил по пустынному берегу, подбирал рыб и морские звезды и относил их к воде. Работа постепенно увлекла его. К нему возвращалось его постоянное хорошее настроение. Так возился он до сумерек, лишь иногда погружаясь в воду, когда прибрежный ветер обжигал и подсушивал его жабры.

СЛУГА ИХТИАНДРА

Сальватор решил ехать в горы без Кристо, который успешно прислуживал Ихтиандру. Это очень обрадовало индейца: в отсутствие Сальватора он мог свободнее видеться с Бальтазаром. Кристо успел уже сообщить Бальтазару, что нашел «морского дьявола». Оставалось только обдумать, как похитить Ихтиандра.

Кристо жил теперь в белом домике, увитом плющом, и часто виделся с Ихтиандром. Они быстро подружились. Ихтиандр, лишенный общества людей, привязался к старому индейцу, который рассказывал ему о жизни на земле. Ихтиандр знал о жизни моря больше, чем знаменитые ученые, и он посвящал Кристо в тайны подводного мира. Ихтиандр довольно хорошо знал географию, ему известны были океаны, моря, главнейшие реки; имел он некоторые познания в астрономии, навигации, физике, ботанике, зоологии. Но о людях он знал мало: кое-что о расах, населяющих землю, об истории народов он имел смутное представление, о политических же и экономических отношениях людей знал не больше пятилетнего ребенка.

Днем, когда наступала жара, Ихтиандр опускался в подземный грот и куда-то уплывал. В белый домик он являлся тогда, когда спадала жара, и оставался там до утра. Но если шел дождь или на море поднималась буря, он проводил в домике весь день. В сырую погоду он чувствовал себя неплохо, оставаясь на суше.

Домик был небольшой, всего четыре комнаты. В одной комнате, около кухни, помещался Кристо. Рядом находилась столовая, дальше — большая библиотека. Ихтиандр знал испанский и английский языки. Наконец в последней, самой большой комнате была спальня Ихтиандра. Посреди спальни находился бассейн. У стены стояла кровать. Иногда Ихтиандр спал на кровати, но предпочитал ложе бассейна. Однако Сальватор, уезжая, приказал Кристо следить, чтобы Ихтиандр по крайней мере три

ночи в неделю спал на обычной кровати. По вечерам Кристо являлся к Ихтиандру и ворчал, как старая нянька, если юноша не соглашался спать в кровати.

— Но мне гораздо приятнее и удобнее спать в воде, — протестовал Ихтиандр.

— Доктор приказывал, чтобы ты спал на кровати, — надо слушаться отца.

Ихтиандр называл Сальватора отцом, но Кристо сомневался в их родстве. Кожа Ихтиандра на лице и руках была довольно светлая, но, быть может, она посветлела от продолжительного пребывания под водой. Правильный овал лица Ихтиандра, прямой нос, тонкие губы, большие лучистые глаза напоминали лицо индейца племени араукана, к которому принадлежал и сам Кристо.

Кристо очень хотелось посмотреть, каков цвет кожи Ихтиандра на теле, плотно закрытом чешуеобразным костюмом, сделанным из какого-то неизвестного материала.

— Ты не снимешь свою рубашку на ночь? — обратился он к юноше.

— Зачем? Моя чешуя не мешает мне, она очень удобная. Она не задерживает дыхание жабр и кожи и вместе с тем надежно защищает: ни зубы акулы, ни острый нож не прорежут этой брони, — отвечал Ихтиандр, укладываясь в постель.

— Зачем ты надеваешь очки, перчатки? — спросил Кристо, рассматривая диковинные перчатки, лежавшие около кровати.

Они были сделаны из зеленоватой резины, пальцы удлинены суставчатыми тростинками, вделанными в резину, и снабжены перепонками. Для ног эти пальцы были удлинены еще больше.

— Перчатки помогают мне быстро плавать. А очки предохраняют глаза, когда буря поднимает со дна песок. Я не всегда надеваю их. Но в очках я лучше вижу под водой. Без очков под водой все как в тумане. — И, улыбнувшись, Ихтиандр продолжал: — Когда я был маленький, отец разрешал мне иногда играть с детьми, которые живут в соседнем

саду. Я очень удивился, увидев, что они плавают в бассейне без перчаток: «Разве можно плавать без перчаток?» — спросил я их. А они не понимали, о каких перчатках говорю я, так как при них я не плавал.

— Ты и сейчас выплываешь в залив? — поинтересовался Кристо.

— Конечно. Только выплываю боковым подводным тоннелем. Какие-то злые люди едва не поймали меня в сеть, и я теперь очень осторожен.

— Гм... Значит, есть и другой подводный тоннель, ведущий в залив?

— Даже несколько. Как жаль, что ты не можешь плавать со мною под водою! Я бы показал тебе изумительные вещи. Почему не все люди могут жить под водой? Мы покатались бы с тобой на моей морской лошади.

— На морской лошади? Что это такое?

— Дельфин. Я приручил его. Бедный! Буря однажды выбросила его на берег, и он сильно разбил плавник. Я стащил его в воду. Это была трудная работа: дельфины на суше гораздо тяжелее, чем в воде. Вообще у вас тут все тяжелее. Даже собственное тело. В воде легче живется. Ну вот, стащил я дельфина, а плавать он не может — значит, не может и питаться. Я кормил его рыбой — долго, месяц. За это время он не только привык, но и привязался ко мне. Мы сделались друзьями. Другие дельфины также знают меня. Как весело резвиться в море с дельфинами! Волны, брызги, солнце, ветер, шум! На дне тоже хорошо. Как будто плывешь в густом голубом воздухе. Тихо. Не ощущаешь своего тела. Оно становится свободным, легким, покорным каждому твоему движению... У меня много друзей в море. Я кормлю маленьких рыбок, как вы птиц, — они повсюду следуют за мной стайками.

— А враги?

— Есть и враги. Акулы, осьминоги. Но я не боюсь их. У меня есть нож.

— А если они подкрадутся незаметно?

Ихтиандр удивился этому вопросу.

— Ведь я же издали слышу их.

— Слышишь под водой? — удивился, в свою очередь, Кристо. — Даже когда они подплывают тихо?

— Ну да. Что же тут непонятного? Слышу и ушами и всем телом. Ведь они же производят сотрясение воды, — эти колебания идут впереди них. Почувствовав эти колебания, я оглядываюсь.

— Даже когда спишь?

— Конечно.

— Но рыбы...

— Рыбы погибают не от внезапного нападения, а потому, что не могут защищаться от более сильного врага. А я — я сильнее их всех. И морские хищники знают это. Они не осмеливаются подплывать ко мне.

«Зурита прав: из-за такого морского парня следует поработать, — подумал Кристо. — Но и поймать его в воде не легко. «Слышу всем телом!» Разве только в капкан попадется. Надо будет предупредить Зурита».

— Как красив подводный мир! — не переставал восхищаться Ихтиандр. — Нет, никогда, я не променяю моря на вашу душную, пыльную землю!

— Почему нашу землю? Ты тоже сын земли, — сказал Кристо. — Кто была твоя мать?

— Я не знаю... — неуверенно сказал Ихтиандр. — Отец говорит, что моя мать умерла, когда я родился.

— Но она была, конечно, женщина, человек, а не рыба.

— Может быть, — согласился Ихтиандр.

Кристо рассмеялся.

— Скажи мне теперь, зачем ты шалил, обижал рыбаков, резал их сети и выбрасывал рыбу из лодок?

— Потому что они ловили рыбы больше, чем могли съесть.

— Но они ловили рыбу для продажи.

Ихтиандр не понял.

— Чтобы и другие люди могли есть, — пояснил индеец.

— Разве людей так много? — удивился Ихтиандр. — Неужели им не хватает земных птиц и животных? Зачем они являются в океан?

— Это сразу тебе не объяснишь, — сказал, зевая, Кристо. — Пора спать. Смотри же, не залезай в свою ванну: отец будет недоволен. — И Кристо ушел.

Рано утром Кристо уже не застал Ихтиандра. Каменный пол был мокрый.

— Опять в ванне спал, — ворчал индеец. — А потом, наверно, уплыл в море.

К завтраку Ихтиандр явился с большим запозданием.

Он был чем-то расстроен. Поковыряв вилкой кусок бифштекса, сказал:

— Опять жареное мясо.

— Опять, — строго ответил Кристо. — Так доктор приказал. А ты опять сырой рыбы наелся в море? Так ты совсем от жареной пищи отвыкнешь. И в ванне спал. На кровати спать не хочешь, — жабры от воздуха отвыкнут, и будешь потом жаловаться, что в боках покалывает. И к завтраку опоздал. Приедет доктор, пожалуюсь ему на тебя. Совсем не слушаешься.

— Не говори, Кристо. Я не хочу огорчать его. — Ихтиандр опустил голову и задумался. Потом он вдруг поднял на индейца свои большие, на этот раз печальные, глаза и сказал: — Кристо, я видел девушку. Я никогда ничего не видел прекраснее — даже на дне океана...

— Зачем же ты нашу землю бранил? — сказал Кристо.

— Я плыл на дельфине вдоль берега и недалеко от Буэнос-Айреса увидел ее на берегу. У нее глаза синие, а волосы золотые. — И Ихтиандр добавил: — Но она увидела меня, испугалась и убежала. Зачем я надел очки и перчатки? — Помолчав, он заговорил совсем тихо: — Однажды я спас какую-то девушку, которая утонула в океане. Тогда я не заметил, какова она собою. А вдруг это та? Мне кажется, у той тоже были золотые волосы. Да, да... Я вспоминаю... — Юноша задумался, потом подошел к зеркалу, в первый раз в жизни оглядел себя.

— И что же ты делал дальше?

— Я ждал ее, но она не вернулась. Кристо, неужели она больше никогда не придет на берег?

«Пожалуй, хорошо, что ему нравится девушка», — думал Кристо. До сих пор, как Кристо ни расхваливал город, он не мог уговорить Ихтиандра посетить Буэнос-Айрес, где Зурита легко мог бы захватить юношу.

— Девушка может и не прийти на берег, но я помогу тебе найти ее. Ты наденешь городской костюм и пойдешь со мною в город.

— И я увижу ее? — воскликнул Ихтиандр.

— Там много девушек. Может быть, увидишь и ту, которая сидела на берегу.

— Идем сейчас!

— Теперь уже поздно. До города не легко добраться пешком.

— Я поплыву на дельфине, а ты пойдешь по берегу.

— Какой ты быстрый, — ответил Кристо. — Мы отправимся завтра вместе, на заре. Ты выплывешь в залив, а я буду поджидать тебя с костюмом на берегу. И костюм еще достать надо. («За ночь я успею свидеться с братом», — подумал Кристо.) Итак, завтра на заре.

В ГОРОДЕ

Ихтиандр выплыл из залива и вышел на берег. Кристо уже ждал его с белым городским костюмом в руках. Ихтиандр посмотрел на костюм таким взглядом, будто ему принесли змеиную кожу, и со вздохом начал одеваться. Очевидно, ему редко приходилось надевать костюм. Индеец помог юноше завязать галстук и, осмотрев Ихтиандра, остался доволен его видом.

— Идем, — весело сказал Кристо.

Индеец хотел поразить Ихтиандра и повел его по главным улицам города — Авени да Алвеар, Вертис, показал площадь Виктории с кафедральным собором и ратушей в мавританском стиле, площадь

Фуэрто и площадь Двадцать пятого мая * с обелиском Свободы, окруженным прекрасными деревьями, президентский дворец.

Но Кристо ошибся. Шум, движение большого города, пыль, духота, сутолока совершенно ошеломили Ихтиандра. Он пытался найти в толпе людей девушку, часто хватал Кристо за руку и шептал:

— Она!.. — но сразу видел, что опять ошибся. — Нет, это другая...

Настал полдень. Жара сделалась невыносимой. Кристо предложил зайти в небольшой ресторан, помещавшийся в подвале, позавтракать. Здесь было прохладно, но шумно и душно. Грязные, плохо одетые люди курили зловонные сигары. От дыма Ихтиандр задыхался, а тут еще громко спорили, потрясая измятыми газетами и выкрикивая непонятные слова. Ихтиандр выпил очень много холодной воды, но не притронулся к завтраку и печально сказал:

— Легче найти знакомую рыбку в океане, чем человека в этом людском водовороте. Ваши города отвратительны. Здесь душно и дурно пахнет. У меня начинает колоть в боках. Я хочу домой, Кристо.

— Хорошо, — согласился Кристо. — Зайдем только к одному моему приятелю — и вернемся.

— Я не хочу заходить к людям.

— Это по пути. Я не задержусь.

Расплатившись, Кристо вышел с Ихтиандром на улицу. Опустив голову, тяжело дыша, шел Ихтиандр следом за Кристо мимо белых домов, мимо садов с кактусами, оливковыми и персиковыми деревьями. Индеец вел его к своему брату Бальтазару, жившему в Новом порту.

У моря Ихтиандр жадно вдыхал влажный воздух. Ему хотелось сорвать одежду и броситься в море.

— Сейчас придем, — сказал Кристо, опасливо поглядывая на своего спутника.

---

* 25 мая 1810 года провинции Ла-Плата образовали революционный союз — «Хунту», арестовали местную власть, провозгласили временное правительство и отделились от Испании. *(Прим. автора.)*

Они перешли железнодорожные пути.

— Пришли. Здесь, — сказал Кристо, и они спустились в полутемную лавчонку.

Когда глаза Ихтиандра привыкли к полумраку, он с изумлением огляделся. Лавка напоминала уголок морского дна. Полка и даже часть пола были завалены раковинами — мелкими, крупными, витыми, створчатыми. С потолка спускались нити кораллов, морские звезды, чучела морских рыб, засушенные крабы, диковинные морские обитатели. На прилавке, под стеклом, лежали жемчужины в ящиках. В одном ящике находились розовые жемчужины — «кожа ангела», как называли их ловцы. Ихтиандр несколько успокоился среди знакомых вещей.

— Отдохни, здесь прохладно и тихо, — сказал Кристо, усаживая юношу на старый плетеный стул.

— Бальтазар! Гуттиэре! — крикнул индеец.

— Это ты, Кристо? — отозвался голос из другой комнаты. — Иди сюда.

Кристо нагнулся, чтобы войти в низкую дверь, ведущую в другую комнату.

Здесь была лаборатория Бальтазара. Здесь он восстанавливал утраченный от сырости цвет жемчужин слабым раствором кислоты. Кристо плотно прикрыл за собой дверь. Слабый свет падал через небольшое окно у потолка, освещая пузырьки и стеклянные ванночки на старом, почерневшем столе.

— Здравствуй, брат. Где Гуттиэре?

— Пошла к соседке за утюгом. Кружевца да бантики на уме. Сейчас вернется, — ответил Бальтазар.

— А Зурита? — нетерпеливо спросил Кристо.

— Пропал куда-то, проклятый. Вчера мы с ним немного повздорили.

— Все из-за Гуттиэре?

— Зурита перед ней, как уж, извивался. А она одно в ответ: «Не хочу и не хочу!» Что ты с ней поделаешь? Капризна и упряма. Много о себе думает. Не понимает, что всякая индейская девушка, будь она первая красавица, за счастье сочла бы выйти замуж за такого человека. Собственную шхуну имеет,

артель ловцов, — ворчал Бальтазар, купая жемчужины в растворе. — Наверно, Зурита опять с досады вино пьет.

— Что же теперь нам делать?

— А ты привел?

— Сидит.

Бальтазар, подойдя к двери, с любопытством заглянул в замочную скважину.

— Не вижу, — тихо сказал он.

— На стуле сидит у прилавка.

— Не вижу. Там Гуттиэре.

Бальтазар быстро открыл дверь и вошел в лавку с Кристо. Ихтиандра не было. В темном углу стояла девушка, приемная дочь Бальтазара, Гуттиэре. Девушка была известна красотой далеко за пределами Нового порта. Но она была застенчива и своенравна. Чаще всего она говорила певучим, но твердым голосом: «Нет!»

Гуттиэре понравилась Педро Зурита. Он хотел жениться на ней. И старый Бальтазар не прочь был породниться с владельцем шхуны и войти с ним в компанию. Но на все предложения Зурита девушка неизменно отвечала: «Нет».

Когда отец и Кристо вошли в комнату, девушка стояла с опущенной головой.

— Здравствуй, Гуттиэре, — сказал Кристо.

— Где молодой человек? — спросил Бальтазар.

— Я не прячу молодых людей, — ответила она, улыбаясь. — Когда я вошла, он посмотрел на меня так странно, будто испугался, поднялся, вдруг схватился за грудь и убежал. Не успела я оглянуться, как он уже был в дверях.

«Это была она», — подумал Кристо.

СНОВА В МОРЕ

Ихтиандр, задыхаясь, бежал вдоль берега моря. Вырвавшись из этого страшного города, он круто свернул с дороги и направился к самому берегу моря. Он укрылся между прибрежными камнями, ог-

ляделся, быстро разделся, спрятал в камнях костюм, побежал к воде и бросился в воду.

Несмотря на усталость, никогда он еще не плыл так стремительно. Рыбы в испуге шарахались от него. Только отплыв несколько миль от города, Ихтиандр поднялся ближе к поверхности и поплыл вблизи берега. Здесь он уже чувствовал себя дома. Каждый подводный камень, каждая выемка в морском дне были ему знакомы. Вот здесь, распластавшись на песчаном дне, живут домоседы камбалы, дальше растут красные коралловые кусты, укрывающие в своих ветвях мелких красноперых рыбок. В этой затонувшей рыбачьей барке обосновались два семейства спрутов, у них недавно вывелись детеныши. Под серыми камнями водятся крабы. Ихтиандр любил часами наблюдать их жизнь. Он знал их маленькие радости удачной охоты и их горести — потерю клешни или нападение осьминога. А у прибрежных скал было много устричных раковин.

Наконец, уже недалеко от залива, Ихтиандр поднял голову над поверхностью воды. Он увидел стаю дельфинов, резвившихся среди волн, и громко, протяжно крикнул. Большой дельфин весело фыркнул в ответ и быстро поплыл к своему другу, ныряя и вновь показывая над гребнями волн свою черную лоснящуюся спину.

— Скорей, Лидинг, скорей! — крикнул Ихтиандр, плывя навстречу. Он ухватился за дельфина. — Плывем скорее дальше, вперед!

И, повинуясь руке юноши, дельфин быстро поплыл в открытое море, навстречу ветру и волнам. Вздымая пену, он резал волны грудью и мчался, но Ихтиандру эта скорость казалась все еще недостаточной.

— Да ну же, Лидинг! Скорей, скорей!

Ихтиандр совсем загнал дельфина, но эта езда по волнам не успокоила его. Он оставил своего друга в полном недоумении, соскользнув вдруг с лоснящейся спины и опустившись в море. Дельфин подождал, фыркнул, нырнул, выплыл, еще раз недовольно фыркнул и, круто повернув хвостом, напра-

вился к берегу, оборачиваясь время от времени назад. Его друг не показывался на поверхности, и Лидинг присоединился к стаду, радостно встреченный молодыми дельфинами. Ихтиандр опускался все глубже и глубже в сумеречные глубины океана. Ему хотелось быть одному, прийти в себя от новых впечатлений, разобраться во всем, что он узнал и видел. Он заплыл далеко, не задумываясь об опасности. Он хотел понять, почему он не такой, как все, — чуждый морю и земле.

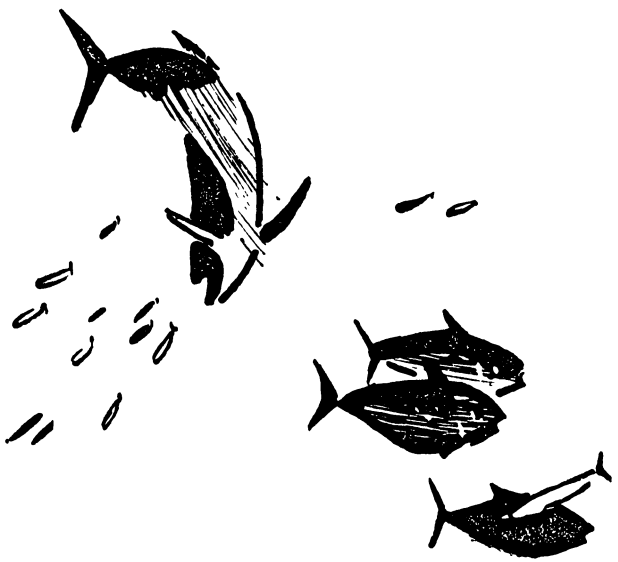
Он погружался все медленнее. Вода становилась плотнее, она уже давила на него, дышать становилось все труднее. Здесь стояли густые зелено-серые сумерки. Морских обитателей было меньше, и многие из них были неизвестны Ихтиандру, — он еще никогда не опускался так глубоко. И впервые Ихтиандру сделалось жутко от этого молчаливого сумеречного мира. Он быстро поднялся на поверхность и поплыл к берегу. Солнце заходило, пронизывая воду красными лучами. В воде эти лучи, смешиваясь с синевой вод, переливались нежными лилово-розовыми и зеленовато-голубыми тонами.

Ихтиандр был без очков и поэтому снизу видел поверхность моря так, как она представляется рыбам: из-под воды поверхность представлялась не плоской, а в виде конуса, — будто он находился на дне огромной воронки. Края этого конуса, казалось, были окружены красной, желтой, зеленой, синей и фиолетовой каемками. За конусом расстилалась блестящая поверхность воды, в которой, как в зеркале, отражались подводные предметы: скалы, водоросли и рыбы.

Ихтиандр перевернулся на грудь, поплыл к берегу и уселся под водою меж скал, невдалеке от отмели. Рыбаки сошли с лодки в воду и тянули лодку на берег. Один из них опустил ноги по колени в воду. Ихтиандр видел над водой безногого рыбака, а в воде — только его ноги, а они снова отражались в зеркале водной поверхности. Другой рыбак погрузился в воду по плечи. И в воде показалось странное, безголовое, но четвероногое существо, как будто

двум одинаковым людям отрубили головы и поставили плечи одного человека на плечи другого. Когда люди подходили к берегу, Ихтиандр видел их, как видят их рыбы: отраженными как бы в шаре. Он видел их с ног до головы, прежде чем они подходили вплотную к берегу. Поэтому он всегда успевал уплыть раньше, чем люди могли заметить его.

Эти странные туловища с четырьмя руками без головы и головы без туловищ показались теперь Ихтиандру неприятными. Люди... Они так много



шумят, курят ужасные сигары, дурно пахнут. Нет, с дельфинами лучше, — они чистые и веселые. Ихтиандр улыбнулся, он вспомнил, как однажды напился дельфиньего молока.

Далеко на юге есть небольшая бухта. Острые подводные скалы и песчаная коса преграждают к ней доступ судам с моря. Берег там скалистый и обры-

вистый. Эту бухту не посещают ни рыбаки, ни искатели жемчуга. Неглубокое дно покрыто густым ковром растений. В теплой воде много рыбы. Сюда много лет подряд приплывала дельфин-самка, и здесь, в этой теплой бухте, у нее рождались дельфинята — два, четыре, иногда и шесть. Ихтиандра очень забавляли молодые дельфины, и он часами наблюдал за ними, неподвижно притаившись в зарослях. Дельфинята то забавно кувыркались на поверхности, то сосали сосцы своей матери, отталкивая

друг друга мордами. Ихтиандр начал осторожно приручать их: ловил рыбок и угощал ими дельфинят. Постепенно молодые дельфины и самка привыкли к Ихтиандру. Он уже резвился вместе с малышами, ловил их, подбрасывал, теребил. Им это, видимо, нравилось, — они не отставали от него и всякий раз бросались к нему гурьбой, как только

он показывался в бухте с подарками — вкусными рыбками или еще более вкусными маленькими нежными осьминогами.

Однажды, когда у знакомой самки-дельфина родились дети и были они еще совсем маленькими сосунками, — они еще не ели, а питались только материнским молоком, — Ихтиандр подумал: а почему бы ему самому не попробовать дельфиньего молока?

И вот он незаметно оказался под самкой-дельфином, обхватил ее руками и начал высасывать молоко. Дельфин не ожидал такого нападения и в ужасе метнулся из бухты. Ихтиандр тотчас отпустил испуганное животное. Молоко имело сильный рыбий привкус. Испуганная самка, вырвавшись от неожиданного сосунка, бросилась куда-то в бездну вод, ее младенцы растерялись и без толку тыкались во все стороны. Долго сгонял Ихтиандр маленьких глупых дельфинят, пока не явилась мамаша и не увела их в соседнюю бухту. Только через много дней восстановились их доверие и дружба.

. . . . . .

Кристо не на шутку беспокоился. Ихтиандр не показывался трое суток. Явился он усталый, побледневший, но довольный.

— Где ты пропадал? — строго спросил индеец, обрадованный появлением Ихтиандра.

— На дне, — ответил Ихтиандр.

— Почему ты такой бледный?

— Я... я едва не погиб, — солгал Ихтиандр первый раз в жизни и рассказал Кристо историю, случившуюся с ним гораздо раньше.

В глубине океана поднимается скалистое плоскогорье, а наверху, посредине плоскогорья, находится большая овальная выемка — настоящее подводное горное озеро.

Ихтиандр плыл над этим подводным озером. Его поразил необычный светло-серый цвет дна. Опустившись ниже и присмотревшись, Ихтиандр изумился: под ним находилось настоящее кладбище разных морских животных — от мелких рыбок до акул и

дельфинов. Тут были недавние жертвы. Но возле них не кишели, как обычно, мелкие хищники — крабы и рыбы. Все было мертво и неподвижно. Только кое-где со дна к поверхности поднимались пузырьки газа. Ихтиандр плыл над краем впадины. Опустился еще ниже и внезапно почувствовал острую боль в жабрах, удушье, головокружение. Почти теряя сознание, беспомощно падал он и, наконец, опустился на край котловины. В висках стучало, сердце колотилось, глаза заволакивало красным туманом. И не от кого было ожидать помощи. Вдруг он заметил, что рядом с ним, судорожно изгибаясь, опускалась акула. Вероятно, она охотилась за ним, пока сама не попала в эти страшные отравляющие мертвые воды подводного озера. Ее брюхо и бока вздувались и опадали, рот был открыт, белые точеные пластины зубов обнажены. Акула подыхала. Ихтиандр содрогнулся. Сжав челюсти, стараясь не захватывать воды жабрами, Ихтиандр на четвереньках выполз из озера на берег, потом поднялся, пошел. Голова закружилась, и он снова упал. Потом оттолкнулся ногами от серых камней, взмахнул руками, и вот он уже в десяти метрах от края озера...

Окончив рассказ, Ихтиандр добавил то, что когда-то узнал от Сальватора.

— Вероятно, в этой котловине скопились какие-нибудь вредные газы, — быть может, сероводород или угольный ангидрид, — сказал Ихтиандр. — Понимаешь, на поверхности океана эти газы окисляются, и их не чувствуешь, в самой же котловине, где они выделяются, они еще сильно концентрированы. Ну, а теперь дай мне завтракать, — я голоден.

Наскоро позавтракав, Ихтиандр надел очки и перчатки и пошел к двери.

— Ты за этим только и приходил? — спросил Кристо, указывая на очки. — Почему ты не хочешь сказать, что с тобою?

В характере Ихтиандра появилась новая черта: он стал скрытным.

— Не спрашивай, Кристо, я сам не знаю, что со мной. — И юноша быстро вышел из комнаты.

МАЛЕНЬКАЯ МЕСТЬ

Встретив неожиданно голубоглазую девушку в лавке продавца жемчуга Бальтазара, Ихтиандр так смутился, что выбежал из лавки и бросился к морю. Теперь же ему снова хотелось познакомиться с девушкой, но он не знал, как это сделать. Проще всего было призвать на помощь Кристо и пойти с ним вместе. Но встречаться с ней в присутствии Кристо ему не хотелось. Ежедневно приплывал Ихтиандр к берегу моря, туда, где впервые встретил девушку. Он просиживал с утра до вечера, скрываясь за прибрежными камнями, в надежде увидеть ее. Приплывая к берегу, он снимал очки и перчатки и переодевался в белый костюм, чтобы не испугать девушку. Нередко он проводил на берегу круглые сутки, ночью погружался в море, питаясь рыбами и устрицами, тревожно засыпал, а рано утром, еще до восхода солнца, был уже снова на своем сторожевом посту.

Однажды вечером он решился пойти к лавке продавца жемчуга. Двери были открыты, но у прилавка сидел старый индеец, — девушки не было. Ихтиандр вернулся на берег. На скалистом берегу стояла девушка в белом легком платье и соломенной шляпе. Ихтиандр остановился, не решаясь подойти. Девушка кого-то ждала. Нетерпеливо ходила она взад и вперед, поглядывая время от времени на дорогу. Ихтиандра, остановившегося, у выступа скалы, она не замечала.

Но вот девушка замахала кому-то рукой. Ихтиандр оглянулся и увидел молодого, высокого, широкоплечего человека, который быстро шел по дороге. Ихтиандр еще никогда не встречал таких светлых волос и глаз, как у этого незнакомца. Великан подошел к девушке и, протягивая ей широкую руку, ласково сказал:

— Здравствуй, Гуттиэре!

— Здравствуй, Ольсен! — ответила она.

Незнакомец крепко пожал маленькую руку Гуттиэре.

Ихтиандр с неприязнью посмотрел на них. Ему стало грустно, и он чуть не расплакался.

— Принесла? — спросил великан, глядя на жемчужное ожерелье Гуттиэре.

Она кивнула головой.

— Отец не узнает? — спросил Ольсен.

— Нет, — ответила девушка. — Это мой собственный жемчуг, я могу распоряжаться им, как хочу.

Гуттиэре и Ольсен прошли к самому краю скалистого берега, тихо разговаривая. Потом Гуттиэре расстегнула жемчужное ожерелье, взяла его за конец нитки, подняла руки вверх и, любуясь ожерельем, сказала:

— Смотри, как красиво горят жемчужины на закате. Возьми, Ольсен...

Ольсен уже протянул руку, но вдруг ожерелье выскользнуло из рук Гуттиэре и упало в море.

— Что я наделала! — вскрикнула девушка.

Огорченные Ольсен и Гуттиэре продолжали стоять у моря.

— Может быть, его можно достать? — сказал Ольсен.

— Здесь очень глубоко, — сказала Гуттиэре и добавила: — Какое несчастье, Ольсен!

Ихтиандр видел, как огорчилась девушка. Он сразу забыл о том, что девушка хотела подарить жемчуг светловолосому великану. Оставаться равнодушным к ее горю Ихтиандр не мог: он вышел из-за скалы и решительно подошел к Гуттиэре.

Ольсен нахмурился, а Гуттиэре с любопытством и удивлением посмотрела на Ихтиандра, — она узнала в нем того юношу, который так внезапно бежал из лавки.

— Вы, кажется, уронили в море жемчужное ожерелье? — спросил Ихтиандр. — Если хотите, я достану его.

— Даже мой отец — лучший ловец жемчуга — не мог бы достать его здесь, — возразила девушка.

— Я попытаюсь, — скромно ответил Ихтиандр.

И, к удивлению Гуттиэре и ее спутника, юноша, даже не раздеваясь, бросился в море с высокого берега и скрылся в волнах.

Ольсен не знал, что подумать.

— Кто это? Откуда он взялся?

Прошла минута, истекла вторая, а юноша не возвращался.

— Погиб, — тревожно сказала Гуттиэре, глядя на волны.

Ихтиандру не хотелось, чтобы девушка знала, что он может быть под водой. Увлекшись поисками, он не рассчитал времени и пробыл под водой несколько больше, чем может выдержать ловец. Вынырнув на поверхность, юноша сказал улыбаясь:

— Немножко терпения. На дне много обломков скал, — трудно искать. Но я найду. — И он снова нырнул.

Гуттиэре не раз присутствовала при ловле жемчуга. Она удивилась, что юноша, пробыв под водой почти две минуты, дышал ровно и не казался утомленным.

Через две минуты голова Ихтиандра снова показалась на поверхности. Лицо его сияло радостью. Он поднял над водою руку и показал ожерелье.

— Зацепилось за выступ скалы, — сказал Ихтиандр совершенно ровным голосом, не задыхаясь, будто он вышел из другой комнаты. — Если бы жемчуг упал в расщелину, пришлось бы повозиться дольше.

Он быстро взобрался по скалам, подошел к Гуттиэре и подал ей ожерелье. Вода ручьями стекала с его одежды, но он не обращал на это внимания.

— Возьмите.

— Благодарю вас, — сказала Гуттиэре, с новым любопытством глядя на юношу.

Наступило молчание. Все трое не знали, что делать дальше. Гуттиэре не решалась передать ожерелье Ольсену при Ихтиандре.

— Вы, кажется, хотели передать жемчуг ему, — сказал Ихтиандр, указывая на Ольсена.

Ольсен покраснел, а смущенная Гуттиэре сказала:

— Да, да, — и протянула ожерелье Ольсену, который молча взял его и положил в карман.

Ихтиандр был доволен. С его стороны это была маленькая месть. Великан получил в подарок утерянный жемчуг из рук Гуттиэре, но от него — Ихтиандра.

И, поклонившись девушке, Ихтиандр быстро зашагал по дороге.

Но недолго радовала Ихтиандра его удача. Новые мысли и вопросы возникали у него. Он плохо знал людей. Кто этот белокурый великан? Почему Гуттиэре дарит ему свое ожерелье? О чем говорили они на утесе?

В эту ночь Ихтиандр опять носился с дельфином по волнам, пугая в темноте рыбаков своими криками.

Весь следующий день Ихтиандр провел под водой. В очках, но без перчаток, ползал по песчаному дну в поисках жемчужных раковин. Вечером навестил Кристо, который встретил его ворчливыми упреками. Наутро, уже одетый, юноша находился у скалы, где встретился с Гуттиэре и Ольсеном. Вечером на закате, как и в тот раз, первой пришла Гуттиэре.

Ихтиандр вышел из-за скал и подошел к девушке. Увидев, его, Гуттиэре кивнула ему головой, как знакомому, и, улыбаясь, спросила:

— Вы следите за мной?

— Да, — просто ответил Ихтиандр, — с тех пор, как увидел вас первый раз... — И, смутившись, юноша продолжал: — Вы подарили свое ожерелье тому... Ольсену. Но вы любовались жемчугом перед тем, как отдать его. Вы любите жемчуг?

— Да.

— Тогда возьмите вот это... от меня. — И он протянул ей жемчужину.

Гуттиэре хорошо знала цену жемчуга. Жемчужина, лежавшая на ладони Ихтиандра, превосходила все, что она видела и знала о жемчуге по рассказам отца. Безукоризненной формы огромная жемчужина чистейшего белого цвета весила не менее

двухсот каратов и стоила, вероятно, не менее миллиона золотых песо. Изумленная Гуттиэре смотрела то на необычайную жемчужину, то на красивого юношу, стоявшего перед нею. Сильный, гибкий, здоровый, но несколько застенчивый, одетый в измятый белый костюм, он не походил на богатых юношей Буэнос-Айреса. И он предлагал ей, девушке, которую он почти не знал, такой подарок.

— Возьмите же, — уже настойчиво повторил Ихтиандр.

— Нет, — ответила Гуттиэре, покачав головой. — Я не могу взять от вас такого ценного подарка.

— Это совсем не ценный подарок, — горячо возразил Ихтиандр. — На дне океана тысячи таких жемчужин.

Гуттиэре улыбнулась. Ихтиандр смутился, покраснел и после короткого молчания прибавил:

— Ну, прошу вас.

— Нет.

Ихтиандр нахмурился: он был обижен.

— Если не хотите взять для себя, — настаивал Ихтиандр, — то возьмите для того... для Ольсена. Он не откажется.

Гуттиэре рассердилась.

— Он берет не для себя, — сурово ответила она. — Вы ничего не знаете.

— Значит, нет?

— Нет.

Тогда Ихтиандр бросил жемчужину далеко в море, молча кивнул головой, повернулся и пошел к дороге.

Этот поступок ошеломил Гуттиэре. Она продолжала стоять не двигаясь. Бросить в море миллионное состояние, как простой камешек! Ей было совестно. Зачем она огорчила этого странного юношу?

— Постойте, куда же вы?

Но Ихтиандр продолжал идти, низко опустив голову. Гуттиэре догнала его, взяла за руки и заглянула в лицо. По щекам юноши текли слезы. Он раньше никогда не плакал и теперь недоумевал, почему

предметы стали туманными и расплывчатыми, точно он плыл без очков под водой.

— Простите, я огорчила вас, — сказала девушка, взяв его за обе руки.

НЕТЕРПЕНИЕ ЗУРИТА

После этого события Ихтиандр приплывал каждый вечер к берегу недалеко от города, брал припрятанный среди камней костюм, одевался и являлся к скале, куда приходила Гуттиэре. Они гуляли вдоль берега, оживленно беседуя. Кто был новый друг Гуттиэре? Этого она не могла бы сказать. Он был неглуп, остроумен, знал многое, о чем не знала Гуттиэре, и в то же время не понимал таких простых вещей, которые известны каждому городскому мальчишке. Как объяснить это? Ихтиандр говорил о себе неохотно. Рассказывать правду ему не хотелось. Девушка только узнала, что Ихтиандр — сын доктора, человека, по-видимому, очень состоятельного. Он воспитал сына вдали от города и людей и дал ему очень своеобразное и одностороннее образование.

Иногда они долго засиживались на берегу. У ног шумел прибой. Мерцали звезды. Разговор умолкал. Ихтиандр был счастлив.

— Пора идти, — говорила девушка.

Ихтиандр неохотно поднимался, провожал ее до предместья, потом быстро возвращался, сбрасывал одежду и уплывал к себе.

Утром, после завтрака, он брал с собою большой белый хлеб и отправлялся в залив. Усевшись на песчаном дне, он начинал кормить рыбок хлебом. Они приплывали к нему, роем окружали его, скользили между рук и жадно хватали размокший хлеб прямо из рук. Иногда крупные рыбы врывались в этот рой и гонялись за маленькими. Ихтиандр поднимался и отгонял хищников руками, а маленькие рыбки скрывались за его спиной.

Он начал собирать жемчужины и складывал их в подводном гроте. Он работал с удовольстви-

ем и скоро собрал целую груду отборных жемчужин.

Он становился, сам того не зная, богатейшим человеком Аргентины, — быть может, и всей Южной Америки. Если бы он захотел, он стал бы самым богатым человеком мира. Но он не думал о богатстве.

Так проходили спокойные дни. Ихтиандр только жалел о том, что Гуттиэре живет в пыльном, душном, шумном городе. Если бы и она могла жить под водой, вдали от шума и людей! Как это было бы хорошо! Он показал бы ей новый, неведомый мир, прекрасные цветы подводных полей. Но Гуттиэре не может жить под водой. А он не может жить на земле. Он и так слишком много времени проводит на воздухе. И это не проходит даром: все чаще и сильнее начинают болеть его бока в то время, как он сидит с девушкой на берегу моря. Но даже если боль становится нестерпимой, он не оставляет девушку, прежде чем не уйдет она сама. И еще одно беспокоит Ихтиандра: о чем говорила Гуттиэре с белокурым великаном? Ихтиандр каждый раз собирается спросить Гуттиэре, но боится обидеть ее.

Как-то вечером девушка сказала Ихтиандру, что завтра она не придет.

— Почему? — спросил он, нахмурившись.

— Я занята.

— Чем?

— Нельзя быть таким любопытным, — ответила девушка, улыбаясь. — Не провожайте меня, — добавила она и ушла.

Ихтиандр погрузился в море. Всю ночь пролежал он на мшистых камнях. Невесело было ему. На рассвете поплыл он к себе.

Недалеко от залива он увидел, как рыбаки стреляли с лодок дельфинов. Большой дельфин, раненный пулей, высоко подпрыгнул над водой и тяжело опустился.

— Лидинг! — с ужасом прошептал Ихтиандр.

Один из рыбаков уже спрыгнул с лодки в море и выжидал, когда раненое животное всплывет на по-

верхность. Но дельфин вынырнул почти в ста метрах от ловца и, тяжело отдышавшись, опустился вновь под воду.

Рыбак быстро плыл к дельфину. Ихтиандр поспешил на помощь другу. Вот дельфин еще раз вынырнул, и в это самое время рыбак ухватил дельфина за плавник и потащил обессилевшее животное к лодке.

Ихтиандр, плывя под водой, нагнал рыбака, укусил его своими зубами за ногу. Рыбак, думая, что его ухватила акула, начал отчаянно дергать ногами. Защищаясь, рыбак наудачу полоснул врага ножом, который он держал в другой руке. Удар ножа пришелся Ихтиандру по шее, не прикрытой чешуей. Ихтиандр выпустил ногу рыбака, и тот быстро поплыл к лодке. Раненые дельфин и Ихтиандр направились к заливу. Юноша приказал дельфину следовать за собой и нырнул в подводную пещеру. Вода доходила здесь только до половины пещеры. Через расщелины сюда проникал воздух. Здесь дельфин мог отдышаться в безопасности. Ихтиандр осмотрел его рану. Это была не опасная рана. Пуля попала под кожу и застряла в жире. Ихтиандру удалось вытащить пулю пальцами. Дельфин терпеливо перенес это.

— Заживет, — сказал Ихтиандр, ласково похлопав своего друга по спине.

Теперь надо было подумать и о себе. Ихтиандр быстро проплыл подводным тоннелем, поднялся в сад и вошел в белый домик.

Кристо испугался, увидев своего питомца раненым.

— Что с тобой?

— Меня ранили рыбаки, когда я защищал дельфина, — сказал Ихтиандр.

Но Кристо не поверил ему.

— Опять в городе был без меня? — подозрительно спросил он, перевязывая рану.

Ихтиандр молчал.

— Приподними свою чешую, — сказал Кристо и приоткрыл плечо Ихтиандра.

На плече индеец заметил красноватое пятно. Вид этого пятна испугал Кристо.

— Ударили веслом? — спросил он, ощупывая плечо. Но опухоли не было. Очевидно, это было родимое пятно.

— Нет, — ответил Ихтиандр.

Юноша отправился отдохнуть в свою комнату, а старый индеец подпер голову руками и задумался. Он долго сидел, потом поднялся и вышел из комнаты.

Кристо быстро направился к городу, задыхаясь, вошел в лавку Бальтазара и, подозрительно посмотрев на Гуттиэре, сидевшую у прилавка, спросил:

— Отец дома?

— Там, — ответила девушка, кивнув головой на дверь в другую комнату.

Кристо зашел в лабораторию и закрыл за собой дверь.

Он нашел брата за своими колбами, перемывающим жемчуг. Бальтазар был раздражен, как и в первый раз.

— С ума сойдешь с вами! — начал ворчать Бальтазар. — Зурита злится, почему ты до сих пор не приведешь «морского дьявола», Гуттиэре уходит куда-то на целый день. О Зурита она и слышать не хочет. Твердит только: «Нет! Нет!» А Зурита говорит: «Надоело ждать! Возьму да увезу ее силой. Поплачет — и обойдется». От него всего можно ожидать.

Кристо выслушал жалобы брата и потом сказал:

— Слушай, я не мог привести «морского дьявола» потому, что он, как и Гуттиэре, часто уходит из дому на целый день без меня. А со мною идти в город не хочет. Совсем перестал меня слушать. Будет меня ругать доктор за то, что плохо смотрел за Ихтиандром...

— Значит, надо скорее захватить или выкрасть Ихтиандра, ты уйдешь от Сальватора, прежде чем он вернется, и...

— Подожди, Бальтазар. Не перебивай меня, брат. С Ихтиандром нам не надо спешить.

— Почему не надо спешить?

Кристо вздохнул, как бы не решаясь высказать свой план.

— Видишь ли... — начал он.

Но в этот самый момент в лавку кто-то вошел, и они услышали громкий голос Зурита.

— Ну вот, — пробормотал Бальтазар, бросая жемчуг в ванну, — опять он!

Зурита же с треском раскрыл дверь и вошел в лабораторию.

— Оба братца здесь. Вы долго будете морочить меня? — спросил он, переводя взгляд с Бальтазара на Кристо.

Кристо поднялся и, любезно улыбаясь, сказал:

— Делаю все, что могу. Терпение. «Морской дьявол» — не простая рыбешка. Его из омута не вытащить сразу. Один раз удалось привести его сюда, — вас не было; посмотрел «дьявол» город, не понравилось ему, и теперь он не хочет идти сюда.

— Не хочет — не надо. Мне надоело ждать. На этой неделе я решил сразу два дела сделать. Сальватор еще не приехал?

— На днях ожидают.

— Значит, надо спешить. Ждите гостей. Я подобрал надежных людей. Ты нам откроешь двери, Кристо, а с остальным я сам справлюсь. Я скажу Бальтазару, когда все будет готово. — И, обернувшись к Бальтазару, он сказал: — А с тобой я еще завтра поговорю. Но только помни, что это будет наш последний разговор.

Братья молча поклонились. Когда Зурита повернулся к ним спиной, любезные улыбки сошли с лиц индейцев. Бальтазар тихо выбранился. Кристо, казалось, что-то обдумывал.

В лавке Зурита о чем-то тихо говорил с Гуттиэре.

— Нет! — услышали братья ответ Гуттиэре.

Бальтазар сокрушенно покачал головой.

— Кристо! — позвал Зурита. — Иди за мной, ты мне сегодня будешь нужен.

НЕПРИЯТНАЯ ВСТРЕЧА

Ихтиандр чувствовал себя очень плохо. Рана на шее болела. У него был жар. Ему было трудно дышать на воздухе.

Но утром, несмотря на недомогание, он отправился на берег к скале, чтобы встретить Гуттиэре. Она пришла в полдень.

Стояла невыносимая жара. От раскаленного воздуха, от мелкой белой пыли Ихтиандр стал задыхаться. Он хотел остаться на берегу моря, но Гуттиэре торопилась, она должна была вернуться в город.

— Отец уходит по делам, и я должна оставаться в лавке.

— Тогда я провожу вас, — сказал юноша, и они пошли по наклонной пыльной дороге, ведущей к городу.

Навстречу им, низко опустив голову, шел Ольсен. Он чем-то был озабочен и прошел мимо, не заметив Гуттиэре. Но девушка окликнула его.

— Мне нужно сказать ему только два слова, — сказала Гуттиэре, обращаясь к Ихтиандру, и, повернув назад, подошла к Ольсену.

Они тихо и быстро о чем-то говорили. Казалось, девушка упрашивает его.

Ихтиандр шел в нескольких шагах позади них.

— Хорошо, сегодня, после полуночи, — услышал он голос Ольсена. Великан пожал руку девушке, кивнул головой и быстро продолжал путь.

Когда Гуттиэре подошла к Ихтиандру, у него горели щеки и уши. Ему хотелось поговорить, наконец, с Гуттиэре об Ольсене, но он не находил слов.

— Я не могу, — начал он, задыхаясь, — я должен узнать... Ольсен... вы скрываете от меня какую-то тайну. Вы должны с ним встретиться ночью. Вы любите его?

Гуттиэре взяла Ихтиандра за руку, ласково взглянула на него и, улыбаясь, спросила:

— Вы верите мне?

— Я верю... Вы знаете, я люблю вас, — теперь Ихтиандр знал это слово, — но я... но мне так тяжело.

Это была правда. Ихтиандр страдал от неизвестности, но в эту минуту он еще чувствовал в боках острую, режущую боль. Он задыхался. Румянец сошел с его щек, и теперь лицо его было бледно.

— Вы совсем больны, — беспокойно сказала девушка. — Успокойтесь, прошу вас. Милый мой мальчик. Я не хотела говорить вам всего, но, чтобы успокоить вас, я скажу. Слушайте.

Какой-то всадник промчался мимо них, но, взглянув на Гуттиэре, круто повернул лошадь и подъехал к молодым людям. Ихтиандр увидел смуглого, уже немолодого человека, с пушистыми, приподнятыми вверх усами и небольшой эспаньолкой.

Где-то, когда-то Ихтиандр видел этого человека. В городе? Нет... Да, там, на берегу.

Всадник похлопал хлыстом по сапогу, подозрительно и враждебно оглядел Ихтиандра и подал руку Гуттиэре.

Поймав руку, он неожиданно, приподняв девушку к седлу, поцеловал ее руку и рассмеялся.

— Попалась! — Отпустив руку нахмурившейся Гуттиэре, он продолжал насмешливо и в то же время раздраженно: — Где же это видано, чтобы невесты накануне свадьбы разгуливали с молодыми людьми?

Гуттиэре рассердилась, но он не дал ей говорить:

— Отец давно ждет вас. Я буду в лавке через час.

Ихтиандр уже не слышал последних слов. Он вдруг почувствовал, что в глазах у него потемнело, какой-то ком подкатил к горлу, дыхание остановилось. Он не мог больше оставаться на воздухе.

— Так вы... все-таки обманули меня... — проговорил он посиневшими губами.

Ему хотелось говорить — высказать всю обиду или узнать все, но боль в боках становилась невыносимой, он почти терял сознание.

Наконец Ихтиандр сорвался с места, побежал к берегу и бросился в море с крутой скалы.

Гуттиэре вскрикнула и пошатнулась. Потом она бросилась к Педро Зурита.

— Скорее... Спасите его!

Но Зурита не шевельнулся.

— Я не имею обыкновения мешать другим топиться, если они этого хотят, — сказал он.

Гуттиэре побежала к берегу, чтобы броситься в воду. Зурита пришпорил лошадь, нагнал девушку,

схватил за плечи, усадил на коня и поскакал по дороге.

— Я не имею обыкновения мешать другим, если другие не мешают мне. Вот так-то лучше! Да придите же в себя, Гуттиэре!

Но Гуттиэре не отвечала. Она была в обмороке. Только у лавки отца она пришла в себя.

— Кто был этот молодой человек? — спросил Педро.

Гуттиэре, посмотрев на Зурита с нескрываемым гневом, сказала:

— Отпустите меня.

Зурита нахмурился. «Глупости, — подумал он. — Герой ее романа бросился в море. Тем лучше». И, обратившись к лавке, Зурита крикнул:

— Отец! Бальтазар! Эй-эй!..

Бальтазар выбежал.

— Получай твою дочку. И благодари меня. Я спас ее; она едва не бросилась в море за молодым человеком приятной наружности. Вот уже второй раз я спасаю жизнь твоей дочери, а она все еще дичится меня. Ну, да скоро всему этому упрямству будет конец. — Он громко рассмеялся. — Я приеду через час. Помни наш уговор!

Бальтазар, униженно кланяясь, принял от Педро дочь.

Всадник пришпорил коня и уехал.

Отец и дочь вошли в лавку. Гуттиэре без сил опустилась на стул и закрыла лицо руками.

Бальтазар прикрыл дверь и, расхаживая по лавке, начал о чем-то взволнованно и горячо говорить. Но его никто не слушал. С таким же успехом Бальтазар мог бы проповедовать засушенным крабам и морским ершам, лежавшим на полках.

«Он бросился в воду, — думала девушка, вспоминая лицо Ихтиандра. — Несчастный! Сначала Ольсен, потом эта нелепая встреча с Зурита. Как смел он назвать меня невестой! Теперь все погибло...»

Гуттиэре плакала. Ей было жаль Ихтиандра. Простой, застенчивый — разве можно было его

сравнить с пустыми, заносчивыми молодыми людьми Буэнос-Айреса?

«Что же делать дальше? — думала она. — Броситься в море, как Ихтиандр? Покончить с собой?»

А Бальтазар говорил и говорил:

— Ты понимаешь, Гуттиэре? Ведь это полное разорение. Все, что ты видишь в нашей лавке, принадлежит Зурита. Моего собственного товара не наберется и десятой доли. Весь жемчуг мы получаем на комиссию от Зурита. Но если ты еще раз откажешь ему, он отберет весь товар и больше со мной не будет иметь дела. Ведь это разорение! Полное разорение! Ну, будь умница, пожалей своего старого отца...

— Договаривай: «...и выходи замуж за него». Нет! — резко ответила Гуттиэре.

— Проклятие! — вскричал взбешенный Бальтазар. — Если так, то... то... не я, так сам Зурита справится с тобой! — И старый индеец ушел в лабораторию, громко хлопнув дверью.

БОЙ СО СПРУТАМИ

Ихтиандр, бросившись в море, забыл на время все свои земные неудачи. После жаркой и душной земли прохлада воды успокоила и освежила его. Колющие боли прекратились. Он дышал глубоко и ровно. Ему нужен был полный отдых, и он старался не думать о том, что произошло на земле.

Ихтиандр хотел работать, двигаться. Чем бы ему заняться? Он любил в темные ночи бросаться с высокой скалы в воду так, чтобы сразу достать до дна. Но сейчас был полдень, и на море мелькали черные днища рыбацких лодок.

«Вот что я сделаю. Надо будет привести в порядок грот», — подумал Ихтиандр.

В отвесной скале залива находился грот с большой аркой, открывавшей прекрасный вид на подводную равнину, отлого спускавшуюся в глубину моря. Ихтиандр давно облюбовал этот грот. Но прež-

де чем устроиться в нем, нужно было выселить давнишних обитателей грота — многочисленные семейства спрутов.

Ихтиандр надел очки, вооружился длинным, несколько искривленным острым ножом и смело подплыл к гроту. Войти в грот было страшновато, и Ихтиандр решил вызвать врагов наружу. У потонувшей лодки он давно приметил длинную острогу. Он взял ее в руку и, стоя у входа в грот, начал водить острогой. Осьминоги, недовольные вторжением неизвестного, зашевелились. По краям арки появились длинные, извивающиеся щупальца. Осторожно они приближались к остроге. Ихтиандр отдергивал острогу, прежде чем щупальца спрута успевали захватить ее. Эта игра продолжалась несколько минут. Вот уже десятки щупалец, как волосы Медузы-Горгоны *, зашевелились у края арки. Наконец старый, огромный спрут, выведенный из терпения, решил расправиться с дерзким пришельцем. Спрут вылез из расщелины, угрожающе шевеля щупальцами. Медленно поплыл он к врагу, меняя окраску, чтобы устрашить Ихтиандра. Ихтиандр отплыл в сторону, бросил острогу и приготовился к бою. Ихтиандр знал, как трудно бороться человеку с его двумя руками, когда у противника восемь длинных ног. Не успеешь отрезать одну ногу спрута, семь других захватят и скрутят человеку руки. И юноша стремился направить удар своего ножа, чтобы он пришелся в тело спрута. Подпустив чудовище так, чтобы концы его щупалец достигли его, Ихтиандр неожиданно бросился вперед, в самый клубок извивавшихся щупалец, к голове спрута.

Этот необычайный прием всегда заставал спрута врасплох. Проходило не меньше четырех секунд, пока животное успевало подобрать концы шупалец и обвить ими врага. Но за это время Ихтиандр успевал быстрым безошибочным ударом рассечь тело спрута, поразить сердце и перерезать двигательные

---

* Медуза-Горгона — в греческой мифологии крылатая женщина-чудовище со змеями на голове вместо волос.

нервы. И огромные щупальца, уже обвивавшиеся вокруг его тела, вдруг безжизненно распускались и дрябло опускались вниз.

— Один готов!

Ихтиандр снова взялся за острогу. На этот раз навстречу ему выплыли сразу два спрута. Один из них плыл прямо на Ихтиандра, а другой обходным движением пытался напасть сзади. Это становилось опасным. Ихтиандр храбро бросился на спрута, который был перед ним, но, прежде чем успел убить его, второй спрут, находившийся позади, обвил его за шею. Юноша быстро перерезал ногу спрута, проткнув ее ножом у самой своей шеи. Затем повернулся лицом к спруту и отсек его щупальца. Изувеченный спрут, медленно колыхаясь, опустился на дно. А Ихтиандр уже расправлялся со спрутом, который был перед ним.

— Три, — продолжал считать Ихтиандр.

Однако на время пришлось прекратить битву. Из грота выплывал целый отряд спрутов, но пролитая кровь замутила воду. В этой бурой мгле перевес мог быть на стороне спрутов, которые ощупью могли обнаружить врага, Ихтиандр же не видел их. Он отплыл подальше от места сражения, где вода была чистая, и здесь уложил еще одного спрута, выплывшего из кровавого облака.

Битва с перерывами продолжалась несколько часов.

Когда, наконец, последний спрут был убит и вода очистилась, Ихтиандр увидел, что на дне лежат мертвые тела спрутов и шевелящиеся обрубленные щупальца. Ихтиандр вошел в грот. Здесь еще оставалось несколько маленьких спрутов — в кулак величиной и с щупальцами не толще пальца. Ихтиандр хотел убить их, но ему стало их жалко. «Надо попытаться приручить их. Не плохо иметь таких сторожей».

Очистив грот от больших спрутов, Ихтиандр решил обставить свое подводное жилище мебелью. Он притащил из дому стол на железных ножках с мраморной доской и две китайские вазы. Стол поста-

вил среди грота, на столе поставил вазы, а в вазы насыпал земли и посадил морские цветы. Земля, размываемая водой, некоторое время курилась над вазами, как дым, но потом вода очистилась. Только цветы, колеблемые легким волнением, тихо раскачивались, как от дуновения ветра.

У стены пещеры был выступ, как бы естественная каменная скамья. Новый хозяин пещеры с удовольствием разлегся на этой скамье. Хотя она была каменная, но тело в воде почти не ощущало ее.

Это была странная подводная комната с китайскими вазами на столе. Много любопытных рыб явилось посмотреть на невиданное новоселье. Они сновали между ножками стола, подплывали к цветам в вазах, как бы нюхая их, шныряли под головой Ихтиандра. Мраморный бычок заглянул в грот, испуганно махнул хвостом и уплыл. По белому песку выполз большой краб, поднял и опустил клешню, как бы приветствуя хозяина, и устроился под столом.

Ихтиандра забавляла эта затея. «Чем бы мне еще украсить мое жилище? — подумал он. — Я насажу у входа самые красивые подводные растения, усыплю пол жемчужинами, а у стен, по краям, положу раковины. Что, если бы подводную комнату видела Гуттиэре... Но она обманывает меня. А быть может, и не обманывает. Она ведь не успела рассказать мне об Ольсене». Ихтиандр нахмурился. Лишь только он кончил работать, он снова почувствовал себя одиноким, не похожим на остальных людей. «Почему никто не может жить под водой? Я один. Скорее бы приехал отец! Я спрошу его...»

Ему хотелось показать свое новое подводное жилище хоть одному живому существу. «Лидинг», — вспомнил Ихтиандр о дельфине. Ихтиандр взял витую раковину, всплыл на поверхность и затрубил. Скоро послышалось знакомое фырканье, — дельфин всегда держался вблизи залива.

Когда дельфин приплыл, Ихтиандр ласково обнял его и сказал:

— Идем ко мне, Лидинг, я покажу тебе новую комнату. Ты никогда не видел стола и китайских ваз.

И, нырнув в воду, Ихтиандр приказал дельфину следовать за собой.

Однако дельфин оказался очень беспокойным гостем. Большой и неповоротливый, он поднял такое волнение в гроте, что вазы зашатались на столе. Вдобавок он умудрился наткнуться мордой на ножку стола и опрокинуть его. Вазы упали, и будь это на земле, они разбились бы. Но здесь все обошлось благополучно, если не считать испуга краба, кото-

рый с необычайной быстротой как-то боком побежал к скале.

«Какой ты неловкий!» — подумал Ихтиандр о своем друге, отставляя стол в глубину грота и поднимая вазы.

И, обняв дельфина, Ихтиандр продолжал говорить с ним:

— Оставайся здесь со мной, Лидинг.

Но дельфин скоро начал трясти головой и выражать беспокойство. Он не мог долго оставаться под водой. Ему необходим был воздух. И, взмахнув плавниками, дельфин выплыл из грота и поднялся на поверхность.

«Даже Лидинг не может жить со мною под водой, — с грустью подумал Ихтиандр, оставшись один. — Только рыбы. Но ведь они глупые и пугливые...»

И он опустился на свое каменное ложе. Солнце зашло. В гроте было темно. Легкое движение воды укачивало Ихтиандра.

Утомленный волнениями дня и работой, Ихтиандр начал дремать.

НОВЫЙ ДРУГ

Ольсен сидел на большом баркасе и смотрел через борт в воду. Солнце только что поднялось из-за горизонта и косыми лучами освещало до самого дна прозрачную воду небольшой бухты. Несколько индейцев ползали по белому песчаному дну. Время от времени они всплывали на поверхность, чтобы отдышаться, и вновь погружались в воду. Ольсен зорко наблюдал за ловцами. Несмотря на ранний час, было уже жарко. «Почему бы и мне не освежиться — не нырнуть раз-другой?» — подумал он, быстро разделся и бросился в воду. Ольсен никогда раньше не нырял, но это ему понравилось, и он убедился, что может пробыть под водой дольше привычных индейцев. Ольсен присоединился к искателям и быстро увлекся этим новым для него занятием.

Опустившись в третий раз, он заметил, что два индейца, стоявшие на коленях на дне, вскочили и всплыли на поверхность с такой быстротой, как будто их преследовала акула или пила-рыба. Ольсен оглянулся назад. К нему быстро подплывало странное существо, получеловек-полулягушка, с серебристой чешуей, огромными выпученными глазами и лягушечьими лапами. Оно по-лягушечьи отбрасывало лапы и сильными толчками подвигалось вперед.

Прежде чем Ольсен успел подняться с колен, чудовище было уже около него и ухватило его руку своей лягушечьей лапой. Испуганный Ольсен все же заметил, что у этого существа было красивое человеческое лицо, которое портили только выпученные, сверкавшие глаза. Это странное существо, забыв о том, что оно находится под водою, начало о чем-то говорить. Ольсен не мог расслышать слов. Он видел только шевелящиеся губы. Неведомое существо крепко держало двумя лапами руку Ольсена. Ольсен сильным движением ног оттолкнулся от дна и быстро поднялся на поверхность, работая свободной рукой. Чудовище потянулось следом, не отпуская его. Всплыв на поверхность, Ольсен ухватился за борт баркаса, перекинул ногу, взобрался на баркас и отбросил от себя этого получеловека с лягушечьими руками так, что тот с шумом упал в воду. Сидевшие на баркасе индейцы прыгнули в воду и торопясь поплыли к берегу.

Но Ихтиандр снова приблизился к баркасу и обратился к Ольсену на испанском языке:

— Послушайте, Ольсен, мне нужно поговорить с вами о Гуттиэре.

Это обращение изумило Ольсена не меньше, чем встреча под водой. Ольсен был человек храбрый, с крепкой головой. Если неведомое существо знает его имя и Гуттиэре, то, значит, это человек, а не чудовище.

— Я вас слушаю, — ответил Ольсен.

Ихтиандр взобрался на баркас, уселся на носу, поджав под себя ноги и скрестив на груди лапы.

«Очки!» — подумал Ольсен, внимательно рассматривая сверкающие, выпуклые глаза неизвестного.

— Мое имя Ихтиандр. Однажды я достал вам ожерелье со дна моря.

— Но тогда у вас были человеческие глаза и руки.

Ихтиандр улыбнулся и потряс своими лягушечьими лапами.

— Снимаются, — коротко ответил он.

— Я так и думал.

Индейцы с любопытством наблюдали из-за береговых скал за этим странным разговором, хотя и не могли услышать слов.

— Вы любите Гуттиэре? — спросил Ихтиандр после небольшого молчания.

— Да, я люблю Гуттиэре, — просто ответил Ольсен.

Ихтиандр тяжело вздохнул.

— И она вас любит?

— И она меня любит.

— Но ведь она любит меня.

— Это ее дело. — Ольсен пожал плечами.

— Как ее дело? Ведь она ваша невеста.

Ольсен сделал удивленное лицо и с прежним спокойствием ответил:

— Нет, она не моя невеста.

— Вы лжете! — вспыхнул Ихтиандр. — Я сам слышал, как смуглый человек на лошади говорил о том, что она невеста.

— Моя?

Ихтиандр смутился. Нет, смуглый человек не говорил, что Гуттиэре невеста Ольсена. Но не может же молодая девушка быть невестой этого смуглого, такого старого и неприятного? Разве так бывает? Смуглый, вероятно, ее родственник... Ихтиандр решил повести свои расспросы другим путем.

— А что вы здесь делали? Искали жемчуг?

— Признаюсь, мне не нравятся ваши расспросы, — хмуро ответил Ольсен. — И, если бы я не знал о вас кое-что от Гуттиэре, я сбросил бы вас

с баркаса, и этим окончился бы разговор. Не хватайтесь за ваш нож. Я могу разбить вам голову веслом, прежде чем вы подниметесь. Но я не нахожу нужным скрывать от вас, что я действительно искал здесь жемчуг.

— Большую жемчужину, которую я бросил в море? Гуттиэре говорила вам об этом?

Ольсен кивнул головой.

Ихтиандр торжествовал.

— Ну, вот видите. Я же говорил ей, что вы не откажетесь от этой жемчужины. Я предлагал ей взять жемчужину и передать вам. Она не согласилась, а теперь вы сами ищете ее.

— Да, потому что теперь она принадлежит не вам, а океану. И если я найду ее, то никому не буду обязан.

— Вы так любите жемчуг?

— Я не женщина, чтобы любить безделушки, — возразил Ольсен.

— Но жемчуг можно... как это? Да! Продать, — вспомнил Ихтиандр мало понятное ему слово, — и получить много денег.

Ольсен вновь утвердительно кивнул головой.

— Значит, вы любите деньги?

— Что вам, собственно, от меня нужно? — уже с раздражением спросил Ольсен.

— Мне нужно знать, почему Гуттиэре дарит вам жемчуг. Ведь вы хотели жениться на ней?

— Нет, я не собирался жениться на Гуттиэре, — сказал Ольсен. — Да если бы и собирался, теперь уже об этом поздно думать. Гуттиэре стала женой другого.

Ихтиандр побледнел и ухватился за руку Ольсена.

— Неужели того, смуглого? — испуганно спросил он.

— Да, она вышла замуж за Педро Зурита.

— Но ведь она... Мне кажется, что она любила меня, — тихо сказал Ихтиандр.

Ольсен посмотрел на него с сочувствием и, не спеша закурив коротенькую трубочку, сказал:

— Да, мне кажется, она любила вас. Но ведь вы на ее глазах бросились в море и утонули, — так по крайней мере думала она.

Ихтиандр с удивлением посмотрел на Ольсена. Юноша никогда не говорил Гуттиэре о том, что он может жить под водой. Ему в голову не приходило, что его прыжок со скалы в море девушка могла объяснить как самоубийство.

— Прошлою ночью я видел Гуттиэре, — продолжал Ольсен. — Ваша гибель очень огорчила ее. «Я виновата в смерти Ихтиандра», — вот что сказала она.

— Но почему же она так скоро вышла замуж за другого? Ведь она... ведь я спас ей жизнь. Да, да! Мне давно казалось, что Гуттиэре похожа на девушку, которая тонула в океане. Я вынес ее на берег и скрылся в камнях. А потом пришел этот смуглый, — его я сразу узнал, — и уверил ее, что это он спас ее.

— Гуттиэре рассказывала мне об этом, — сказал Ольсен. — Она так и не узнала, кто же спас ее — Зурита или странное существо, которое мелькнуло перед ней, когда она приходила в себя. Почему вы сами не сказали, что это вы спасли ее?

— Самому об этом неудобно говорить. Притом я не был вполне уверен в том, что спас именно Гуттиэре, пока не увидел Зурита. Но как она могла согласиться? — спрашивал Ихтиандр.

— Как это произошло, — медленно проговорил Ольсен, — я и сам не понимаю.

— Расскажите, что вы знаете, — попросил Ихтиандр.

— Я работаю на пуговичной фабрике приемщиком раковин. Там я и познакомился с Гуттиэре. Она приносила раковины — отец посылал ее, когда сам был занят. Познакомились, подружились. Иногда встречались в порту, гуляли на берегу моря. Она рассказывала мне о своем горе: за нее сватался богатый испанец.

— Этот самый? Зурита?

— Да, Зурита. Отец Гуттиэре, индеец Бальтазар,

очень хотел этого брака и всячески уговаривал дочь не отказывать такому завидному жениху.

— Чем же завидный? Старый, отвратительный, дурно пахнущий, — не мог удержаться Ихтиандр.

— Для Бальтазара Зурита — прекрасный зять. Тем более что Бальтазар был должен Зурита крупную сумму денег. Зурита мог разорить Бальтазара, если Гуттиэре отказалась бы выйти за него замуж. Представьте себе, как жилось девушке. С одной стороны — назойливое ухаживание жениха, а с другой — вечные упреки, выговоры, угрозы отца...

— Почему же Гуттиэре не выгнала Зурита? Почему вы, такой большой и сильный, не побили этого Зурита?

Ольсен улыбнулся и удивился: Ихтиандр не глуп, а задает такие вопросы. Где он рос и воспитывался?

— Это сделать не так просто, как вам кажется,— ответил Ольсен. — На защиту Зурита и Бальтазара стали бы закон, полиция, суд. — Ихтиандр все-таки не понимал. — Одним словом, этого нельзя было сделать.

— Ну, тогда почему она не убежала?

— Убежать было легче. И она решилась убежать от отца, а я обещал помочь ей. Я сам давно собирался уехать из Буэнос-Айреса в Северную Америку, и я предложил Гуттиэре ехать со мной.

— Вы хотели жениться на ней? — спросил Ихтиандр.

— Однако какой вы, — снова улыбнувшись, сказал Ольсен. — Я же сказал вам, что мы были с ней друзьями. Что могло быть дальше — не знаю...

— Почему же вы не уехали?

— Потому, что у нас не было денег на переезд.

— Неужели переезд на «Горроксе» стоит так дорого?

— На «Горроксе»! На «Горроксе» в пору ездить миллионерам. Да что вы, Ихтиандр, с Луны свалились?

Ихтиандр смутился, покраснел и решил больше не задавать вопросов, которые покажут Ольсену, что он не знает самых простых вещей.

— У нас не хватило денег на переезд даже в товаро-пассажирском пароходе. А ведь по приезде тоже предстояли расходы. Работа на улице не валяется.

Ихтиандр снова хотел спросить Ольсена, но удержался.

— И тогда Гуттиэре решила продать свое жемчужное ожерелье.

— Если бы я знал! — воскликнул Ихтиандр, вспомнив о своих подводных сокровищах.

— О чем?

— Нет, так... Продолжайте, Ольсен.

— Все уже было подготовлено к побегу.

— А я... Как же так? Простите... Значит, она намеревалась оставить и меня?

— Все это началось, когда вы еще не были знакомы. А потом, насколько мне известно, она хотела предупредить вас. Быть может, и предложить вам ехать вместе с нею. Наконец, она могла написать вам с пути, если бы ей не удалось поговорить с вами о бегстве.

— Но почему с вами, а не со мной? С вами советовалась, с вами собиралась уехать!

— Я с нею знаком более года, а вас...

— Говорите, говорите, не обращайте внимания на мои слова.

— Ну, так вот. Все было готово, — продолжал Ольсен. — Но тут вы бросились в воду на глазах Гуттиэре, а Зурита случайно встретил Гуттиэре вместе с вами. Рано утром, перед тем как идти на завод, я зашел к Гуттиэре. Я нередко делал это и раньше. Бальтазар как будто относился ко мне благосклонно. Быть может, он побаивался моих кулаков, а может быть — смотрел на меня как на второго жениха, если бы Зурита надоело упрямство Гуттиэре. По крайней мере Бальтазар не мешал нам и только просил не попадаться вместе на глаза Зурита. Конечно, старый индеец не подозревал о наших планах. В это утро я хотел сообщить Гуттиэре, что купил билеты на пароход и что она должна быть готова к десяти часам вечера. Меня встретил Баль-

тазар, он был взволнован. «Гуттиэре нет дома. И ее... вообще нет дома, — сказал мне Бальтазар. — Полчаса тому назад к дому подъехал Зурита в новеньком блестящем автомобиле. Каково! — воскликнул Бальтазар. — Автомобиль — редкость на нашей улице, особенно если автомобиль подкатывает прямо к твоему дому. Я и Гуттиэре выбежали на улицу. Зурита уже стоял на земле возле открытой дверцы автомобиля и предложил Гуттиэре довезти ее до рынка и обратно. Он знал, что Гуттиэре в это время ходит на рынок. Гуттиэре посмотрела на блестящую машину. Сами понимаете, какой это соблазн для молодой девушки. Но Гуттиэре хитра и недоверчива. Она вежливо отказалась. «Видели вы таких упрямых девушек!» — с гневом воскликнул Бальтазар, но тут же расхохотался. Но Зурита не растерялся. «Я вижу, вы стесняетесь, — сказал он, — так позвольте, я помогу вам». Схватил ее, усадил в автомобиль, Гуттиэре успела только крикнуть: «Отец!» — их и след простыл.

«Я думаю, они больше не вернутся. Увез ее к себе Зурита», — закончил свой рассказ Бальтазар, и было видно, что он очень доволен происшедшим.

«У вас на глазах похитили дочь, и вы так спокойно, даже радостно рассказываете об этом!» — возмущенно сказал я Бальтазару.

«О чем мне беспокоиться? — удивился Бальтазар. — Будь это другой человек, тогда другое дело, а Зурита я давно знаю. Уж если он, скряга, на автомобиль денег не пожалел, то, значит, Гуттиэре ему сильно нравится. Увез, так женится. А ей урок: не будь упряма. Богатые люди на дороге не валяются. Плакать ей не о чем. У Зурита есть гасиенда «Долорес» недалеко от города Параны. Там живет его мать. Туда, наверно, и повез он мою Гуттиэре».

— И вы не побили Бальтазара? — спросил Ихтиандр.

— Вас послушать, так я только и должен делать, что драться, — ответил Ольсен. — Признаться, сра-

зу я хотел поколотить Бальтазара. Но потом решил, что только испорчу дело. Я полагал, что не все еще потеряно... Не буду передавать вам подробностей. Как я уже сказал, мне удалось повидаться с Гуттиэре.

— В гасиенде «Долорес»?

— Да.

— И вы не убили этого негодяя Зурита и не освободили Гуттиэре?

— Опять бить, да еще убивать. Кто бы мог подумать, что вы такой кровожадный?

— Я не кровожадный, — со слезами на глазах воскликнул Ихтиандр. — Но ведь это же возмутительно!

Ольсену стало жалко Ихтиандра.

— Вы правы, Ихтиандр, — сказал Ольсен, — Зурита и Бальтазар — недостойные люди, они заслуживают гнева и презрения. Их стоило бы побить. Но жизнь сложнее, чем вы, по-видимому, представляете. Гуттиэре сама отказалась бежать от Зурита.

— Сама? — не поверил Ихтиандр.

— Да, сама.

— Почему?

— Во-первых, она убеждена, что вы покончили с собой — утопились из-за нее. Ваша смерть угнетает ее. Она, бедняжка, видимо, очень любила вас. «Теперь моя жизнь кончена, Ольсен, — сказала она мне. — Теперь мне ничего не нужно. Я ко всему безразлична. Я ничего не понимала, когда приглашенный Зурита священник обвенчал нас. «Ничто не делается без воли божьей, — так сказал священник, надевая мне на палец обручальное кольцо. — А то, что соединил бог, человек не должен разлучать». Я буду несчастна с Зурита, но я боюсь навлечь на себя гнев божий и потому не покину его».

— Но ведь это же все глупости! Какой бог? Отец говорит, что бог — сказка для маленьких детей! — горячо воскликнул Ихтиандр. — Неужели вы не могли убедить ее?

— К сожалению, Гуттиэре верит этой сказке.

Миссионеры успели сделать из нее яростную католичку; я давно пытался, но не мог разуверить ее. Она даже грозила порвать нашу дружбу, если я буду говорить с нею о церкви и боге. Приходилось ждать. А в гасиенде у меня не было и времени долго убеждать ее. Мне удалось перемолвиться с нею лишь несколькими словами. Да, вот что она еще сказала. Обвенчавшись с Гуттиэре, Зурита со смехом воскликнул: «Ну, одно дело сделано! Птичку поймали и посадили в клетку, теперь остается рыбку поймать!» Он объяснил Гуттиэре, а она мне, о какой рыбке идет речь. Зурита едет в Буэнос-Айрес, чтобы поймать «морского дьявола», и тогда Гуттиэре будет миллионершей. Не вы ли это? Вы можете находиться под водой без всякого вреда для себя, пугаете ловцов жемчуга...

Осторожность удерживала Ихтиандра открыть Ольсену свою тайну. Объяснить ее он все равно не смог бы. И, не отвечая на вопрос, он сам спросил:

— А зачем Зурита «морской дьявол»?

— Педро хочет заставить «дьявола» ловить жемчужины. И если вы «морской дьявол», берегитесь!..

— Благодарю за предупреждение, — сказал юноша.

Ихтиандр не подозревал, что его проделки известны всем на берегу, что о нем много писали в газетах и журналах.

— Я не могу, — вдруг заговорил Ихтиандр, — я должен видеть ее. Повидаться с нею хотя бы в последний раз. Город Парана? Да, знаю. Путь туда лежит вверх по реке Паране. Но как дойти от города Параны до гасиенды «Долорес»?

Ольсен объяснил.

Ихтиандр крепко пожал руку Ольсену.

— Простите меня. Я считал вас врагом, но неожиданно нашел друга. Прощайте. Я отправляюсь разыскивать Гуттиэре.

— Сейчас? — спросил, улыбаясь, Ольсен.

— Да, не теряя ни одной минуты, — ответил Ихтиандр, прыгая в воду, и поплыл к берегу.

Ольсен только покачал головой.

Часть вторая

В ПУТИ

Ихтиандр быстро собрался в путь. Он достал спрятанные на берегу костюм и башмаки, привязал их к спине ремнем, на котором висел нож. Надел очки и перчатки и отправился.

В заливе Рио-де-Ла-Плата стояло много океанских пароходов и кораблей, шхун и баркасов. Между ними сновали небольшие паровые каботажные катера. Из-под воды их днища напоминали водяных жуков, двигавшихся по поверхности во все стороны. Якорные цепи и тросы поднимались со дна, как тонкие стволы подводного леса. Дно залива было покрыто всякими отбросами, железным ломом, кучами просыпанного каменного угля и выброшенного шлака, обрывками старых шлангов, кусками парусов, бидонами, кирпичами, битыми бутылками, банками из-под консервов, а поближе к берегу трупами собак и кошек.

Тонкий слой нефти покрывал поверхность. Солнце еще не зашло, но здесь стояли зеленовато-серые сумерки. Река Парана несла песок и ил, мутившие воду залива.

Ихтиандр мог бы заблудиться среди этого лабиринта судов, но компасом ему служило легкое течение впадавшей в залив реки. «Удивительно, как неопрятны люди», — думал он, брезгливо рассматривая дно, напоминавшее свалку мусора. Он плыл посередине залива, ниже килевой части кораблей. В загрязненных водах залива ему трудно было дышать, как человеку в душной комнате.

В нескольких местах на дне ему встретились трупы людей и скелеты животных. У одного трупа был расколот череп, а на шее виднелась веревка с привязанным камнем. Здесь было погребено чье-то преступление. Ихтиандр спешил скорее выплыть из этих мрачных мест.

Но чем выше он поднимался по заливу, тем сильнее чувствовалось встречное течение. Плыть было трудно. В океане бывают течения, но там они помогали ему: юноша хорошо знал их. Он пользовался ими, как моряк попутным ветром. Здесь было только одно встречное течение. Ихтиандр был испытанным пловцом, но его раздражало, что он так медленно подвигался вперед.

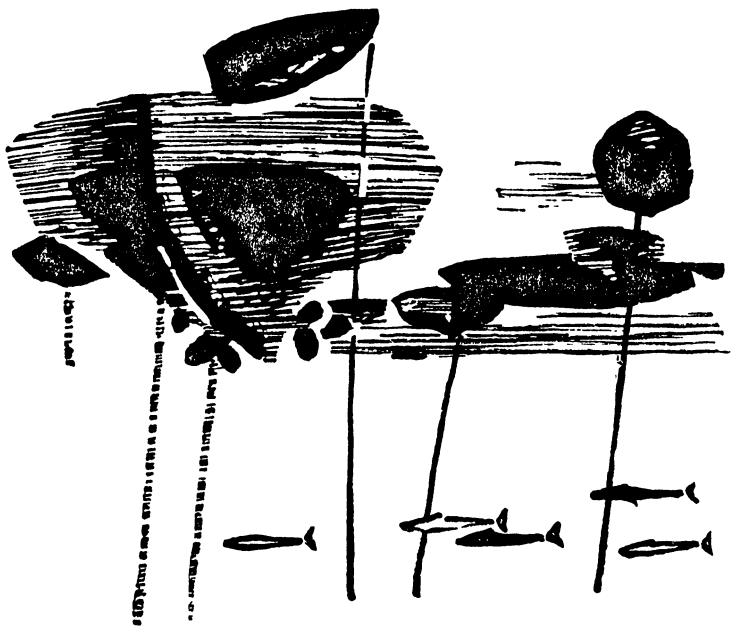
Что-то вдруг пролетело совсем близко, едва не задев его. Это бросили якорь с какого-то судна. «Од-

нако здесь плыть не безопасно», — подумал Ихтиандр и огляделся. Он увидел, что его нагоняет большой пароход.

Ихтиандр опустился еще ниже, и когда дно ко-

рабля проходило над ним, он ухватился за киль. Полипы облепили железо шероховатой массой, за которую можно было держаться. Лежать под водой в таком положении было не очень удобно, но зато теперь он находился под прикрытием и быстро плыл, увлекаемый пароходом.

Дельта кончилась, и пароход поплыл по реке Паране. Воды реки несли в себе огромное количество ила. В этой пресной воде Ихтиандр дышал тяжело. Его руки онемели, но он не хотел расстаться



с пароходом. «Как жаль, что я не мог отправиться в это путешествие с Лидингом!» — вспомнил он о дельфине. Но дельфина могли убить в реке. Лидинг не мог плыть под водой весь путь, а Ихтиандр

опасался подняться на поверхность реки, где было слишком большое движение.

Руки Ихтиандра уставали все больше. Вдобавок он сильно проголодался, так как весь день ничего не ел. Пришлось сделать остановку. Расставшись с килем парохода, он опустился на дно.

Сумерки сгущались. Ихтиандр осмотрел илистое дно. Но он не нашел ни распластанных камбал, ни устричных раковин. Возле него шныряли пресноводные рыбы, но он не знал их повадок, и они казались ему более хитрыми, чем морские. Поймать их было трудно. Только когда наступила ночь и рыбы уснули, Ихтиандру удалось поймать большую щуку. Мясо ее было жестким и отдавало тиной, но проголодавшийся юноша с аппетитом ел ее, глотая целые куски с костями.

Надо было отдохнуть. В этой реке по крайней мере можно было спокойно выспаться, не опасаясь ни акул, ни спрутов. Но нужно было позаботиться о том, чтобы во время сна течение не унесло его вниз. Ихтиандр нашел на дне несколько камней, сдвинул их грядой и улегся, обхватив один камень рукой.

Спал он, однако, недолго. Вскоре он почувствовал, что приближается какой-то пароход. Ихтиандр открыл глаза и увидел сигнальные фонари. Пароход шел снизу. Юноша быстро поднялся и приготовился ухватиться за пароход. Но это была моторная лодка с совершенно гладким дном. Ихтиандр, делая напрасные попытки зацепиться за дно, едва не попал под винт.

Несколько пароходов прошли вниз по течению, пока, наконец, Ихтиандр сумел прицепиться к пассажирскому пароходу, идущему вверх по реке.

Так добрался Ихтиандр до города Параны. Первая часть его путешествия кончилась. Но оставалась еще самая трудная — наземная.

Ранним утром Ихтиандр отплыл из шумной гавани города в безлюдную местность, осторожно огляделся и вылез на берег. Он снял очки и перчатки, закопал их в прибрежном песке, высушил

на солнце свой костюм и оделся. В измятом костюме он выглядел бродягой. Но об этом он мало думал.

Ихтиандр отправился вдоль правого берега, как ему указал Ольсен, расспрашивая встречных рыбаков, не знают ли они, где находится гасиенда «Долорес» Педро Зурита.

Рыбаки подозрительно осматривали его и отрицательно покачивали головами.

Проходил час за часом, жара все усиливалась, а поиски ни к чему не приводили. На земле Ихтиандр совсем не умел находить дорогу в незнакомых местах. Зной утомлял его, у него кружилась голова, и он плохо соображал.

Чтобы освежиться, Ихтиандр несколько раз раздевался и погружался в воду.

Наконец около четырех часов дня ему посчастливилось встретить старого крестьянина, по виду батрака. Выслушав Ихтиандра, старик кивнул головой и сказал:

— Иди вот так, все по этой дороге, полями. Дойдешь до большого пруда, перейдешь мост, поднимешься на небольшой пригорок, там тебе и будет усатая донна Долорес.

— Почему усатая? «Долорес» — ведь это гасиенда?

— Да, гасиенда. Но старую хозяйку гасиенды зовут тоже Долорес. Долорес — мать Педро Зурита. Полная усатая старуха. Не вздумай наняться к ней на работу. Живьем съест. Настоящая ведьма. Говорят, Зурита молодую жену привез. Не будет ей житья от свекрови, — рассказывал словоохотливый крестьянин.

«Это про Гуттиэре», — подумал Ихтиандр.

— А далеко? — спросил он.

— К вечеру дойдешь, — ответил старик, посмотрев на солнце.

Поблагодарив старика, Ихтиандр быстро зашагал по дороге мимо полей пшеницы и кукурузы. От быстрой ходьбы он начал уставать. Дорога тянулась бесконечной белой лентой. Пшеничные поля

сменялись выгонами с высокой густой травой, на выгонах паслись стада овец.

Ихтиандр изнемогал, усиливались режущие боли в боках. Томила жажда. Кругом — ни капли воды. «Хоть бы скорее пруд!» — думал Ихтиандр. Его щеки и глаза ввалились, он тяжело дышал. Хотелось есть. Но чем здесь пообедать? Далеко на лугу паслось стадо баранов под охраной пастуха и собак. Через каменный забор свешивались ветки персиковых и апельсиновых деревьев, а на них зрелые плоды. Здесь не то, что в океане. Здесь все чужое, все поделено, все разгорожено, все охраняется. Одни только вольные птицы ничьи, летают, кричат вдоль дороги. Но их не поймать. Да можно ли еще ловить этих птиц? Быть может, и они кому-нибудь принадлежат. Здесь легко умереть от голода и жажды среди водоемов, садов и стад.

Навстречу Ихтиандру шел, заложив руки за спину, толстый человек, в белом кителе с блестящими пуговицами, в белой фуражке, с кобурой на поясе.

— Скажите, далеко ли гасиенда «Долорес»? — спросил Ихтиандр.

Толстый человек подозрительно оглядел Ихтиандра.

— А тебе что нужно? Откуда идешь?

— Из Буэнос-Айреса...

Человек в кителе насторожился.

— Мне нужно там повидать кое-кого, — добавил Ихтиандр.

— Протяни руки, — сказал толстый человек.

Это удивило Ихтиандра, но, не предполагая ничего плохого, он протянул руки. Толстяк вынул из кармана «браслеты» (ручные кандалы) и быстро защелкнул их на руках Ихтиандра.

— Вот и попался, — пробормотал человек с блестящими пуговицами и, толкнув Ихтиандра в бок, крикнул: — Иди! Я проведу тебя к «Долорес».

— Зачем вы сковали мои руки? — недоумевая, спросил Ихтиандр, поднимая руки и разглядывая «браслеты».

— Нечего разговаривать! — строго прикрикнул толстяк. — Ну, иди!

Ихтиандр, склонив голову, поплелся по дороге. Хорошо еще, что его не заставили идти назад. Он не понимал, что с ним произошло. Он не знал, что прошлою ночью на соседней ферме было совершено убийство и ограбление, и теперь полиция искала преступников. Не догадывался он и о том, что в своем измятом костюме имел подозрительный вид. Его неопределенный ответ о цели путешествия окончательно решил его судьбу.

Полицейский арестовал Ихтиандра и теперь вел его в ближайшее селение, чтобы отправить в Парану, в тюрьму.

Ихтиандр понял только одно: он лишен свободы и в его путешествии наступила досадная задержка. Он решил во что бы то ни стало вернуть себе свободу при первой же возможности.

Толстый полицейский, довольный удачей, закурил длинную сигару. Он шел позади, обдавая Ихтиандра клубами дыма. Ихтиандр задыхался.

— Нельзя ли не пускать дым, мне тяжело дышать, — обернувшись, сказал он своему конвоиру.

— Что-о? Просят не курить? Ха-ха-ха! — Полицейский засмеялся, все лицо его собралось в морщины. — Подумаешь, какие нежности! — и, выпустив в лицо юноши клубы дыма, он крикнул: — Пошел!

Юноша повиновался.

Наконец Ихтиандр увидел пруд с перекинутым через него узким местом и невольно ускорил шаги.

— Не спеши к своей Долорес! — крикнул толстяк.

Они взошли на мост. На середине моста Ихтиандр вдруг перегнулся через перила и бросился в воду.

Полицейский никак не ожидал такого поступка от человека со скованными руками.

Но зато Ихтиандр не ожидал от толстяка того, что тот сделал в следующее мгновение. Полицейский бросился в воду вслед за Ихтиандром, — он опасался, что преступник может утонуть. Полицей-

ский хотел доставить его живым: арестованный, утонувший с ручными кандалами, мог наделать много хлопот. Полицейский так быстро последовал за Ихтиандром, что успел ухватить его за волосы, и не отпускал. Тогда Ихтиандр, рискуя лишиться волос, потянул полицейского на дно. Вскоре Ихтиандр почувствовал, что рука полицейского разжалась и отпустила волосы. Ихтиандр отплыл на несколько метров в сторону и выглянул из воды, чтобы посмотреть, выплыл ли полицейский. Тот уже барахтался на поверхности и, увидев голову Ихтиандра, закричал:

— Утонешь, подлец! Плыви ко мне!

«А ведь это мысль», — подумал Ихтиандр и вдруг закричал:

— Спасите! Тону... — и опустился на дно.

Из-под воды он наблюдал за полицейским, как тот, ныряя, искал его. Наконец, видимо отчаявшись в успехе, полицейский выплыл на берег.

«Сейчас уйдет», — подумал Ихтиандр. Но полицейский не уходил. Он решил остаться возле трупа, пока не прибудут следственные органы. То, что утопленник лежит на дне пруда, не меняло дела.

В это время через мост проезжал крестьянин верхом на муле, навьюченном мешками. Полицейский приказал крестьянину сбросить мешки и отправиться в ближайший полицейский участок с запиской. Дело приобретало для Ихтиандра скверный оборот. К тому же в пруду водились пиявки. Они впивались в Ихтиандра, и он не успевал отрывать их от тела. Но делать это нужно было осторожно, чтобы не волновать стоячую воду и этим не привлечь внимания полицейского.

Через полчаса вернулся крестьянин, показал рукой на дорогу, уложил свои мешки на спину мула и поспешно уехал. Минут через пять к берегу приблизились трое полицейских. Двое из них несли на голове легкую лодку, а третий — багор и весло.

Лодку спустили на воду и начали искать утопленника. Ихтиандр не боялся поисков. Для него это

была почти игра — он только переходил с места на место. Все дно пруда возле моста тщательно обыскали багром, но трупа не обнаружили.

Полицейский, арестовавший Ихтиандра, с удивлением разводил руками. Ихтиандра это даже забавляло. Но скоро ему пришлось плохо. Полицейские подняли своим багром со дна пруда тучи ила. Вода замутилась. Теперь Ихтиандр не мог ничего рассмотреть на расстоянии протянутой руки, а это уже было опасно. Но главное — ему трудно было дышать жабрами в этой воде, бедной кислородом. А тут еще эти тучи ила.

Ихтиандр задыхался и чувствовал в жабрах все усиливающееся жжение. Невозможно было дольше терпеть. У него вырвался невольный стон, несколько пузырей вылетело из его рта. Что делать? Выйти из пруда — другого выхода не было. Надо было выйти, чем бы это ни грозило. Его, конечно, сейчас же схватят, может быть, изобьют, отправят в тюрьму. Но все равно. Ихтиандр, шатаясь, побрел к мелководью и поднял голову над водой.

— А-а-а-а!.. — не своим голосом закричал полицейский, бросаясь через борт лодки в воду, чтобы скорее доплыть до берега.

— Иисус-Мария! О-о!.. — вскричал другой, падая на дно лодки.

Двое полицейских, оставшихся на берегу, шептали молитвы. Бледные, они дрожали от страха, стараясь спрятаться друг за друга.

Ихтиандр не ожидал этого и не сразу понял причину их испуга. Потом он вспомнил, что испанцы очень религиозны и суеверны. Вероятно, полицейские вообразили, что они видят перед собою выходца с того света. Ихтиандр решил испугать их еще больше: он оскалил зубы, закатил глаза, завыл страшным голосом, медленно направляясь к берегу; он поднялся на дорогу, умышленно медленно и удалился размеренным шагом.

Ни один полицейский не шевельнулся, не задержал Ихтиандра. Суеверный ужас, боязнь привидения помешали им выполнить долг службы.

ЭТО «МОРСКОЙ ДЬЯВОЛ»!

Мать Педро Зурита — Долорес — была полная, сырая старуха с крючковатым носом и выдающимся подбородком. Густые усы придавали ее лицу странный и непривлекательный вид. Это редкое для женщины украшение и закрепило за ней в округе кличку «усатая Долорес».

Когда ее сын явился к ней с молодой женой, старуха бесцеремонно осмотрела Гуттиэре. Долорес прежде всего искала в людях недостатки. Красота Гуттиэре поразила старуху, хотя она ничем не выдала этого. Но такова уж была «усатая Долорес»: поразмыслив у себя на кухне, она решила, что красота Гуттиэре — недостаток.

Оставшись вдвоем с сыном, старуха неодобрительно покачала головой и сказала:

— Хороша! Даже слишком хороша! — И, вздохнув, прибавила: — Наживешь ты хлопот с такой красавицей... Да. Лучше бы ты женился на испанке. — Подумав еще, она продолжала: — И горда. А руки мягкие, нежные, — белоручка будет.

— Обломаем, — ответил Педро и углубился в хозяйственные счеты.

Долорес зевнула и, чтобы не мешать сыну, вышла в сад подышать вечерней прохладой. Она любила помечтать при луне.

Мимозы наполняли сад приятным ароматом. Белые лилии сверкали при лунном свете. Едва заметно шевелились листья лавров и фикусов.

Долорес уселась на скамью среди мирт и предалась своим мечтам: вот она прикупит соседний участок, разведет тонкорунных овец, выстроит новые сараи.

— О, чтоб вас! — сердито крикнула старуха, ударяя себя по щеке. — Эти москиты и посидеть спокойно не дадут человеку.

Незаметно облака затянули небо, и весь сад погрузился в полумрак. На горизонте резче выступила светло-голубая полоса — отражение огней города Параны.

И вдруг над низким каменным забором она увидела человеческую голову. Кто-то поднял руки, скованные кандалами, и осторожно перепрыгнул через стену.

Старуха испугалась. «В сад забрался каторжник», — решила она. Она хотела крикнуть, но не могла, пыталась подняться и бежать, но ноги ее подкашивались. Сидя на скамейке, следила она за неизвестным.

А человек в кандалах, осторожно пробираясь между кустами, приближался к дому, заглядывая в окна.

И вдруг — или она ослышалась — каторжник тихо позвал:

— Гуттиэре!

«Так вот она, красота-то! Вот с кем знакомство водит! Чего доброго, эта красавица убьет меня с сыном, ограбит гасиенду и сбежит с каторжником», — думала Долорес.

Старуху вдруг охватило чувство глубокой ненависти к снохе и горького злорадства. Это придало ей силы. Она вскочила и побежала в дом.

— Скорей! — шепотом сказала Долорес сыну.— В сад забрался каторжник. Он звал Гуттиэре.

Педро выбежал с такой поспешностью, как будто дом был объят пламенем, схватил лопату, лежавшую на дорожке, и побежал вокруг дома.

У стены стоял неизвестный в грязном, измятом костюме, со скованными руками и смотрел в окно.

— Проклятие!.. — пробормотал Зурита и опустил лопату на голову юноши.

Без единого звука юноша упал на землю.

— Готов... — тихо сказал Зурита.

— Готов, — подтвердила следовавшая за ним Долорес таким тоном, как будто ее сын раздавил ядовитого скорпиона.

Зурита вопросительно посмотрел на мать.

— Куда его?

— В пруд, — указала старуха. — Пруд глубокий.

— Всплывет.

— Камень привяжем. Я сейчас...

Долорес побежала домой и торопливо начала искать мешок, в который можно было бы положить труп убитого. Но еще утром все мешки она отправила с пшеницей на мельницу. Тогда она достала наволочку и длинную бечевку.

— Мешков нет, — сказала она сыну. — Вот, в наволочку положи камней и привяжи бечевкой к кандалам...

Зурита кивнул головой, взвалил труп на плечи и поволок его в конец сада, к небольшому пруду.

— Не запачкайся, — шепотом говорила Долорес, ковыляя за сыном с наволочкой и бечевкой.

— Смоешь,—ответил Педро, свешивая, однако, голову юноши ниже, чтобы кровь стекала на землю.

У пруда Зурита быстро набил наволочку камнями, крепко привязал ее к рукам юноши и бросил тело в пруд.

— Теперь надо переодеться. — Педро посмотрел на небо. — Дождь собирается. Он смоет к утру следы крови на земле.

— В пруду... вода не станет розовой от крови? — спросила «усатая Долорес».

— Не станет. Пруд проточный... О-о, проклятие! — прохрипел Зурита, направляясь к дому, и погрозил кулаком одному из окон.

— Вот она, красота-то! — хныкала старуха, следуя за сыном.

Гуттиэре отвели комнату в мезонине. Она не могла уснуть в эту ночь. Было душно, одолевали москиты. Невеселые мысли приходили в голову Гуттиэре. Она не могла забыть Ихтиандра, его смерти. Мужа она не любила, свекровь вызывала отвращение. И с этой усатой старухой Гуттиэре предстояло жить...

В эту ночь Гуттиэре почудился голос Ихтиандра. Он звал ее по имени. Какой-то шум, чьи-то приглушенные голоса доносились из сада. Гуттиэре решила, что ей так и не удастся уснуть в эту ночь. Она вышла в сад.

Солнце еще не всходило. Сад был погружен в су-

мерки утренней зари. Тучи угнало. На траве и деревьях сверкала обильная роса. В легком халате, босиком Гуттиэре шла по траве. Вдруг она остановилась и внимательно стала разглядывать землю. На дорожке, против ее окна, песок был запятнан кровью. Тут же валялась окровавленная лопата.

Ночью здесь произошло какое-то преступление. Иначе откуда могли появиться эти следы крови?

Гуттиэре невольно пошла по следам, и они привели ее к пруду.

«Не в этом ли пруду скрыты последние следы преступления?» — подумала она, со страхом вглядываясь в зеленоватую поверхность.

Из-под зеленоватой воды пруда на нее смотрело лицо Ихтиандра. Кожа на его виске была рассечена. На лице отражалось страдание и в то же время радость.

Гуттиэре смотрела, не отрываясь, на лицо утонувшего Ихтиандра. Неужели она сошла с ума?

Гуттиэре хотела бежать прочь. Но она не могла уйти, не могла оторвать от него глаз.

А лицо Ихтиандра медленно поднималось из воды. Оно уже показалось над поверхностью, всколыхнув тихие воды. Ихтиандр протянул к Гуттиэре скованные руки и с бледной улыбкой сказал, впервые обращаясь к ней на «ты»:

— Гуттиэре! Дорогая моя! Наконец-то, Гуттиэре, я... — Но он не договорил.

Гуттиэре схватилась за голову и в испуге закричала:

— Сгинь! Пропади, несчастный призрак! Ведь я знаю, что ты мертв. Зачем ты являешься ко мне?

— Нет, нет, Гуттиэре, я не мертв, — поспешно ответил призрак, — я не утонул. Прости меня... я скрыл от тебя... Я не знаю, зачем я это сделал... Не уходи, выслушай меня. Я живой, — вот прикоснись к моим рукам...

Он протягивал к ней скованные руки. Гуттиэре продолжала смотреть на него.

— Не бойся, я ведь живой... Я могу жить под водой. Я не такой, как все люди. Я один могу жить

под водой. Я не утонул тогда, бросившись в море. Я бросился потому, что мне было тяжело дышать на воздухе.

Ихтиандр пошатнулся и продолжал так же поспешно и бессвязно:

— Я искал тебя, Гуттиэре. Сегодня ночью твой муж ударил меня по голове, когда я подошел к твоему окну, и бросил меня в пруд. В воде я пришел в себя. Мне удалось снять мешок с камнями, но этого, — Ихтиандр указал на наручники, — я не мог снять...

Гуттиэре начала верить, что перед ней не призрак, а живой человек.

— Но почему у вас скованы руки? — спросила она.

— Я потом расскажу тебе об этом... Бежим со мной, Гуттиэре. Мы укроемся у моего отца, там нас никто не найдет... И мы будем жить с тобою... Ну, возьми же мои руки, Гуттиэре... Ольсен сказал, что меня называют «морским дьяволом», но ведь я человек. Почему же ты боишься меня?

Ихтиандр вышел из пруда весь в тине. Он в изнеможении опустился на траву.

Гуттиэре наклонилась над ним и, наконец, взяла его за руку.

— Бедный мой мальчик, — сказала она.

— Какая приятная встреча! — вдруг послышался насмешливый голос.

Они оглянулись и увидели стоявшего неподалеку Зурита.

Зурита, так же как и Гуттиэре, не спал эту ночь. Он вышел в сад на крик Гуттиэре и слышал весь разговор. Когда Педро узнал, что перед ним «морской дьявол», за которым он так долго и безуспешно охотился, он обрадовался и сразу же решил отвезти Ихтиандра на «Медузу». Но, обдумав, он решил поступить иначе.

— Вам не удастся, Ихтиандр, увезти Гуттиэре к доктору Сальватору, потому что Гуттиэре — моя жена. Едва ли вы сами вернетесь к вашему отцу. Вас ждет полиция.

— Но я ни в чем не виновен! — воскликнул юноша.

— Без вины полиция не награждает людей такими «браслетами». И если уже вы попались в мои руки, мой долг — передать вас полиции.

— Неужели вы сделаете это? — с негодованием спросила мужа Гуттиэре.

— Я обязан это сделать, — ответил Педро, пожимая плечами.

— Хорош бы он был, — вдруг вмешалась в разговор появившаяся Долорес, — если бы отпустил на все четыре стороны каторжника! За что? Не за то ли, что этот кандальник подглядывает под чужими окнами и собирается похищать чужих жен?

Гуттиэре подошла к мужу, взяла его за руки и ласково сказала:

— Отпустите его. Прошу вас. Я ни в чем не виновата перед вами...

Долорес, испугавшись, как бы ее сын не уступил жене, замахала руками и закричала:

— Не слушай ее, Педро!

— Перед просьбой женщины я бессилен, — любезно сказал Зурита. — Я согласен.

— Не успел жениться, как попал под башмак жены, — ворчала старуха.

— Подожди, мать. Мы распилим ваши кандалы, молодой человек, переоденем вас в более приличный костюм и доставим на «Медузу». В Рио-де-Ла-Плата вы можете спрыгнуть с борта и плыть куда вам заблагорассудится. Но я отпущу вас с одним условием: вы должны забыть Гуттиэре. А тебя, Гуттиэре, я возьму с собой. Так будет безопаснее.

— Вы лучше, чем я думала о вас, — искренне сказала Гуттиэре.

Зурита самодовольно покрутил усы и поклонился жене.

Долорес хорошо знала своего сына, — она быстро догадалась, что он замышляет какую-то хитрость. Но чтобы поддержать его игру, она для вида раздраженно проворчала:

— Очаровала! Сиди теперь под башмаком!

— Завтра приезжает Сальватор. Лихорадка задержала меня, а нам с тобой надо о многом поговорить, — сказал Кристо, обращаясь к Бальтазару. Они сидели в лавке Бальтазара. — Слушай, брат, слушай внимательно и не перебивай меня, чтобы я не забыл, о чем надо говорить.

Кристо помолчал, собираясь с мыслями, и продолжал:

— Мы много потрудились с тобой для Зурита. Он богаче нас с тобой, но он хочет быть богаче самого себя. Он хочет поймать «морского дьявола»...

Бальтазар сделал движение.

— Молчи, брат, молчи, иначе я забуду, что хотел сказать. Зурита хочет, чтобы «морской дьявол» был у него рабом. А знаешь ты, что такое «морской дьявол»? Это клад. Это неистощимое богатство. «Морской дьявол» может собирать на дне морском жемчуг — много прекрасных жемчужин. Но «морской дьявол» может добывать со дна моря не только жемчуг. На дне моря много потонувших кораблей с несметными сокровищами. Он может добыть их для нас. Я говорю для нас, а не для Зурита. Знаешь ли ты, брат, что Ихтиандр любит Гуттиэре?

Бальтазар хотел что-то сказать, но Кристо не дал ему говорить.

— Молчи и слушай. Я не могу говорить, когда меня перебивают. Да, Ихтиандр любит Гуттиэре. От меня ничего не скроешь. Когда я это узнал, я сказал: «Хорошо. Пусть Ихтиандр еще сильнее полюбит Гуттиэре. Он будет лучшим мужем и зятем, чем этот Зурита». И Гуттиэре любит Ихтиандра. Я следил за ними, не мешая Ихтиандру. Пусть встречаются.

Бальтазар вздохнул, но не перебил рассказчика.

— И это еще не все, брат. Слушай дальше. Я хочу напомнить тебе то, что было много лет тому назад. Я сопровождал твою жену, — этому уже лет двадцать, — когда она возвращалась от родных. По-

мнишь, она ездила в горы хоронить свою мать. В дороге твоя жена умерла от родов. Умер и ребенок. Тогда я не сказал тебе всего, я не хотел огорчить тебя. Теперь скажу. Твоя жена умерла в дороге, но ребенок был еще жив, хотя и очень слаб. Случилось это в индейской деревне. Одна старуха сказала мне, что недалеко от них живет великий чудотворец, бог Сальватор...

Бальтазар насторожился.

— И она посоветовала мне отнести ребенка Сальватору, чтобы он спас его от смерти. Я послушался доброго совета и отнес ребенка Сальватору. «Спасите его», — сказал я. Сальватор взял мальчика, покачал головой и сказал: «Трудно спасти его». И унес. Я ждал до вечера. Вечером вышел негр и сказал: «Ребенок умер». Тогда я ушел.

— Так вот, — продолжал Кристо, — Сальватор сказал через своего негра, что ребенок умер. У новорожденного ребенка — твоего сына — я приметил родимое пятно. Я хорошо помню, какой формы было это пятно. — Помолчав, Кристо продолжал: — Не так давно кто-то ранил Ихтиандра в шею. Делая ему перевязку, я приоткрыл ворот его чешуи и увидел родимое пятно точно такой же формы, как у твоего сына.

Бальтазар посмотрел на Кристо широко открытыми глазами и, волнуясь, спросил:

— Ты думаешь, что Ихтиандр мой сын?

— Молчи, брат, молчи и слушай. Да, я это думаю. Я думаю, что Сальватор сказал неправду. Твой сын не умер, и Сальватор сделал из него «морского дьявола».

— О-о!.. — вне себя закричал Бальтазар. — Как он смел! Я убью Сальватора своими собственными руками!

— Молчи! Сальватор сильнее тебя. И потом, может быть, я ошибся. Двадцать лет прошло. Родимое пятно на шее может быть и у другого человека. Ихтиандр — твой сын, а может быть, — и не сын. Тут надо быть осторожным. Ты пойдешь к Сальватору и скажешь, что Ихтиандр твой сын. Я буду твоим сви-

детелем. Ты потребуешь, чтобы он отдал тебе сына. А не отдаст, ты скажешь, что донесешь на него в суд за то, что он калечит детей. Этого он побоится. Если же это не поможет, ты пойдешь в суд. Если же в суде нам не удастся доказать, что Ихтиандр твой сын, то он женится на Гуттиэре; ведь Гуттиэре твоя приемная дочь. Ты тогда тосковал о жене и сыне, и я разыскал тебе эту сироту Гуттиэре...

Бальтазар вскочил со стула. Он теперь шагал по лавке, задевая крабов и раковины.

— Сын мой! Сын мой! О, какое несчастье!

— Почему несчастье? — удивился Кристо.

— Я не перебивал и внимательно слушал тебя, теперь выслушай ты меня. Пока ты болел лихорадкой, Гуттиэре вышла замуж за Педро Зурита.

Эта новость поразила Кристо.

— А Ихтиандр... бедный сын мой... — Бальтазар опустил голову. — Ихтиандр в руках Зурита!

— Не может быть, — возразил Кристо.

— Да, да. Ихтиандр на «Медузе». Сегодня утром Зурита приходил ко мне. Он смеялся над нами, издевался и бранил нас. Он говорил, что мы обманывали его. Подумай, он сам, без нас, поймал Ихтиандра! Теперь он нам ничего не уплатит. Но я и сам не возьму у него денег. Разве можно продать своего собственного сына?

Бальтазар был в отчаянии. Кристо неодобрительно смотрел на брата. Теперь следовало действовать решительно, Но Бальтазар мог скорее повредить делу, чем помочь. Сам Кристо не очень-то верил в родство Ихтиандра с Бальтазаром. Правда, Кристо видел у новорожденного родимое пятно. Но разве это неоспоримое доказательство? Увидев родимое пятно на шее Ихтиандра, Кристо решил воспользоваться этим сходством и поживиться. Но разве мог он предполагать, что Бальтазар так отнесется к его рассказу? Зато новости, сообщенные Бальтазаром, испугали Кристо.

— Теперь не время для слез. Надо действовать. Сальватор приезжает завтра рано утром. Будь мужественным. Жди меня на восходе солнца на молу.

Надо спасти Ихтиандра. Но, смотри, не говори Сальватору, что ты отец Ихтиандра. Куда направился Зурита?

— Он не сказал, но думаю, что на север. Зурита давно собирается к берегам Панамы.

Кристо кивнул головой.

— Помни же: завтра утром, перед восходом солнца, ты должен быть на берегу. Сиди, не уходи, если бы даже пришлось ожидать до вечера.

Кристо поспешил к себе. Он всю ночь думал о предстоящей встрече с Сальватором. Надо было оправдать себя перед Сальватором.

Сальватор приехал на рассвете. Кристо с лицом, выражавшим огорчение и преданность, сказал, поздоровавшись с доктором:

— У нас случилось несчастье... Много раз я предупреждал Ихтиандра, чтобы он не плавал в заливе...

— Что с ним? — нетерпеливо спросил Сальватор.

— Его украли и увезли на шхуне... Я...

Сальватор крепко сжал плечо Кристо и пристально посмотрел ему в глаза. Это продолжалось одно мгновение, но Кристо невольно изменился в лице под этим испытующим взглядом. Сальватор нахмурился, пробормотал что-то и, разжав пальцы на плече Кристо, быстро проговорил:

— Об этом ты подробно расскажешь мне после.

Сальватор позвал негра, сказал ему несколько слов на непонятном Кристо языке и, обратившись к индейцу, повелительно крикнул:

— Иди за мной!

Не отдыхая, не переодеваясь с дороги, Сальватор вышел из дому и быстро пошел в сад. Кристо едва поспевал за ним. У третьей стены их нагнали два негра.

— Я сторожил Ихтиандра, как верная собака, — сказал Кристо, задыхаясь от быстрой ходьбы. — Я не отходил от него...

Но Сальватор не слушал. Доктор стоял уже около бассейна и нетерпеливо стучал ногой, пока вода вытекала в открывшиеся в бассейне шлюзы.

— Иди за мной, — снова приказал Сальватор, спускаясь по подземной лестнице.

Кристо и два негра шли за Сальватором в полном мраке. Сальватор прыгал через несколько ступеней, как человек, хорошо знакомый с подземным лабиринтом.

Спустившись на нижнюю площадку, Сальватор не повернул выключателя, как в первый раз, а, пошарив впотьмах рукой, открыл дверь в правой стене и пошел по темному коридору. Здесь не было ступеней, и Сальватор шел еще быстрее, не зажигая огня.

«Вдруг я провалюсь в какую-нибудь ловушку и утону в колодце?» — думал Кристо, стараясь поспеть за Сальватором.

Они долго шли, и, наконец, Кристо почувствовал, что пол покато спускается вниз. Иногда Кристо казалось, что он слышит слабый плеск воды. Но вот их путешествие окончилось. Сальватор, ушедший вперед, остановился и включил свет. Кристо увидел, что он находится в большом, залитом водой длинном гроте с овальным сводом. Этот свод, уходя вдаль, постепенно понижался к воде. На воде у самого края каменного пола, на котором они стояли, Кристо увидел небольшую подводную лодку. Сальватор, Кристо и два негра вошли в нее. Сальватор зажег в каюте свет, один из негров захлопнул верхний люк, другой уже работал у мотора. Кристо почувствовал, что лодка дрогнула, медленно повернулась, опустилась вниз и так же медленно двинулась вперед. Прошло не более двух минут, и они всплыли на поверхность. Сальватор и Кристо вышли на мостик. Кристо никогда не приходилось плавать на подводных лодках. Но эта лодка, скользившая теперь по поверхности океана, могла бы удивить даже кораблестроителя. Она была необычайной конструкции, и, очевидно, мотор ее был огромной мощности. Еще не пущенная на полный ход, лодка быстро подвигалась вперед.

— Куда направились похитители Ихтиандра?

— Вдоль берега на север, — ответил Кристо. —

Я бы осмелился предложить вам захватить с собой моего брата. Я предупредил его, и он ожидает на берегу.

— Зачем?

— Ихтиандра украл ловец жемчуга Зурита.

— Откуда ты знаешь это? — подозрительно спросил Сальватор.

— Я описал брату шхуну, которая захватила Ихтиандра в заливе, и брат признал в ней «Медузу» Педро Зурита. Зурита, вероятно, украл Ихтиандра для ловли жемчуга. А мой брат Бальтазар хорошо знает места лова. Он будет полезен нам.

Сальватор подумал.

— Хорошо! Мы возьмем твоего брата.

Бальтазар ожидал брата на молу. Лодка повернула к берегу. Бальтазар с берега, нахмурившись, смотрел на Сальватора, который отнял, изуродовал его сына. Однако индеец вежливо поклонился Сальватору и вплавь добрался до лодки.

— Полный ход! — отдал Сальватор приказ.

Сальватор стоял на капитанском мостике и зорко всматривался в гладь океана.

НЕОБЫЧАЙНЫЙ ПЛЕННИК

Зурита распилил кандалы, связывавшие руки Ихтиандра, дал ему новый костюм и разрешил захватить с собой спрятанные в песке перчатки и очки. Но как только юноша взошел на палубу «Медузы», по приказанию Зурита его схватили индейцы и посадили в трюм. У Буэнос-Айреса Зурита сделал короткую остановку, чтобы запастись провиантом. Он повидался с Бальтазаром, похвалился своей удачей и поплыл дальше вдоль берега, по направлению к Рио-де-Жанейро. Он предполагал обогнуть восточный берег Южной Америки и начать поиски жемчуга в Караибском море.

Гуттиэре он поместил в капитанской каюте. Зурита уверял ее, что Ихтиандра он отпустил на волю в заливе Рио-де-Ла-Плата. Но эта ложь скоро открылась. Вечером Гуттиэре услыхала крики и стоны, долетавшие из трюма. Она узнала голос Ихтиандра. Зурита в это время был на верхней палубе. Гуттиэре пыталась выйти из каюты, но дверь оказалась на запоре. Гуттиэре начала стучать кулаками, — никто не отзывался на ее крик.

Зурита, услышав крики Ихтиандра, крепко выругался, спустился с капитанского мостика и сошел в трюм вместе с индейцем-матросом. В трюме было необычайно душно и темно.

— Чего ты кричишь? — грубо спросил Зурита.

— Я... я задыхаюсь, — услышал он голос Ихти-

андра. — Я не могу жить без воды. Здесь такая духота. Отпустите меня в море. Я не проживу ночи...

Зурита захлопнул люк в трюм и вышел на палубу.

«Как бы в самом деле он не задохнулся», — озабоченно подумал Зурита. Смерть Ихтиандра была ему совсем невыгодна.

По приказу Зурита в трюм принесли бочку, и матросы натаскали воды.

— Вот тебе ванна, — сказал Зурита, обращаясь к Ихтиандру. — Плавай! А завтра утром я отпущу тебя в море.

Ихтиандр поспешно погрузился в бочку. Стоявшие в дверях индейцы-матросы с недоумением смотрели на это купанье. Они еще не знали, что узник «Медузы» — «морской дьявол».

— Отправляйтесь на палубу! — прикрикнул на них Зурита.

В бочке нельзя было плавать, нельзя было даже выпрямиться во весь рост. Ихтиандру пришлось скорчиться, чтобы окунуться. В этой бочке когда-то хранились запасы солонины. Вода быстро пропиталась этим запахом, и Ихтиандр чувствовал себя немногим лучше, чем в духоте трюма.

Над морем в это время дул свежий юго-восточный ветер, унося шхуну все дальше на север.

Зурита долго стоял на капитанском мостике и только под утро явился в каюту. Он предполагал, что жена его давно спит. Но она сидела на стуле возле узенького столика, положив голову на руки. При его входе Гуттиэре поднялась, и при слабом свете догоравшей лампы, привешенной к потолку, Зурита увидел ее побледневшее, нахмуренное лицо.

— Вы обманули меня, — глухо сказала она.

Под гневным взглядом жены Зурита чувствовал себя не очень хорошо и, чтобы прикрыть невольное смущение, принял непринужденный вид, закрутил свои усы и шутливо ответил:

— Ихтиандр предпочел остаться на «Медузе», чтобы быть ближе к вам.

— Вы лжете! Вы мерзкий, гадкий человек. Я ненавижу вас! — Гуттиэре вдруг выхватила большой нож, висевший на стене, и замахнулась на Зурита.

— Ого!.. — проговорил Зурита. Он быстро схватил Гуттиэре за руку и сжал так сильно, что Гуттиэре выронила нож.

Зурита ногой вышвырнул нож из каюты, отпустил руку жены и сказал:

— Вот так-то лучше! Вы очень взволнованы. Выпейте стакан воды.

И он ушел из каюты, щелкнув ключом, и поднялся на верхнюю палубу.

Восток уже розовел, а легкие облака, освещенные скрытым за горизонтом солнцем, казались пламенными языками. Утренний ветер, соленый и свежий, надувал паруса. Над морем летали чайки, зорко высматривающие рыб, резвящихся на поверхности.

Уже взошло солнце. Зурита все еще ходил по палубе, заложив руки за спину.

— Ничего, справлюсь как-нибудь, — сказал он, думая о Гуттиэре.

Обратившись к матросам, он громко отдал команду убрать паруса. «Медуза», покачиваясь на волнах, стояла на якоре.

— Принесите мне цепь и приведите человека из трюма, — распорядился Зурита. Он хотел как можно скорее испытать Ихтиандра как ловца жемчуга.

«Кстати, он освежится в море», — подумал он.

Конвоируемый двумя индейцами, появился Ихтиандр. Он выглядел утомленным. Ихтиандр осмотрелся по сторонам. Он стоял возле бизань-мачты. Всего несколько шагов отделяло его от борта. Вдруг Ихтиандр рванулся вперед, добежал до борта и уже пригнулся для прыжка. Но в этот момент тяжелый кулак Зурита опустился ему на голову. Юноша упал на палубу без сознания.

— Не надо спешить, — нравоучительно сказал Зурита.

Послышался лязг железа, матрос подал Зурита длинную тонкую цепь, заканчивавшуюся железным обручем.

Зурита опоясал этим обручем лежавшего без сознания юношу, замкнул пояс на замок и, обратившись к матросам, сказал:

— Теперь лейте ему на голову воду.

Вскоре юноша пришел в себя и с недоумением посмотрел на цепь, к которой был прикован.

— Так ты не сбежишь от меня, — пояснил Зурита. — Я отпущу тебя в море. Ты будешь искать мне жемчужные раковины. Чем больше жемчуга ты найдешь, тем дольше ты будешь оставаться в море. Если же ты не станешь добывать мне жемчужные раковины, то я запру тебя в трюме, и ты будешь сидеть в бочке. Понял? Согласен?

Ихтиандр кивнул головой.

Он был готов добыть для Зурита все сокровища мира, только бы скорее погрузиться в чистую морскую воду.

Зурита, Ихтиандр на цепи и матросы подошли к борту шхуны. Каюта Гуттиэре находилась на другой стороне шхуны: Зурита не хотел, чтобы она видела Ихтиандра прикованным к цепи.

Ихтиандра спустили на цепи в море. Если бы можно было порвать эту цепь! Но она была очень прочна. Ихтиандр покорился своей участи. Он начал собирать жемчужные раковины и складывать их в висевший у него на боку большой мешок. Железный обруч давил бока и затруднял дыхание. И все же Ихтиандр чувствовал себя почти счастливым после душного трюма и вонючей бочки.

Матросы с борта корабля с изумлением смотрели на невиданное зрелище. Проходила минута за минутой, а человек, опущенный на дно моря, и не думал подниматься. Первое время на поверхности всплывали пузырьки воздуха, но скоро они прекратились.

— Пусть меня съест акула, если в его груди осталась хоть частица воздуха. Видно, он чувствует себя, как рыба в воде, — с удивлением говорил старый ловец, вглядываясь в воду.

На морском дне ясно виден был юноша, ползавший на коленях.

— Может быть, это сам «морской дьявол», — тихо проговорил матрос.

— Кто бы он ни был, капитан Зурита сделал хорошее приобретение, — отозвался штурман. — Один такой ловец может заменить десяток.

Солнце стояло близко к полудню, когда Ихтиандр дернул цепь, чтобы его подняли. Его сумка была полна раковинами. Нужно было опорожнить ее, чтобы продолжать лов.

Матросы быстро подняли на палубу необыкновенного ловца. Все хотели скорее узнать, каким был улов.

Обыкновенно жемчужные раковины оставляют на несколько дней, чтобы моллюски перегнили, — тогда легче вынимать жемчужины, — но теперь нетерпение матросов и самого Зурита было велико. И все сразу принялись вскрывать раковины ножами.

Когда матросы окончили работу, все сразу шумно заговорили. На палубе царило необычайное возбуждение. Может быть, Ихтиандру посчастливилось найти хорошее место. Но то, что он добыл за один улов, превзошло все ожидания. Среди этих жемчужин десятка два было очень тяжеловесных, прекрасной формы и самых нежных цветов. Первый улов уже принес Зурита целое состояние. За одну крупную жемчужину можно было купить новую прекрасную шхуну. Зурита был на пути к богатству. Мечты его сбылись.

Зурита видел, как жадно смотрят матросы на жемчуг. Это ему не понравилось. Он поспешил пересыпать жемчужины в свою соломенную шляпу и сказал:

— Пора завтракать. А ты, Ихтиандр, хороший ловец. У меня есть одна свободная каюта. Я помещу тебя туда. Там тебе не будет душно. И я закажу для тебя большой цинковый бак. Может быть, он тебе и не понадобится, так как ты каждый день будешь плавать в море. Правда, на цепочке, но что же делать? Иначе ты нырнешь к своим крабам и не вернешься.

Ихтиандру не хотелось разговаривать с Зурита. Но если он оказался пленником этого алчного человека, то надо подумать о сносном жилье.

— Бак лучше вонючей бочки, — сказал он Зурита, — но, чтобы я не задыхался, вам придется часто менять в нем воду.

— Как часто? — спросил Зурита.

— Через полчаса, — ответил Ихтиандр. — Еще лучше иметь все время проточную воду.

— Э, да ты, я вижу, уже загордился. Тебя похвалили, и ты уже начинаешь требовать, капризничать.

— Это не капризы, — обиделся юноша. — У меня... поймите же, если вы положите большую рыбу в ведро, она скоро уснет. Рыба дышит кислородом, находящимся в воде, а я... ведь очень большая рыба, — с улыбкой прибавил Ихтиандр.

— Насчет кислорода я не знаю, а что рыбы дохнут, если не менять воду, это я хорошо знаю. Пожалуй, ты и прав. Но ведь если приставить людей, которые все время будут накачивать помпами воду в твой бак, то это будет слишком дорого, дороже твоего жемчуга. Этак ты разоришь меня!

Ихтиандр не знал цены жемчуга, не знал и того, что Зурита платит ловцам и матросам гроши. Юноша поверил словам Зурита и воскликнул:

— Если вам невыгодно держать меня, то отпустите в море! — И Ихтиандр посмотрел на океан.

— Какой ты!.. — громко рассмеялся Зурита.

— Пожалуйста! Я буду добровольно приносить жемчужины. Я давно собрал такую кучу. — И Ихтиандр показал рукой от палубы до колен. — Ровные, гладкие, зерно к зерну, и каждая величиною с боб... Я все отдам вам, только отпустите меня.

У Зурита захватило дыхание.

— Болтаешь! — возразил Зурита, стараясь говорить спокойно.

— Я еще никогда никому не лгал, — рассердился Ихтиандр.

— Где же находится твой клад? — спросил Зурита, уже не скрывая своего волнения.

— В подводной пещере. Никто, кроме Лидинга, не знает, где она.

— Лидинг? Кто это?

— Мой дельфин.

— Ах, так! «В самом деле, наваждение какое-то, — подумал Зурита. — Если это правда, — а надо думать, что он не лжет, — так ведь это же превосходит все, о чем я только могу помышлять. Я буду несметно богат. Ротшильды и Рокфеллеры будут бедняками по сравнению со мной. А юноше, кажется, можно поверить. Уж не отпустить ли его, в самом деле, под честное слово?»

Но Зурита был деловой человек. Он не привык кому-нибудь верить на слово. Он стал обдумывать, как лучше овладеть этим кладом Ихтиандра. «Если только Ихтиандра попросит Гуттиэре, то он не откажется и принесет клад».

— Возможно, что я выпущу тебя, — сказал Зурита, — но на некоторое время тебе придется остаться у меня. Да. У меня на это есть причины. Я думаю, ты сам не пожалеешь, что задержишься. А пока ты мой, хоть и невольный, гость, я хочу сделать так, чтобы тебе было удобно. Может быть, вместо бака, который будет слишком дорогим, тебя лучше поместить в большой железной клетке. Клетка предохранит тебя от акул, и в этой клетке тебя будут спускать за борт в воду.

— Да, но мне необходимо бывать и на воздухе.

— Ну что ж, мы иногда будем поднимать тебя. Это обойдется дешевле, чем накачивать воду в бак. Словом, все устроим, ты будешь доволен.

Зурита был в прекрасном настроении. Неслыханное дело: он распорядился выдать матросам к завтраку по стакану водки.

Ихтиандра снова отвели в трюм, — бак еще не был готов. Зурита не без волнения открыл дверь капитанской каюты и, стоя в дверях, показал Гуттиэре шляпу, наполненную жемчугом.

— Я помню свои обещания, — начал он, улыбаясь, — жена любит жемчуг, любит подарки. Чтобы добыть много жемчуга, надо иметь хорошего лов-

ца. Вот почему я пленил Ихтиандра. Посмотри — это улов одного утра.

Гуттиэре мельком взглянула на жемчужины. С большим трудом подавила она невольный возглас удивления. Однако Зурита заметил это и самодовольно рассмеялся.

— Ты будешь самой богатой женщиной Аргентины, а может быть, и всей Америки. У тебя будет все. Я построю тебе дворец, которому позавидуют короли. А сейчас в залог будущего прими от меня половину этого жемчуга.

— Нет! Мне не надо ни одной из этих жемчужин, добытых преступлением, — резко ответила Гуттиэре. — И, пожалуйста, оставьте меня в покое.

Зурита был смущен и раздосадован: такого приема он не ожидал.

— Еще только два слова. Не хотите ли вы, — для важности он перешел на «вы», — чтобы я отпустил Ихтиандра?

Гуттиэре недоверчиво посмотрела на Зурита, как бы стараясь угадать, какую новую хитрость он замышляет.

— Что же дальше? — холодно спросила она.

— Судьба Ихтиандра в ваших руках. Достаточно вам приказать Ихтиандру, чтобы он принес на «Медузу» жемчуг, который он хранит где-то под водой, и я отпущу «морского дьявола» на все четыре стороны.

— Запомните хорошенько, что я скажу. Я не верю ни одному вашему слову. Вы получите жемчуг и снова посадите Ихтиандра на цепь. Это так же верно, как то, что я жена самого лживого и вероломного человека. Запомните хорошенько и не пытайтесь никогда впутывать меня в ваши темные дела. И еще раз, — пожалуйста, оставьте меня в покое.

Больше говорить было не о чем, и Зурита вышел. У себя в каюте он пересыпал жемчуг в мешочек, бережно положил в сундук, запер его и вышел на палубу. Размолвка с женой мало огорчала его. Он видел себя богатым, окруженным почетом.

Он взошел на капитанский мостик, закурил сигару. Мысли о будущем богатстве приятно волновали его. Всегда зоркий, он на этот раз не заметил, как матросы, собравшись группами, тихо о чем-то переговариваются.

ПОКИНУТАЯ «МЕДУЗА»

Зурита стоял у борта, против фок-мачты. По знаку штурмана несколько матросов сразу набросились на Педро. Они не были вооружены, зато их было много. Но одолеть Зурита оказалось не так-то легко. Сзади в спину Зурита вцепились два матроса. Зурита вырвался из толпы и, отбежав несколько шагов, изо всей силы опрокинулся назад, на край борта. Со стоном выпустили матросы свою жертву и упали на палубу. Зурита выпрямился и начал отражать кулаками нападение новых врагов. Он никогда не расставался с револьвером, однако атака была так неожиданна, что Зурита не успел вытащить револьвер из кобуры. Он медленно отступал к фок-мачте и вдруг с ловкостью обезьяны стал подниматься по вантам.

Матрос ухватил его за ногу, но Зурита свободной ногой ударил его по голове, и оглушенный матрос упал на палубу. Зурита успел подняться до марса и там уселся, отчаянно бранясь. Здесь он мог почувствовать себя в относительной безопасности. Он вынул револьвер и крикнул:

— Первому, кто осмелится подняться ко мне, я размозжу голову!

Матросы шумели внизу, обсуждая, как поступить дальше.

— В капитанской каюте есть ружья! — кричал штурман, стараясь перекричать других. — Идем взломаем дверь!

Несколько матросов направились к люку.

«Пропал, — думал Зурита, — подстрелят!»

Он взглянул на море, точно ища неожиданной помощи. И, не веря самому себе, Зурита увидел, что

к «Медузе», разрезая гладь океана, с необычайной быстротой приближалась подводная лодка.

«Только бы она не погрузилась в воду! — думал Зурита. — На мостике стоят люди. Неужели они не заметят меня и пройдут мимо?»

— На помощь! Скорей! Убивают! — закричал Зурита изо всей силы.

На подводной лодке, очевидно, заметили его. Не убавляя хода, лодка продолжала идти прямо на «Медузу».

Из люка шхуны уже показались вооруженные матросы. Они высыпали на палубу и теперь нерешительно остановились. К «Медузе» приближалась вооруженная подводная лодка, — вероятно, военная. Нельзя же было убивать Зурита на глазах этих непрошеных свидетелей.

Зурита торжествовал. Но торжество его было недолгим. Бальтазар и Кристо стояли на мостике подводной лодки, а рядом — высокий человек с хищным носом и глазами орла. С палубы лодки он громко крикнул:

— Педро Зурита! Вы должны немедленно выдать похищенного вами Ихтиандра! Даю вам пять минут, или я пущу вашу шхуну ко дну.

«Предатели! — подумал Зурита, с ненавистью глядя на Кристо и Бальтазара. — Но лучше потерять Ихтиандра, чем собственную голову».

— Я сейчас приведу его, — сказал Зурита, слезая по вантам.

Матросы уже поняли, что надо спасаться. Они быстро спускали шлюпки, бросались в воду и плыли к берегу. Каждый из них заботился только о себе.

Зурита сбежал по трапу к себе в каюту, поспешно вынул мешочек с жемчугом, сунул его к себе за рубаху, захватил ремни и платок. В следующую минуту он открыл дверь каюты, где находилась Гуттиэре, поднял ее на руки и вынес на палубу.

— Ихтиандр не совсем здоров. Вы найдете его в каюте, — сказал Зурита, не выпуская Гуттиэре.

Подбежав к борту, он посадил ее в шлюпку, спустил шлюпку на воду и прыгнул в нее сам.

Теперь подводная лодка не могла преследовать шлюпку: было слишком мелко. Но Гуттиэре уже увидела Бальтазара на палубе подводной лодки.

— Отец, спаси Ихтиандра! Он находится...

Но она не договорила, Зурита заткнул ей рот платком и торопился связать ремнем руки.

— Отпустите женщину! — крикнул Сальватор, видя эту расправу.

— Эта женщина — моя жена, и никто не вправе вмешиваться в мои дела! — крикнул в ответ Зурита, усиленно работая веслами.

— Никто не вправе так обращаться с женщиной! — раздраженно крикнул Сальватор. — Остановитесь, или я буду стрелять!

Но Зурита продолжал грести.

Сальватор выстрелил из револьвера. Пуля ударилась в борт шлюпки.

Зурита поднял Гуттиэре и, защищаясь ею, крикнул:

— Продолжайте!

Гуттиэре билась в его руках.

— Исключительный негодяй! — промолвил Сальватор, опустив револьвер.

Бальтазар бросился с мостика подводной лодки и пытался вплавь догнать шлюпку. Но Зурита был уже у берега. Он приналег на весла, и скоро волна выбросила шлюпку на песчаный берег. Педро схватил Гуттиэре и исчез за прибрежными камнями.

Видя, что Зурита не догнать, Бальтазар поплыл к шхуне и взобрался по якорной цепи на палубу. Он спустился по трапу и начал всюду искать Ихтиандра.

Бальтазар обошел все судно, вплоть до трюма. На шхуне никого не осталось.

— Ихтиандра нет на шхуне! — крикнул Бальтазар Сальватору.

— Но он жив и должен быть где-то здесь! Гуттиэре сказала: «Ихтиандр находится...» Если бы этот разбойник не заткнул ей рот, мы бы знали, где его искать, — сказал Кристо.

Оглядывая поверхность моря, Кристо заметил, что из воды торчат верхушки мачт. Вероятно, здесь недавно затонул корабль. Не находится ли Ихтиандр на этом погибшем корабле?

— Быть может, Зурита отправил Ихтиандра искать сокровища затонувшего корабля? — сказал Кристо.

Бальтазар поднял цепь, лежавшую на палубе с сбручем на конце.

— Зурита, видимо, спускал Ихтиандра на этой цепи. Без цепи Ихтиандр уплыл бы. Нет, он не может находиться в потонувшем корабле.

— Да, — задумчиво сказал Сальватор. — Мы победили Зурита, но Ихтиандра мы не нашли.

Преследователи Зурита не знали о событиях, происшедших на «Медузе» в это утро.

Всю ночь сговаривались матросы, а к утру они приняли решение: при первом удобном случае напасть на Зурита, убить его и овладеть Ихтиандром и шхуной.

Рано утром Зурита стоял на капитанском мостике. Ветер утих, и «Медуза» медленно подвигалась вперед, делая не более трех узлов в час.

Зурита всматривался в какую-то точку на океане. В бинокль он разглядел радиомачты затонувшего корабля.

Вскоре Зурита заметил плававший на поверхности спасательный круг.

Зурита распорядился спустить шлюпку и выловить круг.

Когда круг подняли, Зурита прочитал на нем: «Мафальду».

«Мафальду» утонул?» — удивился Зурита. Он знал этот большой американский почтово-пассажирский пароход. На таком пароходе должно быть немало ценностей. «Что, если бы Ихтиандр добыл с затонувшего парохода эти ценности? Но хватит ли длины цепи? Вряд ли... Если же спустить Ихтиандра без цепи, он не вернется...»

Зурита задумался. Жадность и боязнь потерять Ихтиандра боролись в нем.

«Медуза» медленно приближалась к торчавшим из воды мачтам.

Матросы столпились у борта. Ветер утих совершенно. «Медуза» остановилась.

— Я одно время служил на «Мафальду»,—сказал один из матросов.—Большой, хороший пароход. Целый город. А пассажиры—богатые американцы.

«Мафальду» затонул, очевидно не успев сообщить по радио о своей гибели, — размышлял Зурита. — Быть может, радиостанция оказалась поврежденной. Иначе из всех окрестных портов налетели бы быстроходные катера, глиссеры, яхты, а на них

представители власти, корреспонденты, фотографы, кинооператоры, журналисты, подводники. Медлить нельзя. Придется рискнуть отпустить Ихтиандра без цепи. Другого выхода нет. Но как заставить его вернуться назад? И если рисковать, то не лучше ли послать Ихтиандра за выкупом — жемчужным кладом. Но так ли уж ценен это жемчужный клад? Не преувеличивает ли Ихтиандр?»

Конечно, следует добыть и клад и сокровища, погребенные на «Мафальду». Жемчужный клад не уйдет, его никто не найдет без Ихтиандра, только бы сам Ихтиандр оставался в руках Зурита. А через несколько дней, а может быть — и через несколько часов, сокровища «Мафальду» станут уже недоступными.

«Итак, сначала «Мафальду», — решился Зурита. Он приказал бросить якорь. Затем спустился в каюту, написал какую-то записку и с этим листком бумаги пришел в каюту Ихтиандра.

— Ты умеешь читать, Ихтиандр? Гуттиэре прислала тебе записку.

Ихтиандр быстро взял записку и прочитал:

«Ихтиандр! Выполни мою просьбу. Рядом с «Медузой» находится потонувший пароход. Опустись в море и принеси с этого корабля все, что найдешь ценного. Зурита отпустит тебя без цепи, но ты должен вернуться на «Медузу». Сделай это для меня, Ихтиандр, и ты скоро получишь свободу. Гуттиэре».

Ихтиандр никогда не получал писем от Гуттиэре и не знал ее почерка. Он очень обрадовался, получив это письмо, но тотчас задумался. Что, если это хитрость Зурита?

— Почему Гуттиэре не попросила сама? — спросил Ихтиандр, указывая на записку.

— Она не совсем здорова, — ответил Зурита, — но ты увидишь ее, как только вернешься.

— Зачем эти ценности Гуттиэре? — все еще недоверчиво спросил Ихтиандр.

— Если бы ты был настоящим человеком, ты не задавал бы таких вопросов. Какая женщина не хо-

чет красиво одеваться, носить дорогие украшения? А для этого нужны деньги. Много денег лежит в затонувшем пароходе. Они теперь ничьи, — почему бы тебе не добыть их для Гуттиэре? Главное — надо разыскать золотые монеты. Там должны быть почтовые кожаные мешки. Кроме того, золотые вещи, кольца могли быть у пассажиров...

— Не думаете ли вы, что я еще стану обыскивать трупы? — с негодованием спросил Ихтиандр. — И вообще я не верю вам. Гуттиэре не жадная, она не могла послать меня на такое дело...

— Проклятие! — воскликнул Зурита. Он видел, что его затея сорвется, если он сейчас же не сможет убедить Ихтиандра.

Тогда Зурита овладел собой, добродушно рассмеялся и сказал:

— Я вижу, тебя не обмануть. Приходится быть с тобой откровенным. Ну, так слушай. Не Гуттиэре хочет иметь золото с «Мафальду», а я. Этому ты поверишь?

Ихтиандр невольно улыбнулся.

— Вполне!

— Ну и отлично! Вот ты уже начинаешь мне верить — значит, мы сговоримся. Да, золото нужно мне. И если его на «Мафальду» окажется столько, сколько стоит твой жемчужный клад, то я немедленно отпущу тебя в океан, как только ты принесешь мне золото. Но вот беда: ты не совсем доверяешь мне, а я тебе. Я опасаюсь: если тебя отпустить в воду без цепи, ты нырнешь и...

— Если я дам слово вернуться, я сдержу его.

— Я еще не имел случая убедиться в этом. Ты не любишь меня, и я не удивлюсь, если не сдержишь своего слова. Но ты любишь Гуттиэре, и ты исполнишь то, о чем она попросит тебя. Верно? Вот я и договорился с нею. Она, конечно, хочет, чтобы я отпустил тебя. Поэтому она написала письмо и дала мне его, желая облегчить тебе путь к свободе. Теперь все тебе понятно?

Все, что говорил Зурита, казалось Ихтиандру убедительным и правдоподобным. Но Ихтиандр не

заметил, что Зурита обещает отпустить его на волю только тогда, когда увидит, что на «Мафальду» окажется столько золота, сколько стоит его жемчужный клад...

«Ведь чтобы сравнить их, — рассуждал Зурита сам с собой, — Ихтиандр должен будет — я потребую от него этого — принести свой жемчуг. А тогда в моих руках окажутся золото «Мафальду», жемчужный клад и Ихтиандр».

Но Ихтиандр не мог знать, что думал Зурита. Откровенность Зурита убедила его, и Ихтиандр, подумав, согласился.

Зурита вздохнул с облегчением.

«Он не обманет», — подумал он.

— Идем скорее.

Ихтиандр быстро поднялся на палубу и бросился в море.

Матросы увидели Ихтиандра прыгающим в море без цепи. Они сразу поняли, что Ихтиандр отправился за потонувшими сокровищами «Мафальду». Неужели Зурита один завладеет всеми богатствами? Медлить было нельзя, и они бросились на Зурита.

В то время как команда преследовала Зурита, Ихтиандр принялся исследовать затонувший корабль.

Через огромный люк верхней палубы юноша проплыл вниз, над трапом, который напоминал лестницу большого дома, и попал в обширный коридор. Здесь было почти темно. Только слабый свет проникал сквозь раскрытые двери.

Ихтиандр вплыл в одну из этих раскрытых дверей и очутился в салоне. Большие круглые иллюминаторы тускло освещали огромный зал, который мог вместить не одну сотню людей. Ихтиандр уселся на роскошную люстру и посмотрел вокруг. Это было странное зрелище. Деревянные стулья и небольшие столики всплыли вверх и покачивались у потолка. На небольшой эстраде стоял рояль с открытой крышкой. Мягкие ковры устилали пол. Лакированная обшивка стен из красного дерева кое-где покоробилась. У одной стены стояли пальмы.

Ихтиандр оттолкнулся от люстры и поплыл к пальмам. Вдруг он в изумлении остановился. Навстречу ему плыл какой-то человек, повторяя его движения. «Зеркало», — догадался Ихтиандр. Это огромное зеркало занимало всю стену, тускло отражая в воде внутреннее убранство салона.

Здесь нечего было искать сокровищ. Ихтиандр выплыл в коридор, спустился одной палубой ниже и вплыл в такое же роскошное и огромное, как салон, помещение, — очевидно, ресторан. На буфетных полках и стойках и возле стоек на полу валялись бутылки с вином, банки с консервами, коробки. Давлением воды многие пробки были вогнаны внутрь бутылок, а жестяные коробки помяты. На столе оставалась сервировка, но часть посуды, серебряных вилок и ножей валялась на полу.

Ихтиандр стал пробираться в каюты.

Он побывал уже в нескольких каютах, обставленных по последнему слову американского комфорта, но не видел ни одного трупа. Только в одной из кают третьей палубы он увидел распухший труп, колыхавшийся у потолка.

«Вероятно, многие спаслись на шлюпках», — подумал Ихтиандр.

Но, опустившись еще ниже, на палубу, где помещались пассажиры третьего класса, юноша увидел ужасную картину: в этих каютах остались мужчины, женщины и дети. Тут были трупы белых, китайцев, негров и индейцев.

Команда парохода прежде всего стремилась спасти богатых пассажиров первого класса, бросив остальных на произвол судьбы. В некоторые каюты Ихтиандр не мог проникнуть: двери были плотно забиты трупами. В панике люди давили друг друга, теснились у выхода, мешая друг другу и отрезая себе последний путь к спасению.

В длинном коридоре медленно колыхались люди. Вода проникла в открытые иллюминаторы и раскачивала распухшие трупы. Ихтиандру стало страшно, и он поспешил уплыть из этого подводного кладбища.

«Неужели Гуттиэре не знала, куда посылает меня?» — размышлял Ихтиандр. Неужели она могла заставить его, Ихтиандра, выворачивать карманы утопленников и вскрывать чемоданы? Нет, этого она не могла сделать! Очевидно, он опять попал в ловушку Зурита. «Я выплыву на поверхность, — решил Ихтиандр, — и потребую, чтобы Гуттиэре вышла на палубу и сама подтвердила просьбу».

Как рыба, скользил юноша по бесконечным переходам от палубы к палубе и быстро поднялся на поверхность. Он быстро приближался к «Медузе».

— Зурита! — позвал он. — Гуттиэре!

Но ему никто не отвечал. Безмолвная «Медуза» покачивалась на волнах.

«Куда они все делись? — подумал юноша. — Что еще замышляет Зурита?» Ихтиандр осторожно подплыл к шхуне и взобрался на палубу.

— Гуттиэре! — крикнул он еще раз.

— Мы здесь! — услышал юноша голос Зурита, еле доносившийся с берега.

Ихтиандр оглянулся и увидел Зурита, осторожно выглядывавшего из кустов на берегу.

— Гуттиэре заболела! Плыви сюда, Ихтиандр! — кричал Зурита.

Гуттиэре больна! Он сейчас увидит ее. Ихтиандр прыгнул в воду и быстро поплыл к берегу.

Юноша уже вышел из воды, когда услышал заглушенный голос Гуттиэре:

— Зурита лжет! Спасайся, Ихтиандр!

Юноша быстро повернул и поплыл под водой. Когда он уплыл далеко от берега, он поднялся на поверхность и оглянулся. Он увидел: на берегу мелькнуло что-то белое.

Быть может, Гуттиэре приветствовала его спасение. Увидится ли он когда-нибудь с нею?..

Ихтиандр быстро поплыл в открытое море. Вдали виднелось небольшое судно. Окруженное пеной, судно направлялось на юг, взрывая воду острым носом.

«Подальше от людей», — подумал Ихтиандр и, глубоко нырнув, скрылся под водой.

Часть третья

НОВОЯВЛЕННЫЙ ОТЕЦ

Бальтазар после неудачного путешествия на подводной лодке находился в самом мрачном настроении. Ихтиандра не нашли, Зурита куда-то пропал вместе с Гуттиэре.

— Проклятые белые! — ворчал старик, сидя одиноко в своей лавке. — Они прогнали нас с нашей земли и обратили в своих рабов. Они калечат наших детей и похищают наших дочерей. Они хотят истребить нас всех до последнего.

— Здравствуй, брат! — услышал Бальтазар голос Кристо. — Новость! Большая новость! Ихтиандр нашелся.

— Что?! — Бальтазар быстро поднялся. — Говори скорее!

— Скажу, только ты меня не перебивай, а то я забуду, что хотел сказать. Нашелся Ихтиандр. Я верно тогда сказал: он был на потонувшем корабле. Мы отплыли дальше, а он выплыл и поплыл домой.

— Где же он? У Сальватора?

— Да, у Сальватора.

— Я пойду к нему, к Сальватору, и потребую, чтобы он вернул мне моего сына...

— Не отдаст! — возразил Кристо. — Сальватор запрещает Ихтиандру плавать в океане. Иногда я потихоньку отпускаю его...

— Отдаст! Если не отдаст, я убью Сальватора. Идем сейчас же.

Кристо испуганно замахал руками.

— Подожди хоть до завтра. Я еле отпросился у Сальватора навестить свою «внучку». Сальватор стал такой подозрительный. Смотрит в глаза, как ножом режет. Прошу тебя, подожди до завтра.

— Хорошо. Я приду к Сальватору завтра. А сей-

час я пойду туда, к заливу. Может быть, хоть издали увижу в море моего сына.

Всю ночь Бальтазар просидел на скале у залива, всматриваясь в волны. Море было бурное. Холодный южный ветер налетал шквалами, срывая пену с верхушек волн и разбрасывая ее по прибрежным утесам. На берегу грохотал прибой. Луна, ныряя в быстро несущихся по небу облаках, то освещала

волны, то скрывалась. Как ни старался Бальтазар, он ничего не мог разглядеть в пенящемся океане. Уже наступил рассвет, а Бальтазар все еще сидел неподвижно на прибрежном утесе. Из темного океан сде-

лался серым, но он был так же пустынен и безлюден.

И вдруг Бальтазар встрепенулся. Его зоркие глаза заметили какой-то темный, качающийся на волнах предмет. Человек! Быть может, утопленник! Нет, он спокойно лежит на спине, заложив руки за голову. Неужели он?

Бальтазар не ошибся. Это был Ихтиандр.

Бальтазар поднялся и, прижав руки к груди, закричал:

— Ихтиандр! Сын мой! — И старик, подняв руки, бросился в море.

Упав со скалы, он глубоко нырнул. А когда выплыл, на поверхности никого не было. Отчаянно борясь с волнами, Бальтазар нырнул еще раз, но огромная волна подхватила его, перевернула, выбросила на берег и откатилась с глухим ворчанием.

Весь мокрый, Бальтазар встал, посмотрел на волны и тяжело вздохнул.

«Неужели мне почудилось?»

Когда ветер и солнце высушили одежду Бальтазара, он отправился к стене, охранявшей владения Сальватора, и постучал в железные ворота.

— Кто там? — спросил негр, заглядывая через приоткрытый волчок.

— К доктору, по важному делу.

— Доктор никого не принимает, — ответил негр, и окошечко закрылось.

Бальтазар продолжал стучать, кричать, но никто не открывал ему ворот. За стеной слышался только угрожающий лай собак.

— Подожди, проклятый испанец!.. — погрозил Бальтазар и отправился в город.

Недалеко от здания суда находилась пулькерия * «Пальма» — приземистое старинное белое здание с толстыми каменными стенами. Перед входом была устроена небольшая веранда, крытая полосатым тентом, уставленная столиками, кактусами в синих эма-

---

* Пулькерия — трактир.

левых вазах. Веранда оживала только вечером. Днем публика предпочитала сидеть в прохладных низеньких комнатах. Пулькерия была как бы отделением суда. Сюда во время судебных заседаний являлись истцы, ответчики, свидетели, обвиняемые, еще не взятые под стражу.

Здесь, попивая вино и пульке, они предпочитали коротать нудные часы, пока не наступала их очередь. Шустрый мальчишка, все время курсирующий между зданием суда и «Пальмой», сообщал о том, что делается в суде. Это было удобно. Сюда же стекались темные ходатаи по делам и лжесвидетели, откровенно предлагавшие свои услуги.

Много раз бывал Бальтазар в «Пальме» по делам своей лавки. Он знал, что здесь можно встретить нужного человека, написать прошение. Поэтому Бальтазар направился сюда.

Он быстро прошел веранду, вошел в прохладный вестибюль, с удовольствием вдохнул холодок, отер пот со лба и спросил вертевшегося возле него мальчишку:

— Ларра пришел?

— Дон Флорес де Ларра пришли, сидят на своем месте, — бойко отвечал мальчик.

Тот, кого называли громким именем дон Флорес де Ларра, был когда-то мелким судебным служащим — его выгнали за взятки. Теперь он имел много клиентов: все, у кого были сомнительные дела, охотно обращались к этому великому крючкотвору. Имел с ним дело и Бальтазар.

Ларра сидел за столиком возле готического окна с широким подоконником. На столе перед ходатаем стояла кружка с вином и лежал пухлый рыжий портфель. Всегда готовое к работе вечное перо было прицеплено к карману потертого костюма оливкового цвета.

Ларра был толстый, лысый, краснощекий, красноносый, бритый и гордый. Влетавший в окно ветерок поднимал остатки седых волос. Сам председатель суда не мог принимать своих клиентов с бóльшим величием.

Увидев Бальтазара, он небрежно кивнул головой, жестом указал на плетеное кресло против себя и сказал:

— Прошу вас, садитесь. С чем пожаловали? Не хотите ли вина? Пульке?

Обычно заказывал он, но платил клиент.

Бальтазар, казалось, не слышал.

— Большое дело. Важное дело, Ларра.

— Дон Флорес де Ларра, — поправил ходатай, отпивая из кружки.

Но Бальтазар не обратил внимания на эту поправку.

— В чем заключается ваше дело?

— Ты знаешь, Ларра...

— Дон Флорес де...

— Оставь эти фокусы для новичков! — сердито прикрикнул Бальтазар. — Тут серьезное дело.

— Ну так говори скорее, что ли, — уже другим тоном ответил Ларра.

— Ты знаешь «морского дьявола»?

— Не имел чести быть лично знаком, но много слышал, — снова, по привычке, важно ответил Ларра.

— Так вот! Тот, кого зовут «морской дьявол», — мой сын Ихтиандр.

— Не может этого быть! — воскликнул Ларра. — Ты выпил лишнего, Бальтазар.

Индеец стукнул кулаком по столу:

— У меня со вчерашнего дня во рту ничего не было, кроме нескольких глотков морской воды.

— Значит, положение еще хуже...

— С ума сошел? Нет, я в полном уме. Молчи и слушай.

И Бальтазар рассказал Ларра всю историю. Ларра слушал индейца, не проронив ни слова. Его седые брови поднимались все выше. Наконец он не выдержал, забыл все свое олимпийское величие, хлопнул жирной ладонью по столу и крикнул:

— Миллион чертей!

Подбежал мальчик в белом фартуке и с грязной салфеткой.

— Чего прикажете?

— Две бутылки сотерна со льдом! — И, обратясь к Бальтазару, Ларра сказал: — Великолепно! Прекрасное дельце! Неужто ты сам все придумал? Хотя, признаться откровенно, самое слабое место во всем этом — твое отцовство.

— Ты сомневаешься? — Бальтазар даже покраснел от гнева.

— Ну, ну, не сердись, старина. Я ведь говорю только как юрист, с точки зрения вескости судебных доказательств: они слабоваты. Но и это дело можно поправить. Да. И нажить большие деньги.

— Мне нужен сын, а не деньги, — возразил Бальтазар.

— Деньги всем нужны, а в особенности тем, у кого прибавление семейства, как у тебя, — поучительно сказал Ларра и, хитро прищурившись, продолжал: — Самое же ценное и самое надежное во всем деле Сальватора это то, что нам удалось узнать, какими опытами и операциями он занимался. Тут можно такие мины подвести, что из этого золотого мешка — Сальватора — пезеты посыплются, как перезревшие апельсины в хорошую бурю.

Бальтазар едва притронулся к стакану вина, налитого Ларра, и сказал:

— Я хочу получить своего сына. Ты должен написать об этом заявление в суд.

— Ни-ни! Ни в коем случае! — почти с испугом возразил Ларра. — С этого начинать — испортить все дело. Этим только кончать надо.

— Что же ты посоветуешь? — спросил Бальтазар.

— Первое, — Ларра загнул толстый палец, — мы пошлем Сальватору письмо, составленное в самых изысканных выражениях. Мы сообщим ему, что нам известны все его незаконные операции и опыты. И если он хочет, чтобы мы не предавали этого дела огласке, то должен уплатить нам кругленькую сумму. Сто тысяч. Да, сто тысяч — это самое меньшее. — Ларра вопросительно посмотрел на Бальтазара.

Тот хмурился и молчал.

— Второе, — продолжал Ларра. — Когда мы получим указанную сумму, — а мы ее получим, — мы пошлем профессору Сальватору второе письмо, составленное в еще более изысканных выражениях. Мы сообщим ему, что нашелся настоящий отец Ихтиандра и что у нас имеются бесспорные доказательства. Мы напишем ему, что отец желает получить сына и не остановится перед судебным иском, на котором может раскрыться, как Сальватор изуродовал Ихтиандра. Если же Сальватор хочет предупредить иск и оставить у себя ребенка, то должен уплатить указанным нами лицам в указанном месте и в указанное время миллион долларов.

Но Бальтазар не слушал. Он схватил бутылку и хотел было запустить ее в голову ходатая. Ларра никогда еще не видал Бальтазара в таком сильном гневе.

— Не сердись. Оставь, я пошутил. Опусти же бутылку! — воскликнул Ларра, прикрывая рукою лоснящийся череп.

— Ты!.. Ты!.. — кричал взбешенный Бальтазар. — Ты предлагаешь мне продать родного сына, отказаться от Ихтиандра. Или у тебя нет сердца? Или ты не человек, а скорпион, тарантул, или тебе совершенно неизвестны отцовские чувства!

— Пять! Пять! Пять! — закричал Ларра, в свою очередь рассердившись. — Пять отцовских чувств! Пять сыновей имею! Пять дьяволят всякого размера! Пять ртов! Знаю, понимаю, чувствую! Не уйдет и твой от тебя. Наберись только терпения и дослушай до конца.

Бальтазар успокоился. Он поставил бутылку на стол, опустил голову и посмотрел на Ларра.

— Ну, говори!

— То-то! Сальватор уплатит нам миллион. Это будет приданое твоему Ихтиандру. Ну, и мне кое-что перепадет. За хлопоты и авторское право на изобретение — какую-нибудь сотню тысяч. Мы с тобой столкуемся. Сальватор миллион уплатит. Ручаюсь головой! А как только уплатит...

— Мы подадим в суд.

— Еще немножечко терпения. Мы предложим издателям и редакторам самого крупного газетного концерна уплатить нам, ну, скажем, тысяч двадцать-тридцать — пригодится на мелкие расходы — за наше сообщение о сенсационнейшем преступлении. Может быть, нам достанется кое-что из секретных сумм тайной полиции. Ведь на таком деле агенты полиции карьеру себе могут сделать. Когда мы выжмем из дела Сальватора все, что только можно, тогда, пожалуйста, иди в суд, взывай там о своих отцовских чувствах, и да поможет тебе сама Фемида* доказать свои права и получить в отеческие объятия твоего любезного сына.

Ларра залпом выпил стакан вина, стукнул бокалом о стол, победоносно посмотрел на Бальтазара.

— Что скажешь?

— Я не ем, не сплю ночей. А ты предлагаешь без конца тянуть дело, — начал Бальтазар.

— Да ведь ради чего?.. — прервал его горячо Ларра. — Ради чего? Ради миллионов! Мил-ли-онов! Неужели ты перестал понимать? Прожил же ты двадцать лет без Ихтиандра.

— Жил. А теперь... Одним словом, пиши заявление в суд.

— Он в самом деле перестал соображать! — воскликнул Ларра. — Опомнись, очнись, образумься, Бальтазар! Пойми! Миллионы! Деньги! Золото! Можно купить все на свете. Лучший табак, автомобиль, двадцать шхун, вот эту пулькерию...

— Пиши прошение в суд, или я обращусь к другому ходатаю, — решительно заявил Бальтазар.

Ларра понял, что возражать дальше бесполезно. Он покачал головой, вздохнул, вынул из рыжего портфеля бумагу, сорвал с бокового кармана «вечное перо».

---

* Фемида — богиня порядка, справедливости, правосудия у древних греков.

Через несколько минут жалоба в суд на Сальватора, незаконно присвоившего и изуродовавшего сына Бальтазара, была написана.

— В последний раз говорю: одумайся, — сказал Ларра.

— Давай, — протягивая руку за жалобой, сказал индеец.

— Подай главному прокурору. Знаешь? — напутствовал клиента Ларра и проворчал под нос: «Чтоб тебе на лестнице споткнуться и ногу сломать!»

Выходя от прокурора, Бальтазар столкнулся на большой белой лестнице с Зурита.

— Ты чего сюда ходишь? — спросил Зурита, подозрительно глядя на индейца. — Уж не на меня ли жаловался?

— На всех вас надо жаловаться, — ответил Бальтазар, имея в виду испанцев, — да некому. Где ты прячешь мою дочь?

— Как смеешь ты обращаться ко мне на «ты»! — вспыхнул Зурита. — Если бы ты не был отцом моей жены, я избил бы тебя палкой.

Зурита, грубо отстранив рукой Бальтазара, поднялся по лестнице и скрылся за большой дубовой дверью.

ЮРИДИЧЕСКИЙ КАЗУС

Прокурора Буэнос-Айреса посетил редкий гость — настоятель местного кафедрального собора епископ Хуан де Гарсилассо.

Прокурор, толстый, маленький, живой человек с заплывшими глазками, коротко остриженными волосами и крашеными усами, поднялся со своего кресла, приветствуя епископа. Хозяин бережно усадил дорогого гостя в тяжелое кожаное кресло у своего письменного стола.

Епископ и прокурор мало походили друг на друга. Лицо прокурора было мясистое и красное, с толстыми губами и широким, грушеобразным носом. Пальцы рук напоминали толстые короткие обрубки,

а пуговицы на круглом животе ежеминутно готовы были оторваться, не будучи в силах сдержать колышущуюся стихию жира.

Лицо епископа поражало своей худобой и бледностью. Сухой нос с горбинкой, острый подбородок и тонкие, почти синие губы придавали ему типичный облик иезуита. Епископ никогда не смотрел в глаза своему собеседнику, но тем не менее он зорко наблюдал за ним. Влияние епископа было огромно, и он охотно отрывался от духовных дел, чтобы управлять сложной политической игрой. Поздоровавшись с хозяином, епископ не замедлил перейти к цели своего визита.

— Я бы хотел узнать, — тихо спросил епископ, — в каком положении находится дело профессора Сальватора?

— А, и вы, ваше преосвященство, заинтересованы этим делом! — любезно воскликнул прокурор. — Да, это исключительный процесс! — Взяв со стола толстую папку и переворачивая листы дела, прокурор продолжал: — По доносу Педро Зурита мы произвели обыск у профессора Сальватора. Заявление Зурита о том, что Сальватор производил необычайные операции животных, подтвердилось вполне. В садах Сальватора была настоящая фабрика животных-уродов. Это что-то изумительное! Сальватор, например...

— О результатах обыска я знаю из газет, — мягко перебил епископ. — Какие меры вы приняли в отношении самого Сальватора? Он арестован?

— Да, он арестован. Кроме того, мы перевезли в город, в качестве вещественного доказательства и свидетеля обвинения, молодого человека по имени Ихтиандр, — он же «морской дьявол». Кто бы мог подумать, что знаменитый «морской дьявол», который так долго занимал нас, оказался одним из чудовищ зверинца Сальватора! Сейчас эксперты, профессора университета, занимаются изучением всех этих чудовищ. Мы не могли, конечно, перевезти весь зверинец, все эти живые вещественные доказательства, в город. Но Ихтиандра привезли и

поместили в подвале здания суда. Он причиняет нам немало хлопот. Представьте, ему пришлось соорудить большой бак, так как он не может жить без воды. И он действительно чувствовал себя очень плохо. Очевидно, Сальватор произвел какие-то необычайные изменения в его организме, превратившие юношу в человека-амфибию. Наши ученые выясняют этот вопрос.

— Меня больше интересует судьба Сальватора, — так же тихо проговорил епископ. — По какой статье он подлежит ответственности? И каково ваше мнение: будет ли он осужден?

— Дело Сальватора — редкий юридический казус, — ответил прокурор. — Признаюсь, я еще не решил, к какой статье отнести это преступление. Проще всего, конечно, было бы обвинить Сальватора в производстве незаконных вивисекций и в увечье, которое он причинил этому юноше...

Епископ начал хмуриться:

— Вы полагаете, что во всех этих действиях Сальватора нет состава преступления?

— Есть или будет, но какое? — продолжал прокурор. — Мне было подано еще одно заявление — от какого-то индейца Бальтазара. Он утверждает, что Ихтиандр его сын. Доказательства слабоваты, но мы, пожалуй, сумеем использовать этого индейца как свидетеля обвинения, если эксперты установят, что Ихтиандр действительно его сын.

— Значит, в лучшем случае Сальватор будет обвинен только в нарушении медицинского устава и судить его будут лишь за производство операции над ребенком без разрешения родителя?

— И, может быть, за причинение увечья. Это уже посерьезнее. Но в этом деле есть еще одно осложняющее обстоятельство. Эксперты, — правда, это неокончательное их суждение, — склоняются к тому, что нормальному человеку не могла даже явиться мысль так уродовать животных и совершить такую необычайную операцию. Сальватор может быть признан экспертами невменяемым, как душевнобольной.

Епископ сидел молча, сжав тонкие губы и глядя на угол стола. Потом он сказал совсем тихо:

— Я не ожидал от вас этого.

— Чего, ваше преосвященство? — спросил озадаченный прокурор.

— Даже вы, блюститель правосудия, как бы оправдываете действия Сальватора, находя его операции не лишенными целесообразности.

— Но что же здесь плохого?

— И затрудняетесь определить состав преступления. Суд церкви — небесный суд — смотрит на действия Сальватора иначе. Позвольте же прийти вам на помощь и подать совет.

— Прошу вас, — смущенно произнес прокурор.

Епископ заговорил тихо, постепенно повышая голос, как проповедник, как обличитель:

— Вы говорите, что поступки Сальватора не лишены целесообразности? Вы считаете, что изуродованные им животные и человек получили даже некоторые преимущества, которых они не имели? Что это значит? Неужели творец создал людей несовершенно? Неужели нужно какое-то вмешательство профессора Сальватора, чтобы придать человеческому телу совершенный вид?

Потупясь и не двигаясь, сидел прокурор. Перед лицом церкви он сам оказался в положении обвиняемого. Он никак не ожидал этого.

— Разве вы забыли, что сказано в священном писании в книге Бытия, глава первая, стих двадцать шестой: «И сказал бог: сотворим человека по образу нашему, по подобию нашему», — и далее стих двадцать седьмой: «И сотворил бог человека по образу своему». А Сальватор дерзает исказить этот образ и подобие, и вы — даже вы! — находите это целесообразным!

— Простите, святой отец... — мог только проговорить прокурор.

— Не нашел ли господь свое творение прекрасным, — вдохновенно говорил епископ, — законченным? Вы хорошо помните статьи законов человеческих, но забываете статьи законов божеских. Вспом-

ните же стих тридцать первый той же главы первой книги Бытия: «И увидел бог все, что он создал, и вот хорошо весьма». А ваш Сальватор полагает, что нужно что-то исправлять, переделывать, уродовать, что люди должны быть земноводными существами, — и вы тоже находите все это остроумным и целесообразным. Разве это не хула бога? Не святотатство? Не кощунство? Или гражданские законы уже не карают у нас религиозных преступлений? Что будет, если вслед за вами все станут повторять: «Да, человек плохо сотворен богом. Надо отдать человека в переделку доктору Сальватору»? Разве это не чудовищный подрыв религии?.. Бог находил все, что создал, хорошим — все свои творения. А Сальватор начинает переставлять животным головы, менять шкуры, создавать воистину богомерзкие чудовища, словно издеваясь над создателем. И вы затрудняетесь найти в действиях Сальватора состав преступления!

Епископ остановился. Он остался доволен впечатлением, которое произвела его речь на прокурора, помолчал и снова заговорил тихо, постепенно повышая голос:

— Я сказал, что меня больше интересует судьба Сальватора. Но разве я могу безразлично отнестись к судьбе Ихтиандра? Ведь это существо не имеет даже христианского имени, ибо Ихтиандр по-гречески значит не что иное, как «человек-рыба». Даже если Ихтиандр сам не виновен, если он является только жертвой, то он все же является богопротивным, кощунственным созданием. Самым своим существованием он может смущать мысли, наводить на грешные размышления, искушать единых от малых сих, колебать слабоверных. Ихтиандр не должен существовать! Лучше всего, если бы господь призвал его к себе, если бы этот несчастный юноша умер от несовершенства своей изуродованной природы, — епископ многозначительно посмотрел на прокурора. — Во всяком случае, он должен быть обвинен, изъят, лишен свободы. Ведь за ним тоже водились кое-какие преступления: он похищал у рыбаков рыбу, портил их сети и в конце концов так напугал

их, что, помните, рыбаки бросили лов, и город оставался без рыбы. Безбожник Сальватор и омерзительное детище его рук — Ихтиандр — дерзкий вызов церкви, богу, небу! И церковь не сложит оружия, пока они не будут уничтожены.

Епископ продолжал свою обличительную речь. Прокурор сидел перед ним подавленный, опустив голову, не пытаясь прервать этот поток грозных слов.

Когда, наконец, епископ окончил, прокурор поднялся, подошел к епископу и сказал глухим голосом:

— Как христианин грех мой я принесу в исповедальню, чтобы вы отпустили его. А как должностное лицо я приношу вам благодарность за ту помощь, которую вы оказали мне. Теперь мне ясно преступление Сальватора. Он будет обвинен и понесет наказание. Ихтиандра также не минет меч правосудия.

ГЕНИАЛЬНЫЙ БЕЗУМЕЦ

Доктора Сальватора не сломил судебный процесс. В тюрьме он оставался спокойным, держался самоуверенно, со следователями и экспертами говорил с высокомерной снисходительностью, как взрослый с детьми.

Его натура не переносила бездействия. Он много писал, произвел несколько блестящих операций в тюремной больнице. В числе его тюремных пациентов была жена тюремного смотрителя. Злокачественная опухоль угрожала ей смертью. Сальватор спас ей жизнь в тот самый момент, когда приглашенные для консультации врачи отказались помочь, заявив, что здесь медицина бессильна.

Настал день суда.

Огромный судебный зал не мог вместить всех желающих присутствовать на суде. Публика толпилась в коридорах, заполняла площадь перед зданием, заглядывала в открытые окна. Много любопытных забралось на деревья, растущие возле здания суда.

Сальватор спокойно занял свое место на скамье подсудимых. Он вел себя с таким достоинством, что посторонним могло показаться, будто он не обвиняемый, а судья. От защитника Сальватор отказался.

Сотни жадных глаз смотрели на него. Но мало кто мог выдержать пристальный взгляд Сальватора.

Ихтиандр возбуждал не меньший интерес, но его не было в зале. Последние дни Ихтиандр чувствовал себя плохо и почти все время проводил в водяном баке, скрываясь от надоедливых любопытных глаз. В процессе Сальватора Ихтиандр был только свидетелем обвинения — скорее, одним из вещественных доказательств, как выражался прокурор.

Дело по обвинению самого Ихтиандра в преступной деятельности должно было слушаться отдельно, после процесса Сальватора.

Прокурору пришлось так поступить потому, что епископ торопил с делом Сальватора, собирание же улик против Ихтиандра требовало времени. Агенты прокурора деятельно, но осторожно вербовали в пулькерии «Пальма» свидетелей будущего процесса, в котором Ихтиандр должен был выступить обвиняемым. Однако епископ не переставал намекать прокурору, что наилучшим выходом было бы, если бы господь прибрал неудачника Ихтиандра. Такая смерть была бы лучшим доказательством того, что рука человека способна только портить божие создания.

Три ученых эксперта, профессора университета, прочли свое заключение. С огромным вниманием, стараясь не пропустить ни одного слова, слушала аудитория суда мнение ученых.

— По требованию суда, — начал речь уже немолодой профессор Шейн, главный эксперт суда, — мы осмотрели животных и юношу Ихтиандра, подвергшихся операциям, произведенным профессором Сальватором в его лабораториях. Мы обследовали его небольшие, но умело оборудованные лаборатории и операционные. Профессор Сальватор применял в своих операциях не только последние усовершенствования хирургической техники, вроде элек-

трических ножей, обеззараживающих ультрафиолетовых лучей и тому подобного, но и такие инструменты, которые еще не известны хирургам. По-видимому, они были изготовлены по его указаниям. Я не буду долго останавливаться на опытах профессора Сальватора над животными. Эти опыты сводились к чрезвычайно дерзким по замыслу и блестящим по выполнению операциям: к пересадке тканей и целых органов, сшиванию двух животных, к превращению двудышащих в однодышащих и обратно, превращению самок в самцов, к новым методам омоложения. В садах Сальватора мы нашли детей и подростков в возрасте от нескольких месяцев до четырнадцати лет, принадлежащих к различным индейским племенам.

— В каком состоянии вы нашли детей? — спросил прокурор.

— Все дети здоровы и жизнерадостны. Они резвятся в саду и затевают игры. Многих из них Сальватор спас от смерти. Индейцы верили ему и приводили детей из самых отдаленных мест — от Аляски до Огненной Земли: эскимосы, яганы, апачи, таулипанги, санапаны, ботокуды, пано, арауканцы.

В зале послышался чей-то вздох.

— Все племена несли своих детей к Сальватору.

Прокурор начинал беспокоиться. После беседы с епископом, когда его мысли получили новое направление, он не мог слушать спокойно эти похвалы Сальватору и спросил у эксперта:

— Не думаете ли вы, что операции Сальватора были полезны и целесообразны?

Но председатель суда, седой старик с суровым лицом, опасаясь того, что эксперт ответит утвердительно, поспешил вмешаться:

— Суду неинтересны личные взгляды эксперта на научные вопросы. Прошу продолжать. Что дал осмотр юноши Ихтиандра из племени араукана?

— Его тело было покрыто искусственной чешуей, — продолжал эксперт, — из какого-то неизвестного, гибкого, но крайне прочного вещества. Анализ этого вещества еще не закончен. В воде Ихтиандр

пользовался иногда очками с особыми стеклами из тяжелого флинтгласа, показатель преломления которых равен почти двум. Это давало ему возможность хорошо видеть под водой. Когда мы сняли с Ихтиандра его чешую, то обнаружили под обеими лопатками круглые отверстия десяти сантиметров в диаметре, закрытые пятью тонкими полосками, похожими на жабры акулы.

В зале послышался заглушенный голос удивления.

— Да, — продолжал эксперт, — это кажется невероятным, но Ихтиандр обладает легкими человека и в то же время жабрами акулы. Поэтому он может жить на земле и под водой.

— Человек-амфибия? — иронически спросил прокурор.

— Да, в некотором роде человек-амфибия — двудышащее земноводное.

— Но каким образом у Ихтиандра могли оказаться жабры акулы? — спросил председатель.

Эксперт широко развел руками и ответил:

— Это загадка, которую, быть может, пожелает нам разъяснить сам профессор Сальватор. Наше мнение было таково: по биологическому закону Геккеля каждое живое существо в своем развитии повторяет все те формы, которые прошел данный вид живого существа в течение вековой жизни вида на земле. Можно с уверенностью сказать, что человек произошел от предков, в свое время дышавших жабрами.

Прокурор приподнялся на стуле, но председатель остановил его жестом.

— На двадцатый день развития у человеческого зародыша обозначаются четыре лежащие друг за другом жаберные складочки. Но позже у человеческого зародыша жаберный аппарат преобразуется: первая жаберная дуга превращается в слуховой проход со слуховыми косточками и в евстахиеву трубу; нижняя часть жаберной дуги развивается в нижнюю челюсть; вторая дуга — в отростки и тело подъязычной кости; третья дуга — в щитовидный хрящ гор-

тани. Мы не думаем, что профессору Сальватору удалось задержать развитие Ихтиандра в его зародышевой стадии. Науке, правда, известны случаи, когда даже у совершенно взрослого человека остается незаросшее жаберное отверстие на шее, под челюстью. Это так называемые шейные фистулы. Но с такими остатками жабр, конечно, нельзя жить под водой. При ненормальном развитии зародыша должно было получиться одно из двух: или продолжали бы развиваться жабры, но за счет развития органа слуха и других анатомических изменений. Но тогда Ихтиандр превратился бы в чудовище с недоразвитой головой полурыбы-получеловека, или победило бы нормальное развитие человека, но за счет уничтожения жабр. Однако Ихтиандр — нормально развитый молодой человек, с хорошим слухом, вполне развитой нижней челюстью и нормальными легкими, но, кроме того, у него есть вполне сформированные жабры. Как именно функционируют жабры и легкие, в каком взаимоотношении они находятся друг с другом, проходит ли вода через рот и легкие в жабры, или же вода проникает в жабры через небольшое отверстие, которое мы обнаружили на теле Ихтиандра повыше круглого жаберного отверстия, — мы не знаем. Мы могли бы ответить на эти вопросы, если бы мы произвели анатомическое вскрытие. Это, повторяю, загадка, ответ на которую должен дать сам профессор Сальватор. Профессор Сальватор должен разъяснить нам, как появились собаки, похожие на ягуаров, странные, необычайные животные, и земноводные обезьяны — эти двойники Ихтиандра.

— Какое же ваше общее заключение? — спросил председатель эксперта.

Профессор Шейн, сам пользовавшийся большой известностью как ученый и хирург, откровенно ответил:

— Признаюсь, в этом деле я ничего не понимаю. Я могу лишь сказать, что то, что делал профессор Сальватор, под силу только гению. Сальватор, очевидно, решил, что в своем искусстве хирурга дошел

до такого совершенства, что может разбирать, складывать и приспособлять тело животного и человека по своему желанию. И хотя он на деле блестяще осуществлял это, тем не менее его смелость и широта замыслов граничат с... безумием.

Сальватор презрительно усмехнулся.

Он не знал, что эксперты решили облегчить его участь и поднять вопрос о его невменяемости, чтобы иметь возможность заменить тюремный режим больничным.

— Я не утверждаю, что он безумец, — продолжал эксперт, заметив улыбку Сальватора, — но, во всяком случае, по нашему мнению, обвиняемого следует поместить в санаторий для душевнобольных и подвергнуть длительному наблюдению врачей-психиатров.

— Вопрос о невменяемости подсудимого не поднимался судом. Суд обсудит это новое обстоятельство, — сказал председатель. — Профессор Сальватор, желаете ли вы дать разъяснение по некоторым вопросам экспертов и прокурора?

— Да, — ответил Сальватор. — Я дам объяснения. Но пусть это будет вместе с тем и моим последним словом.

СЛОВО ПОДСУДИМОГО

Сальватор спокойно поднялся и окинул взглядом зал суда, как будто искал кого-то. Среди зрителей Сальватор заметил Бальтазара, Кристо и Зурита. В первом ряду сидел епископ. Сальватор несколько задержал на нем свой взгляд. На лице Сальватора появилась едва заметная улыбка. Затем Сальватор начал искать кого-то взглядом, внимательно осматривая весь зал.

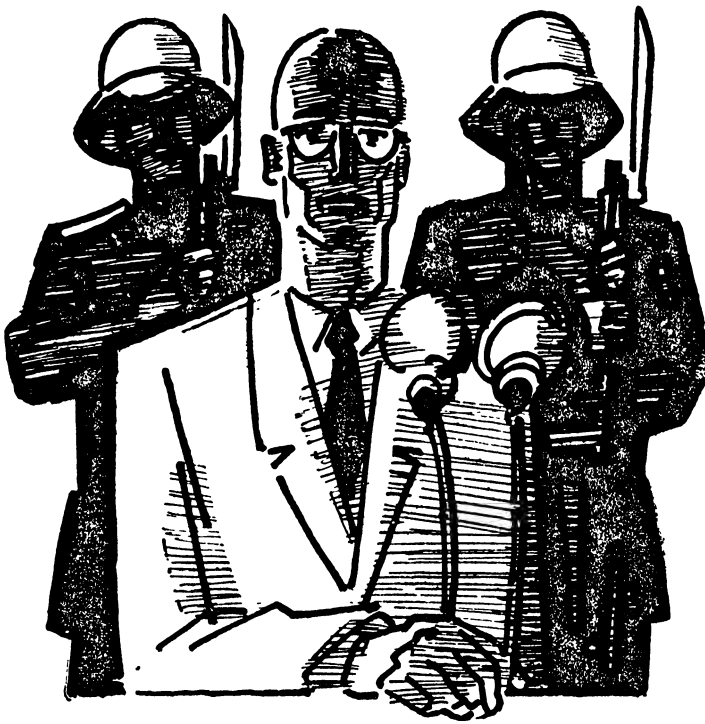
— Я не нахожу в этом зале потерпевшего, — сказал, наконец, Сальватор.

— Я потерпевший! — вдруг крикнул Бальтазар, срываясь с места.

Кристо дернул брата за рукав и усадил на место.

— О каком потерпевшем вы говорите? — спро-

сил председатель. — Если вы имеете в виду изуродованных вами животных, то суд не счел нужным показывать их здесь. Но Ихтиандр, человек-амфибия, находится в здании суда.



— Я имею в виду господа бога, — спокойно и серьезно ответил Сальватор.

Услышав этот ответ, председатель в недоумении откинулся на спинку кресла: «Неужели Сальватор сошел с ума? Или он решил изображать сумасшедшего, чтобы избегнуть тюрьмы?»

— Что вы хотите этим сказать? — спросил председатель.

— Я думаю, суду это должно быть ясно, — ответил Сальватор. — Кто главный и единственный потерпевший в этом деле? Очевидно, один господь бог. Его авторитет, по мнению суда, я подрываю своими действиями, вторгаясь в его область. Он был доволен своими творениями, и вдруг приходит какой-то доктор и говорит: «Это плохо сделано. Это требует переделки». И начинает перекраивать божье творение по-своему...

— Это богохульство! Я требую занести слова обвиняемого в протокол, — сказал прокурор с видом человека, оскорбленного в своих святых чувствах.

Сальватор пожал плечами.

— Я передаю только сущность обвинительного акта. Разве не к этому сводится все обвинение? Я читал дело. Вначале меня обвиняли только в том, что я будто бы производил вивисекции и причинил увечье. Теперь мне предъявили еще одно обвинение — в святотатстве. Откуда подул этот ветер? Не со стороны ли кафедрального собора?

И профессор Сальватор посмотрел на епископа.

— Вы сами создали процесс, в котором невидимо присутствуют на стороне обвинения господь бог в качестве потерпевшего, а на скамье подсудимых — вместе со мной Чарлз Дарвин в качестве обвиняемого. Может быть, я огорчу еще раз некоторых сидящих в этом зале своими словами, но я продолжаю утверждать, что организм животных и даже человека не совершенен и требует исправления. Я надеюсь, что находящийся в этом зале настоятель кафедрального собора, епископ Хуан де Гарсилассо, подтвердит это.

Эти слова вызвали удивление всего зала.

— В пятнадцатом году, незадолго до моего отъезда на фронт, — продолжал Сальватор, — мне пришлось внести маленькое исправление в организм уважаемого епископа — вырезать ему аппендикс, этот ненужный и вредный придаток слепой кишки. Лежа на операционном столе, мой духовный пациент, помнится, не возражал против того извращения

образа и подобия божия, которое я произвел своим ножом, вырезая частицу епископского тела. Разве этого не было? — спросил Сальватор, глядя в упор на епископа.

Хуан де Гарсилассо сидел неподвижно. Только бледные щеки его чуть-чуть порозовели и слегка дрожали тонкие пальцы.

— И не было ли другого случая, в то время, когда я еще занимался частной практикой и производил операции омолаживания? Не обращался ли ко мне с просьбой омолодить его почтенный прокурор сеньор Аугусто де...

При этих словах прокурор хотел было запротестовать, но слова его были заглушены смехом публики.

— Я прошу вас не отвлекаться, — сурово сказал председатель.

— Эта просьба была бы гораздо уместнее в отношении самого суда, — ответил Сальватор. — Не я, а суд так поставил вопрос. Разве кое-кого здесь не испугала мысль, что все присутствующие здесь — вчерашние обезьяны или даже рыбы, получившие возможность говорить и слушать, так как их жаберные дуги превратились в органы речи и слуха? Ну, если не обезьяны, не рыбы, то их потомки. — И, обращаясь к прокурору, проявлявшему признаки нетерпения, Сальватор сказал: — Успокойтесь! Я не собираюсь здесь с кем-либо спорить или читать лекции по теории эволюции. — И, сделав паузу, Сальватор сказал: — Беда не в том, что человек произошел от животного, а в том, что он не перестал быть животным... Грубым, злым, неразумным. Мой ученый коллега напрасно пугал вас. Он мог бы не говорить о развитии зародыша. Я не прибегал ни к воздействию на зародыш, ни к скрещиванию животных. Я — хирург. Моим единственным орудием был нож. И, как хирургу, мне приходилось помогать людям, лечить их. Оперируя больных, я должен был часто производить пересадку тканей органов, желез. Чтобы усовершенствовать этот метод, я занялся опытами пересадки тканей у животных.

Подолгу наблюдал я оперированных животных у себя в лаборатории, стремясь выяснить, изучить, что происходит с органами, перенесенными на новое, иногда необычное даже место. Когда мои наблюдения кончались, животное переселялось в сад. Так создался у меня этот сад-музей. Особенно меня увлекла проблема обмена и пересадки тканей между далеко стоящими животными: например, между рыбами и млекопитающими, и наоборот. И здесь мне удалось достичь того, что ученые считают вообще немыслимым. Что же тут необычайного? То, что сделал я сегодня, завтра будут делать рядовые хирурги. Профессору Шейну должны быть известны последние операции немецкого хирурга Зауербруха. Ему удалось заменить больное бедро голенью.

— Но Ихтиандр? — спросил эксперт.

— Да, Ихтиандр — это моя гордость. При операции Ихтиандра трудность заключалась не только в технике. Я должен был изменить всю работу человеческого организма. Шесть обезьян погибло на предварительных опытах, прежде чем я добился цели и мог оперировать ребенка, не опасаясь за его жизнь.

— В чем же заключалась эта операция? — спросил председатель.

— Я пересадил ребенку жабры молодой акулы, и ребенок получил возможность жить на земле и под водою.

Среди публики послышались возгласы удивления. Корреспонденты газет, присутствовавшие в зале, бросились к телефонам, торопясь сообщить редакциям эту новость.

— Позже мне удалось достигнуть еще большего успеха. Моя последняя работа — земноводная обезьяна, которую вы видели, может жить без вреда для здоровья неопределенно долгое время как на земле, так и под водою. А Ихтиандр может прожить без воды не более трех-четырех суток. Долгое пребывание на земле без воды для него вредно: легкие переутомляются, а жабры подсыхают,

и Ихтиандр начинает испытывать колющие боли в боках. К сожалению, во время моего отъезда Ихтиандр нарушал установленный мною режим. Он слишком долго оставался на воздухе, переутомил свои легкие, и у него развилась серьезная болезнь. Равновесие в его организме нарушено, и он должен большую часть времени проводить в воде. Из человека-амфибии он превращается в человека-рыбу...

— Разрешите задать подсудимому вопрос, — сказал прокурор, обращаясь к председателю. — Каким образом пришла Салъватору мысль создать человека-амфибию и какие цели он преследовал?

— Мысль все та же — человек не совершенен. Получив в процессе эволюционного развития большие преимущества по сравнению со своими животными предками, человек вместе с тем потерял многое из того, что имел на низших стадиях животного развития. Так, жизнь в воде дала бы человеку огромные преимущества. Почему бы не вернуть человеку эту возможность? Из истории развития животных мы знаем, что все земные животные и птицы произошли от водных — вышли из океана. Мы знаем, что некоторые наземные животные снова вернулись в воду. Дельфин был рыбой, вышел на сушу, стал млекопитающим животным, но потом вернулся в воду, хотя и остался, как и кит, млекопитающим. И кит и дельфин дышат легкими. Можно было дельфину помочь стать двоякодышащей амфибией. Ихтиандр просил меня об этом: тогда его друг — дельфин Лидинг — мог бы оставаться с ним на долгое время под водой. Я собирался сделать дельфину такую операцию. Первая рыба среди людей и первый человек среди рыб, Ихтиандр не мог не чувствовать одиночества. Но если бы следом за ним и другие люди проникли в океан, жизнь стала бы совершенно иной. Тогда люди легко победили бы могучую стихию — воду. Вы знаете, что это за стихия, какая это мощь? Вы знаете, что площадь океана равна тремстам шестидесяти одному миллиону пятидесяти тысячам квадратных километ-

ров? Больше семи десятых земной поверхности составляет пространство водной пустыни. Но эта пустыня с ее неистощимыми запасами пищи и промышленного сырья могла бы вместить миллионы, миллиарды человек. Больше трехсот шестидесяти одного миллиона квадратных километров — это только площадь, поверхность. Но ведь люди могли бы расположиться по нескольким подводным этажам. Миллиарды людей без тесноты и давки могли бы разместиться в океане.

А его мощность! Вы знаете, что воды океана поглощают энергию солнечного тепла, равную мощности семидесяти девяти миллиардов лошадиных сил? Если бы не отдача тепла воздуху и прочие теплопотери, океан давно закипел бы. Практически беспредельный запас энергии. Как он используется сухопутным человечеством? Почти никак.

А мощность морских течений! Один Гольфстрим вместе с Флоридским течением двигают девяносто один миллиард тонн воды в час. Это тысячи в три больше, чем несет большая река. И это лишь одно из морских течений! Как они используются сухопутным человечеством? Почти никак.

А мощность волн и приливов! Вы знаете, что сила ударов, наносимых волнами, бывает равна тридцати восьми тысячам килограммов — тридцати восьми тоннам на квадратный метр поверхности, высота взбросов волн достигает сорока трех метров, и при этом волна может поднять до миллиона килограммов, — например, обломков скал, — а приливы достигают высоты более чем в шестнадцать метров — высоты четырехэтажного дома. Как человечество использует эти силы? Почти никак.

На суше живые существа не могут подняться высоко над поверхностью и не проникают очень глубоко внутрь ее. В океане жизнь всюду — от экватора до полюсов, от поверхности до глубин почти в десять километров.

Как же мы используем беспредельные богатства океанов? Ловим рыбу — я бы сказал, снимаем

улов только с самой верхней пленки океана, совершенно оставляя неиспользованными глубины. Собираем губки, кораллы, жемчуг, водоросли — и только.

Мы производим под водою кое-какие работы: устанавливаем опоры мостов и плотин, поднимаем затонувшие корабли — и только! Но и это делаем с большим трудом, с большим риском, нередко с человеческими жертвами. Несчастный земной человек, который на второй минуте уже погибает под водой! Какие тут работы?

Иное дело, если бы человек без скафандра, без кислородных приборов мог жить и работать под водой.

Сколько сокровищ открыл бы он! Вот Ихтиандр. Он говорил мне... Но я боюсь дразнить демона человеческой алчности. Ихтиандр приносил мне со дна моря образцы редких металлов и пород. О, не волнуйтесь, он приносил мне совсем небольшие образцы, но их залежи в океане могут быть огромными.

А затонувшие сокровища?

Вспомните хотя бы океанский пароход «Лузитания». Весною 1916 года он был потоплен немцами у берегов Ирландии. Помимо драгоценностей, имевшихся у полутора тысяч погибших пассажиров, на «Лузитании» находились золотые монеты на сто пятьдесят миллионов долларов и золотые слитки на пятьдесят миллионов долларов. *(В зале послышались восклицания.)* Кроме того, на «Лузитании» хранились две шкатулки с брильянтами, которые предполагалось доставить в Амстердам. Среди брильянтов находился один из лучших в мире — «Калиф», стоящий многие миллионы. Конечно, даже человек, подобный Ихтиандру, не мог бы опуститься на большую глубину, — для этого пришлось бы создать человека *(негодующее восклицание прокурора)*, который смог бы переносить высокое давление, подобно глубоководным рыбам. Впрочем, в этом я тоже не нахожу ничего абсолютно невозможного. Но не все сразу.

— Вы, кажется, приписываете себе качества всемогущего божества? — заметил прокурор.

Сальватор не обратил внимания на это замечание и продолжал:

— Если бы человек мог жить в воде, то освоение океана, освоение его глубин пошло бы гигантскими шагами. Море перестало бы быть для нас грозной стихией, требующей человеческих жертв. Нам не пришлось бы больше оплакивать утопленников.

Все присутствующие в зале, казалось, видели уже завоеванный человечеством подводный мир. Какие выгоды сулило покорение океана! Даже председатель не мог удержаться и спросил:

— Но тогда почему же вы не опубликовали результатов своих опытов?

— Я не спешил попасть на скамью подсудимых, — ответил, улыбаясь, Сальватор, — и потом я опасался, что мое изобретение в условиях нашего общественного строя принесет больше вреда, чем пользы. Вокруг Ихтиандра уже завязалась борьба. Кто донес на меня из мести? Вот этот Зурита, укравший у меня Ихтиандра. А у Зурита Ихтиандра отняли бы, чего доброго, генералы и адмиралы, чтобы заставить человека-амфибию топить военные корабли. Нет, я не мог Ихтиандра и «ихтиандров» сделать общим достоянием в стране, где борьба и алчность обращают высочайшие открытия в зло, увеличивая сумму человеческого страдания. Я думал об...

Сальватор замолчал и, резко изменив тон, продолжал:

— Впрочем, я не буду говорить об этом. Иначе меня сочтут безумцем, — и Сальватор с улыбкой посмотрел на эксперта. — Нет, я отказываюсь от чести быть безумцем, хотя бы и гениальным. Я не безумец, не маньяк. Разве я не осуществил того, что хотел? Все мои работы вы видели собственными глазами. Если вы находите мои действия преступными, судите по всей строгости закона. Я не прошу снисхождения.

Эксперты, освидетельствовавшие Ихтиандра, должны были обратить внимание не только на физические свойства юноши, но и на состояние его умственных способностей.

— Какой у нас год? Какой месяц? Число? День недели? — спрашивали эксперты.

Но Ихтиандр отвечал:

— Не знаю.

Он затруднялся в ответах на самые обычные вопросы. Но ненормальным его назвать нельзя было. Он многого не знал благодаря своеобразным условиям своего существования и воспитания. Он оставался как бы большим ребенком. И эксперты пришли к заключению: «Ихтиандр недееспособен». Это освобождало его от судебной ответственности. Суд прекратил дело по обвинению Ихтиандра и назначил над ним опеку. Два человека выразили желание быть опекуном Ихтиандра: Зурита и Бальтазар.

Сальватор был прав, утверждая, что Зурита донес на него из мести. Но Зурита не только мстил Сальватору за потерю Ихтиандра. Зурита преследовал еще иную цель: он хотел снова завладеть Ихтиандром и стремился стать его опекуном. Зурита не пожалел десятка ценных жемчужин и подкупил членов суда и опекунского совета. Теперь Зурита был близок к цели.

Ссылаясь на свое отцовство, Бальтазар требовал, чтобы опекунские права предоставили ему. Однако ему не везло. Несмотря на все старания Ларра, эксперты заявили, что они не могут установить тождества Ихтиандра с рожденным двадцать лет тому назад сыном Бальтазара на основании показания одного только свидетеля — Кристо; к тому же он был братом Бальтазара и потому не внушал экспертам полного доверия.

Ларра не знал, что в это дело вмешались прокурор и епископ. Бальтазар, как потерпевший, как отец, у которого украли и изуродовали сына, был

нужен суду во время процесса. Но признать отцовство Бальтазара, отдать ему Ихтиандра — это не входило в расчеты суда и церкви: необходимо было совсем избавиться от Ихтиандра.

Кристо, переселившийся к брату, начал беспокоиться за него. В глубокой задумчивости сидел Бальтазар целыми часами, забывая о сне и еде, то вдруг приходил в сильнейшее возбуждение, метался по лавке и кричал: «Сын мой, сын мой!» В такие минуты он начинал бранить испанцев всеми бранными словами, которые только находил на всех известных ему языках.

Однажды после такого припадка Бальтазар неожиданно объявил Кристо:

— Вот что, брат, я иду в тюрьму. Мои лучшие жемчужины я отдам сторожам, чтобы они позволили мне повидать Ихтиандра. Я поговорю с ним. Он сам признает во мне отца. Сын не может не признать отца. В нем должна заговорить моя кровь.

Как ни пытался Кристо отговорить брата, ничто не помогло. Бальтазар был непоколебим.

Бальтазар отправился в тюрьму. Упрашивая сторожей, он плакал, валялся у их ног, молил их и, усыпав жемчугом путь от ворот до внутреннего помещения тюрьмы, добрался, наконец, до камеры Ихтиандра.

В этой небольшой камере, скудно освещенной узким окном с решеткой, было душно и скверно пахло; тюремные сторожа редко меняли воду в баке и не трудились убирать гниющую на полу рыбу, которой кормили необычайного узника.

У стены напротив окна стоял железный бак.

Бальтазар подошел к баку и посмотрел на темную поверхность воды, скрывающую под собой Ихтиандра.

— Ихтиандр! — тихо сказал Бальтазар. — Ихтиандр... — еще раз позвал он.

Поверхность воды подернулась рябью, но юноша не показывался из воды.

Подождав еще немного, Бальтазар протянул тря-

сущуюся руку и погрузил ее в теплую воду. Рука коснулась плеча.

Из бака вдруг показалась мокрая голова Ихтиандра. Он приподнялся до плеч и спросил:

— Кто это? Что вам нужно?

Бальтазар опустился на колени и, протягивая руки, быстро заговорил:

— Ихтиандр! К тебе пришел твой отец. Твой настоящий отец. Сальватор — не отец. Сальватор — злой человек. Он изуродовал тебя... Ихтиандр! Ихтиандр! Ну, посмотри же на меня хорошенько. Неужели ты не узнаешь своего отца?

Вода медленно стекала с густых волос юноши на бледное лицо и капала с подбородка. Печальный, немного удивленный смотрел он на старого индейца.

— Я не знаю вас, — ответил юноша.

— Ихтиандр, — закричал Бальтазар, — смотри на меня хорошенько! — И старый индеец вдруг схватил голову юноши, привлек к себе и начал покрывать поцелуями, проливая горячие слезы.

Ихтиандр, обороняясь от этой неожиданной ласки, заплескался в баке, проливая воду через край на каменный пол.

Чья-то рука крепко схватила Бальтазара за шиворот, приподняла на воздух и отбросила в угол. Бальтазар грохнулся на пол, больно ударившись головой о каменную стену.

Открыв глаза, Бальтазар увидел, что над ним стоит Зурита. Крепко сжав кулак правой руки, Зурита держал в левой руке какую-то бумажку и торжественно помахивал ею.

— Видишь? Приказ о назначении меня опекуном Ихтиандра. Тебе придется поискать богатого сынка в другом месте. А этого юношу завтра утром я увезу к себе. Понял?

Бальтазар, лежа на земле, глухо и угрожающе заворчал.

Но в следующее мгновение Бальтазар вскочил на ноги и с диким криком бросился на своего врага, сбив его с ног.

Индеец выхватил из рук Зурита бумажку, сунул себе в рот и продолжал наносить испанцу удары. Завязалась ожесточенная борьба.

Тюремный сторож, стоявший у двери с ключами в руках, счел себя обязанным соблюдать строжайший нейтралитет. Он получил хорошие взятки от обоих сражающихся и не хотел им мешать. Только

когда Зурита начал душить старика, сторож забеспокоился:

— Не задушите его!

Однако рассвирепевший Зурита не обратил внимания на предостережение сторожа, и Бальтазару

пришлось бы плохо, если бы в камере не появилось новое лицо.

— Прекрасно! Господин опекун тренируется в осуществлении своих опекунских прав! — послышался голос Сальватора. — Что же вы смотрите? Или вы не знаете своих обязанностей? — прикрикнул Сальватор на сторожа таким тоном, будто он был начальником тюрьмы.

Окрик Сальватора подействовал. Сторож бросился разнимать дерущихся.

На шум прибежали еще другие сторожа, и скоро Зурита и Бальтазара оттащили в разные стороны.

Зурита мог считать себя победителем в борьбе. Но побежденный Сальватор был все же сильнее своих соперников. Даже здесь, в этой камере, на положении арестанта, Сальватор не переставал управлять событиями и людьми.

— Уведите из камеры драчунов, — приказал Сальватор, обращаясь к сторожам. — Мне надо остаться с Ихтиандром наедине.

И сторожа повиновались. Несмотря на протесты и брань, Зурита и Бальтазара увели. Дверь камеры захлопнулась.

Когда в коридоре замолкли удаляющиеся голоса, Сальватор подошел к бассейну и сказал Ихтиандру, выглянувшему из воды:

— Встань, Ихтиандр. Выйди на середину камеры, мне нужно осмотреть тебя.

Юноша повиновался.

— Вот так, — продолжал Сальватор, — ближе к свету. Дыши. Глубже. Еще. Не дыши. Так...

Сальватор постукивал Ихтиандра по груди и выслушивал прерывистое дыхание юноши.

— Задыхаешься?

— Да, отец, — отвечал Ихтиандр.

— Сам виноват, — ответил Сальватор, — тебе нельзя было оставаться так долго на воздухе.

Ихтиандр опустил голову и задумался. Потом вдруг поднял голову и, посмотрев прямо в глаза Сальватору, спросил:

— Отец, но почему нельзя? Почему всем можно, а мне нельзя?

Выдержать этот взгляд, полный скрытого упрека, Сальватору было гораздо труднее, чем отвечать на суде. Но Сальватор выдержал.

— Потому, что ты обладаешь тем, чем не обладает ни один человек: способностью жить под водой... Если бы тебе предоставили выбор, Ихтиандр, быть таким, как все, и жить на земле, или жить только под водою, чтобы ты выбрал?

— Не знаю... — ответил юноша, подумав.

Ему одинаково были дороги подводный мир и земля, Гуттиэре. Но Гуттиэре теперь потеряна для него...

— Теперь я предпочел бы океан, — сказал юноша.

— Ты еще раньше сделал выбор, Ихтиандр, тем, что своим непослушанием нарушил равновесие твоего организма. Теперь ты сможешь жить только под водой.

— Но не в этой ужасной, грязной воде, отец. Я умру здесь. Я хочу на простор океана!

Сальватор подавил вздох.

— Я сделаю все, чтобы скорее освободить тебя из этой тюрьмы, Ихтиандр. Мужайся! — И, ободряюще похлопав юношу по плечу, Сальватор оставил Ихтиандра и пошел в свою камеру.

Усевшись на табурете у узкого стола, Сальватор глубоко задумался.

Как всякий хирург, он знал неудачи. Немало человеческих жизней погибло под его ножом от его собственных ошибок, прежде чем он достиг совершенства. Однако он никогда не задумывался над этими жертвами. Погибли десятки, спасены тысячи. Эта арифметика вполне удовлетворяла его.

Но за судьбу Ихтиандра он считал себя ответственным. Ихтиандр был его гордостью. Он любил юношу, как лучшую свою работу. А кроме того, он привязался к Ихтиандру и полюбил его, как сына. И теперь болезнь Ихтиандра и его дальнейшая судьба беспокоили, заботили Сальватора.

В дверь камеры постучали.

— Войдите! — сказал Сальватор.

— Я не побеспокою вас, господин профессор? — тихо спросил смотритель тюрьмы.

— Нисколько, — отвечал Сальватор, поднимаясь. — Как чувствуют себя жена и ребенок?

— Благодарю вас, прекрасно. Я отправил их к теще, далеко отсюда, в Анды...

— Да, горный климат им будет полезен, — ответил Сальватор.

Смотритель не уходил. Оглядываясь на дверь, он подошел к Сальватору и тихо обратился к нему:

— Профессор! Я обязан вам жизнью за спасение жены. Я люблю ее, как...

— Не благодарите меня, это мой долг.

— Я не могу оставаться в долгу у вас, — ответил смотритель. — И не только это. Я человек малообразованный. Но я читаю газеты, и я знаю, что значит профессор Сальватор. Нельзя допустить, чтобы такого человека держали в тюрьме вместе с бродягами и разбойниками.

— Мои ученые друзья, — улыбаясь, проговорил Сальватор, — кажется, добились того, что я буду помещен в санаторий как сумасшедший.

— Тюремный санаторий — та же тюрьма, — возразил смотритель, — даже хуже: вместо разбойников вас будут окружать сумасшедшие. Сальватор среди сумасшедших! Нет, нет, этого не должно быть!

Понизив голос до шепота, смотритель продолжал:

— Я все обдумал. Я неспроста отправил семью в горы. Я устрою теперь вам побег и скроюсь сам. Нужда загнала меня сюда, но я ненавижу эту работу. Меня не найдут, а вы... вы уедете из этой проклятой страны, где вершат дела попы и купцы. И вот еще, что я хотел вам сказать, — продолжал он после некоторого колебания. — Я выдаю служебную тайну, государственную тайну...

— Можете не выдавать ее, — прервал Сальватор.

— Да, но... я сам не могу... прежде всего, не могу выполнить полученный мною ужасный приказ.

Совесть всю жизнь мучила бы меня. А если я выдам эту тайну, совесть не будет меня мучить. Вы так много сделали для меня, а они... Я ничем не обязан начальству, которое к тому же толкает меня на преступление.

— Даже? — коротко спросил Сальватор.

— Да, я узнал, что Ихтиандра не отдадут ни Бальтазару, ни опекуну Зурита, хотя Зурита уже имеет бумажку. Но и Зурита, несмотря на щедрые взятки, не получит его, потому что... Ихтиандра решили убить.

Сальватор сделал легкое движение.

— Вот как? Продолжайте!

— Да, убить Ихтиандра, — на этом больше всего настаивал епископ, хотя он ни разу не произнес слова «убить». Мне дали яду, кажется, цианистого калия. Сегодня ночью я должен подмешать яд к воде в баке Ихтиандра. Тюремный врач подкуплен. Он установит, что Ихтиандра погубила произведенная вами операция, превратившая его в амфибию. Если я не выполню приказа, со мной поступят очень жестоко. А ведь у меня семья... Потом они убьют и меня, и никто не будет знать этого. Я весь в их руках. У меня в прошлом преступление... небольшое... почти случайное... Все равно я решил бежать и все уже подготовил к побегу. Но я не могу, не хочу убивать Ихтиандра. Спасти обоих в такой короткий срок трудно, почти невозможно. Но спасти вас одного я могу. Я все обдумал. Мне жалко Ихтиандра, но ваша жизнь нужнее. Вы сможете создать своим искусством другого Ихтиандра, но никто в мире не создаст другого такого Сальватора.

Сальватор подошел к смотрителю, пожал его руку и сказал:

— Благодарю вас, но для себя не могу принять этой жертвы. Вас могут поймать и будут судить.

— Никакой жертвы! Я все обдумал.

— Подождите. Я не могу принять для себя этой жертвы. Но если вы спасете Ихтиандра, вы сделаете для меня больше, чем если бы освободили меня.

Я здоров, силен и везде найду друзей, которые помогут мне вырваться на свободу. А Ихтиандра необходимо освободить немедленно.

— Я принимаю это как ваш приказ, — сказал смотритель.

Когда он вышел, Сальватор улыбнулся и проговорил:

— Так лучше. Пусть же яблоко раздора не достанется никому.

Сальватор прошелся по комнате, тихо прошептал: «Бедный мальчик!» — подошел к столу, что-то написал, затем подошел к двери и постучал.

— Позовите ко мне смотрителя тюрьмы.

Когда смотритель явился, Сальватор сказал ему:

— Еще одна просьба. Не можете ли вы устроить мне свидание с Ихтиандром — последнее свидание!

— Нет ничего легче! Из начальства никого нет, вся тюрьма в нашем распоряжении.

— Отлично. Да, еще одна просьба.

— Весь к вашим услугам.

— Освободив Ихтиандра, вы сделаете для меня очень много.

— Но вы, профессор, оказали мне такую услугу...

— Допустим, что мы в расчете, — прервал его Сальватор. — Но я могу и хочу помочь вашей семье. Вот записка. Здесь только адрес и одна буква: «S»— Сальватор. Обратитесь по адресу. Это верный человек. Если вам нужно будет временно укрыться, будете нуждаться в деньгах...

— Но...

— Никаких «но». Ведите меня скорее к Ихтиандру.

Ихтиандр удивился, когда в камере появился Сальватор. Ихтиандр никогда не видел его таким грустным и нежным, как в этот раз.

— Ихтиандр, сын мой, — сказал Сальватор. — Нам придется расстаться с тобою скорее, чем я думал, и, может быть, надолго. Твоя судьба беспокоила меня. Тебя окружают тысячи опасностей... Если

ты останешься здесь, ты можешь погибнуть, в лучшем случае — оказаться пленником Зурита или другого подобного хищника.

— А ты, отец?

— Суд, конечно, осудит меня и упрячет в тюрьму, где мне придется просидеть, наверное, года два, а может быть, и больше. Это время, пока я буду в тюрьме, ты должен находиться в безопасном месте и как можно дальше отсюда. Такое место есть, но оно очень далеко отсюда, по другую сторону Южной Америки, на запад от нее, в Великом океане, на одном из островов Туамоту, или иначе, Низменных островов. Добраться туда тебе будет не легко, но все опасности пути несравнимы с теми, которым ты подвергаешься здесь, дома, в заливе Ла-Плата. Легче добраться и найти эти острова, чем избежать здесь сетей и ловушек коварного врага.

Какой путь тебе начертать? Ты можешь направиться туда, на запад, обогнув Южную Америку с севера или с юга. Оба пути имеют свои достоинства и свои недостатки. Северный путь несколько длиннее. Кроме того, избрав этот путь, тебе пришлось бы плыть из Атлантического в Тихий океан через Панамский канал, а это опасно: тебя могут поймать, в особенности на шлюзах, или же — при малейшей твоей неосторожности — тебя может раздавить корабль. Канал не слишком широк и не глубок: наибольшая ширина — девяносто один метр, глубина — двенадцать с половиной метров. Новейшие глубокосидящие океанские пароходы могут почти касаться дна своим килем.

Зато ты все время плыл бы в теплых водах. Кроме того, от Панамского канала идут на запад три большие океанские дороги: две — к Новой Зеландии, одна — к островам Фиджи и далее. Выбрав средний путь и следя за пароходами, а может быть, и прицепляясь к ним, ты добрался бы почти до места. По крайней мере оба пути к Новой Зеландии захватывают зону архипелага Туамоту. Тебе пришлось бы только подняться немного севернее.

Путь через южную оконечность ближе, но зато

там ты будешь плыть в холодных южных водах, у границы плавающих льдов, в особенности же если ты обогнешь мыс Горн на Огненной Земле — самую южную оконечность Южной Америки. Магелланов же пролив необычайно бурный. Для тебя он, конечно, не так опасен, как для кораблей и пароходов, но все же опасен. Для парусных кораблей он был настоящим кладбищем. На востоке он широк, на западе — узок и усеян скалами, островками. Сильнейшие западные ветры гонят воду на восток — значит, тебе навстречу. В этих водоворотах даже ты можешь разбиться и под водой.

Поэтому я советую тебе лучше удлинить путь и обогнуть мыс Горн, чем плыть через Магелланов пролив. Вода океана становится холодней постепенно, и, я надеюсь, ты постепенно привыкнешь и останешься здоров. О запасах пищи тебе нечего заботиться, — она всегда под руками, так же как и вода. Ты с детства привык пить морскую воду без всякого вреда для здоровья.

Найти путь от мыса Горн к островам Туамоту тебе будет несколько труднее, чем от Панамского канала. От мыса Горн на север нет широких океанских дорог с большим пароходным движением. Я укажу тебе точно долготу и широту; ты определишь их по специальным инструментам, сделанным для тебя по моему заказу. Но эти инструменты несколько загрузят тебя и свяжут свободу движения...

— Я возьму с собою Лидинга. Он будет нести на себе груз. Разве могу я расстаться с Лидингом? Он, наверно, и так истосковался по мне.

— Неизвестно, кто по ком больше, — снова улыбнулся Сальватор. — Итак, Лидинг. Отлично. До островов Туамоту ты доберешься. Тебе останется найти уединенный коралловый остров. Вот примета: на нем высится мачта, а на мачте, в виде флюгера — большая рыба. Не трудно запомнить. Быть может, ты затратишь на поиски этого острова месяц, и два, и три — не беда: вода там теплая, устриц довольно.

Сальватор приучил Ихтиандра терпеливо слушать, не перебивая, но когда Сальватор дошел до этого места своих объяснений, Ихтиандр не удержался:

— И что же я найду на острове с флюгером-рыбой?

— Друзей. Верных друзей, их заботу и ласку,— ответил Сальватор. — Там живет мой старый друг — ученый Арман Вильбуа, француз, знаменитый океанограф. Я познакомился и подружился с ним, когда был в Европе много лет тому назад. Арман Вильбуа — интереснейший человек, но сейчас у меня нет времени рассказать тебе о нем. Надеюсь, ты сам узнаешь его и ту историю, которая привела его на одинокий коралловый остров в Тихом океане. Но сам он не одинок. С ним живет его жена, милая, добрая женщина, сын и дочь, — она родилась уже на острове, ей теперь должно быть лет семнадцать, а сыну лет двадцать пять.

Они знают тебя по моим письмам и, уверен, примут тебя в свою семью, как родного... — Сальватор запнулся. — Конечно, тебе придется теперь бóльшую часть времени проводить в воде. Но для дружеских свиданий и бесед ты сможешь выходить на несколько часов в день на берег. Возможно, что твое здоровье поправится и ты сможешь по-прежнему оставаться на воздухе так же долго, как и в воде.

В лице Армана Вильбуа ты найдешь второго отца. А ты будешь ему незаменимым помощником в его научных работах по океанографии. Уже того, что ты знаешь об океане и его обитателях, хватило бы на десяток профессоров. — Сальватор усмехнулся. — Чудаки эксперты спрашивали тебя на суде по шаблону, какой сегодня день, месяц, число, и ты не мог ответить просто потому, что все это не представляло для тебя интереса. Если бы они спросили хотя бы о подводных течениях, температурах воды, солености в Ла-Платском заливе и его окрестностях, — из твоих ответов можно было бы составить целый научный том. Насколько же боль-

ше ты сможешь узнать, — и потом сообщить свои знания людям, — если твоими подводными экскурсиями будет руководить такой опытный и блестящий ученый, как Арман Вильбуа. Вы оба, я уверен в этом, создадите такой труд по океанографии, который составит эпоху в развитии этой науки, прогремит на весь мир. И твое имя будет стоять рядом с именем Армана Вильбуа, — я знаю его, он сам настоит на этом. Ты будешь служить науке и тем самым всему человечеству.

Но если ты останешься здесь, тебя заставят служить низменным интересам невежественных, корыстных людей. Я уверен, в чистых, прозрачных водах атолла и в семье Армана Вильбуа ты найдешь тихую пристань и будешь счастлив.

Еще один совет. Как только ты окажешься в океане, — а это может произойти даже сегодня ночью, — плыви немедленно домой через подводный тоннель (дома сейчас только верный Джим), возьми навигационные инструменты, нож и прочее, найди Лидинга и отправляйся в путь, прежде чем солнце поднимется над океаном.

Прощай, Ихтиандр! Нет, до свидания!

Сальватор в первый раз в жизни обнял, крепко поцеловал Ихтиандра. Потом он улыбнулся, похлопал юношу по плечу и сказал:

— Такой молодец нигде не пропадет! — и быстро вышел из комнаты.

ПОБЕГ

Ольсен только что вернулся с пуговичной фабрики и сел обедать. Кто-то постучал в дверь.

— Кто там? — крикнул Ольсен, недовольный тем, что ему помешали.

Дверь открылась, и в комнату вошла Гуттиэре.

— Гуттиэре! Ты? Откуда? — воскликнул удивленный и обрадованный Ольсен, поднимаясь со стула.

— Здравствуй, Ольсен, — сказала Гуттиэре. —

Продолжай свой обед. — И, прислонившись к дверям, Гуттиэре заявила:

— Я не могу больше жить с мужем и его матерью. Зурита... он осмелился ударить меня. И я от него ушла. Совсем ушла, Ольсен.

Эта новость заставила Ольсена прервать обед.

— Вот так неожиданность! — воскликнул он. — Садись! Ты едва держишься на ногах. А как же? Ты ведь говорила: «Что бог соединил, человек да не разлучает»? Отставить? Тем лучше. Радуюсь. Ты вернулась к отцу?

— Отец ничего не знает. Зурита нашел бы меня у отца и вернул бы к себе. Я остановилась у подруги.

— И... и что же ты будешь делать дальше?

— Я поступлю на завод. Я пришла просить тебя, Ольсен, помочь мне найти работу на заводе... все равно какую.

Ольсен озабоченно покачал головой:

— Сейчас это очень трудно. Хотя я, конечно, попытаюсь. — И, подумав, Ольсен спросил: — А как муж отнесется к этому?

— Я не хочу знать его.

— Но муж-то захочет узнать, где его жена, — улыбаясь, сказал Ольсен. — Не забывай, что ты в Аргентине. Зурита разыщет тебя, и тогда... Ты сама знаешь, что он не оставит тебя в покое. Закон и общественное мнение на его стороне.

Гуттиэре задумалась и потом решительно сказала:

— Ну что же! В таком случае я уеду в Канаду, Аляску...

— Гренландию, на Северный полюс! — И уже более серьезно Ольсен сказал: — Мы обдумаем это. Здесь тебе оставаться небезопасно. Я и сам давно собираюсь выбраться отсюда. Зачем я приехал сюда, в Латинскую Америку? Здесь еще слишком силен поповский дух. Жаль, что нам не удалось тогда бежать отсюда. Но Зурита успел похитить тебя, и наши билеты и наши деньги пропали. Теперь у тебя, вероятно, так же нет денег на пароходный би-

лет в Европу, как и у меня. Но нам и необязательно ехать прямо в Европу. Если мы, — я говорю «мы» потому, что я не оставлю тебя, пока ты не будешь в безопасном месте, — если мы доберемся хотя бы до соседнего Парагвая, а еще лучше — до Бразилии, то там Зурита будет уже труднее разыскать тебя, и у нас будет время подготовиться к переезду в Штаты или же в Европу... Ты знаешь, доктор Сальватор в тюрьме вместе с Ихтиандром?

— Ихтиандр? Он нашелся? Почему он в тюрьме? Могу я его увидеть? — забросала Гуттиэре вопросами Ольсена.

— Да, Ихтиандр в тюрьме, и он снова может оказаться рабом Зурита. Нелепый процесс, нелепое обвинение против Сальватора и Ихтиандра.

— Это ужасно! И его нельзя спасти?

— Я все время пытался это сделать, но безуспешно. Но неожиданным нашим сотрудником оказался сам смотритель тюрьмы. Сегодня ночью мы должны освободить Ихтиандра. Я только что получил две коротенькие записки: одну от Сальватора, другую от смотрителя тюрьмы.

— Я хочу видеть Ихтиандра! — сказала Гуттиэре. — Можно мне пойти с тобой?

Ольсен задумался.

— Я думаю, что нет, — ответил он. — И тебе лучше не видеть Ихтиандра.

— Но почему?

— Потому, что Ихтиандр болен. Он болен как человек, но здоров как рыба.

— Я не понимаю.

— Ихтиандр больше не может дышать воздухом. Что же будет, если он снова увидит тебя? Для него это будет очень тяжело, да, может быть, и для тебя. Ихтиандр захочет видеться с тобой, а жизнь на воздухе погубит его окончательно.

Гуттиэре опустила голову.

— Да, пожалуй, ты прав... — сказала она, подумав.

— Между ним и всеми остальными людьми легла непреодолимая преграда — океан. Ихтиандр —

обреченный. Отныне вода становится его родной и единственной стихией.

— Но как же он там будет жить? Один в безбрежном океане — человек среди рыб и морских чудовищ?

— Он был счастлив в своем подводном мире, пока...

Гуттиэре покраснела.

— Теперь, конечно, он не будет так счастлив, как раньше...

— Перестань, Ольсен, — печально сказала Гуттиэре.

— Но время излечивает все. Быть может, он даже обретет утраченный покой. Так он и будет жить — среди рыб и морских чудовищ. И если акула не съест его раньше времени, он доживет до старости, до седых волос... А смерть? Смерть везде одинакова...

Сгущались сумерки, и в комнате было почти темно.

— Однако мне пора, — сказал Ольсен, поднимаясь.

Встала и Гуттиэре.

— Но я могу хоть издали видеть его? — спросила Гуттиэре.

— Конечно, если ты не выдашь своего присутствия.

— Да, я обещаю это.

Уже было совсем темно, когда Ольсен в костюме водовоза въехал во двор тюрьмы со стороны Коронель Диас *.

Сторож окликнул его:

— Куда едешь?

— Морскую воду «дьяволу» везу, — ответил Ольсен, как учил его тюремный смотритель.

Все сторожа знали, что в тюрьме находится необычайный арестант — «морской дьявол», который сидит в баке, наполненном морской водой, так как

---

* Коронель Диас — одна из улиц, на которую выходит тюрьма.

пресной он не переносит. Эту морскую воду время от времени меняли, привозя ее в большой бочке, установленной на дроги.

Ольсен подъехал к зданию тюрьмы, завернул за угол, где помещалась кухня и находилась дверь в тюрьму для входа служащих. Смотритель уже все приготовил. Сторожей, обычно стоявших в коридоре и у входа, отослали под разными предлогами. Ихтиандр, сопровождаемый смотрителем, свободно вышел из тюрьмы.

— Ну, прыгай скорее в бочку! — сказал смотритель.

Ихтиандр не заставил себя ждать.

— Трогай!

Ольсен ударил вожжами, выехал со двора тюрьмы и не спеша поехал по Авени да Альвар, мимо вокзала Ритеро, товарной станции.

Следом за ним невдалеке мелькала тень женщины.

Была уже темная ночь, когда Ольсен выехал из города. Дорога шла берегом моря. Ветер крепчал. Волны набегали на берег и с шумом разбивались о камни.

Ольсен осмотрелся. На дороге никого не было видно. Только вдали сверкали фонари быстро мчавшегося автомобиля. «Пусть проедет».

Гудя и ослепляя светом, автомобиль промчался к городу и скрылся вдали.

— Пора! — Ольсен обернулся и сделал Гуттиэре знак, чтобы она скрылась за камни. Потом он постучал по бочке и крикнул: — Приехали! Вылезай!

Из бочки показалась голова.

Ихтиандр оглянулся, быстро вылез и прыгнул на землю.

— Спасибо, Ольсен! — сказал юноша, крепко сжимая мокрой рукой руку великана.

Ихтиандр дышал часто, как в припадке астмы.

— Не за что. Прощай! Будь осторожен. Не подплывай близко к берегу. Опасайся людей, чтобы опять не попасть в неволю.

Даже Ольсен не знал, какие приказания получил Ихтиандр от Сальватора.

— Да, да, — задыхаясь, сказал Ихтиандр. — Я поплыву далеко-далеко, к тихим коралловым островам, куда не приходит ни один корабль. Спасибо, Ольсен! — И юноша побежал к морю.

Уже у самых волн он вдруг обернулся и крикнул:

— Ольсен, Ольсен! Если вы увидите когда-ни-

будь Гуттиэре, передайте ей мой привет и скажите, что я всегда буду помнить ее!

Юноша бросился в море и крикнул:

— Прощай, Гуттиэре! — и погрузился в воду.

— Прощай, Ихтиандр!.. — тихо ответила Гуттиэре, стоявшая за камнями.

Ветер крепчал и почти валил людей с ног. Море бушевало, шипел песок, грохотали камни.

Чья-то рука сжала руку Гуттиэре.

— Идем, Гуттиэре! — ласково приказал Ольсен.

Он вывел Гуттиэре на дорогу.

Гуттиэре еще раз оглянулась на море и, опираясь на руку Ольсена, направилась к городу.

Сальватор отбыл срок наказания, вернулся домой и снова занялся научной работой. Он готовится к какому-то далекому путешествию.

Кристо продолжает у него служить.

Зурита обзавелся новой шхуной и ловит жемчуг в Калифорнийском заливе. И хотя он не самый богатый человек в Америке, но все же он не может пожаловаться на свою судьбу. Концы его усов, как стрелка барометра, показывают высокое давление.

Гуттиэре развелась с мужем и вышла замуж за Ольсена. Они переселились в Нью-Йорк и работают на консервном заводе. На побережье Ла-Платского залива никто не вспоминает «морского дьявола».

Лишь иногда в душные ночи старые рыбаки, услышав в ночной тиши неведомый звук, говорят молодым:

— Вот так трубил в раковину «морской дьявол», — и начинают рассказывать о нем легенды.

Только один человек в Буэнос-Айресе не забывает Ихтиандра.

Все мальчишки города знают старого, полупомешанного нищего индейца.

— Вот идет отец «морского дьявола»!

Но индеец не обращает внимания на мальчишек.

Встречая испанца, старик каждый раз оборачивается, плюет ему вслед и ворчит какое-то проклятие.

Но полиция не трогает старого Бальтазара. Его помешательство тихое, он никому не причиняет вреда.

Только когда на море поднимается буря, старый индеец приходит в необычайное беспокойство.

Он спешит на берег моря и, рискуя быть смытым водой, становится на прибрежные камни и кричит, кричит день и ночь, пока не утихнет буря:

— Ихтиандр! Ихтиандр! Сын мой!..

Но море хранит свою тайну.

Подводные земледельцы

Текст печатается по изданию:

Александр Беляев.

Остров погибших кораблей.
Повести и рассказы,

Детгиз, 1960.

I. НЕПТУН ИВАНОВИЧ ОГОРЧЕН

— ИВАН! Иоганн! Джон! Джонни! Джиованни!.. Иоанн! Иван! Ваня! Ванюшка!

— А-а-аах! — кто-то сладко зевнул и перевернулся на другой бок. Слышно было, как заскрипели пружины кровати. Тишина. И снова первый голос начинает выкликать с разными интонациями, то повышая, то понижая силу звука:

— Жан! Иван! Джон!.. — и вдруг крикнул изо всех сил: — Ванька, шельмец! Стань передо мной, как лист перед травой!

— Ах-ах, фут возьми! — За перегородкой взвизгнула пружина, босые ноги зашлепали по полу. Кто-то засопел носом, повозился впотьмах,

открыл дверь, пошарил у стены, щелкнул выключателем.

Электрическая лампочка, висящая под потолком, осветила золотистые сосновые бревна стен, широкое окно, завешенное плотной шторой темно-синего сукна, большой чертежный стол у стены, на столе — старый номер «Известий», чертежные принадлежности, землемерные планы, несколько книг, папки с бумагами. У другой стены, на узкой железной походной кровати лежал, заложив руки за голову, мужчина средних лет, плотный, широкоплечий, рыжеволосый, с небольшими усами и бородкой клином. Голубые, широко открытые глаза смотрели в потолок пристально, а на левой щеке виднелась отметина: глубокий красноватый шрам.

— Собирайся, Ванюша, пора! — сказал лежащий на кровати.

Ванюша еще раз вздохнул. Уж очень хотелось ему спать. Он стоял посреди комнаты в одних трусах, заспанный, со слипающимися глазами. Лицо его имело полудетскую мягкость и округленность черт, а черные жесткие волосы стояли ежиком. Он поднимал брови, чтобы глаза скорее раскрылись, шевелил губами и разбрасывал руки в стороны, разминаясь после сна. Потом подошел к окну, отдернул занавеску и, глядя в непроницаемый мрак, сказал:

— Темно еще, Семен Алексеевич!

— Пока соберемся, в самый раз будет, — отвечал Семен Алексеевич Волков.

Ванюшка Топорков вышел в другую комнату и зажег там свет. Эта комната была такой же, как и первая. Кровать, простой стул, полка с книгами над небольшим столиком и шкафчик у кровати составляли всю ее обстановку. Ни в одной из этих комнат не видно было печки. Зато, если нагнуться, под столом можно было заметить пластинки электрического отопления. Это высшее проявление электрификации в домашнем быту так не шло ко всему облику бревенчатой избушки.

Ванюшка Топорков начал сборы, не переставая говорить из-за перегородки. У него был своеобразный недостаток речи: Ванюшка не выговаривал шипящих «ж», «ш», «щ». Вместо «ж» и «ш» у него выходило «ф», а вместо «щ» нечто среднее между «в» и «ф», но ближе к «ф». Любимой его присказкой было «шут возьми», причем у него получалось «фут возьми». Чем больше он волновался, тем больше картавил.

— Семен Алексеевич. Какой я сон видел! Как будто приплыл к нам больфуфий фелтобрюхий кит, лег на крыфу нафего дома и раздавил его, как яичную скорлупу. Мофет это быть?

— Выдержит крыша, не бойся. Что ты там долго возишься?

— Сейчас, Семен Алексеевич.

Ванюшка открыл шкаф и вынул оттуда теодолит * особого устройства, треножник, землемерную цепь, резиновый мешок. Нагрузив все это на себя, он вышел в другую комнату. Волков уже поднялся с кровати и усиленно занимался гимнастикой.

Ванюшка смотрел на него, невольно повторял все его движения, сначала потихоньку, а потом, бросив вещи на пол, по-настоящему. Он приседал, вставал, размахивал руками, нагибался, разгибался и, наконец, удовлетворенный, закончил:

— Ха-арофо, фут возьми! Утренняя зарядка.

Он опять собрал вещи и открыл наружную дверь избушки.

За этой дверью, на некотором расстоянии от нее, была вторая дверь — железная, плотно пригнанная. Ванюшка повозился у круглого запора и открыл ее. Перед ним открылась железная камера.

Камера эта имела объем в два кубических метра. Прямо перед Ванюшкой в железной стене виднелась круглая дверь в метр поперечником, похожая на большой иллюминатор. В правой стене был железный шкаф с отодвигающейся вбок дверцей,

---

* Теодолит — угломерный инструмент, употребляемый в землемерном деле.

а в левой, внизу, виднелись два небольших круглых зарешеченных отверстия, по сорок сантиметров в диаметре.

Ванюшка внес в камеру землемерные инструменты. Вслед за ним в камеру вошел Волков, одетый, как и Ванюшка, в одни трусы. Ванюшка открыл шкаф и начал вынимать оттуда странные предметы: две полумаски, состоящие из большого черного резинового носа и прикрепленных к нему очков. От очков шла резина, придерживающая их, а от носа (снизу — от ноздрей) — две резиновые трубки. Затем Ванюшка извлек пару электрических фонарей с резиновыми лентами и проводами, ранец, наушники, кортик и, наконец, тяжеленные сандалии со свинцовыми подошвами. Волков и Ванюшка начали быстро надевать на себя все эти доспехи. Прежде всего надели ранцы, сделанные из черного металла, затем черные носы и очки. Длинные трубки, свисавшие с носов, они, помогая друг другу, прикрепили к особым отверстиям в ранцах за спиной. Потом надели на голову аппараты, напоминающие радионаушники. Эти аппараты держались гибкой металлической пластинкой, надеваемой на голову. К ушам плотно прикреплялись круглые наушники, а от наушников шли две трубки, падавшие немного ниже плеч и оканчивавшиеся небольшими раструбами, как в трубке телефона. При помощи резиновой ленты на голове были прикреплены фонари. Затем путники застегнули пояса, на которых были привешены длинные кортики. Наконец, на ноги надели тяжелые сандалии, прикрепив их ремнями.

Судя по их уверенным и быстрым движениям, такой маскарад производился очень часто и сделался привычным. Тем не менее Ванюшка, посмотрев на Волкова, на его черный огромный нос, на выпуклые очки, на болтающиеся трубки-уши, выпирающий горбом ранец и шишковидный фонарь на голове, не мог все же удержаться от смеха.

— Ах, фут возьми! Прямо не человек, а нарочно! Прямо дядюфка с Марса.

Волков, не обращая внимания на Ванюшку, плотно закрыл шкаф, осмотрел дверь в избушку, подошел к стене и круто и сильно повернул круглый кран. В одно из отверстий вдруг с шумом хлынула вода вместе с маленькими рыбками. Вода залила голые ноги до колен, и, когда дошла до пояса, Ва-

нюшка начал подпрыгивать: тело еще не остыло от теплоты кровати, и прохладная вода не совсем приятно щекотала его. Чтобы уж сразу привыкнуть к перемене температуры, Ванюшка сел на пол и

скрылся с головой, не ожидая, пока вода дойдет доверху.

Через две минуты камера наполнилась водой. Освещенные сильной электрической лампой, в зеленоватой воде заплясали мелкие рыбки. Ванюшка, чувствуя, что он стал легче, поднялся с пола и навьючил на себя землемерные инструменты. Волков отвинтил круглую дверь, похожую на иллюминатор, и сдвинул ее вбок. Перед ними открылось темное отверстие, наполненное водой. Они шагнули через порог высотою в треть метра и вышли наружу. На голове Волкова ярко вспыхнул электрический фонарь. Волков задвинул круглую дверь, загасил фонарь и шагнул вперед.

Путников окружала почти полная тьма, но они уверенно подвигались вперед. Шли по косогору из мягкого ила. Слева, где был берег, и впереди густела темно-зеленая муть, вверху вода была несколько светлее. Слабые лучи света пробивались сквозь пятиметровую толщу воды. А справа слепила непроглядная тьма. Там была глубина, туда спускалась покатость дна.

Иногда голое тело задевали длинные ленты водорослей. Иногда с размаху налетит горбуша * и испуганно вильнет в сторону, или причудливая рыбка агономал царапнет своими костными щитками. Ванюшка наступил на большую раковину и споткнулся.

Он взял трубку, свисавшую с уха Волкова, поднес близко к своему рту, выдул из внешнего отверстия трубки воздух и, прижав сильно губы, сказал:

— Может быть, засветить фонарь?

— Надо беречь электричество, — ответил Волков. — Скоро посветлеет. Пойдем по фукусной тропе, там дно чище и мельче.

Они свернули влево, к берегу. Стало светлее. Да и солнце поднималось выше над океаном, вонзая горячие лучи в прохладу вод.

---

* Горбуша — рыба из семейства лососевых, имеет промысловое значение.

Через четверть часа Ванюшка посмотрел вверх. Теперь вода над головой была совсем светлая. Ванюшка видел перед собою качающиеся водоросли, зеленоватые и бурые. Глядя на эти разнообразные узорчатые растения, можно было подумать, что их создал художник, который старался восполнить недостаток оригинальных идей богатством, тщательностью и разнообразием отделки. Здесь были водоросли, похожие на веревки со многими узлами, водоросли елковидные, лапчатые, лентообразные, с зазубренными краями. На расстоянии двух-трех метров Ванюшка отчетливо видел эти растения, а дальше все вуалировалось, как на земле в туманный день. Только этот туман был особенный, зеленовато-серый. Большие крабы быстро убегали от человеческих ног, скрываясь в зарослях. Голотурии-трепанги, похожие на неуклюжих червей, покрытых отростками, копались в иле. Многочисленные рыбки шныряли между водорослями.

На долю морской растительности отпущено природой только три краски: зеленая, бурая и черная. Зато животный мир щеголяет и черной, и белой, и желтой, и оранжевой, и синей, и фиолетовой. Когда солнце поднялось еще выше над головой, Ванюшка увидел все это пестрое великолепие рыб, моллюсков, креветок.

Отклоняясь все больше влево, к берегу, Ванюшка вышел на такое место, что голова его вдруг поднялась над поверхностью воды. Солнце, отраженное легкой зыбью, сразу ослепило его. Когда глаза несколько привыкли, он посмотрел на небо, на берег. Но все-таки надземный мир неизмеримо богаче красками, чем подводный. Как изумительна голубизна неба, сколько оттенков света на облаках, горах, какие леса, какая зелень лугов, желтизна глины и песков, выступавших у подмытых водою берегов!

Ванюшка увидал берег, покрытый лесом, чаек на волнах, китайскую фанзу под высокой елью, ярко освещенную солнцем. Как отчетливо все видно! Как будто Ванюшка под водой смотрел в плохо наве-

денный бинокль, а теперь этот бинокль точно наведен на фокус.

Кто-то тронул Ванюшку за руку. Наверно, Волков. Ванюшка бродил по дну океана не за тем, чтобы любоваться видами. Надо было приниматься за работу. Ванюшка погрузился в воду, вынул из резинового мешка землемерную цепь, а Волков — книжку, сделанную из пластинок, на которых он выцарапывал записи стилетом. Ванюшка устанавливал инструмент, отходил на указанное расстояние, притрагивался к кнопке на голове, и над его лбом зажигался сильный электрический фонарь. Волков наводил зрительную трубу теодолита на свет и записывал углы.

Они спускались все ниже по покатому дну. Здесь было темнее. Давление воды чувствовалось: труднее было двигаться, приходилось глубже и чаще дышать носом, выпуская воздух из легких через рот. Пузырьки ритмически вылетали изо рта Ванюшки, который при этом выпячивал губы и раздувал щеки. Он находил, что так дышать «вкуснее».

Яркий свет фонаря освещал длинные ленты бурых водорослей, огромные листья агар-агара *, похожие на листы лопуха и усеянные дырочками. Водоросли медленно колыхались и тянулись к берегу — начинался прилив. Ванюшка отошел от Волкова на значительное расстояние. Они переговаривались кастаньетами, которые держали в руке меж пальцев.

«Семен Алексеевич, почему звук так скоро доходит до меня?» — выстукивал Ванюшка.

«Потому что в воздухе звук проходит 322 метра, а в воде 1 450», — отвечал Волков.

«А почему так?»

Но Волков был занят — не время теперь перестукиваться.

И вдруг слух Ванюшки уловил какой-то совсем

---

* Агар-агар — водоросли, из которых добывают плотный студень, употребляемый в бактериологии.

иной звук — отдаленное постукивание. Кто бы это мог стучать? Быть может, Пунь звала завтракать? Но еще рано. Макар Иванович? Но он не собирался сегодня выходить в море.

«Вы слышите?» — выстукал Ванюшка Волкову.

«Да, — отвечал тот. — Кто-то стучит в воде».

Волков и Топорков прекратили работу, сошлись вместе и погасили фонари, а Ванюшка даже взял-

ся за рукоять кортика. Стук прекратился. Ванюшка не утерпел. Он нажал кнопку и снова зажег фонарь. Зеленая муть осветилась. На расстоянии пяти метров маячила неясная фигура — вернее, расплывчатое пятно шарообразной фигуры на человеческих

ногах. По мере приближения очертания фигуры делались все более отчетливыми. Теперь уже можно было различить, что по дну океана идет огромный человек, очень медленно размахивая веслоподобными руками. Его туловище напоминало бочку — так оно было толсто и кругло. Еще несколько шагов — и к ним подошел старик с длиннейшей серой бородкой, которая развевалась во все стороны, как дым, при каждом движении воды. На нем были большие очки, а каучуковый черный нос придавал лицу странный вид. Длинная рубаха и порты, закрученные до колен, составляли его костюм. На огромных босых ногах были надеты сандалии с тяжелыми подметками. Вокруг туловища обмотана сеть, а в сети бились живые рыбы. Эта сеть с рыбами и придавала фигуре старика издали такой необычайный бочкообразный вид.

Старик остановился, расставил руки, опустив их вниз. С растопыренными пальцами, эти руки напоминали трезубцы Нептуна, а сам старик — морского бога. Волков так и прозвал его: Нептун Иванович Конобеев. Настоящее имя его было Макар. Он улыбался во весь рот, пуская пузыри и обнажая здоровые длинные белые зубы. Волков кивнул ему головой и ощупал его руки.

В них не было кастаньет. Волков удивился. Чем же Нептун Иванович стучал в воде? У старика не было слуховой трубки, не знал он и азбуки Морзе, а поэтому с ним приходилось объясняться жестами. Волков указал на свои кастаньеты и опять ощупал руки великана. Макар Иванович улыбнулся, оскалил рот — и вдруг защелкал зубами. Получился звук гораздо более громкий, чем от кастаньет. Ванюшка, забыв, что он под водой, рассмеялся, выпустив фейерверк пузырей, потом закашлялся и едва не захлебнулся. Он зажал рот руками, кое-как сдержался, но ненадолго. Новый приступ смеха охватил его. Тогда Ванюшка быстро отстегнул сандалии со свинцовыми подошвами и, оттолкнувшись от дна, поднялся вверх, как детский воздушный шар, оторвавшийся от нити.

Он вынырнул на поверхность. Волны закачали его, а прибой понес к берегу.

Ванюшка всплыл недалеко от рыбацкой лодки, на которой сидели два японца. Увидев страшное чудовище, выплывшее из морской глубины, японцы с расширенными от страха глазами прыгнули в воду, как испуганные лягушки, и быстро поплыли в сторону от черноносого чудовища. А Ванюшка еще поддал жару — вдруг заулюлюкал нечеловеческим голосом.

На поверхности океана было ветрено, солнечно и весело. Тут можно было смеяться, не опасаясь захлебнуться. Насмеявшись вдоволь, Ванюшка затих на мгновение, лежа на волнах, и посмотрел на берег. Вдали виднелась фанза под высокой елью, около фанзы стояла, как толстенький крепенький грибок, женская фигура, а у самого берега выла собака, повернув морду прямо к воде. Ванюшка кивнул головой, прошептал «фут возьми!» и, сделав глубокий вдох, опустился на дно.

В подводной мути ему не сразу удалось найти Волкова и Конобеева. Прилив на поверхности океана отнес Ванюшку к берегу, и ему пришлось плыть над знакомыми тропинками, путаясь в длинных лентах водорослей и временами останавливаясь, чтобы разрезать осклизлые ленты кортиком. Вода выжимала вверх. Ванюшка принужден был нырнуть до дна, разыскать несколько камней и, взяв их в руки, отправиться в путь достаточно «уравновешенным» для подводных путешествий.

Вот где-то вдали, в зеленой мгле, вспыхнул огонек и послышались призывные удары кастаньет. Ванюшка ответил условными тремя ударами и ускорил шаги. Огонь двигался навстречу ему. Скоро Ванюшка подошел к Волкову и Конобееву. Волков схватил говорительную трубку Ванюшки и сделал такой вид, как будто крутит его за ухо, потом, приложив трубку к губам, сказал:

— Джонни! Нельзя быть таким легкомысленным. Ты рисковал помереть от смеха. Вот твои калоши!

— Это была бы самая веселая смерть, Семен Алексеевич, — ответил Ванюшка, надевая тяжелые сандалии. — Воет! — прибавил он.

— Кто воет?

— Хунгуз. Будет опять нагоняй Макар Ивановичу, — и, обратившись к Конобееву, Ванюшка сложил рот трубочкой и завыл, пуская пузыри.

Лицо Конобеева вдруг омрачилось. Брови над большими очками сдвинулись, а усы и волосы бороды около рта взъерошились. «Морской бог» был чем-то рассержен или огорчен. Он замахал руками-веслами и направился быстро к берегу.

— Семен Алексеевич! Можно мне посмотреть хоть одним глазком, как она его ругать будет? — спросил Ванюшка.

— Жан! Ты забываешь о своих обязанностях! — строго сказал Волков. Они вновь принялись за работу.

II. «РЫБЕ — ВОДА, ЗЕМЛЯ — ЧЕЛОВЕКУ»

А Макар Иванович быстро шел, направляясь к берегу. Дно океана все поднималось. Чем ближе к берегу, тем почва становилась более илистой от наносной земли и перегноя. И все сильнее чувствовалось движение воды. Прибой подгонял Конобеева, как сильный ветер. Старик откинулся назад и едва успевал перебирать ногами. Если бы не его огромная сила, его давно перевернуло бы и выбросило с волнами на берег, как сорванную корабельную мачту. Но Конобеев все еще боролся. Однако когда он вышел на песчаный откос, где вода едва покрывала голову, даже он, Нептун Иванович, не мог устоять. Океан пересилил. Прибою помогал сильный ветер, дувший к берегу. Водяные массы, упругие, как футбольные мячи, вращаясь, поднимали со дна ил, песок, крабов, креветок, вырывали водоросли и все это катили вместе с собою к берегу и выбрасывали с шумом, шипением, гулом. Они, эти водяные шары, сбили с ног Конобеева и вместе

с его сетью, наполненной рыбой, выбросили на отмель и с оглушительным шипением откатились назад.

Большая собака — сибирская лайка серой шерсти — с испуганным тявканьем, поджав пушистый хвост, отскочила от Конобеева, потом вдруг, захлебываясь радостным лаем, подбежала к нему и начала лизать его мокрое лицо, влажные стекла очков, каучуковый черный нос, бороду, похожую на водоросли, огромные руки...

«Ах! Ах!» — истерически вскрикивала собака; потом, неожиданно повернувшись на месте волчком, помчалась вихрем к фанзе, стоявшей под елью. На лай собаки из фанзы вышла пожилая толстенькая коротенькая женщина, с пухлыми красными руками и красным круглым лицом. На голове ее был повязан чистенький белый платок с черным горошком, синяя просторная кофта из китайского полотна и черная длинная юбка колыхались при каждом движении. Женщина вперевалку, по-утиному, заковыляла к берегу.

Конобеев смущенно поднялся с мокрого песка и направился к ней навстречу, а собака с радостным лаем бегала то к женщине, то к старику, пока они не сошлись, после чего лайка начала прыгать вокруг них.

— Здравствуй, старуха! — сказал Конобеев, потряхивая сетью, в которой трепетала рыба. — Вот я тебе... того... рыбки принес!

Но старуха не обратила на сеть с рыбой никакого внимания.

— Сними ты хоть поганую образину с лица, смотреть тошно! — сказала она строго. — Водяной. Прямо водяной! И течет с него, как с утоплого. Ха-а-рош! Нечего сказать. Иди переоденься в сухое, что ли!

— Ничего, высохну. Теперь тепло. Да мне и назад скоро в воду. Работа ждет.

— Да ты хоть чаю напейся. Отсырел небось там, в воде. Давно чаю не пил.

Конобеев шумно вздохнул и снял с себя очки, каучуковый нос и ранец.

Его собственный нос был немногим краше каучукового: большой, мясистый, рыхлый и вдобавок поросший седыми длинными волосами. Удивительны были руки с большими, малоподвижными, очень широко расставленными пальцами и складчатой толстой кожей. А на ладонях у старика были настоящие мозольные подушки. На эти ладони он свободно клал горячий уголек, не обжигаясь.

— Однако, так и быть, пойдем, старуха! Рыбу в кадушку с водой пусти. Завтра ушицу сваришь. Больше горбуша, но есть и сельдь, иваси...

Жена Конобеева, Марфа Захаровна, знала, что ее старик любит чаевать. Для этого она его и заманила с коварством женщины в китайскую фанзу, где жила. Когда Конобеев переступил порог фанзы, Марфа Захаровна, быстро двигаясь по фанзе своей утиной перевалкой, приготовила чай, положила на стол свежий хлеб и, глядя на мужа, вливавшего в огромный рот стакан за стаканом, начала отчитывать его за «беспутную жизнь».

— Ну где же это видано, где это слыхано, чтобы человек, как горбуша, в воде жил? Рыбам — вода, птицам — воздух, а человеку — земля. Так испокон веку сам бог положил. Залез ты в мокрое место.

— Однако, человек по воздуху теперь летает лучше всякой птицы, — возражал Конобеев, прихлебывая чай.

Марфа Захаровна не обратила внимания на эту реплику и продолжала, все более повышая тон:

— Коли женился ты на мне, так и живи со мной, а не с горбушами и сельдями. Какой ты муж после этого, когда тебе селедка милей, чем жена? Сорок лет жили вместе, а тут на́ тебе! Как подменили человека. Сдурел на старости лет. Не хочу и не желаю. Либо я, либо селедка. Теперь женщине вольная воля. Вот пойду в загс да и разведусь с тобой.

— Однако... — начал Конобеев, но поперхнулся

чаем. Залаяла собака, а из-за двери показался Ванюшка.

— Правильно, Марфа Захаровна, правильно, мамафа! — крикнул Ванюшка, появляясь в дверях в одних трусах. — Теперь не старый режим. А только вы напрасно, мамафа, на Макар Ивановича серчаете. Вы бы лучше пришли сами к нам жить...

— Что? Я! Под воду? К селедкам? Я не русалка, прости господи, чтобы под водой жить. С лягушками, с гадами морскими.

— Нет там лягуфек. Марфа Заха...

— Да никогда!

— А вы бы хоть глянули, Марфа Захаровна. У нас там очень даже отлично. В самом море-океане стоят фелезные хоромы-колпаки, а под колпаками — избуфка. А в избуфке и светло, и тепло, и никакой воды — сухо вполне. И чаек, и сахарок, и самоварчик найдется.

— Ты бы лучше штаны надел, чем старых людей учить. Бесстыдник! А еще комсомолец.

— Боитесь, значит?

— Ничего не боюсь. А отсыреть не желаю.

— А вот Пунь не побоялась. Кореянка-то смелей вас. Она у нас на все руки. И варит, и фарит, и белье стирает, и пол моет.

— Пол моет? Под водой-то?

— Да что же вы, в самом деле, думаете, что у нас все водой залито —и полы, и кровати, и самоварные трубы? Ничего подобного! Суше, чем в вашей фанзе. Эх, вот только что плохо: не умеет по-нашенски варить обед Пунь. Как наварит своих корейских куфаний — один только Цзи Цзы и лопает с аппетитом. А если бы вы, Марфа Захаровна, нам ффи сготовили, как помните, угоффяли меня? Я до сих пор пальчики облизываю. Вы бы нам варили да фарили, да пироги рыбные пекли с рыбной начинкой, да пельмени...

Похвала подействовала — Марфа Захаровна смягчилась, но о том, чтобы спуститься под воду, и слышать не хотела.

— Приходи сам сюда пельмени есть, — ответила она, улыбнувшись.

— Однако, нам пора, — сказал Конобеев и начал надевать на себя маску и водолазное облачение.

— Глаза бы мои на тебя не глядели! — качая головой, сказала старуха.

— Ничего особенного, однако, — ответил Конобеев и направился с Ванюшкой к берегу навстречу налетавшим волнам. Волны грохотали, пена шипела на песке, брызги летели дождем, а Конобеев смело шел вперед.

— Держись за меня! — крикнул он Ванюшке, когда они подошли к волнорезу. Ванюшка ухватился за богатырскую руку старика. Первая волна обдала их и едва не сбила с ног. Наклонив головы, прижавшись друг к другу, Конобеев и Топорков бросились вперед. Волны покрыли их. На мгновение показалась еще раз косматая седая голова Макара Ивановича и скрылась.

Марфа Захаровна, сложив красные руки на круглом животе, склонила свое круглое красное лицо. Губы кривились; она готова была заплакать. А собака Хунгуз, подойдя к самой воде, вдруг подняла морду и начала выть. Потом сердито залаяла на волны и начала бегать по берегу, как бы желая броситься вслед ушедшим под воду. И снова завыла, жалобно и протяжно...

III. ПОД ПЯТЬЮ КУПОЛАМИ

Трудно идти по дну океана навстречу приливу. Труднее, чем по земле против ветра в шторм. Конобеев нагнул голову и таранил ею упругую движущуюся массу воды. А Ванюшка шел на буксире, держась руками за бедра старика великана.

Когда спустились в подводную лощину, стало сразу тише. Здесь чувствовался только водяной «ветерок». Ванюшка отцепился от Конобеева и поднял голову вверх. Солнце стояло над ними светящимся размытым пятном. Волнение на поверхности ме-

шало видеть резко очерченный шар, как это бывало во время штиля.

«Полдень. Пора обедать», — подумал Ванюшка.

И в этот самый момент послышался звук колокола. Под водой он был слышен очень отчетливо. Колокол прозвонил двенадцать. В зеленоватой мгле мерцал огонек. Это светился маяк на крыше подводного жилища. Его гасили только тогда, когда все были в сборе. Конобеев распрямил спину и быстро пошел на свет. Ванюшка едва поспевал за своим вожаком.

Сквозь лес длинных водорослей свет маяка разгорался все ярче по мере того, как путники двигались вперед. Ванюшка много раз уже любовался подводным ландшафтом — и не мог налюбоваться. Как будто он попал на неведомую планету, где все иное. Длинные полосы, ленты, шнуры, веревки бурых водорослей тихо колебались, извивая, как полусонные змеи, свои гибкие тела. Среди этих лент, протянутых, как серпантин, резко выделялись широкие пальмовидные листья ламинарий.

Скоро можно было различить уже и подводное жилище. Издали оно напоминало пять куполов-полусфер византийского храма: как будто храм провалился в землю до самых куполов. Дом стоял в долине между двумя поперечными возвышенностями, которые предохраняли от морских «ветров» — прилива и отлива.

Здесь всегда было тихо.

Яркий свет подводного прожектора собирал множество рыб, шнырявших между водорослями, как разноперые птицы в тропическом лесу. Только эти птицы были молчаливые.

Путники вошли в железную камеру и плотно закрыли за собою дверь. Ванюшка повернул кран, и вода начала уходить в трубу. Через пять минут сильные насосы освободили камеру от воды; другие насосы наполнили ее воздухом. Ванюшка и Конобеев сняли водолазные костюмы и мокрую одежду, переоделись и вошли через железную и деревянную двери в деревянную избушку. Они были у себя дома.

Под средним, самым большим, куполом находилось «общественное здание» из четырех комнат. В одной помещалась общая столовая, в другой — кухня с кладовой, в третьей — библиотека-читальня и в четвертой — машинное отделение.

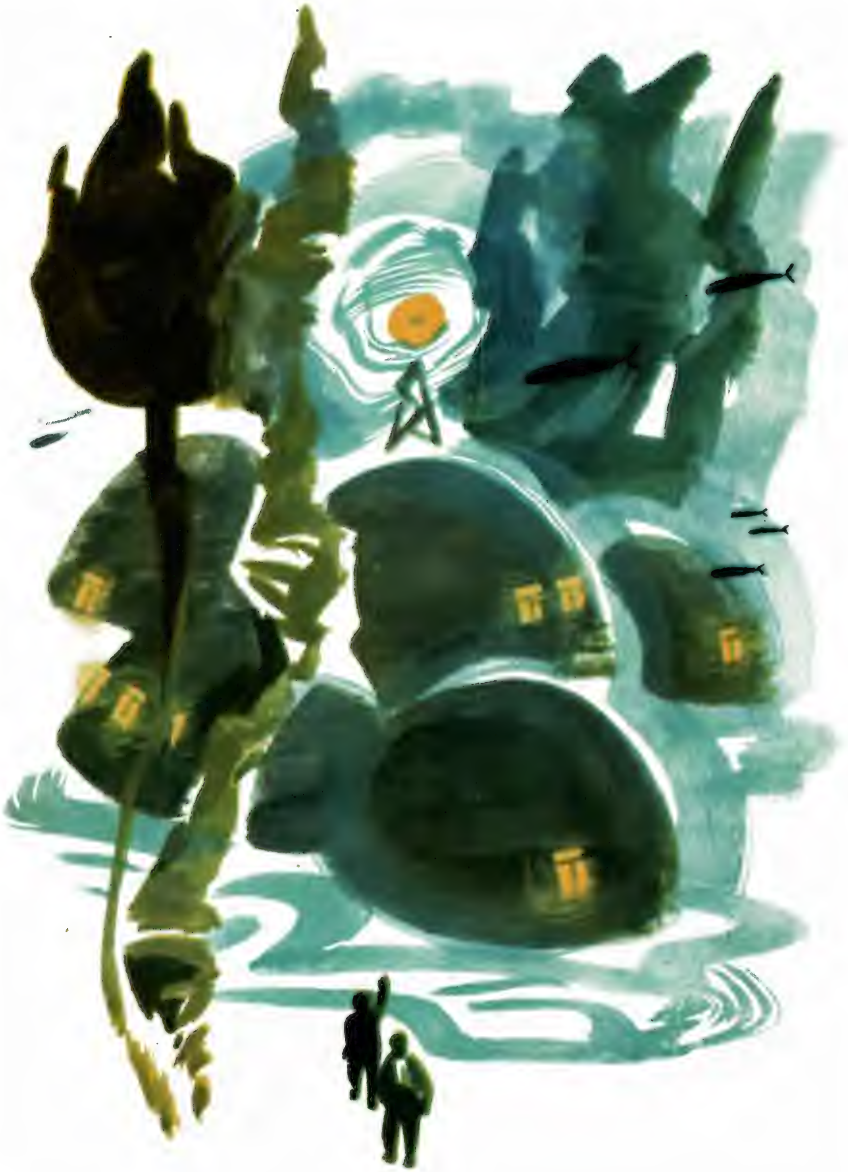
Вокруг этого большого центрального купола с маяком были расположены четыре меньших. Купол с выходной дверью, направленный к берегу, назывался западным. Он прикрывал собою избушку в две комнаты, в которой помещались Топорков и Волков. Затем следовали: северный купол — там жили стряпуха Пунь и ее муж Цзи Цзы; западный — в двух комнатах этой избушки помещались Конобеев и Гузик; и, наконец, южный — в этом куполе было две комнаты: одна — лаборатория-мастерская Гузика, а другая — запасная — для «приезжающих», где иногда ночевали приходившие с берега по делам к Волкову и Гузику.

Ванюшка вышел в столовую. Она, кроме выходной двери, имела еще две: прямо — в кухню и влево — в библиотеку-читальню. В этой комнате, как и в других комнатах центрального дома, совсем не было окон. Сильная электрическая лампа под потолком хорошо освещала большой, застланный китайской чистой скатертью стол с шестью приборами и шесть табуреток у стола. Еще несколько запасных табуреток стояли у стен. Рядом с дверью в кухню, у стены стоял буфет карельской березы; на круглом столике сверкал полированными боками большой самовар, лучший друг Конобеева.

В столовой еще никого не было. Ванюшка потянул носом, поморщился и прошел в кухню.

У электрической плиты возилась маленькая скуластая Пунь в синем платье и белом переднике. Ее черные как смоль жесткие волосы были гладко зачесаны и собраны сзади в пучок, сколотый двумя шпильками с шариками на концах.

История ее появления в подводной колонии была такова. Волков нанял для работы корейца Цзи Цзы, или — по корейскому произношению — Кые Ца. Сговорились о плате. Цзи Цзы получил задаток



и в назначенный день явился со своею подругой жизни, которую отрекомендовал:

— Пунь.

— Почему «Пунь»? — спросил Волков, который знал, что «пунь» — это мелкая корейская монета.

— Больсе не стоит, — ответил Цзи Цзы.

— А ты сам сколько стоишь? — спросил, улыбаясь, Волков.

— Сто пунь будет нянь, а десять нянь будет кань. Вот сколько я стою. Кань! — ответил Цзи Цзы.

— Но зачем же ты привел свою жену? — спросил Волков, поглядывая на женщину, покорно стоявшую около своего властелина.

Цзи Цзы удивился вопросу и в недоумении пожал плечами.

— Как зачем? Чтобы она работала.

— Но ведь я нанимал тебя. А ты что же будешь делать?

— Я буду получать деньги, — ответил спокойно Цзи Цзы.

Волков решил, что женщина может пригодиться в доме по хозяйству, а Цзи Цзы возьмется рано или поздно за работу, и согласился принять Пунь, которая беспрекословно надела водолазную маску и последовала за мужем в воды океана. Так же беспрекословно она пошла бы за ним даже «в страну теней».

Пунь оказалась на редкость полезным членом подводной колонии. Она варила обед, мыла посуду, полы, стирала белье, наводила чистоту и еще успевала помогать мужчинам в их работе вне дома. Зато Цзи Цзы ровно ничего не делал, если не считать получения жалованья.

Он целыми днями валялся на кровати, покуривал трубочку. Однажды Волков указал корейцу, что он своим курением портит воздух. Цзи Цзы ничего не сказал, надел водолазную маску и отправился на берег. Что он там делал, было неизвестно. Вероятно, в хорошие дни валялся на берегу. Но к обеду он являлся аккуратно.

— Здравствуй, Пунь, чего ты нам сегодня наворотила? — обратился Ванюшка к поварихе, заглядывая в горшки и сковороды. Морская капуста, соус, вероятно, тоже из водорослей, трепанги, иваси, еще какой-то пряно пахнущий неведомыми травами соус...

— Халасе нараратила! — весело ответила Пунь, потряхивая сковородку.

— Ффец бы! — вздохнул Ванюшка, но Пунь не поняла его и начала в чем-то оправдываться.

Она вдруг быстро-быстро заговорила по-корейски, и ее тоненький голосок раздавался, как птичье щебетанье.

— Ладно уж! — покровительственно ответил Ванюшка и прошел в библиотеку. Стены этой комнаты были заставлены книжными шкафами. За круглым столом сидел Конобеев, наклонившись над иллюстрированным журналом.

— Мастодонт, читающий последние политические известия! — рассмеялся Ванюшка, увидав старика за таким «неподходящим» занятием. Действительно, со своим громоздким телом, огромной бородой, руками, которые были способны задушить акулу, но не обращаться с книгой, он как-то не подходил к этой обстановке.

— Гляди, однако, — сказал Конобеев, с невероятными усилиями переворачивая корнеобразными несгибающимися пальцами страницу журнала.

— Краб лучше тебя листы ворочал бы. Чего смотреть-то, однако? — спросил Ванюшка.

Конобеев показал на снимок летящего аэроплана.

— Летают, однако!

— Ну и что же? — спросил Ванюшка, не поняв, что Конобеев в душе продолжает спорить со своей старухой, отстаивая право жить под водой. И, не ожидая объяснений Макара Ивановича, Ванюшка прошел в машинное отделение.

Там пахло особенно — «электричеством», как шутя говорил Ванюшка.

— Здравствуй, Гузик! Сегодня мы с тобой еще не видались! — весело крикнул Топорков молодому

человеку, сидевшему спиной к нему на корточках около электрической машины.

— Вот тебе и два с половиной диэлектрическая постоянная эбонита! — ответил Гузик.

— Заговариваешься, братишка?

— А, это ты, Ваня? Здравствуй! — Гузик поднялся, отряхнулся и повернулся к Ванюшке лицом. Густые каштановые, немного вьющиеся волосы над высоким лбом и большие очень прозрачные светло-серые глаза, всегда задумчивые, смотрящие куда-то вдаль, как бы пронизывающие вещественные предметы, — «рентгеновские», как выразился однажды Волков. Эти глаза невольно обращали на себя внимание.

Молодой инженер-электрик, ученый-изобретатель Микола Гузик был прост, как ребенок, и феноменально рассеян. Но эта рассеянность относилась лишь к внешнему миру и внешним вещам, и происходила она оттого, что Гузик умел так глубоко внутренне сосредоточиваться, что забывал обо всем окружающем.

— Идем обедать, что ли! — сказал Ванюшка.

— Да, да... — ответил Гузик и, переведя взгляд прозрачных глаз с неведомых мировых высот на динамо, опять уселся на корточки и начал возиться у машины.

— Микола-чудотворец! — закричал вдруг Ванюшка и начал трясти Гузика за плечи. — Довольно! Айда в столовую! — И он потащил своего ученого друга. — Макар Иваныч, обедать! — крикнул он мимоходом Конобееву.

В столовой уже сидел Волков. Пунь подавала на стол. К общему удивлению, Цзи Цзы не пожаловал к обеду.

— Где Кые Ца? — спросил Волков Пунь.

— Цолт зял (черт взял), — ответила она. — И пусть!

Гузик мог не есть целыми днями. Но, усевшись за стол и глубоко задумавшись, он ухитрялся незаметно для себя съедать и больше, чем надо. Однажды он один съел большую сковороду печенки, при-

готовленной для всех. Теперь молодой изобретатель принялся за соус, сделанный из морской капусты, и поглощал его с большим аппетитом, пронизывая Конобеева невидящим взглядом.

— А ну-ка, дай попробовать! — сказал Ванюшка, пододвигая к себе соусник и накладывая на тарелку. Соус был очень вкусный и питательный, но Ванюшка недовольно повел носом.

— Не то! — сказал он, вздохнув.

— Непривычка, и больше ничего, — возразил Волков, — морская капуста вкуснее земной и гораздо питательнее. Когда ты привыкнешь, то не захочешь другой. И я уверен, что морская капуста скоро будет таким же необходимым блюдом за каждым столом, как картошка. Ведь картофель вначале тоже не хотели и даже боялись есть. Саранча, муравьи, ласточкины гнезда кажутся тебе омерзительными, а между тем у многих племен кушанья эти являются самым лакомым блюдом.

Ванюшка даже кулаком ударил себя по груди.

— Семен Алексеевич! Чувствую, понимаю! Если бы не понимал, то и на дно бы не полез. Ради чего я полез? Ради этой самой морской капусты полез. Но только, Семен Алексеевич, не привык я еще. Вот Марфа Захаровна недавно угощала нас щами. Натуральными. Ах, невозможно забыть, Семен Алексеевич! Красота! — И вдруг, хлопнув Конобеева по спине, Ванюшка воскликнул: — Макар Иваныч, помнишь? Нет, как хочешь, а Марфу Захаровну мы сюда доставим. Если под водой у нас щами запахнет, совсем другой океан будет. Красота! Только как, Макар Иваныч? На какой бы крючок, на какую приманку нам эту рыбку поймать — Марфу Захаровну то есть?

Конобеев вздохнул и даже ложку отложил в сторону.

— Не сделано еще такого крючка, на который можно было бы таких самостоятельных старух ловить, — отвечал он. — Греха боится по глупости бабской. Староверка она у меня.

— А ты тоже старовер? — спросил Ванюшка.

— Был, да весь вышел, однако! — ответил Конобеев. — Темность.

Макар Иванович о чем-то глубоко задумался, потом, не окончив обеда, поднялся из-за стола и вышел.

— Скучает! — тихо сказал Ванюшка, кивнув вслед Конобееву. — Эх ты, крученье-мученье с этим полом, с длинным подолом.

А Конобеев прошел в свою комнату, хмурый, озабоченный. Его густые брови, усы и борода топорщились и беспрерывно шевелились. Он надел водолазный костюм. Старику хотелось на берег, но на глаза Марфе Захаровне он не решался показываться. И он отправился далеко на юг, на разведки. Эти разведки Конобеев очень любил. Потом он докладывал обо всем виденном под водой Волкову: где какая почва, где растут водоросли, где они не растут, но расти могут. Конобеев пробродил целый день, вернулся поздно ночью, улегся на полу — он не любил спать на кровати — и начал так ворочаться и вздыхать, что разбудил Гузика.

— Чего вы ворочаетесь, Макар Иванович? — спросил его Микола.

— К непогоде. Тайфун будет, — отвечал Конобеев. — Всегда чую!

Но не одно приближение тайфуна заставило его ворочаться и вздыхать по-слоновьи. Ему было жалко старуху, Марфу Захаровну, которая в эту ночь ворочается одна в китайской фанзе под елью. Ель шумит, дверь скрипит, собака воет, а она одна...

Жалко старуху, но и бросить воду он не может. Нет, никак не может! Да и как бросить налаженное дело, шутка ли?

Макар Иванович начал вспоминать свою жизнь вплоть до того момента, как он встретился с Волковым.

IV. ПОДВОДНЫЙ СОВХОЗ

Конобеев родился и вырос в Приморье. Отец его был зверолов. И Макар Иванович еще десятилетним мальчишкой уже ходил с отцом на медведя. Сколько

он их потом уложил на своем веку, выходя на зверя «один на один»! Но не в пример отцу, который был настоящим «лесным человеком», у Макара Ивановича была общественная жилка. Еще в старое время, до революции, он пытался организовать артель охотников и рыболовов. Но из этого ничего не вышло. Конобеев доверчиво роздал членам артели деньги, которые скопил, продавая пушнину; его обманули, ушли с деньгами и не вернулись.

После революции Макар Иванович перекочевал к самому берегу океана и занялся рыбной ловлей — сначала один, потом небольшой артелью от Дальсельсоюза. Но от времени до времени в нем просыпался охотник, и он бросал невод и острогу, чтобы взяться за ружье и рогатину. Во время этих охотничьих запоев Конобеев и встретился с агрономом Волковым, тоже завзятым охотником. Они скоро подружились, как два истых профессионала.

Волков не так давно поселился в Приморье. Раньше он работал в Белоруссии по колхозному строительству. Но у него была беспокойная натура. Наскучив работой землемера, он пристроился к одной научной экспедиции, которая отправлялась на Дальний Восток. Красота и своеобразие этого края так пленили Волкова, что он остался там жить.

У него было настоящее чутье охотника и меткий глаз. Если Конобеев «стоил» четырех десятков медведей, то у Волкова были другие заслуги: он собственноручно убил двух тигров — не плохой стаж для новичка. Правда, одного тигра ему пришлось убить, случайно наткнувшись на него и обороняясь. Лишь исключительное хладнокровие и находчивость спасли ему жизнь. Тигр был убит, но, уже издыхающий, успел царапнуть щеку Волкову одним коготком, оставив отметину на всю жизнь.

Сидя у костра, Конобеев и Волков рассказывали друг другу бесконечные истории из охотничьей жизни.

Однажды утром они вышли на берег моря. Стоял конец октября. Погода была на редкость тихая. На океане отлив обнажил отмели с наметанными на

них кучами морских водорослей. Недалеко от берега два японца занимались странным занятием. Один из них сидел в тупоносой лодке, нагруженной связанными в пучок бамбуковыми ветвями. Второй японец, поставив голую ногу на край лодки, другой ногой, налегая всей тяжестью тела, наступал на конический заступ, имевший две рукоятки, как в детских ходулях. Поднимая и опуская заступ, он двигался вдоль борта лодки; следуя за ним, его товарищ брал пучки бамбуковых веток и втыкал их в дно.

Волкову впервые приходилось видеть такое зрелище.

— Что они делают? — спросил он Конобеева.

Старик усмехнулся.

— Капусту садят!

— Нет, в самом деле?

— Однако, в самом деле капусту садят, — ответил Конобеев. — Морскую капусту.

— Но ведь это не капуста, а ветки бамбука.

— Ну да, ветки бамбука. Вишь ты, какая штука: когда морская капуста выпустит семя...

— Споры?

— Никаких споров. Обыкновенное семя. Семя это летит по воде, как пыль по воздуху. А вот эти самые кусты задерживают семя. И на этом месте начнет капуста расти. Место тут неглубокое, удобное для того, чтобы капусту потом палками с крючками срывать. Вот они и садят ветки. Огород, значит, разводят, вроде как подводные земледельцы. Однако, к нам лезут! Тесно у них на островах, податься некуда, вот и лезут. Да нешто одни японцы нас обирают? А американцы что делают? Глаза бы не видали! Одних котов * тыщами изводят.

— Макар Иваныч, это что же такое? Контрабандная реквизиция общественного достояния? — услышал Волков чей-то молодой голос и обернулся. Перед ним стоял веселый черномазый юноша, сверкая белыми зубами. На нем была надета кепка, тол-

---

* Котик.

стовка и кожаные штаны, заправленные в огромные рыбацкие сапоги с голенищами выше колен.

— Ванюшка? Здравствуй! — отозвался Конобеев и, обратившись к Волкову, пояснил: — Ванюшка Топорков в нашей артели работает. Комсомолия. Ты чего не на работе? — спросил он Ванюшку.

— Выходной я, Макар Иваныч! Я говорю: что это делается? Здравствуйте, гражданин, — поздоровался он с Волковым. — Как они смеют грабить достояние!

— Я и то говорю... Тесно у них, — ответил Конобеев.

— Знаю, что тесно, — не унимался Ванюшка. — Да ведь кто грабит? Подручные Таямы Риокицы, промышленника толстопузого. Он же бедняку японцу и продаст эту капусту за четыре до́рога, а бедняк опять голодный будет. Гнать их отсюда без всяких дипломатических нот. Эй, вы! — крикнул он, замахнувшись ракушкой на японцев. — Брысь отсюда! Что за безобразие, фут возьми! Брысь, брысь! — И он решительно зашагал к лодке прямо по воде, поднимая тучи брызг.

Японцы о чем-то быстро поговорили между собою, потом положили в лодку заступ и взялись за весло. Скоро лодка скрылась из виду.

Трое — Конобеев, Ванюшка и Волков — уселись на берегу. Над ними с пронзительными криками летали чайки. Куда-то в сторону тянули бакланы. Совсем недалеко от людей спокойно ходили кулики и клевали.

Макар Иванович вынул кисет, набил зеленоватым табаком трубку с коротким мундштуком, закурил, затянулся и начал медленно говорить:

— Однако, теперь морской капусты совсем мало у нас добывают. А раньше много больше добывали. В Китай, в Японию продавали... И чего это столько добра зря пропадает! Глядеть жалко!

— Миллионы миллионов, — поддержал Ванюшка.

— Да, а если бы нам самим взяться за разведение морской капусты, как это японцы делают, — задумчиво сказал Волков, — мы могли бы удесятерить сбор

и сбыт капусты. А если все это механизировать, машинизировать...

— Совхоз! О! — воскликнул Ванюшка. — Это... это, фут возьми, что такое? Экспортный товар. Валютный! А? Что ты скажешь, дед Макар?

— Однако, хорошо было бы, — подумав, ответил Макар Иванович.

Ванюшка вдруг вскочил, как с горячей плиты. Он ударил кулаком правой руки по ладони левой и заговорил, как на собрании:

— Граждане, кто за подводный совхоз? Единогласно! Ах, фут возьми! Вот это будет номер! — И он размечтался, захваченный необычайностью идеи.

— Мы будем работать под водой в водолазных

костюмах. Мы выстроим на дне настоящие города. Проведем дороги. Наставим электрических фонарей. И по этой подводной дороге будем ездить на подводных автомобилях к подводным знакомым! Вот так фут возьми! Работать мы будем на подводных тракторах... А как, телефонные провода можно в воде прокладывать? — спросил он Волкова.

— Можно, только хорошо изолировать их. Кабели называются.

— Будут у нас телефоны, и радио, и ухá каждый день, потому что с рыбами в одной квартире. Прямо воду нагревай и уху ешь!

Он забрасывал Волкова вопросами: хорошо ли под водою видно, слышно ли звуки, которые издаются над водой, как изменилась бы жизнь, если бы человечество жило в океане.

— Ведь нам объясняли, — говорил он, — что все живое вышло из воды. А вот если бы и обезьяны и сам человек развился в воде?

— Однако, далеко хватил! — сказал Конобеев.— Мы про капусту начали говорить. — Эти слова охладили фантазию Ванюшки и вернули его к практическим вопросам.

— Прежде чем думать о том, чтобы жить под водой, надо подумать об усовершенствовании водолазных костюмов, — сказал Волков. — В современных водолазных костюмах долго не проработаешь, да и слишком это сложно и дорого. Ведь наша задача должна сводиться к тому, чтобы завести правильное хозяйство — садить морскую капусту японским способом на новых участках земли. Японцы могут втыкать свои бамбуковые ветки лишь на очень небольшой глубине, там, где вода над плантацией при отливе не превышает одного — полутора метров. Работать на большой глубине не позволяют их несовершенные орудия. Конический заступ не сделаешь слишком длинным — иначе с ним трудно будет обращаться, а садить кустики в сделанные ямы, ныряя с лодки, слишком трудно и утомительно, на значительной же глубине и невозможно. Если же сконструировать хороший, удобный водолазный костюм,

не связанный с определенной базой, то площадь подводных плантаций можно увеличить во много-много раз. Можно, конечно, механизировать и копание ямок, хотя о подводных тракторах и автомобилях нам мечтать пока не приходится. Трактор без горючего не двинется, а горение под водой...

— Можно двигать электричеством, — не унимался Ванюшка. — Вот подождите, я напишу своему приятелю в Ленинград. Он электротехник и изобретатель. Он работает в лаборатории самого академика Иоффе. Слыхали про такого? Он нам — не Иоффе, а приятель мой, Микола Гузик, — и водолазные костюмы придумает и подводные тракторы. А может, и сам Иоффе поможет. Башковитый малый!

— Однако на все это нужна монета, — опять охладил Конобеев юношеский пыл Ванюшки.

— А много? — спросил Топорков дрогнувшим голосом, повернув голову к Волкову.

— Очень много, — ответил тот.

Наступила пауза. Три головы усиленно думали. Ванюшка, забыв о деньгах, опять фантазировал, Конобеев вспоминал свои неудачи с организацией артели, а Волков думал, можно ли создать подводный совхоз хотя бы на самых скромных началах. Безусловно, сделать можно многое, даже не переселяясь на дно океана. Главный вопрос в деньгах. Дело новое и может встретить естественное недоверие...

— Валюта! Вот она! Бери ее! — крикнул Ванюшка, продолжая ткать нить своих мечтаний, и так махнул руками, что спугнул стайку птиц, клевавших почти у самых его ног.

На этот раз не было принято никакого практического решения. Однако начало было положено. Эти три случайно сошедшихся человека представляли уже некоторую силу. Один без другого они едва ли смогли бы что-нибудь сделать и, вероятно, ограничились бы только тем, что помечтали бы о подводных плантациях и вернулись каждый к своим делам. Но при сложении этих трех человеческих величин, вопреки школьной арифметике, сумма была равна трем плюс «икс». Этот «икс» являлся как бы процентом на ка-

питал объединенного труда. Недаром кипящая вода весит несколько больше, чем при температуре замерзания. Ванюшка, Конобеев и Волков дополняли друг друга. У Ванюшки были «огонь», фантазия, смелость мысли, не связанной старыми предрассудками, искрящийся энтузиазм молодости. Конобеев имел практическую сметку и долгий-долгий житейский опыт, а Волков обладал знаниями и упорством в достижении цели. Огонь сжигает, вода гасит огонь. Но если на огне Ванюшкиного энтузиазма подогреть холодную воду конобеевского жизненного опыта в котле волковского знания, то может получиться пар, который будет двигать машину!..

Друзья (они были уже друзьями, связанными общей идеей) решили встретиться через несколько дней.

V. ПИСЬМО МИКОЛЫ ГУЗИКА

Через несколько дней Волков, Конобеев и Ванюшка встретились на заранее условленном месте на берегу моря.

— Идет дело на лад! — воскликнул Ванюшка. — Я написал Гузику в Ленинград. Он, понимаете, из ударной бригады послан в вуз. Башковитый малый. И мой приятель. Одно время мы с ним вместе работали, там и подружились.

— Однако, из этого дела ничего не выйдет, — неожиданно сказал Конобеев, шевеля усами и густыми бровями. — Я говорил с нашим артельным завом. Спрашиваю его: что, мол, если бы начать капусту разводить, как японцы, можно ли на это деньги из артели получить или из Дальсоюза? А зав говорит, что и думать нечего. Сажать капусту, говорит, нечего; одним прибоем, говорит, тысячи тонн на берег выбрасывает, так и гибнет, ни себе, ни людям. Эвона сколько! — и Конобеев указал на груды гниющих водорослей, выброшенных волнами на берег.

— А вон смотри! Это что? — воскликнул Ванюшка, указывая на лодку, в которой сидели два уже

известных японца. Они продолжали сажать кусты бамбука. — Покажи нашему заву.

— То дело десятое, однако,—возразил Конобеев. — Японцы у себя всю морскую капусту до последнего кустика выщипывают, можно сказать, дно языком вылизывают, а у нас что? Хы! Собака на сене.

— А ты что раньше сам говорил? — вспылил Ванюшка.

— Говорил, что неплохо бы.

— Семен Алексеевич! Что же это такое? — спросил Ванюшка, покрасневший от волнения и разочарования. — Это же трудовое дезертирство. Неверие!..

— Я думаю, что Макар Иванович не прав, — ответил Волков. — Из того, что мы плохо используем свои природные богатства, вовсе не следует, что мы и не должны их использовать. Наоборот, надо использовать то, что сам океан на берег выбрасывает, что еще хранится в его водах, и то, что можно создать своими руками. Я навел кое-какие справки. Сейчас нами добывается водорослей свыше восьми тысяч тонн, а в тысяча восемьсот восемьдесят пятом году добывалось больше десяти тысяч! — Ванюшка свистнул. — Тогда мы продавали капусту в Китай в качестве пищевого продукта. Макар Иванович прав: сейчас мы добываем меньше, чем раньше. Слушайте дальше. Химические исследования, произведенные не так давно, показали, что морская капуста действительно содержит много питательных веществ и годна и для питания человека и для корма скота. В ней содержится от шести до тридцати процентов белка и немного жира — примерно процента полтора-два. Таким образом, в капусте есть все необходимые для питания вещества. Японская капуста «аманори» богата протеином * и является очень хорошим питательным веществом. Японцы большие мастера приготовлять из аманори различные кушанья. Они кладут высушенную капусту в

---

* Протеины — белковые вещества, встречающиеся в растениях в виде крупных зерен.

приправы или едят ее отдельно приготовленной. Особенно вкусными получаются консервы аманори с бобовой соей.

— Слыхал? — спросил Ванюшка Конобеева, многозначительно кивая головой.

— Однако, все это я слыхал, когда еще тебя на свете не было, — отозвался старик.

— Мы могли бы отправлять капусту и на внутренний и на внешний рынки. Но морская капуста, — продолжал Волков, — может быть использована не только как питательное вещество. Из золы ее получаются очень ценные удобрения, так как в ней имеются калиевые соли. Америка добывает этих солей из водорослей на много миллионов долларов ежегодно. Наконец, в водорослях много солей, йода, брома и даже мышьяка. В 1916—1917 годах здесь был завод, который давал до тысячи килограммов йода в год. «Ляминариа дигитата» содержит три процента йода и до двадцати пяти процентов углекислого калия. В пищу наиболее часто употребляются «ульва» из зеленых водорослей, «порфира» и «редимениа» — из красных «аляриа» и «ляминария».

— А сколько всего можно добыть водорослей? — спросил Ванюшка.

— Один американец высчитал, что в Тихом океане один только вид водорослей — «макроцистис» — может дать тысяч шестьдесят тонн ежегодной жатвы. А запасы всех видов водорослей невозможно сейчас даже учесть.

— Эвона, однако! — сказал Конобеев, проведя широко рукой с севера на юг. — По берегам всего Татарского пролива до бухты Пластун, по берегам Сахалина и на полдень аж до самой Кореи. Неисчислима, как песок морской!

Новое экстренное собрание было созвано Ванюшкой, когда он получил ответ от Миколы Гузика.

«Ты, Ванюшка, спрашиваешь меня о водолазных костюмах. Наилучшие из них — японские. Это аппарат, который закрывает нос и глаза (очки),

В японских костюмах можно погружаться до 80 м. Глубже опускаться в таких аппаратах затруднительно (давление воды: погружение на каждые 10 м увеличивает давление примерно на одну атмосферу). Для более глубокого погружения существуют жесткие аппараты, в которых можно опускаться на глубину 200 м. В таком аппарате давление воды поглощается стенками. Среднее погружение в мягком аппарате — 40 м. Но и при жестком и при мягком аппарате водолаз связан со своей базой (подача воздуха). Освобождение водолаза от базы (относительное) может быть достигнуто снабжением аппарата сжатым воздухом. Но это «освобождение», как я сказал, относительное. Полную независимость от базы водолаз не может получить уже потому, что в воде трудно ориентироваться (на глубине 8 м в самое светлое время можно видеть по горизонтальному направлению не далее 2—4 м).

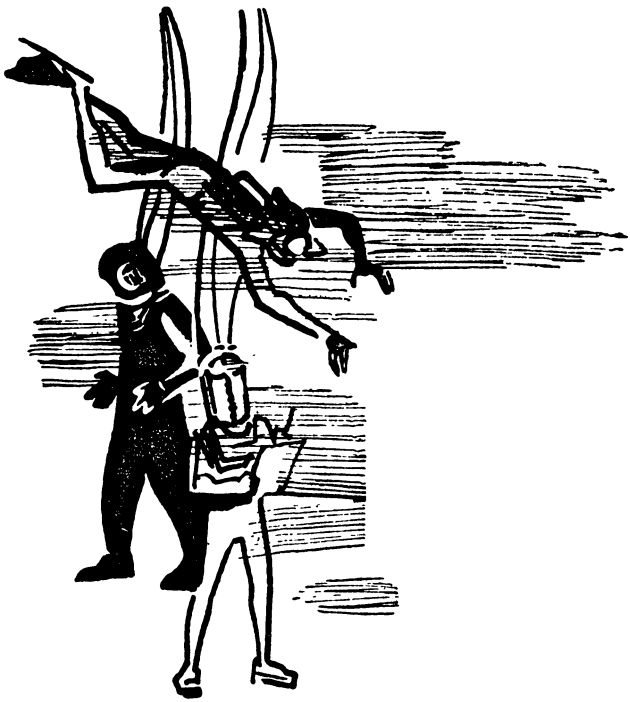
Так обстоит дело с существующими аппаратами. Но...»

Ванюшка прервал чтение и, подняв указательный палец руки вверх, сказал:

— Дальше идет самое интересное!

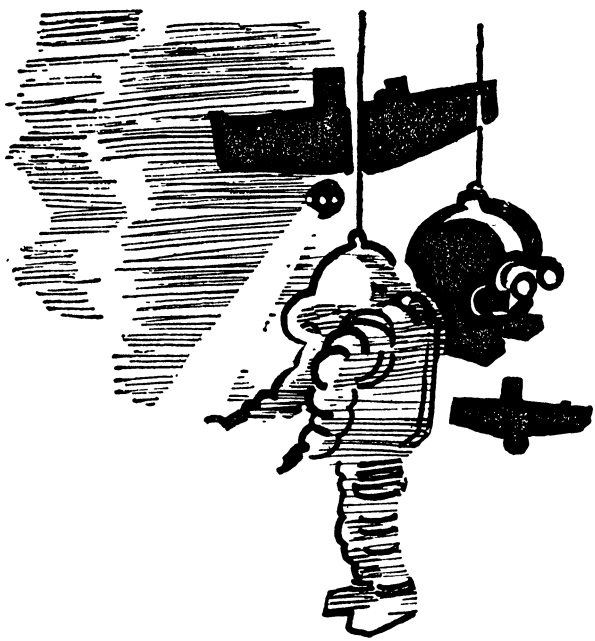
«...но изобретение нашей лабораторией нового компактного аккумулятора открывает большие горизонты в самых многочисленных областях применения электрической энергии, в том числе и в водолазном деле. Представь себе маленькую коробочку — вроде спичечной. И вот в этой коробочке, которую ты легко можешь положить в жилетный карман (если ты уже обзавелся жилетом), содержится запас электричества, достаточный для того, чтобы в продолжение нескольких суток двигать автомобиль с предельной скоростью. В твоем жилетном кармане спрятана «электростанция» в несколько сот лошадиных сил. Этой энергией ты можешь неделю освещаться, отапливаться, можешь вращать ею мельничные жернова, приводить в движение станки, тракторы. Я решил

применить аккумулятор к водолазному делу. Ты дал мне идею! Я создам совершенно новый вид водолазного аппарата.



Ты, вероятно, знаешь, что кислорода, необходимого для дыхания, в природе более чем достаточно. В атмосфере его 23%, в земной коре — 47,2%, а в морях и океанах — 85,8%, — то есть больше, чем в воздухе и земной коре, вместе взятых. Этот кислород надо только извлечь из воды. А извлечь его можно при помощи электролиза. При помощи аккумулятора водолаз получит из морской воды воздух, разлагая воду электричеством. Вся «лаборатория» для добывания кислорода будет помещаться за спиной в ящике, величиною не больше походного ранца.

Но этого мало. Тот же аккумулятор даст ток и для сильной лампы в тысячу и больше свечей. Лампа будет помещаться над головой водолаза и освещать ему подводные окрестности на несколько десятков метров. Наконец еще одно. В своем ранце ты можешь иметь не один, а два, три, десяток аккумуляторов. Ты «всосешь» в аккумуляторы электричество целой электростанции. Ты сам станешь ходячей электростанцией. И ты сможешь использовать электрический ток еще в одном направлении: для вращения небольшого винта, который позволит тебе плавать



с большой быстротой. Ты понимаешь, какие перспективы это открывает? Ты станешь настоящим морским жителем, ты будешь проплывать под водой десятки и сотни километров. Тебе не нужно будет иметь никакой базы, с которой бы ты был связан.

Если захочешь, ты сможешь даже поселиться под водою. Ваш план о подводном земледелии заинтересовал многих моих приятелей-ученых. Они считают этот план вполне осуществимым и многообещающим. Сейчас я произвожу опыты, конструирую новый водолазный аппарат. Когда все будет готово, я напишу тебе. Сообщи, как идут у вас дела с организацией подводных плантаций. Эта мысль так заинтересовала меня, что, пожалуй, я сам не удержусь и прикачу к вам пробовать мой водолазный костюм.

М. Гузик».

Ванюшка опустил письмо на колени и посмотрел на слушателей. На них письмо, видимо, произвело большое впечатление, особенно на Волкова, который понял в нем гораздо больше, чем Конобеев. На Макара же Ивановича произвело впечатление то, что о разведении подводной капусты знают в Ленинграде ученые люди и что они находят это дело осуществимым и хорошим. У всех настроение поднялось. Конобеев хлопнул по коленям огромными лапищами и сказал глухим басом свое любимое:

— Однако!.. Выходит так, — продолжал он после паузы, — что дело на мази. Остановка за деньгами.

— Макар Иваныч, ты же сейчас говорил, что из этого дела ничего не выйдет.

— В Ленинграде сидят люди поумнее нашего зава, — ответил Конобеев.

— Теперь надо только обхлопотать это дело, — сказал Ванюшка. — В Далькрайсоюз пойдем, в Амурсельсоюз толкнемся, все краевые учреждения облазим. А если здесь поддержки не найдем, до Москвы доберемся. На этакое дело деньги должны найтись. И мы найдем их! В лепешку разобьемся, а достанем!

На том и порешили.

С этого дня начались для подводных земледельцев «хождения по мукам».

В одном краевом учреждении их принял хмурый человек в очках. Он слушал их, покуривая папиросу и пощипывая реденькую мочальную бородку.

Иногда поднимал правую бровь, что у него выражало удивление, иногда едва заметно усмехался краешком губ и складками в углах век. Ванюшка на этот раз решил действовать прямо и изложил весь план о подводном земледелии, о подводных плантациях, насаждаемых водолазами, о грандиозных цифрах добычи капусты. Только о подводных тракторах он не решился сказать. Но и того, что он сказал, было достаточно, чтобы заставить хмурого человека развеселиться. В конце доклада Ванюшки хмурый человек показал даже свои кривые зубы, обнаженные улыбкой. Надо ему отдать справедливость, он умел слушать.

Когда Ванюшка окончил, вытер вспотевший лоб и уселся на стул, как подсудимый, сказавший свое последнее слово, хмурый человек, не переставая улыбаться, поправил очки и сказал:

— Так! — Голос его с хрипотцой не предвещал ничего хорошего. — Грандиозно! Великолепно! — Он затянулся папироской и, переменив тон на деловую скороговорку, неожиданно начал сыпать слова, как горох: — Но нужно ли весь этот подводный огород городить, дорогие мои? Знаете ли вы, какую площадь занимает Дальневосточный край? — Хмурый человек поднялся и указал на карту, висевшую на стене. — Вот, полюбуйтесь!

— Видали! — не очень-то любезно ответил Ванюшка.

Хмурый человек посмотрел на него строго, как учитель на ученика, который перебивает учителя, и продолжал:

— Дальний Восток занимает площадь в два миллиона семьсот семнадцать тысяч семьсот квадратных километров. Вы понимаете, какая это махина? Для примера можно сказать, что на поверхности Дальневосточного края укладываются Италия, Бельгия, Румыния, Португалия, Чехословакия, Финляндия, Дания, Франция, Германия, да еще останется излишек без малого в полмиллиона квадратных километров. А населения во всем крае меньше, чем в одной Москве! Если бы плотность Далькрая была

такая, как, скажем, в Полтавщине, то есть около семидесяти пяти человек на квадратный километр, то в наших привольных местах можно было бы разместить сто семьдесят восемь миллионов пятьсот шестьдесят тысяч человек — больше чем во всем СССР! Есть где разойтись! Земли непочатый край. Мы еще далеко не освоили этого огромного участка земной суши. Пашите, насаждайте плантации, садите огороды сколько вашей душе угодно. Устраивайте совхозы, колхозы, фермы. Не проще ли это, чем лезть под воду, чтобы насаждать морскую капусту? — И хмурый человек победоносно посмотрел на Ванюшку поверх очков.

Ванюшка не сдавался.

— Но разве это противоречит одно другому? — спросил он. — Пусть кто хочет пашет землю, а мы хотим пахать дно океана потому, что это даст нам экспортный товар, валюту. Мы желаем использовать природные богатства края. Мы...

Но человек в очках был против «фантастических проектов».

Друзья ушли ни с чем. Сколько еще таких диспутов, стычек, разговоров пришлось им вести, прежде чем, наконец, необходимые суммы были отпущены! Рабкоры писали корреспонденции, шумели, «бузили». Волкову и Ванюшке пришлось побывать даже в Москве.

VI. В «МОРЕ-ОКИЯНЕ»

Самый трудный и скучный период организации кончился. Дальше начиналось дело. В мае приехал Гузик с несколькими водолазными костюмами. Приезд этот был целым событием в жизни подводных земледельцев. Предстояла проба аппаратов. Гузик, Волков, Конобеев и Ванюшка выехали на катере. Океан был спокоен, погода отличная. У друзей было веселое, радостное настроение. Расположившись на палубе катера, Гузик показывал аппараты и давал объяснения.

— Вот это — «летний» костюм. Он устроен по

типу японских водолазных костюмов для небольшой сравнительно глубины — метров до семидесяти. Летним я его называю потому, что весь он состоит только из «наносника» с очками, фонаря да ранца-лаборатории, где аккумулятор превращает морскую воду в кислород. Надев этакую маску на лицо и привязав ранец за спину, можно опускаться на дно голым, что, конечно, приятно лишь в теплое время года, когда тепла и океанская вода. В таком «костюме» из носа и очков вы будете иметь полную свободу движений. Для подводных работ это очень ценно. Этих аппаратов я привез пока парочку, но сделать их можно очень много в короткий срок.

— Заткнем за пояс японцев! — весело сказал Ванюшка, примеряя маску: — Хорошо! Очень хорошо! — хохотал он, поглядывая на себя в маленькое зеркальце. Конобеев протянул лапищу ко второму аппарату. Но Макара Ивановича ждало разочарование. Каучуковый наносник покрывал лишь самый кончик его носа — уж очень велик да мясист был нос Макара Ивановича.

— Не с твоим носом водолазом быть, Макар Иваныч! — шутил Ванюшка. — Этот нос семерым бог нес, одному достался. Впрочем, если отрезать с килограмм, то, может быть, и войдет.

— Однако, нечего зубоскалить, — обидчиво отвечал Макар Иванович. — И ничего плохого нет. Сказано: чем носовитей, тем красовитей.

— Не печальтесь, Макар Иванович. Я вам сделаю аппарат по особому заказу. Каучука и на ваш нос хватит, — успокоил старика Гузик.

А оглашенный Ванюшка уже сверзился за борт в своей маске, нырнул, но скоро выплыл наружу, едва не задохнувшись. Он еще не привык вдыхать кислород носом, а выдыхать углекислоту ртом. К аппарату надо было привыкнуть.

— Успеешь еще наглотаться морской воды! — крикнул ему Гузик. — Лезь, слушай дальше!

Ванюшку подняли на борт.

— Харафо, только вода в рот лезет! — сказал Ванюшка.

— Это «зимний» костюм, — продолжал свои пояснения Гузик. — Это, собственно, обычный водолазный костюм, если не считать того, что снабжение кислородом происходит из собственного «газогенератора». Но тут, впрочем, есть еще одно маленькое усовершенствование, — скромно заявил он. — В материи — подкладке костюма — имеются металлические нити, которые соединены с аккумулятором. Нити могут нагреваться и давать тепло. В таком костюме можно, не боясь схватить насморк, опускаться в ледяные волны Ледовитого океана или подниматься на высоту в десять тысяч километров над поверхностью земли.

— Наконец последнее — жесткий аппарат для подводных глубин, — продолжал Гузик. — В нем можно погружаться на триста метров и более. Он снабжен особо сильными фонарями. Не знаю, понадобится ли вам этот аппарат. Ведь уже на глубине пятидесяти метров дно опустевает, а на глубине четырехсот — нет крупных водорослей. Морская флора сосредоточена на узкой полосе, идущей не далее полутораста морских миль от берега. А дальше и глубже все бесконечное протяжение дна морей является пустыней, лишенной всякой растительности.

— Да, но нам жесткий аппарат может понадобиться для исследовательских целей. В конце концов дно океана изучено далеко не полно, — возразил Волков.

В тот раз на дно моря погружались Волков и Ванюшка, а толстоносый Конобеев только с завистью смотрел на них и крякал с таким огорченным видом, что Гузику стало жаль старика, и он обещал изготовить наносник кустарным способом здесь же, на месте, в своей временной лаборатории.

И уже в следующую поездку Конобеев с удовольствием натянул на свой грушевидный нос черную резиновую покрышку. В больших очках, с огромным черным носом, с седой бородкой и длинными усами он выглядел необычайно комичным.

— Прямо водяной! — кричал Ванюшка, покатываясь со смеху.

— Еще поважнее, сам Нептун — морской бог! — отзывался Волков, вторя Ванюшке.

— Нептун Иваныч! Здоро́во!

Так и пошло за Конобеевым это «Нептун Иваныч».

* * *

Рыбаки и охотники живут в мире случая, удачи, риска, приключения, неожиданности. Это накладывает особый отпечаток на их психологию. Будничная обстановка, лишенная острых переживаний, неожиданностей и риска, кажется им скучной и пресной. Им нужна вечная игра с огнем, опасностями; им нужна новизна и острота впечатлений. Таков был и старик Конобеев. Охотничьи чувства и инстинкты с годами не угасли, а сильнее разгорались в нем. Его серые глаза под мохнатыми черными бровями оживали, загорались искрами, когда ему приходилось бороться с волнами или диким зверем. И вот теперь предстояло ему новое удовольствие, неиспытанное ощущение, быть может целая цепь новых приключений. Бедная Марфа Захаровна! Ее ждали новые испытания, новая полоса одиночества. Когда ее спрашивали, где муж, она лишь безнадежно махала рукой.

Конобееву предстояло опуститься на дно океана, того самого океана, который безжалостно поглощал рыбаков, их сети и добычу; отправиться в гости к рыбам, посмотреть, как они там живут-поживают. В водолазной полумаске Конобеев чувствовал себя сказочным морским царем. Гузик, несколько волнуясь, объяснял старику, как надо вдыхать и выдыхать воздух, но Конобеев отмахивался с таким видом, словно он всю жизнь ходил в этой полумаске и родился на дне океана.

— Однако, не задохнусь! — говорил он. — Вот только одно плохо: курить там нельзя. Сделай милость, Микола, придумай как-нибудь, чтобы я с трубкой мог ходить. — Гузик, смеясь, обещал придумать.

Конобеев хорошо помнит, как он впервые в рубахе и портах (так старик считал приличнее — трусов

он не признавал) опустился на дно океана. Вода была прохладная и приятно покалывала закаленное тело, заставляя двигаться быстрее, как на морозе. С дыханием Макар Иванович — отличный пловец и нырец — скоро справился, пуская через рот струю пузырей. По этим пузырям в штиль с поверхности легко было определить, где находится водолаз.

Погрузившись в таинственный полумрак морского дна, Макар Иванович от удовольствия фыркнул и зашагал в глубину. Засветил фонарь. На свет собралось неимоверное количество рыб посмотреть на невиданное зрелище. Они оказались любопытными не меньше людей.

«Рыб-то, рыб сколько! — думал Конобеев, приходя в рыболовный восторг и хватая их прямо руками. — Экая досада, сети не захватил! Однако, теперь вы от меня не уйдете!» — И он шагал по подводному лесу водорослей, окруженный полчищами рыб, блестевших боками при повороте, как серебряные ножи. Это было так забавно, необычайно и красиво, что Конобеев вдруг, забыв, где он находится, загоготал во всю силу легких, пустив на поверхности столько пузырей, что сидевшие на катере серьезно обеспокоились за старика. Правда, пузыри вскоре начали появляться регулярно, но они удалялись все дальше и дальше. Скоро их не стало видно.

Конобеев для первого раза гулял несколько часов подряд, почти до захода солнца. Вернулся возбужденный, сияющий.

— Ну и жизнь под водой, однако! — сказал он — И зачем это люди на земле живут, а не в море-окияне?

VII. ТАЙФУН

Как ни приятно было бродить по неизведанным тропам подводной тайги, Макару Ивановичу пришлось сдержать свои охотничьи страсти и приняться за дело. А работы было хоть отбавляй.

Японские рыболовы и браконьеры, шнырявшие у наших берегов, с удивлением и неудовольствием

поглядывали на большую белую палатку, которая появилась в одну ночь на берегу небольшой реки, впадающей в океан. Это был «главный штаб», где жили Ванюшка и Волков. Скоро рядом с этой палаткой появились другие; через несколько дней на берег было навезено много досок, бревен, кирпичей. Завизжали пилы, застучали топоры. Стали расти временные бараки.

В числе приглашенных рабочих было много японцев и китайцев, которые должны были приготовлять капусту так, как она приготовляется у них на родине. А русские рабочие учились у японцев и китайцев. Волков заботился о том, чтобы экспортный товар удовлетворял всем требованиям заграничных потребителей морской капусты. Извлеченные из воды водоросли промывали в особых чанах, очищали от песка и ила, сортировали вручную, еще раз очищали, мелко изрезывали и клали ровными слоями определенного размера на бамбуковых циновках, разостланных на открытом воздухе в наклонном положении. Из этих слоев водорослей получались сухие пластины. Высушенные пластины, склеившиеся в желатинообразную массу, отдирались от циновок и прессовались для придания им равномерной толщины. Плитки в 25 × 30 сантиметров складывались по десяти штук и аккуратно связывались. Волков обращал большое внимание на то, чтобы плитки были приготовлены аккуратно и одинаково, «как плитки шоколада».

Задумчивый Гузик, постояв однажды на берегу, где производились эти работы, сказал:

— Человеческие руки хорошо устроены, но их можно было бы устроить еще лучше. — И, посидев несколько вечеров над чертежами и расчетами, он придумал несложные, но очень целесообразно устроенные машины для сортировки и резки водорослей. После этого работа пошла еще быстрее и аккуратнее.

Старания Волкова и Гузика увенчались успехом. Японские и китайские покупатели-оптовики скоро оценили качество советской заготовки и начали

предъявлять усиленный спрос. Старые купцы-японцы, получив образцы, долго мяли в руках гибкие, тонкие, как писчая бумага, пластинки, присматриваясь к пурпурно-коричневому цвету со светлыми крапинками и слегка блестящей поверхности, взвешивали на руке, нюхали, пробовали на зуб, любовались аккуратной обработкой и упаковкой — и заявляли:

— Да, это хорошо!

Скоро пришлось удвоить, утроить, удесятерить число рабочих. Работа кипела. Водоросли, выброшенные бурями и волнами на берег, также не пропадали. Их пережигали в золу, добывая щелочи, или отвозили на небольшой завод для добывания йода. За первые полгода завод дал более двух тысяч килограммов выхода йода.

Однако добывать водоросли приходилось пока почти исключительно старым японским способом на сравнительно мелких местах: рабочие на лодках скользили вдоль берегов с шестами в руках. На конце шестов были крючья, которыми водоросли зацеплялись и извлекались на поверхность и укладывались на лодку, пока она не наполнялась доверху. Добычу отвозили на берег и снова отплывали «щипать траву», как говорил Ванюшка. Ему не терпелось скорее перенести работу на дно и пустить в ход подводные сельскохозяйственные машины: тракторы, косилки...

Волков, Ванюшка, Гузик и Конобеев ежедневно опускались в водолазных костюмах на дно океана и ходили по своим будущим подводным плантациям, производя нивелировочные и землемерные работы.

С первых же шагов выяснилось, какие огромные перспективы открывает водолазная обработка. В то время как японцы своим обычным способом могли обрабатывать плантации на небольшой глубине в три-пять метров, подводные земледельцы, снабженные гузиковскими водолазными костюмами, имели возможность работать на глубине нескольких десятков метров. А это расширяло площадь подводной агрикультуры на многие тысячи гектаров. Огромные

пространства на глубине двадцати-пятидесяти метров не нужно было и «засевать»: они уже были покрыты густыми зарослями водорослей, богатых йодом.

Летом, в конце июня, разразился сильнейший тайфун. Конобеев первый предсказал его приближение по таинственным, одному ему известным приметам. Накануне он долго смотрел на безоблачное небо, на синюю спокойную гладь океана, нюхал воздух, раздувая ноздри мясистого, поросшего волосами носа, качал головой и ворчал:

— Будет буря, однако. Тайфун идет. Надо бы убрать палатку.

— Мы укрепим ее, — беспечно сказал Ванюшка.

Конобеев махнул безнадежно рукой

— Чем укрепишь-то, однако? Тайфун деревья с корнем выворачивает, а не то что закрепы. Уходить надо. В пещеру уходить.

Гузик обеспокоился за свои инструменты: в его палатке находилась походная лаборатория и много ценных точных приборов и аппаратов. Недалеко от берега была гора с большой пещерой, куда Гузик и перенес свои сокровища. Скептик Волков не пожелал двинуться с места, хотя Конобееву удалось все же настоять на том, чтобы убрали в пещеру водолазные костюмы.

Ночь была тихая, душная, влажная. Ни один лист не дрожал на дереве. Природа словно замерла в ожидании. Волков сидел в своей палатке и при свете электрической лампы, питаемой все тем же аккумулятором, работал, склонившись над простым сосновым столом. Ванюшка на другом столе щелкал на счетах, одновременно слушая радиопередачу. Вдруг он приподнял голову и палец, которым считал, и посмотрел на Волкова.

Прядь тонких рыжеватых волос спустилась на лоб Волкова, голубые глаза при свете лампочки казались почти синими. Тень углубляла шрам на щеке. Губы были плотно сжаты, лоб изборожден легкими складками, говорившими о большом напряжении мысли. Ванюшка сидел не шелохнувшись, с при-

поднятым средним пальцем правой руки. Потом вдруг соскочил со стула и бросился к Волкову, позабыв снять с головы радионаушники. Он потянул за собой радиоприемник и едва не разбил лампы.

— Семен Алексеевич! Макар Иваныч правду сказал! — воскликнул Ванюшка взволнованным и несколько торжественным голосом.

— Не мешай, Иоганн, — отозвался Волков и зашевелил губами, собирая рассеянные мысли.

— Семен Алексеевич! — не отставал Ванюшка. — Складывайте манатки, и айда в пещеру к Гузику! Тайфун идет! Сейчас зародился восточнее Филиппинских островов семнадцатого июня. Первые дни он шел довольно медленно и к двадцать второму июня дошел только до берегов Китая. Здесь он изменил северо-западное направление и, повернув на северо-восток, двинулся уже с очень большой скоростью. Двадцать третьего он пронесся над Кореей, вызвав очень сильные ливни, а завтра, двадцать четвертого, его ждут у наших берегов. Вот, фут возьми! Макар-то Иваныч? Ему и радио не надо! Нюхом чует, своим волосатым носом. — Ванюшка помолчал, и, когда заговорил вновь, его голос звучал еще тревожнее и торжественнее. — Семен Алексеевич! Идет тайфун. Слыфите? А? Фумит лес! Вот фут возьми, как гудит!

Волков прислушался. У палатки ветра еще не было, но приближался странный гул, как будто где-то поблизости проходила градовая туча. Вошел Конобеев. Он был спокоен, как всегда. Сколько тайфунов он видел на своем веку, и на берегу и в открытом море, в утлом рыбачьем суденышке! Брови старика сдвинулись сурово, и больше обыкновенного топорщились усы.

— Однако, собирайся, Семен Алексеевич! — просто сказал он. И, не ожидая ответа, начал быстро загребать огромными ручищами вещи и уносить их. Волков крякнул и принялся помогать.

Гул увеличивался. Океан тяжко вздыхал и издавал новые необычные звуки — «аах! аах!» — будто сердился, что его, старика, будит взбалмошный ве-

тер. И все глубже и выше колебалась его поросшая пенистыми волнами грудь. Но старику океану не суждено было заснуть в эту ночь. Небо еще сверкало звездами и молодым месяцем, как будто вымытым, — такой он был чистый и прозрачный. А Конобеев торопил.

— Может быть, пройдет стороной? — спросил Волков. Ему не хотелось разорять палатку.

— Однако, поторапливайся! — вместо ответа проворчал Конобеев, нагружая себя двумя столами, четырьмя стульями и складной кроватью.

Когда Волков отнес вещи в пещеру и возвращался в палатку за другими, месяц уже не казался чисто вымытым. Он стал тусклым и как будто пожелтел. Рванул первый порыв ветра.

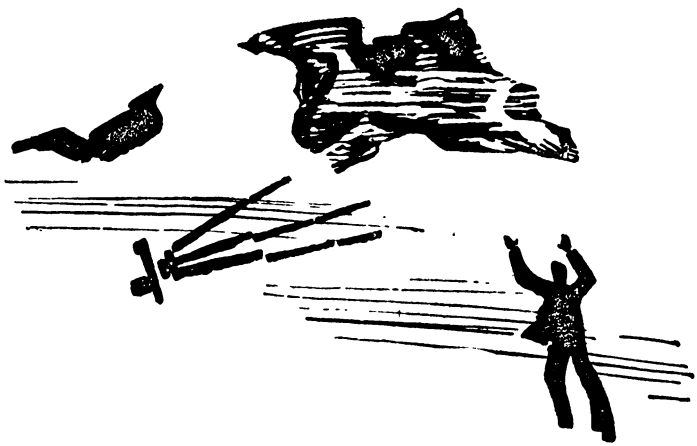
А старик океан уже ворчал: «Ага! Ага!» Наконец-то ты явился, тайфун!

Да, он явился. Его ждали, и все же его появление было неожиданно. Он во мгновение ока смахнул звезды, разлил по небу, как спрут сепию, свинцовые тучи, забросил куда-то потускневший месяц, нажал воздушной лапой на землю, сплющил леса, хлестнул потоками воды, смешал границы неба и земли в круговороте водяных и воздушных столбов, свил сотни тысяч тонн воды, неба и океана в жгуты, связал узелком, в несколько минут ввергнул природу в первозданный хаос... Барометр пал до семисот сорока — «лежал в обмороке».

Волков стоял у входа в пещеру, когда мимо него пронеслось, как быстро мелькнувшее крыло чайки, вытянувшееся во всю длину полотнище палатки, которую так и не успели снять. Вместе с ним были унесены пальто, одеяло и землемерные инструменты Волкова. Треножник был найден много дней спустя закинутым на вершину высокой ели, в десятке километров от места стоянки. Зато осторожный Гузик торжествовал: он сохранил все инструменты.

Конобеев уютно устроился в уголке большой пещеры и крепко уснул под завывание ветра и шум дождя. А Ванюшка не мог спать. На него тайфун действовал возбуждающе, как гроза, как пожар, как

все выходящее из ряда вон. Ему было жутко и весело. Хотелось петь, кричать, двигаться. Надо было что-нибудь придумать, дать разрядиться нервному напряжению. Наружу не выглянешь — унесет, как палатку. А что, если пойти осматривать пещеру? Ванюшка предложил Гузику. Но тот уже погрузился в свою созерцательную нирвану, долго отвечал не-



впопад, пока не понял, чего от него требуют, и достаточно вразумительно ответил:

— Не мешай, я обдумываю!

Волков также отказался. Конобеев спал. Ванюшка недовольно крякнул.

— В таком случае я пойду один.

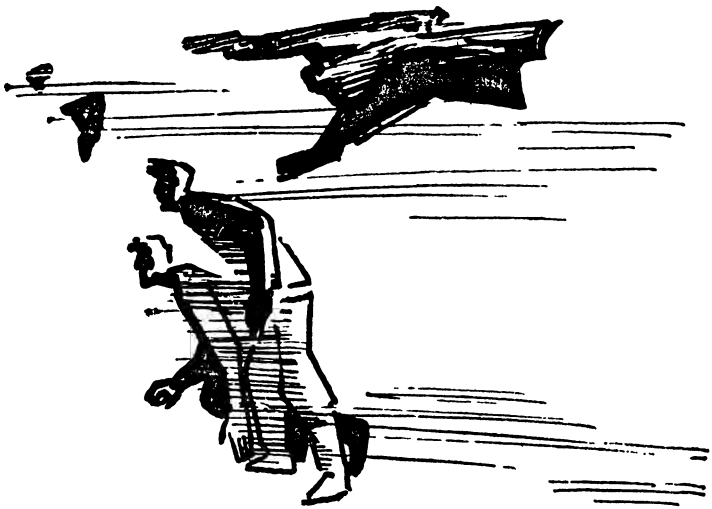
Он надел на спину ранец с аккумулятором и привязал к голове фонарь. Подумав немного, надел и наносник с очками.

Фонарь ярко вспыхнул, осветив темные зеленоватые своды пещеры.

— Прощайте, иду! — сказал Ванюшка и зашагал в глубину.

VIII. ПЕЩЕРНОЕ ЭХО

Под сводами царила тишина. Уши были свободны от наушников, и Ванюшка слышал, как эхо перебрасывало шум шагов от стены к стене. Странное эхо! Как будто он не один шел в пещере, а несколько человек шагали впереди, сзади, с боков... Вот в такой



обстановке зарождались легенды о духах, двойниках, привидениях. Ванюшка не верил всему этому и все же почувствовал холодок в спине, когда, крикнув, услышал многоголосое эхо: пещера играла звуками, перебрасывая их, как мяч.

— Ох! — крикнул Ванюшка.

«Ох! Ох! Ох! Ох! Ох! Ох!» — застонала пещера.

Ванюшка принужденно засмеялся — пещера подхватила его смех, унося раскаты его все дальше, пока они не замерли где-то далеко...

Хорошо, что у Ванюшки такая сильная лампа! При ярком свете не страшно.

Чем дальше Ванюшка подвигался вперед, тем наряднее, богаче, красивее становились стены пещеры. Фантастическими кружевами спускались с потолка сталактиты. Со дна пещеры навстречу им поднимались острия сталагмитов. Кое-где сталактиты встречались со сталагмитами, образуя вычурные колонны, напоминавшие китайскую резьбу по слоновой кости.

Пещера то суживалась, то расширялась. Ее своды иногда нависали так низко, что Ванюшке приходилось нагибать голову, и потом неожиданно поднимались высоко вверх, как в готическом храме. В обширных и высоких залах зияли темные входные провалы, расходящиеся в разные стороны коридоров. Ванюшка, чтобы не заблудиться, решил всегда поворачивать в крайний левый проход. Несколько раз он заходил в тупики, выбирался из них и снова поворачивал влево. Наконец дошел до большой пещеры, стены которой были покрыты зеленоватыми, розовыми и красными кристаллами. Кое-где эти кристаллы горели, как капли крови, в иных местах светились изумрудом молодой травы. Ванюшка залюбовался невиданным зрелищем.

«Может быть, все это драгоценные камни. Вот богатство, фут возьми!» — думал Ванюшка, медленно направляя свет фонаря то в одну, то в другую сторону. Осветив почву под ногами, он увидал каменистый спуск, отлого бегущий вниз. В глубине, в стене было темное отверстие. «Подземный ход!» — подумал Ванюшка. Он смело двинулся вниз и вдруг вскрикнул от неожиданности. Ноги коснулись совершенно невидимой холодной воды или чего-то такого же холодного, как вода. Холодный газ? Ванюшка ударил ногой — и фонтаном взлетели сверкающие брызги. Да, это вода! Еще никогда в жизни Ванюшке не приходилось видеть такой чистой, прозрачной воды. Она была прозрачнее самого лучшего стекла. Дно подземного озера было видно на всем протяжении до малейшего камушка. Из этой пещеры был только один выход — назад, если не считать темного отверстия под водой, ведущего куда-то под зем-

лю. А что, если пойти вперед, в это темное отверстие?

Ванюшка еще раз попробовал воду. Холодна! Но ведь он привык к купанью. Надо только сразу окунуться!

Ванюшка прикрепил наносник, соединил трубки с аппаратом, вырабатывающим кислород, и бросился в воду. Вода тотчас наполнила резервуар в ранце, и аппарат начал выделять кислород.

Вода была так холодна, что Ванюшка едва не выбежал на берег, но усилием воли сдержал себя и заставил продвигаться вперед.

Вход в подземный тоннель был довольно низкий. Ванюшке пришлось согнуться. Фонарь освещал гранитные стены, которые сжимались все теснее. Ванюшка то плыл, то полз на четвереньках. В одном месте возникло опасение, что не удастся пролезть дальше. Но когда это узкое место было преодолено, тоннель начал быстро расширяться. Стены раздвигались, свод поднялся выше уровня воды. Ванюшка всплыл на поверхность и увидал, что он находится в огромной пещере, наполненной водой. Свисавшие с потолка пещеры сталактиты напоминали странных чудовищ. Чудовища тянулись к воде и отражались в ней; дно из серо-зеленого камня было видно совершенно отчетливо. Множество рыб плавало в этом подземном озере, где не имелось никакой растительности. Чем питались эти рыбы, помимо пожирания себе подобных? Ванюшка поймал рукой одну рыбу странного вида — колючую, сухую, негибкую — и убедился, что она была совершенно слепа. Вместо глаз у нее были только небольшие углубления. Все рыбы этого озера, никогда не видящего света, были слепы! Ванюшка обследовал стены пещеры под водою и убедился, что они имеют несколько боковых каналов, через которые беспрестанно вплывали и выплывали рыбы. Быть может, по соседству имелись водоемы, которые содержали все необходимое для поддержания жизни этого слепого царства.

Переплыв озеро, Ванюшка вышел на берег и пошел по огромному, все суживающемуся тоннелю.

И вдруг он вздрогнул и остановился, к чему-то внимательно прислушиваясь. Нет, все тихо. Ему померещилось. Это, вероятно, капризы эха. Разве здесь могут быть люди? Ванюшка сделал еще несколько шагов вперед и снова остановился. На этот раз до него достаточно отчетливо донеслись заглушенные расстоянием человеческие голоса — как будто мужской и женский, — о чем-то споривщие. Кто они, эти люди, и где они находятся? Как могли пробраться сюда? Любопытство Ванюшки было возбуждено до крайности. Он решил подкрасться незамеченным и понаблюдать за неизвестными. Закрыл ладонью свет фонаря, оставив только маленький лучик, и, осторожно ступая, направился в сторону, откуда доносились голоса.

Голоса раздавались все яснее, все ближе, а перед Ванюшкой были только бесплодные, мертвые своды пещеры. Впереди виднелась каменная гряда, не доходившая до верха пещеры. За прикрытием этой гряды Ванюшка мог подойти незамеченным на близкое расстояние. Теперь уже можно было разобрать отдельные слова.

— Смотрите, Борис Григорьевич, какой странный беловатый отсвет на своде пещеры! — сказал женский голос.

Ванюшка невольно поднял голову вверх и увидал, что один луч прикрытого рукою фонаря дает небольшой отблеск на своде пещеры. Этот отблеск и был замечен кем-то находящимся по другую сторону каменной гряды. Ванюшка поспешил погасить фонарь. В то же время он заметил колеблющийся, то усиливающийся, то меркнущий красноватый свет на сводах пещеры. Такой свет мог исходить только от костра.

— Это тебе показалось, — ответил мужской низкий голос. — Игра теней... Да, так я и говорю, — продолжал мужской голос после небольшой паузы. — Меня, как чеховского Епиходова, преследуют двадцать два несчастья...

Ванюшка слышал не только человеческие голоса, но и доносившиеся откуда-то гуденье, шум ветра,

завывание бури... Все объяснялось просто; Ванюшка, сделав дугу, заворачивал все время налево, должен был выйти к краю горной цепи, в которой находились пещеры. В горах, очевидно, имелось несколько пещер, соединенных друг с другом внутренними переходами. В одну из этих пещер и зашли люди, укрываясь от бури так же, как и Ванюшкины приятели. Но что же это за люди?! Ванюшка подкрался к самому краю скалистой гряды и заглянул, укрываясь меж камней.

Он увидал большую пещеру. Через узкое входное отверстие врывался ветер и колебал пламя костра. Ближе к выходу, у костра, лежал человек, прикрытый рваным тулупчиком; судя по ногам в синих штанах и китайской обуви, это был китаец. По другую сторону костра сидел высокий широкоплечий человек — лысый, с коротко подстриженными усами и черными бровями. Человек этот держал на палке над костром чайник.

«Чудак, — подумал Ванюшка. — И чай-то толком не умеет вскипятить, а тоже, по пещерам шляется».

А еще ближе к Ванюшке на фоне пламени костра четко выделялась фигура женщины или девушки, среднего роста, хорошо сложенной, в короткой юбке и кепи на голове. Ванюшка видел только черный силуэт. Подбоченясь и подняв голову вверх, девушка смотрела на свод пещеры, очевидно ожидая, не повторится ли странное световое явление.

«Молодая и, наверное, красивая», — решил Ванюшка.

Не опуская приподнятой головы, девушка сделала несколько шагов вперед и вдруг вскрикнула: ее ноги коснулись холодной, прозрачной до невидимости воды.

— Здесь вода! Кто бы мог думать? — сказала девушка удивленно, отдергивая ногу.

«И ты попалась на этот фокус, голубушка», — подумал Ванюшка и, не сдержавшись, тихо засмеялся.

— Ах! — испуганно вскрикнула девушка. — Тут кто-то есть! Я слышала смех.

— Тебе все мерещится, Аленка. Я не думал, что ты такая трусиха, — сказал мужчина с чайником. — Ты бы лучше помогла мне держать чайник. Рука устала. Это эхо здесь такое. Ты крикнула, эхо повторило.

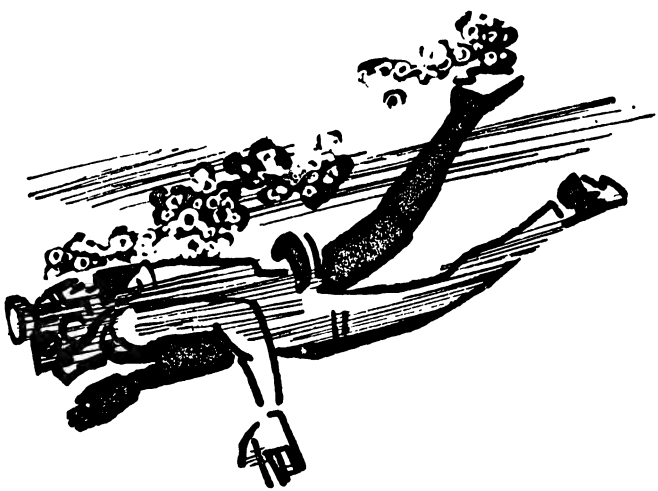
— Но я крикнула «ах», а эхо повторило «ха-ха-ха» — наоборот, да еще в кубе Так не бывает.

— А ну-ка, крикни! — предложил мужчина.

Девушка снова крикнула коротко и отрывисто: «Ах!». Ванюшке пришла мысль позабавиться. Он вдруг ответил, понижая тон: «Ах-ах!»

Девушка подняла руки к голове, а мужчина уронил чайник в костер. Китаец под рваным полушубком заворочался, приподнялся и стал прислушиваться.

— Странное эхо! — сказал мужчина, стараясь палкой подцепить чайник за ручку. — Какое несчастье! Аленка! Из-за твоего эха я уронил чайник.



— Это не эхо, — ответила девушка. — Эхо не может изменять высоту тона. Здесь есть человек, — и, сделав несколько шагов вперед, она спросила:

— Кто там?

Ванюшка тихо застонал, потом вдруг показал из-за камней свой большой черный нос и круглые

стекла очков. Девушка крикнула и подалась назад. Китаец с причитаниями выбежал из пещеры; мужчина у костра сидел, широко раскрыв глаза и даже приоткрыв рот. Потом пошарил у себя в заднем кармане, вынул револьвер, схватил горящую головню и бросился к каменной гряде, за которой скрывался Ванюшка.

Что делать? Крикнуть «не стреляйте» или же убегать? Ванюшка решил до конца играть роль «пещерного духа». Он вдруг побежал к озеру и бросился в воду. Опустившись на дно, обернулся к берегу и смотрел, что будет. Мужчина подбежал к воде, прицелился и выстрелил. Благодаря преломлению лучей

в воде пуля не попала в цель. Ванюшка замахал руками, повернулся и исчез в тоннеле.

«Завтра я увижу этих людей и расскажу им все, — подумал он. — А пока пусть поудивляются».

Ванюшка вернулся в пещеру, где находились Волков, Гузик и Конобеев.

Макар Иванович продолжал храпеть; Гузик, как статуя Будды, сидел с поджатыми ногами и с неподвижным взглядом, устремленным в космические глубины. Волков задремал рядом с Конобеевым, но проснулся при входе Ванюшки.

— Где ты шатался? — спросил он.

Ванюшка многозначительно махнул рукой.

— Такие дела, Семен Алексеевич! Я теперь не человек, а пефферное эхо. Завтра все расскажу, а теперь спать!.. — И, быстро сняв с себя водолазный аппарат, Ванюшка улегся.

Скоро его храп присоединился к храпу Макара Ивановича.

IX. НА ПЛЕЧАХ ТАЙФУНА

Утром ветер утих, но океан ревел и бушевал с ужасной силой. Пришлось ночевать в пещере. За утренним чаем Ванюшка рассказал о своем ночном приключении в подземных лабиринтах. Он решил, несмотря на дождь, сейчас же отправиться на поиски вчерашних людей, которых он так озадачил, и познакомиться с ними. Стройный силуэт девушки на фоне костра не выходил у него из головы. Этот силуэт рисовался ему на скалах, тучах, далеких горах — везде...

В дождь гораздо приятнее было бы путешествовать в одних трусах, но Ванюшка принарядился: надел длинные брюки, желтые ботинки и толстовку. Этот необычайный для такой погоды наряд заставил даже Гузика спуститься со своих надзвездных высот, чтобы выразить удивление. Волков делал вид, что не замечает желтых башмаков Ванюшки, а Конобеев хлопнул веслами-руками по бедрам и сказал кратко свое любимое:

— Однако!

Нагибаясь под сильными струями дождя, Ванюшка отправился бродить по окрестным пещерам. Без особого труда удалось найти ту, в которой он видел ночью людей у костра. Но увы! Теперь в этой пещере никого не было. Зола костра была еще теплая. На черных углях валялся распаявшийся чайник. Консервная банка «бычки в томате», пустая коробка из-под папирос, кусочек бечевы — вот все, что осталось от неизвестных путешественников. Да у самого выхода Ванюшка нашел китайскую туфлю. Испуганный китаец, очевидно уронив ее с ноги во время бегства, уже не осмелился вернуться за нею. Теперь про эту пещеру, наверное, будет сложена легенда!..

Ванюшка обошел пещеру несколько раз, осмотрел все уголки за каменной грядой... Пусто! И никаких следов, которые указали бы, куда направились путники. Неужели он, Ванюшка, так напугал их, что они ушли, не дожидаясь рассвета? И зачем он не познакомился с ними вчера ночью? Ванюшка не мог простить себе этого.

Вернулся он в свою пещеру весь мокрый, грязный, усталый и раздраженный. Походил из угла в угол и вдруг заявил, что сейчас опустится на дно моря.

— Да ты и до воды не доберешься! Посмотри, что опять делается, — сказал Волков, указывая на выходное отверстие пещеры. Сквозь частую сетку дождя виден был бушующий океан и дрожащие под страшным напором ветра деревья.

— Очень просто дойду, — упрямо ответил Ванюшка. — Ходил же я пещеру искать.

— Тогда было тише, а сейчас опять разыгралось.

— Зато на дне тихо. Рыбы небось и не знают, что тут творится. Семен Алексеевич, да как и не идти-то? Ведь сами знаете, тайфуны как зарядят, так и пойдут крутить. Шутка сказать, от июня до ноября они вертят! Правда, не беспрерывно, а все-таки дуют да дуют. Так что же, мы все это время сложа руки сидеть будем? И так вся работа на берегу остановилась. Как хотите, а я пойду. Не сидится мне.

Ванюшка взял черный наносник и очки.

— Надень по крайней мере полужесткий водолазный костюм, — посоветовал Волков. — Посмотри, целые водяные горы обрушиваются на берег. Они размозжат тебя, раздавят, как яичную скорлупу.

— Что правда, то правда, — ответил Ванюшка и влез в полужесткий костюм, облегающий тело. Особенностью этого водолазного костюма была жесткая оболочка у груди, принимающая на себя давление воды.

— До свидания, товарищи! — сказал Ванюшка и надел на голову скафандр. Волков помог ему прикрепить ранец с аппаратом, доставляющим в скафандр кислород. Ванюшка тронулся в путь.

Между падением на берег волн проходило всего несколько секунд. За этот короткий промежуток времени Ванюшка хотел добраться до волнореза. Но об этом нечего было и думать. Тяжелые свинцовые подошвы и не менее тяжелый свинцовый костюм связывали свободу движений на поверхности земли. Ванюшка походил вдоль берега и, махнув рукой, направился обратно. Однако Волков ошибся, думая, что благоразумие победило. Ванюшка отошел от берега и, сделав дугу, взошел на высокий обрыв. У подножия обрыва была довольно большая глубина, и Ванюшка не раз бросался здесь в воду и нырял. Теперь он решил использовать это место, чтобы опуститься на дно, избегая столкновения с волнами.

Ванюшка переждал, когда волна разбилась об утес, и бросился вниз. Это было тоже рискованно. Следующая волна, если бы он не успел опуститься достаточно глубоко, могла разбить его об утес. Волков внимательно смотрел, стоя у входа в пещеру, на волны. Ванюшки не видно. Он, очевидно, погрузился в глубину.

— Однако, глянь-ка на небо! — услыхал Волков голос Макара Ивановича. Волков поднял глаза вверх по указанному рукой Конобеева направлению.

Среди косматых волнующихся свинцовых туч образовалось зловещее темное пятно. Пятно все увеличивалось — и вдруг из центра его показалась во-

ронка, которая, вращаясь с ужасающей быстротой, начала спускаться все ниже и ниже, как хобот чудовищного животного. В то же время на поверхности океана под черным облаком кто-то невидимый смешал волны в одну клокочущую массу. Масса эта, вращаясь со все ускоряющейся быстротой, начала выпучиваться, превращаясь в воронку, обращенную заостренным концом вверх, и поднимаясь навстречу воронке, спускавшейся с неба.

— Смерч! — сказал Волков. Ему уже приходилось видеть смерчи — постоянные спутники тайфуна. Но на этот раз зрелище было на редкость интересное.

Обе воронки — спускающаяся из черного облака и поднимающаяся с поверхности океана — соединялись, образовав гигантский водяной столб, расширявшийся внизу и вверху. Этот столб двигался по поверхности океана со скоростью тридцати пяти километров в час. Посмотрев на верхний конец водяного столба, Волков увидел, что в том месте, где этот столб вливался в тучи, он как бы переходил в очень длинную водяную трубу, которая резко выделялась своим более светлым цветом на черном фоне тучи. Эта труба беспрерывно извивалась, как огромная змея. Иногда «змея» завивалась узлом, и на этом месте Волков видел черный круг с еще более черной точкой посередине. Эта водяная труба была в полтора раза длиннее самого смерча и пропáдала где-то далеко в облаках. Жутко было смотреть на страшную вращающуюся водяную змею. Вот смерч побледнел, труба разорвалась у верхнего конца, и в то же время порвался смерч у нижнего конца. Нижняя воронка сравнялась с поверхностью океана, а верхняя, крутясь, поднялась к облакам и скрылась в черной туче. Через несколько минут явление повторилось — снова гигантский столб двигался по поверхности взбаламученного океана. И еще раз смерч порвался, причем нижняя его воронка, постепенно опускаясь, помчалась по направлению к берегу и там разбилась. Было видно, как эта воронка налетела на берег и упала на высокий склон. Целая Ниа-

гара воды вдруг забушевала на склонах берега, ниспадая в океан.

— Однако, врагу не пожелаешь быть в это время в океане, — сказал Конобеев. — А приходилось.

Через двадцать минут смерчи исчезли. Небо очистилось. Далеко на востоке еще виднелся один столб, наклонившийся и медленно, словно с трудом, двигавшийся на север. Вот и он побледнел, разорвался внизу и исчез.

Тучи быстро уносило на север. Скоро выглянуло солнце. А к обеду небо было уже безоблачно, ветер утих, лишь океан продолжал бросать на берег волну за волной.

Ванюшка к обеду не вернулся. Проходил час за часом, его все не было. Волков, Гузик и Конобеев начали беспокоиться. Конобеев решил отправиться на поиски, хотя найти Ванюшку на дне океана было не легче, чем иголку в сене.

— Однако, может быть, его разбило волной около утеса! — говорил Конобеев. — Поищу! — И Конобеев опустился в водолазном костюме с того же места, с которого прыгнул в воду Ванюшка. Обшарил все дно вокруг утеса, но Ванюшки не нашел.

А к вечеру, при закате солнца, Ванюшку принесли на самодельных носилках рабочие промысла. Они нашли его в десятке километров от пещеры.

Когда Ванюшка окончательно пришел в себя, то рассказал своим друзьям, что произошло с ним.

— Не всякому человеку удается покататься на спине тайфуна и остаться в живых, — так начал он рассказ о своем необычайном приключении. — Спрыгнул я в глубину благополучно и пошел. Фонаря не зажигал — он мало помог бы мне в мутной от песка и ила воде. Добрался до котловины, которая находится метрах в сорока от берега, — знаете? Там было совсем тихо. Вода почти не двигалась. Буря катилась над моей головой. Я спокойно пошел по дну. «Теперь можно зажечь фонарь», — подумал я. Нажал кнопку. И, как вы думаете, что я увидел? Фут возьми, рыб! Видимо-невидимо! Их было здесь

столько, что мне положительно приходилось проталкиваться через них, как будто я попал в сельдяную бочку. Понимаете? Они набились сюда в котловину из боязни, что буря выбросит их на берег. Умная тварь, хоть и не говорит! Тут и сельди, и треска, и горбуша, и иваси, разные жесткоперые, и большие, и малые. И даже не гоняются друг за другом — не до этого: животы спасают.

А уж сколько там водорослей в этой котловине — уйма! Прямо получился котел ухи с капустой. И водоросли не движутся — тихо. Разве только какую водоросль рыба большая двинет, тогда бурые ленты чуть шелохнутся и опять замрут. Иду я, иду — рыбки передо мной бочками сверкают серебряными, синими, медными, красными, — иду и радуюсь. Как это хорошо выходит: там, над головой, светопреставление, а у меня тут тишь да гладь, и я сухой хожу! Тепло мне и сухо. Вот, думаю, отсижусь тут, пока рыбы наверх полезут, тогда, значит, будет ясно, что буре конец.

Прошел я несколько шагов и стал замечать, что как будто откуда-то ветерком понесло. Тихо-тихо начали водоросли в одну сторону поворачиваться, и у рыбок какое-то беспокойство замечается. Все они повернулись навстречу ветерку и зашевелились тревожно, будто шепчутся. Откуда, думаю, водяным ветерком потянуло? Может быть, я в такую струю попал? Вернулся назад метров на пять — ничего подобного. То есть я хочу сказать, что и здесь ветерок. Значит, дело не в струе, а в том, что почему-то вся вода в котловине в движение пришла, как будто кто большой ложкой мешать начал. И чем дальше, тем больше. И все в одну сторону. Натягиваются струнами ленты водорослей, работают рыбки плавниками, как корабельный винт во время шторма, а их все относит, и меня вместе с ними. Попробовал идти против течения. Куда тут!

Неужели, думаю, и здесь придется отлеживаться? Не иначе. Не успел я лечь, как вдруг сильное течение приподняло меня от земли и потянуло куда-то в сторону. Я руками, ногами за землю, за во-

доросли — ничего не помогает. Несет меня вместе со всем рыбным народом в неизвестном направлении, заворачивает по кругу, ровно на карусели.

Тут, должен вам признаться, растерялся я маленько, фонарь погасить забыл, хоть и не помогал он мне в таком происшествии. В глазах зарябило; рыбы, водоросли в один переплет сплелись.

Ну и покатался же я тут!.. Как чаинка в стакане чая, когда ложкой быстро сахар размешивают, так и я летал. Хорошо, что дух не захватывало, потому что кислород у меня собственный. А сердце замирало, скрывать не стану.

И вдруг чувствую я, что меня не только крутит, но и поднимает, прямо как по штопору вверх. Что за притча такая?.. И вдруг на одно мгновение вижу я дневной свет. И вижу, что высунулась моя голова из водяного столба, который над морем поднялся и вертится, и я верчусь вместе с ним. Увидел я берег и горы с лесом, и разбитый рыбацкий челн на берегу — и опять нырнул внутрь столба водяного. А меня так закрутило, что я ноги и руки подобрал поближе к телу, — того и гляди оторвет. Рядом со мной какая-то рыба вертится, огромная, вот хоть обнимись с ней. Еще разок выглянул я на свет из столба водяного, а он пополам разорвался, нижняя часть, в которой я был, на берег несется. Закачало, закрутило меня так, что я сознание потерял. А пришел в себя, двинуться не могу; сильно грохнуло и дышать тяжело — кислорода нет...

Ну и вот, спасибо, рабочие подоспели и скафандр открыли. Отдышался. Если бы не разорвался смерч, подняло бы меня выше туч, грохнулся бы я оттуда — и капут. Выходит, что на смерче я покатался, на самом тайфуне. Не шутите со мной, теперь я человек особенный.

Рядом с Ванюшкой рыбаки нашли мертвую акулу, жительницу южных морей, с распоротым на скалах брюхом. Тут же валялось содержимое ее желудка: задняя часть свиньи, передняя часть барана, голова породистого бульдога, корабельный скребок, карман клетчатого пальто с газетой «Таймс», це-

лая кладовая трески, две эмалированные кружки и молодая акула.

Да, Ванюшка дешево отделался. После его рассказа Конобеев рассказал несколько случаев из своей долголетней рыбачьей практики, когда рыбацкие суда были захвачены водяным смерчем. И он не помнит случая, чтобы хоть один из людей вернулся живым из этого путешествия.

X. НОВОСЕЛЬЕ

— Нет, без подводного жилища нам никак невозможно, — говорил Ванюшка. — Тут буря за бурей, океан рычит, к нему не подступишься, назад тебя выбрасывает, как мусор какой. А живи мы на дне океана, нам бури были бы нипочем. Ходили бы мы с вами, Семен Алексеевич, по дну моря-окияна да планы снимали. Ты изобретатель, Гузик, и должен ты нам такой подводный дом изобрести, чтобы его ни смерч не сдул, ни кит не раздавил. Можешь?

— Что? Где? Кого кит раздавил? — спрашивал Гузик, слетая с заоблачных высот. — Подводный дом? Ну да, я же об этом давно думаю. Все высчитано, взвешено, обдумано. — И он начал развивать свой план.

Подводные дома должны быть выстроены из железа и так крепко соединены с почвой, чтобы никакие тайфуны не разрушили их. Пресную воду можно провести по трубам с берега или же опреснять морскую воду. Наконец, можно заложить буровые скважины в морском дне и поискать пресной воды. Нет ничего невероятного в том, что под морским дном окажется река или озеро пресной воды. Воздух, как и воду, можно получать по трубам с поверхности, чтобы не тратить запасы аккумуляторного электричества на добывание кислорода из морской воды. Отеплять же удобнее всего электричеством. Можно, конечно, тепло пара или горячей воды подавать с берега по трубам, хорошо изолированным, но это сложнее. Электрическое отопление,

электрическая кухня, электрическое освещение. Для того чтобы зимою не было холодно, можно железные стены обмазать изнутри особым составом с пробковыми опилками, как это делается на арктических кораблях, чтобы не было внутреннего «потения» стенок.

— А почему бы не обшить железные колпаки изнутри деревом, благо это очень дешевый материал? — предложил Волков. — Дерево вдобавок будет хорошо изолировать от холода окружающей воды...

— ...которая все же почти весь год имеет температуру выше нуля, — подхватил Гузик. — Можно и деревянные, — согласился он. — Но прежде всего надо железо для колпаков, много железа.

— А его достать труднее всего, — заметил Ванюшка. — Наши доменные печи всегда голодны, как акулы. Сколько их ни корми железом, все мало. У них отнимать нельзя. Надо бы как-нибудь самим разыскать.

— Разыскать железные рудники и потом добывать руду? — спросил Волков. — Долгая песня.

— Зачем рудники?

— Однако, — вставил Конобеев, раскуривая трубку, — на дне моря сколько этого самого железа лежит! Тыщи пудов!

— Откуда? — спросил Ванюшка.

— То-то откуда. Мал ты, молод. Наклали его туда, на дно, когда тебя еще на свете не было. В девятьсот четвертом-пятом году, вот когда. Когда с японцами воевали, и они нам наклали. То-то. Вместе с косточками вице-адмирала Макарова железо лежит. Я служил тогда во Владивостокской эскадре, которой командовал Эссен. Чего только не насмотрелся, чего не наслышался! Хорошего мало. Сколько кораблей, сколько людей погибло! На одном «Петропавловске» семьсот человек, в Цусимское сражение семь тысяч: «Варяг», «Кореец», «Енисей», «Боярин», «Стерегущий», «Страшный», «Петропавловск»... У Цусимы целых две эскадры ко дну пошли. Пересчитать невозможно. Порт-артурский

флот перед сдачей крепости почти весь уничтожен. Железа-то, железа сколько!

— Да, но и Цусима и Порт-Артур не близко. Притом в Порт-Артуре многие затонувшие суда уже давно подняты японцами.

— Многие, да не все. Есть, однако, и поближе Цусимы. Владивостокская эскадра была слабенькая и больше охотилась за торговыми японскими судами. Только один раз вступила в морское сражение у Ген... Гензана — городок такой есть в Корее, и там даже потопила японский транспорт «Киншию-Мару». А несколько торговых небольших судов были потоплены не очень далеко отсюда. Я бы, пожалуй, и место нашел.

— А что же, это мысль, — сказал Гузик. — Почему нам не поискать затонувшие суда?

— Не легко их будет поднять, — заметил Волков.

— Мы и не станем поднимать их. Я сумею разрезать железный корпус под водой, и мы перетащим его по частям. Только бы нам найти!

Решили, не откладывая, взяться за поиски «дефицитного товара» — железа затонувших судов. Дело это было не из легких. Конобеев мог указать местонахождение потонувших судов лишь очень приблизительно. Пользуясь периодом затишья, друзья вчетвером выплыли на катере. Конобеев по каким-то признакам узнал «дорогу» и указал место. Спустили лаг, который показал двести метров. На такой глубине можно было работать только в жестком аппарате. Ванюшка, который никому не хотел уступать возможность первому опуститься на такую глубину, надел с помощью других тяжелый водолазный наряд и бросился в глубину. Там он зажег фонарь в тысячу свечей и начал бродить по дну. Здесь росли неизвестные Ванюшке водоросли, стебли которых были длиннее высочайших надземных деревьев. Жажда света вытянула эти веревки-стебли, прикрепленные к глубокой почве среди вечного полумрака. Стебли поддерживали специальные воздушные мешки на листьях. В одном месте Ванюшка по-

пал в густую заросль этих подводных лиан и едва выбрался из них. Их трудно было перервать, а оплетали они тело, как веревки. «Надо будет брать с собой нож», — решил Ванюшка. И с той поры все опускающиеся на дно океана брали с собою длинный кортик.

Морское дно было пустынно. Оно не пестрело мелкими веселыми рыбками, как на поверхности. Иногда проплывали неведомые угрюмые тени, привлеченные светом фонаря, — большие неповоротливые рыбы. Однажды свет фонаря, упавший на каменистую почву, осветил человеческие кости: два полуразвалившихся скелета. В ребрах одного из них поселился большой краб, который при свете фонаря беспокойно заерзал. Продолжая поиски, Ванюшка набрел на затонувшую рыбачью шхуну, деревянное двухмачтовое судно. Ванюшка хотел проникнуть в каюты, но его водолазный аппарат был слишком громоздок и не прошел бы в люк.

Ванюшка осветил нос корабля и прочел на нем название, написанное по-английски: «Gay». Вот где нашел свой конец «Веселый». От такелажа и парусов не осталось и следа. Корпус судна и даже уцелевшие мачты были покрыты ракушками. Руль отломан, якорная цепь разорвана, якорь отсутствовал. Ни одной шлюпки на палубе. Возможно, что люди оставили тонувшее судно и спаслись на шлюпках. Ванюшка бродил по дну в продолжение нескольких часов, но без успеха. Проголодавшийся и уставший, он надул пневматический мешок кислородом и поднялся на поверхность, как на воздушном шаре.

— Не нашел! — сказал он, когда с него сняли аппарат.

— Однако, я маленько ошибся, — заметил Конобеев. — Надо больше на полдень взять курс.

Волков, Ванюшка и Гузик по нескольку раз в день опускались на дно океана. И только через несколько дней Гузику посчастливилось, наконец, напасть на то, что он искал. На неглубоком месте — на «банке», как называют моряки морские мели, — недалеко друг от друга лежали два больших коммер-

ческих парохода. Один из них лежал боком, другой — вверх дном. У первого была пробоина в борту, у второго не хватало носовой части — очевидно, он наткнулся на плавучую мину. Железа тут было более чем достаточно. Гузик уселся на песок и начал обдумывать план автогенной резки металлического судна под водой.

Когда у Гузика начинала работать творческая мысль, он забывал, где он и что с ним. Ученый-изобретатель просидел неподвижно на дне океана более трех часов. Наверху, на палубе катера, начали уже беспокоиться, так как перед погружением они условились, что Гузик пробудет под водой не более часа. И Гузик очень удивился, когда увидел Ванюшку, шедшего к нему по дну в «летнем» водолазном костюме, то есть в трусиках и в полумаске.

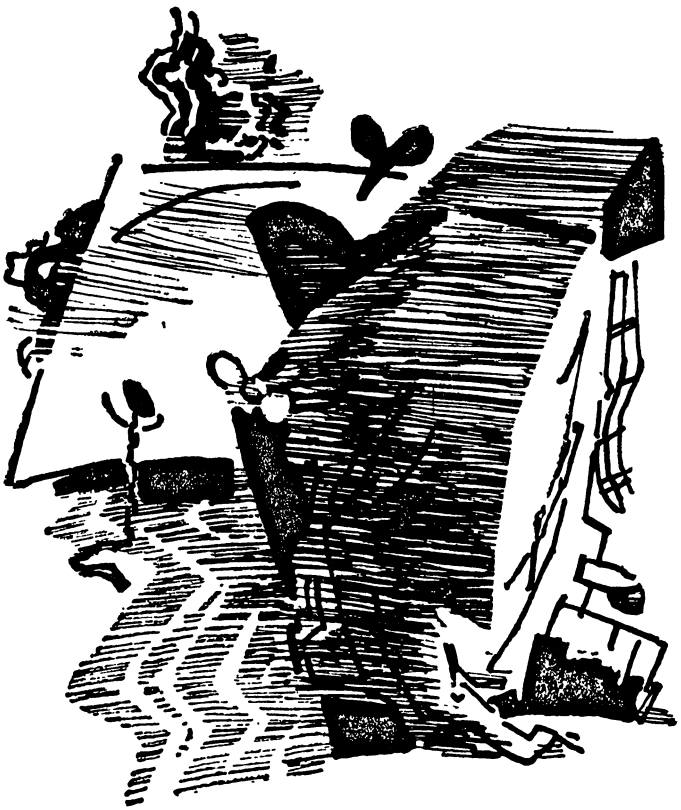
— Ты чего тут застрял? — спросил Ванюшка через слуховую трубку.

— Думал, — отвечал Гузик. — И уже придумал. Есть! Плывем на поверхность.

Гузик придумал и осуществил очень остроумный аппарат для подводной автогенной резки металла. Железный корпус парохода резался легко и быстро, как бумага. Отдельные куски поднимались при помощи кранов на поверхность и нагружались на шхуну. Работали попарно, чаще всего Гузик и Ванюшка. В полдень, когда солнце стояло над головой, в воде было настолько светло, что можно было работать без фонарей. На дне около пароходов виднелись человеческие кости, полузанесенные песком и илом. По мере того как отнимался кусок за куском металлического корпуса, открывалась внутренность затонувшего парохода: каюты, наполненные человеческими скелетами, трюм, где в полусгнивших ящиках оказался целый склад оружия, котельное отделение...

Железных корпусов двух коммерческих пароходов было вполне достаточно для изготовления колпаков, которые покрыли собою пять первых деревянных избушек подводного поселения. Восторжествовала идея Волкова — обшить железные колпаки изнутри деревом.

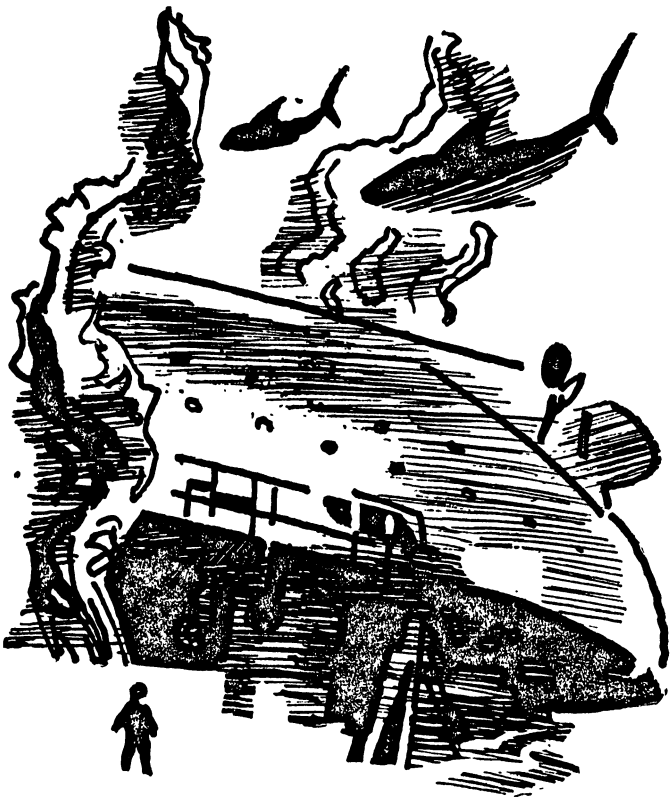
Постройка подводных жилищ не представляла особого труда. На дно был уложен бетонный фундамент, деревянные дома доставлялись в сложенном готовом виде на плотах к месту постройки, талями погружались в воду и брались на причал при помощи якорей. Затем над ними возводили железные ку-



пола, откачивали воду, внутренность куполов высушивали при помощи электрических плит и снабжали дома необходимым оборудованием. Производство всех этих работ значительно облегчалось тем, что

в распоряжении строителей были почти идеальные водолазные костюмы, которые не стесняли свободу движений и не зависели от базы.

Ванюшка, опустившись впервые в подводное жилище, был в восторге. Он ходил из «квартиры в квартиру» и повторял: «Вот это фтука, фут возьми!»



И заявил, что больше не поднимется на поверхность и отныне превращается в водяного жителя.

Макару Ивановичу Конобееву также очень понравился их новый «хутор». В подводной долине меж

гор всегда было тихо — ни ветров, ни бурь, ни дождей, ни метелей. Тихо колыхались водоросли, весело суетились рыбы, важно восседали на дне большие крабы. Нравились Конобееву и «хоромы» — ему еще не приходилось жить в таких светлых, чистых и теплых комнатах. Но не этот уют и удобства тянули его, а сам океан — неведомый, необъятный, полный своеобразной красоты.

— Однако, тут не хуже тайги! — говорил Макар Иванович. На его языке это был лучший комплимент.

— Вот и будем жить в подводной тайге, — отвечал Волков.

Жить под водой было удобно и нужно для дела. Теперь никакие бури, никакие тайфуны не могли помешать выйти из дому и отправиться бродить по подводным полям. Работы было много. Волков решил устроить совхоз по всем правилам. Нужно было измерить подводные поля, нанести план, чтобы правильно вести хозяйство: знать, сколько заготовить пучков, сколько нанять рабочих, какой ожидать урожай. Волков, Ванюшка, Конобеев и Гузик решили немедленно переселиться под воду. Все они, кроме Конобеева, были людьми свободными, холостыми; один Макар Иванович был женат. Больших затруднений старик не предвидел: ведь пропадал же он целыми месяцами на охоте. Марфа Захаровна привыкла к одиночеству. Так думал он и однажды вечером, сидя в своей фанзе за самоваром, сказал ей:

— Однако, завтра я переселяюсь на дно, в подводное жилище. — Марфа Захаровна посмотрела на него с недоумением. Ее красное лицо стало еще краснее.

— Как это переселяешься? — спросила она. — Куда это на дно? Ты в своем уме?

— Ум не шапка, чужой не наденешь. Правду говорю. На дне моря-окияна жить буду. Слыхала небось, дом строили? Ну вот и выстроили. Очень хорошо.

— А я?

— А ты тоже пойдешь со мной.

— С тобой? Под воду? Я не русалка. Сама не пойду и тебя не пущу!

— Не хочешь, неволить не буду. Такое дело. А меня остановить не имеешь права. Я сам себе волен.

Марфа Захаровна в слезы. И лицо ее стало совсем как спелая клюква. Макар Иванович немного растерялся. Он не мог понять, что́ так взволновало его старуху. Едва ли боязнь за него. В тайге было не меньше опасностей, чем в воде. Притом опасность, риск были слишком обычными спутниками его близкой к природе жизни почти первобытного человека. К опасностям охоты на дикого зверя Марфа Захаровна относилась так же спокойно, как жена человека каменного века. Голод страшнее зверя. Слабого, голодного человека одолеет и малый зверек. Чтобы быть сильным, надо убивать крупных зверей; чтобы жить, надо рисковать жизнью. Эта философия крепко сидела в старухе и помогала спокойно относиться к тому, что ее муж в одиночку выходил на медведя. В чем же теперь дело? Ведь Макар Иванович обещал видеться с Марфой Захаровной даже чаще, чем раньше; он будет жить под боком.

Марфа Захаровна, всхлипывая и беспрестанно сморкаясь в платочек, объяснила ему свой взгляд на вещи. Макар Иванович мог уходить на охоту, оставляя жену в китайской фанзе, купленной за медвежью шкуру, — этого требовала суровая жизнь. Но он возвращался к ней в дом, у них был этот самый общий дом, семейный очаг. А теперь Макар Иванович собирался перебраться на жительство в другой дом, обзавестись каким-то с в о и м у г л о м. Это было равносильно измене, было похоже на то, что старик бросал Марфу Захаровну. Все это она изложила в таких туманных выражениях, что Макар Иванович ничего не понял, кроме того, что старуха недовольна его намерением уйти под воду.

— Однако, пойдем вместе, — предложил он ей.

Но тут она понесла такую околесицу, что Макар Иванович даже поперхнулся чаем. Марфа Захаровна решительно заявила, что жить под водой креще-

ному человеку грех, потому что вода создана господом богом для рыб, а не для человека. И что такого человека после смерти «земля не примет и вода изрыгнет». И откуда только набралась такой премудрости! Наверное, начётчик научил.

Макар Иванович, как всегда, поднялся из-за стола только после того, как весь самовар был выпит.

— Однако, ты некрещеную рыбу ешь! — выдвинул он неожиданный аргумент, который так поразил старуху, что она замолчала. На этом разговор закончился. А утром на другой день Конобеев, надевая водолазный костюм, сказал:

— Прощай, старуха. Когда захочешь меня видеть, подойди к берегу, опусти руки в воду и постучи камушком о камушек. В воде хорошо слышно. Я стук твой услышу и вылезу.

Марфа Захаровна посмотрела на своего мужа с испугом. Он превращался в ее глазах в водяного. Он уже знал, что́ делается у них там, под водой, как слышно, как видно... И этот страшный большой черный нос, эти глаза-очки!..

— Когда же ты придешь? — спросила старуха, присмирев, дрогнувшим голосом.

— Как справлюсь, — неопределенно ответил он и зашагал к берегу. Старуха поплелась вперевалку за ним, а впереди бежал Хунгуз и тревожно лаял.

— Чувствует животная!.. — промолвила Марфа Захаровна, вздыхая.

— Ну, прощай, — еще раз сказал Конобеев. Марфа Захаровна посмотрела на каучуковый нос, ровный и гладкий, без единого волосика, к виду которых на мясистом носу мужа она так привыкла, и тяжко вздохнула.

— Прощай. Бог тебе судья.

Но Конобеев не слыхал последнего напутствия жены. Он смело вошел в воду и зашагал, погружаясь все более. Волны шипели песком вокруг него, как бы сердясь, что человек идет туда, куда ему нет доступа. Марфе Захаровне этот «змеиный шип» казался дурным предзнаменованием. Хунгуз, видя «утопающего» хозяина, завыл, заскакал на

берегу, бросился в воду... Конобеев отогнал собаку рукой и погрузился в волны с головой.

Плакала старуха, выла собака.

XI. «ПЛЕННИКИ МОРЯ»

Конобеев не раз выходил на берег, видался с женою, пил чай, уговаривал опуститься вместе с ним на дно, но она упрямо отказывалась и бранила его, называя водяным и безбожником. Макару Ивановичу было жалко старуху. Она хоть и по глупости своей, а сильно страдала. Жили вместе тридцать лет и три года, как в пушкинской сказке, да и разлучились... Конобеев нередко думал об этом, когда ему не спалось, и не мог понять: оттого ли не спится, что думы одолевают, или оттого, что сна ни в одном глазу?

И вот однажды, проворочавшись на кровати почти до утра, он явился к Волкову и сказал:

— Семен Алексеевич! Однако, помогите мне уломать старуху к нам переехать жить. Оно бы ловчее было. Самоварчик бы ставила нам, уху, щи, кашу варила. Надоели эти корейские кушанья, что Пунь нам готовит. Пунь была бы по стирке, за чистотой смотрела, а моя старуха — за харчем.

Ванюшка, присутствовавший во время этого разговора, сказал:

— Семен Алексеевич! Мы вот что сделаем — пойдем всем миром: вы, я, Макар Иваныч, Гузик. Будем ее просить вроде как депутацией. Не откажется.

Волков безнадежно махнул рукой.

— Ничего не выйдет, — ответил он. — Я уже говорил с ней и убеждал ее. Крепкая старуха. Стоит на своем — и баста!

— Тогда вот что: скажем, что Макар Иваныч помирает, она испугается и придет...

— Однако, она со страху и помереть может, — возразил Конобеев. — Уж лучше без обману. Пойдем попросим всем миром, может, что и выйдет.

И, захватив на всякий случай водолазный костюм для Марфы Захаровны, все отправились на берег.

Марфа Захаровна стирала белье у фанзы и была даже несколько напугана, когда увидала, как из волн морских вышло четыре чудовища, — впереди них ее муж-богатырь, как дядька Черномор, — и вся эта процессия двинулась к фанзе. Марфа Захаровна наспех вытерла руки, спустила фартук и в выжидательной позе остановилась у двери. Хунгуз с радостным лаем бросился к хозяину. Процессия людей с большими черными носами и огромными очками подошла к фанзе. Все сняли водолазные полумаски и с поклонами подошли к Марфе Захаровне. От этой торжественности у Марфы Захаровны даже закололо в носу.

Волков произнес речь, в которой говорил о том, что Макар Иванович заболел с тоски, что он не спит по ночам и что от всего этого и работа у него не клеится, и если бы Марфа Захаровна согласилась жить в море, то она очень помогла бы всем им. Ее можно было бы принять в штат служащих и платить ей деньги... (Тут Марфа Захаровна отрицательно махнула рукой.) А если и не из-за денег, то все же она должна согласиться ради того, чтобы помочь им всем.

Потом говорил Ванюшка, потом Гузик. И все они просили ее. Никогда еще столько людей не просили Марфу Захаровну! Она была смущена, взволнована и польщена. И неизвестно, что́ побудило ее решиться: то ли, что ее просят, или, быть может, мимоходом брошенное Волковым упоминание о том, что ее приглашают на службу и что ей будут платить жалованье... Она не была корыстолюбива и не привыкла обращаться с деньгами. Муж доставлял ей «натурой» все необходимое. Но у нее далеко отсюда был внучек, сын ее дочери, в котором она души не чаяла. И теперь Марфа Захаровна получала возможность делать ему подарки, а потом, собрав денег, даже поехать повидаться с ним перед смертью. А может быть, и самолюбие ее было задето: Ванюш-

ка опять говорил о том, что Пунь не побоялась опуститься на дно.

Марфа Захаровна, выслушав все речи, обращенные к ней, ударила руками по толстым бедрам и засмеялась.

— Ах вы, сукины коты! — неожиданно обратилась она к членам депутации. — Что выдумали! Столько народу ко мне одной, будто я барыня какая. Ну, что мне с вами делать? Возьму грех на душу. Ведите, топите меня, старую!

— Зачем топить, мамаша! — ответил повеселевший Ванюшка. — Представим в лучшем виде. Примерьте носик, мамаша! — И Ванюшка протянул Марфе Захаровне водолазную полумаску. Марфа Захаровна испуганно ахнула и отшатнулась.

— Не бойтесь, мамаша, не укусит, — продолжал Ванюшка. — Наденьте на нос, а я помогу вам завязать. — Он взял из ее рук полумаску и начал прилаживать на лице.

— В лучшем виде, мамаша. Теперь ранец. Вот так. Приподнимите ручки. Ремни под мышки. Не тяжело? Ранец-то почти пустой, один воздух.

— К носу плотно пришлось? — спросил Гузик и взял Марфу Захаровну за черный каучуковый нос. Она легонько взмахнула руками и снова опустила их: делайте, мол, что хотите, ваша воля!

— Хорошо! Можно присоединить трубки с кислородом. Пусть поучится дышать. Вы, Марфа Захаровна, воздух в себя носом тяните, а из себя ртом выпускайте.

— Да что вы, в самом деле, сейчас меня хотите под воду тянуть? А собраться как же? Я так не могу! Я все свое хозяйство должна с собою взять.

— Возьмем, возьмем, все возьмем, не волнуйтесь, мамаша, — сказал Ванюшка. — Вы только дышите. Вот так. Ну, начинайте! Раз! Раз! Так, хорошо. Идемте, мамаша. Вашу ручку. Гузик, бери за другую. — И в сопровождении двух кавалеров, больше похожих на конвоиров, Марфа Захаровна направилась к берегу океана.

— Ой, батюшки, боюсь! Ой, умру!

— Вот видите, Марфа Захаровна, я же говорил вам, что вы от страху в море не хотите идти, — сказал Ванюшка. — А Пунь, та не побоялась, так за своим муженьком и зашагала.

Это подействовало. Марфа Захаровна сделала еще несколько шагов. Но когда волны начали обдавать подол длинной старомодной юбки, старуха вновь остановилась.

— Позвольте, но как же это так? — сказала она. — Ведь я вымочусь, вся вымочусь, и на полу у вас там наслежу. А переодеться я ничего не взяла с собой.

— Не беспокойтесь, мамаша, — сказал Ванюшка. — Мы там вас живо электричеством высушим, вам и переодеваться не надо будет. Прямо, можно сказать, сухою из воды выйдете. Ну, смелее, крещается раба божия Марфа!.. — И он потащил ее в воду.

— Ах! Уф! — кричала Марфа Захаровна.

— Закройте ротик, Марфа Захаровна, захлебнетесь, мамаша! В воде ахать и охать воспрещается! — строго сказал Ванюшка.

Когда вошли в воду до пояса, Гузик сказал, что пора надеть наушники. Все плотнее натянули на уши аппарат и быстро вошли в воду. Марфа Захаровна что-то еще кричала, но ее уже не слышали. Однако, когда она погрузилась в воду с головой, то вдруг начала биться в руках, как пойманная рыба. Гузик и Ванюшка пытались удержать ее, но подоспевший Конобеев вырвал свою старуху из их рук и вынес на поверхность почти потерявшую сознание. Когда она отдышалась, то объяснила, что без привычки наглоталась воды и едва не захлебнулась.

Пришлось здесь же на берегу устроить совет.

— Это без привычки, мамаша, вы поучитесь немножко, — твердил Ванюшка. Но Гузик убеждал, что гораздо проще принести зимний водолазный костюм со скафандром. В таком аппарате Марфа Захаровна может дышать, как ей заблагорассудится, — вода не вольется в рот. С этим все согласились. Пока Марфа Захаровна переодевалась в сухое, Ванюш-

ка «слетал» на дно и принес из подводного жилища новенький водолазный костюм, в который и облачили Марфу Захаровну. Теперь дело пошло легче.

Еще несколько шагов, и Марфа Захаровна спустилась под поверхность океана и вступила в новый для нее, необычайный мир. Ее все пугало и удивляло. И свет фонарей, внезапно загоревшийся на голове Гузика и Ванюшки, и неожиданно громкий голос мужа, сказавшего ей через слуховую трубу: «Однако, не робей, старуха!» — и рыбы, шнырявшие возле самой ее головы.

Несмотря на тяжелые свинцовые подошвы, старуха чувствовала себя легче, как будто она сразу стала сильнее, моложе. Это было довольно приятное, новое ощущение. Но зато быстрота и резкость движений пропали. Все шли медленно, словно подражая плавности движений водорослей. Гузик и Ванюшка уже не поддерживали Марфу Захаровну за руки. Она шла самостоятельно.

— Однако, вот мы и дома! — услышала Марфа Захаровна голос мужа.

— Где? — Она ничего не видела. Свет фонаря, выхватывая круг из зеленоватой мглы, освещал лишь два-три десятка метров водяного пространства с бесконечным количеством водорослей. В силу причудливых законов подводного видения Марфе Захаровне казалось, будто она идет в глубину какой-то трубы, наполненной мохнатой бурой паутиной. Но вот за длинными лентами и красивыми лапчатыми листьями она увидела что-то большое, темное, круглое — слишком правильно округленное для того, чтобы быть естественным созданием природы, которая умеет изготовлять круглые предметы только слишком больших или очень маленьких размеров: солнца, планеты, росинки, дождевые капли...

Когда подошли еще ближе, Марфа Захаровна увидала железную стену с большой круглой «заплатой». Это был вход. Волков подошел к «заплате», откатил вбок железную дверь и жестом пригласил Марфу Захаровну переступить порог. Все вошли в камеру. Дверь задвинулась. Вода начала быстро

вытекать. Скоро камера освободилась от воды. Над головой Марфы Захаровны загорелась электрическая лампа. Гузик и Ванюшка погасили свои головные фонари, подошли к Марфе Захаровне и помогли ей снять тяжелый водолазный костюм.

— Поздравляю с прибытием! — сказал Ванюшка.

XII. ХУНГУЗ

Волков, Конобеев, Гузик и Ванюшка быстро сбросили свои полумаски и ранцы, спрятали водолазные костюмы в железный шкаф и явились перед Марфой Захаровной в обыкновенном виде, который для нее, женщины старой и строгого нрава, казался довольно неприличным. Она старалась не смотреть на полуобнаженные тела мужчин. Один только Конобеев был приличен в своих широких штанах и длинной рубахе.

— Ну, идем, старуха, — сказал он, взяв старуху за руки, чего раньше никогда не делал. Это было непривычно и трогательно. — Покажу тебе, как живут морские жители.

Марфу Захаровну ввели в восточный домик, где помещались Конобеев и Гузик. По случаю прибытия гостьи Гузик переселился в лабораторию, помещавшуюся в южном домике.

Когда Марфа Захаровна вошла в чистенькую комнатку подводной избушки, она была чрезвычайно удивлена и даже поражена. Неизвестно, как представляла она это подводное жилище. Но, наверно, ей мерещились осклизлая тина, копошащиеся в полутьме морские гады и ужасная сырость — как же может быть иначе в воде! И когда она увидала толстые бревна стен, пахнущие смолой («совсем как на земле!»), чистый белый пол, который можно мыть, не боясь занозить руки (так хорошо были оструганы половицы), стол, табуреты, кровати, дощатую перегородку — все сухое, земное, настоящее, — она не верила глазам своим. Было тепло, даже жарко, — Гузик постарался. Электрическая лампа светила яр-

ко. Марфа Захаровна стояла посредине комнаты, сложив руки на круглом животе, и вид у нее был такой, словно она молится в храме. Конобеев наблюдал за нею, самодовольно улыбаясь.

— Однако, ты боялась замочиться, отсыреть, замерзнуть, — сказал он. — Тут тебе будет лучше, чем в китайской фанзе. Ну скажи, старуха, неплохо?

— Грех с вами! — неопределенно ответила Марфа Захаровна. — А окно-то зачем? — вдруг заинтересовалась она, поднимая занавеску. — Тьма-то какая!.. Нет, тут не то, что на земле. Ночь вечная! Затоскуешь без солнышка.

— Эту ночь мы сейчас в день превратить можем, — ответил Конобеев. — Сейчас, вишь ты, железный ставень закрыт, а вот мы откроем его да свету пустим... — Конобеев повернул рычажок и выключатель. Железный засов отодвинулся, яркий свет осветил пространство за стеклом, и Марфа Захаровна увидала рыб, подплывших к стеклу. Через несколько минут их собралось множество.

— Однако, целая уха! — сказал Конобеев. — Если скучно станет, в окошко погляди, что делается.

— А что тут делается? Все одно. Рыбы и рыбы.

— Однако, ты приглядись и увидишь, что и тут разное бывает. По рыбам ты многое узнаешь: ночь или день, утро или вечер, солнце над головой или тучи, тихая погода или буря. Я уже насквозь всю эту премудрость узнал. Вот тут и будешь жить со мной. А теперь пойдем, покажу тебе кухню и твою помощницу.

Конобеев открыл деревянную и железную двери и провел Марфу Захаровну в коридор с железными ставнями. После теплой и сухой избы здесь чувствовался холодок и как будто тянуло сыростью. Марфа Захаровна поежилась.

— Небось не отсыреешь. Вот и пришли, — сказал Конобеев. Они вошли под крышу большого центрального купола, где помещались столовая, библиотека-читальня, машинное отделение и кухня. Еще пара дверей, и они в столовой. Здесь их приветствовал Ванюшка.

— А вот и кухня, — сказал Конобеев, открывая деревянную дверь.

Пунь, увидав входящую Марфу Захаровну, отвесила ей низкий поклон. Она охотно пала бы ниц на землю, чтобы показать глубокое почтение, но Ванюшка отучил ее от этой «азиатской рабской церемонии», как он говорил. Смуглое лицо Пунь сморщилось в улыбке. Она сказала нараспев:

— Мама халасо! — Этими словами Пунь выражала свое удовольствие по поводу того, что в подводном жилище появилась еще одна женщина.

Марфа Захаровна привыкла к подводному жилищу скорее, чем ожидал Конобеев. Она, как практическая женщина, быстро оценила все выгоды и удобства нового жилища. Только к одному она никак не могла привыкнуть — к «электрическому чаю». Ей недоставало самовара. В конце концов Гузик должен был приделать электрическую грелку к ее самовару. Правда, самовар вскипал не от углей, как это полагалось, но, вскипев, он ничем не отличался от настоящего «православного» самовара. И еще одно огорчало старуху: это то, что на берегу осталась собака Хунгуз, к которой она привыкла.

— Лает небось, сердешный, день и ночь, — говорила она и не обманывалась в своих предположениях.

Когда несколько дней спустя Конобеев вышел на берег, он застал там Хунгуза, похудевшего от тоски. Пес, вероятно, оплакивал свою хозяйку, безвременно погибшую в волнах океана. Увидав Конобеева, Хунгуз завизжал от радости и стал лизать мокрые руки старика. Конобеева растрогала эта ласка. Он ничего не сказал жене о встрече с Хунгузом, чтобы не расстроить ее, но, встретив Гузика, заявил: «Однако, надо и Хунгуза взять сюда. Пропадет с тоски пес. Жалко. Тварь тоже чувствует».

— Как же мы доставим его сюда? Разве что в большом водолазном костюме. — Лицо Гузика вдруг сделалось грустным. Оно всегда казалось таким, когда молодой ученый задумывался. Конобеев

посмотрел на Гузика и, вздохнув, отошел. Не до собаки, видно, Гузику. У него дела поважнее.

Но Конобеев ошибся. Гузик как раз думал о собаке.

«А в самом деле, — думал он, — почему бы не сконструировать водолазный костюм для собаки? Сделать такой аппарат, в котором она смогла бы не только прийти сюда, но и бегать по дну моря!»

Гузик отправился на берег, подозвал Хунгуза, измерил объем его шеи, головы и длину морды и вновь нырнул в океан.

Через пару дней он вышел из лаборатории с собачьим скафандром и небольшим «ранцем» в руках.

— Макар Иванович! Идемте на берег за Хунгузом, — сказал он, подмигнув Конобееву. Старик посмотрел на скафандр, похожий на голову допотопного животного, понял все и начал быстро собираться в дорогу.

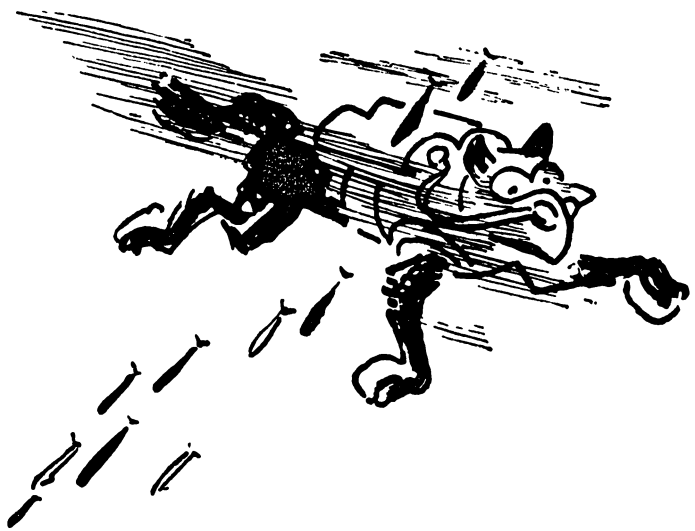
Гузику и Конобееву не без труда удалось надеть на голову собаки скафандр и привязать к спине аппарат, вырабатывающий кислород. Хунгуз отчаянно мотал головой и старался лапами снять с себя мешавший ему скафандр. У него, вероятно, было такое же чувство, как у сказочной лисы, которая не могла вынуть голову из горшка. Правда, Хунгуз мог видеть сквозь большие очки, но аппарат на спине мешал ему. Хунгуз начал кататься по земле, пытался стряхнуть с себя тяжесть, но аппарат держался крепко.

— Однако, довольно ему колобродить, — сказал Конобеев и, подхватив собаку на руки, направился с нею к воде. Хунгуз отчаянно забился, когда вода коснулась его лап. Конобееву пришлось порядочно принажать на бока собаки, чтобы она не вырвалась и не убежала обратно на берег.

Погрузились в воду. Солнце стояло над головой, и под водою было довольно светло. Хунгуз все еще бился в руках Конобеева. Они медленно подвигались вперед. На песчаной подводной отмели, хорошо отражавшей свет солнца, Гузик остановил Конобеева и попросил спустить собаку. Гузику надо было посмотреть, как собака будет ходить по дну. Хун-

гузу трудно было надеть на все четыре лапы обувь с грузом, чтобы предупредить всплывание наверх. И поэтому Гузик, оставив лапы Хунгуза свободными, положил груз в аппарат, помещавшийся на спине.

Хунгуз, получив свободу, пробежал несколько шагов и вдруг, свалившись на сторону, начал всплывать, перебирая лапами. Тяжесть была недостаточна,

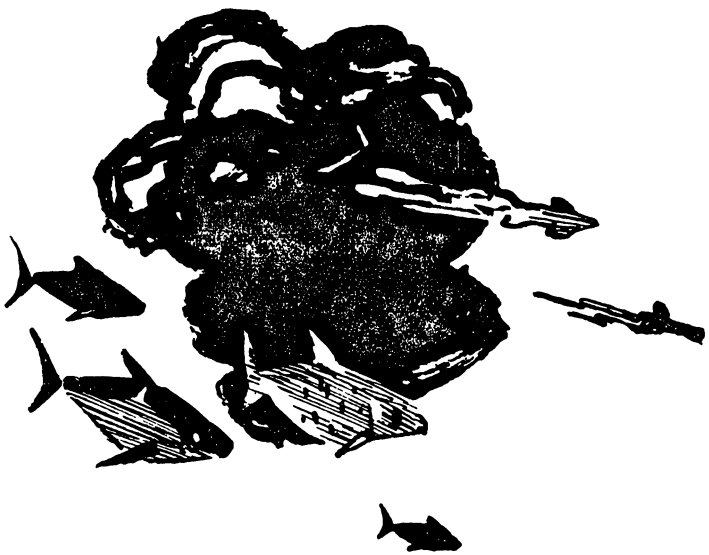


и, кроме того, положенная на спину, она не обеспечивала такой устойчивости, какую давали свинцовые подошвы.

Гузик недовольно крякнул, выпустив пузыри изо рта, и схватил Хунгуза, всплывшего уже на высоту человеческого роста. Конобеев был так удивлен неожиданным взлетом собаки вверх, что стоял неподвижно, расставив руки.

У Гузика в сумочке на всякий случай уже были заготовлены «калоши» для Хунгуза. Ученый передал собаку Конобееву и начал тут же, под водой, при-

вязывать к каждой ноге Хунгуза по мешочку со свинцовыми пластинками. Окончив эту работу, Гузик вынул часть тяжестей из аппарата, помещавшегося на спине собаки, и спустил ее на песок. Хунгуз стоял, мотая в недоумении головой. И вдруг около самого его носа проплыла довольно большая рыба и, словно вызывая на игру, начала удаляться. Хунгуз



не мог видеть ни одного предмета, удалявшегося от него, чтобы не погнаться за ним, будь это заяц, автомобиль или человек. И Хунгуз побежал за рыбой, устремив вперед морду. Охотничий инстинкт был разбужен, и пес сразу забыл всю необычайность обстановки и своего положения. Правда, бег Хунгуза был далеко не таким быстрым, как на земле. Но все же меньший объем и вертикальное положение тела давали ему возможность двигаться с гораздо большей быстротой, чем людям. И не успели Конобеев и Гузик сообразить, что случилось, как Хун-

гуз уже скрылся в зарослях водорослей. Этого еще не хватало! Опыт удался в большей степени, чем того хотел Гузик.

Конобеев вдруг взмахнул руками и, делая огромные шаги, двинулся вслед за собакой. Гузик тоже сообразил, чем это может кончиться. Собака, не имея возможности пользоваться обонянием, заблудится в подводной «тайге» и подохнет от голода или же задохнется в тот момент, когда аккумулятор перестанет работать и доставлять кислород. Надо спасти собаку во что бы то ни стало! Конобеев и Гузик засветили фонари, надеясь, что собака пойдет на огонь. Гузик застучал в кастаньеты, а Конобеев пробовал даже свистеть, но, кроме пузырей, у него ничего не получалось.

— В чем дело? — неожиданно послышался голос Ванюшки, который подошел незаметно к Гузику и проговорил в трубку.

— Ты откуда? — спросил, в свою очередь, Гузик.

— Работал неподалеку с Семеном Алексеевичем, услыхал твой стук и явился.

Гузик рассказал Ванюшке об исчезновении Хунгуза. Ванюшка принял участие в поисках. Они разошлись в разные стороны, долго бродили, но собаки не нашли. Усталые и опечаленные, Гузик и Ванюшка вернулись домой. Старик еще не приходил. Молчаливо уселись за стол, стараясь не смотреть на Марфу Захаровну, которая состряпала им прекрасные «электрические щи», как называл Ванюшка в веселые минуты блюда, приготовленные на электрической плите. И вдруг в соседней комнате залаял Хунгуз. Марфа Захаровна была так поражена этим, что выронила из рук кастрюлю. Хунгуз ворвался в комнату, бросился к ней, стал на задние лапы и с веселым лаем начал лизать ей лицо. У старушки даже слезы на глазах выступили.

— Хунгузик мой! — ласкала она его. Вслед за собакой в комнату явился и Конобеев.

— Где ты нашел его, папаша? — спросил Ванюшка.

— Я решил так, — ответил Конобеев, — что собака не пойдет в глубокое место, где темно и страшно, а пойдет на свет, и когда пойдет на свет, то непременно выйдет на берег. Так оно и вышло. Я вылез на берег, а Хунгуз мой уже там. По песку катается и головой крутит. Я его сгреб в охапку и прямо сюда, не спуская с рук.

— Теперь надо его на веревочке водить, пока не привыкнет! — сказал Ванюшка.

К двуногим подводным жителям прибавился четвероногий.

XIII. МОРСКОЙ ВОЛК

Хунгуз довольно быстро привык к водолазному аппарату и часто сопровождал Конобеева в его подводных путешествиях. Иногда они выходили на берег. Конобеев снимал там с себя и Хунгуза водолазные аппараты, оставляя их в сторожевой будке, вынимал припрятанные в пещере ружье, сумку, патронташ и отправлялся на охоту, чтобы снабдить обитателей подводного жилища свежим мясом. Хунгуз сопровождал Конобеева, выслеживая дичь. Когда ягдташ Конобеева был полон, старик и собака возвращались на берег. Здесь Конобеев надевал себе и собаке аппараты, клал настрелянную дичь в герметически закрывающийся металлический ящик, прятал в пещеру ружье и патроны и возвращался в подводное жилище, нагруженный добычей. Птица складывалась в ледник. Надоедала дичь, и Конобеев принимался за рыбную ловлю. На нем лежало снабжение небольшой колонии рыбой и мясом.

Ловить рыбу не представляло труда. Она сама шла на свет фонаря. Хунгуз, переселившись под воду, вначале только пугал рыб, но Конобеев скоро приучил его к новой охоте. И теперь Хунгуз или спокойно лежал у ног Конобеева, пока тот, сидя на подводном камне, выжидал добычу, или же загонял рыбу поближе к сети, бегая вблизи освещенного фонарем места. Конобеев устроил особую сеть, которая прикреплялась к дуге. Один из концов этой

дуги, поставленной вертикально, Конобеев держал в руке, сидя спокойно и неподвижно. Как только рыбы набиралось достаточно, Конобеев вдруг гасил свет и быстро накрывал сетью рыб, наклоняя дугу до земли. Затем он задергивал сеть снизу — и рыба, таким образом, оказывалась не только пойманной, но и «упакованной» для переноски домой.

Конобеев хорошо изучил места, где водилась нужная ему рыба. Иной раз он поднимался ближе к поверхности, где обитала мелкая рыбешка, но там было достаточно светло и днем рыбу нельзя было заманить на огонь. Мелкую рыбку приходилось ловить ночью. Хунгуз скакал по окрестностям, будоража рыбу волнением воды. Рыбки, завидев свет, плыли к нему, где и попадались в сети.

Иногда старик отправлялся в подводные низины и там ловил рыб покрупнее. На самых крупных рыб он охотился с острогой ночью, и тогда совсем походил на Нептуна. Конобеев особенно любил эти ночные прогулки. Идти приходилось очень тихо, чтобы не спугнуть рыб колебанием воды, которое они чувствовали на очень далеком расстоянии. Фонарь не зажигался. Хунгуз шел позади хозяина. Иногда рыбы, испуганно шарахаясь в заросли водорослей, задевали хвостом по лицу или плечу Конобеева. Хунгуз боязливо взвизгивал или ворчал в своем скафандре.

Придя на место лова, Конобеев зажигал фонарь, постепенно усиливая свет. Завидев — иногда в нескольких шагах от себя — огромную рыбищу чуть ли не в центнер весом, он осторожно подкрадывался к ней сзади, потому что боками — наибольшей площадью своего тела — рыба скорее чувствовала угрожающее волнение дотоле спокойной воды и одним движением скрывалась в густых зарослях.

Конобеев не переставал удивляться силе и ловкости рыб. Он выходил один на один на медведя и всегда оставался победителем. Но с рыбой своего роста Конобеев не всегда мог справиться. Чаще она вырывалась вместе с острогой, нередко тянула старика за собой в продолжение нескольких километ-

ров и сдавалась, лишь совершенно обессилев. Подчас между ним и рыбой происходило настоящее единоборство, во время которого Хунгуз прыгал вокруг Конобеева, сжимавшего рыбу в объятиях, и отчаянно лаял в скафандре. Прижимая рыбу одной рукой, Конобеев другой вынимал нож и приканчивал добычу, вонзая его в сердце.

Для приманки мелких рыб Конобеев пользовался не только светом, но и запахами. Он заметил, что некоторые маленькие рыбки очень любят запах мяты. Конобеев нарвал много мяты, растущей на берегу, и натирался ею перед тем, как идти ловить рыбку. Ванюшка долго не мог понять такую странность: когда он отправлялся бродить по дну океана вместе с Конобеевым, то к старику — и только к нему — приплывало несметное количество мелкой рыбешки, которая буквально облепляла его, как туча комаров. Он мог бы ловить их руками.

— Почему они к тебе так лезут? — удивленно спрашивал Ванюшка.

— Слово такое знаю, — улыбаясь, отвечал Конобеев.

Однажды во время рыбной ловли произошел случай, который надолго остался в памяти и Конобеева и... Хунгуза. Конобеев сидел на подводной поляне с сетями в руках и горящим фонарем на голове. На этот раз рыба шла плохо. Даже для такого знатока-рыболова, каким был Конобеев, не все было ясно в поведении рыб. Почему на одном и том же месте вчера их было много, а сегодня совершенно нет? Куда ушли они? Что напугало их или привлекло на другое место? Конобеев знал сезонные передвижения рыб. Знал он и о постоянных передвижениях рыбных стад с места на место в поисках лучших подводных «лугов», более изобильной пищи. Рыбы передвигались, как стада овец или диких лошадей по первобытным степям. Хищная рыба следовала за мелкой. Иногда крупные хищники заставляли бежать целые полчища мелких рыб далеко на юг или север. В воде, как и на земле, был свой круговорот; весы жизни и смерти вечно качались, уравнивая биологи-

ческое равновесие. Обо всем этом Конобеев мог бы рассказать много интересного. Но все же и для Макара Ивановича было многое непонятно. Почему эта подводная долина сегодня похожа на город, покинутый своими жителями?.. Придется переменить место. Конобеев тронул ногой Хунгуза, покойно лежавшего возле него, поднялся и отправился в путь, погасив фонарь. Места были знакомые, и понапрасну не было нужды тратить электрическую энергию аккумуляторов. Хунгуз шел впотьмах, ориентируясь по движению воды конобеевского кильватера.

Макар Иванович спокойно прошел несколько сот метров и вдруг почувствовал, что почва под ногами изменилась. Казалось, на гладком доселе пути кто-то разбросал камни или большие створки раковин. Подошвы тяжелых водолазных башмаков поминутно наступали на что-то твердое и как будто подвижное. Идти стало трудно. Конобеев почувствовал, как что-то больно ущемило его ногу у лодыжки. Что за оказия? Макар Иванович согнулся, схватил рукой жесткий предмет и на ощупь определил, что это был краб. Зажег фонарь, нагнулся, осветил почву и увидал, что по дну ползло неисчислимое полчище больших и малых крабов. Это было настоящее «великое переселение народов». Крабы шли сплошной массой, направо и налево, впереди и сзади, и никогда еще Макару Ивановичу не приходилось видеть их такое множество. Еще один краб вцепился в ногу. Конобеев отдернул его с такой силой, что зажатая клешня оторвалась от туловища и осталась на ноге. Ее пришлось отрывать отдельно.

Щипками Конобеева не испугаешь. Как пропустить такой случай? Если не идет рыба, то можно наловить крабов. И нет ничего легче. Не обращая внимания на щипки, Конобеев положил на землю сеть. Через несколько секунд она была облеплена крабами. Оставалось только задернуть сетку сверху — и добыча в руках. Но в этот самый момент Конобеев почувствовал, что около его ноги сзади кто-то трется. Макар Иванович осветил место позади себя и увидал почти обезумевшую от боли и страха со-

баку. Крабы насели на Хунгуза сплошной массой, так что его почти не было видно. Пес катался по земле, отбивался лапами, на которых также висели крабы. Еще несколько минут — и его бы заживо растерзали десятиногие раки.

Хунгуза пришлось лечить несколько дней. А когда он вылечился, то еще долго дрожал, выходя на подводную прогулку. Если же ему приходилось увидать хоть маленького краба, пес, поджав хвост, обращался в паническое бегство.

Так постепенно научался он различать опасных и безопасных обитателей моря. Хунгуз делался «старым морским волком».

XIV. ГУЗИК СРЫВАЕТ ПОДВОДНЫЕ АПЛОДИСМЕНТЫ

Семейная драма Конобеева разрешилась благополучно. Марфа Захаровна сделалась завхозом подводного жилища. Впервые за все время существования океана собака разгуливала по подводным равнинам и делала стойку на рыб, дремавших в водорослях. Жизнь на дне океана наладилась.

Но Волков и его товарищи не забывали и о земле. На берегу кипела работа. Гузик на время переселился на землю и руководил работами по постройке химического завода, который должен был добывать из водорослей йод, калийные соли, бром и мышьяк. Работы на берегу и под водой требовали все большего количества людей. Как грибы, вырастали временные бараки для рабочих на пустынном берегу, где еще недавно было веками не нарушимое царство пернатых.

Вокруг химического завода быстро вырос небольшой поселок. Высоко поднялась к небу заводская труба и начала выбрасывать клубы черного дыма. Тишину морского берега нарушил заводской гудок, который был хорошо слышен даже в подводном жилище. Бараки для рабочих растягивались длинной полосой вдоль берега — граница подводного совхоза все дальше заходила на север и юг.

Волков и Ванюшка ежедневно наносили на план все новые и новые гектары подводных плантаций. Им приходилось то пробираться по густым зарослям, пуская иногда в ход нож, чтобы проложить себе путь, то бродить по голой, обнаженной каменистой почве. На такой почве спорам водорослей негде было зацепиться, и здесь растительности не было. Но Волков собирался «засеять» и эти бесплодные равнины. Надо было лишь придумать машину для пробивания в гранитном дне небольших дыр, в которые можно было бы вставлять пучки ветвей. Ветви задержат споры, и водоросли быстро вырастут. Придумать такой механический заступ должен был все тот же Гузик, присяжный изобретатель подводного совхоза.

Теперь, проходя из подводного жилища на работу, они встречали под водою многочисленных рабочих, которые медленно ходили в водолазных костюмах, напоминая фантастических марсиан. Рабочие собирали водоросли в небольшие тюки, связывали и прикрепляли к крюку на конце веревки, опускавшейся сверху. Затем они дергали за веревку, и водоросль поднималась на борт лодки или большой барки. Караван таких барок выводился в океан буксирным пароходом, который расставлял их одну за другой на протяжении нескольких километров. Барки становились на якорь и спускали лодки. Вечером по окончании работы нагруженные доверху барки вновь собирались буксирным пароходом и отводились к берегу, где их разгружали. Вся добыча поступала на завод. Такой способ добывания был более удобен, чем японский.

Японцы не могли чисто «косить» водоросли своими примитивными баграми и шестами. После них еще много водорослей оставалось на дне. Притом водоросли росли на глубине, которая превосходила длину шестов, и были для них совершенно недоступны. Водолазы же могли спускаться на значительную глубину, добывая таким образом еще никем никогда не использованные богатства подводного мира.

Но Ванюшку не удовлетворял и этот способ добывания водорослей водолазами вручную. Он мечтал о подводных косилках. И Гузик обещал ему спроектировать их, когда наладит производство на химическом заводе.

Когда Ванюшка поднимался со дна на поверхность, его всегда поражали шум и суета надводного мира. В воде гораздо тише. А здесь! Неистово кричат чайки, жужжит паровая лесопилка, перекликаются рабочие, стучат топорами, заготовляя пучки ветвей... Все еще первобытным способом, вручную. Ванюшка хотел бы механизировать все, что только можно. Поймав Гузика, который возился в химической лаборатории над установкой перегонного куба, Ванюшка начал упрашивать, его, чтобы тот поторопился с косилкой.

— Будь другом, поспеши! И еще я просил тебя сделать заступ, который мог бы в граните ямки делать. Динамитом, чем хочешь, только чтобы скоро и хорошо. И еще... подожди, куда же ты? И еще надо придумать машину ветви рубить и вязать. Вручную мы далеко не уедем.

Гузика отрывали другие рабочие, и Ванюшка, безнадежно махнув рукой, крикнул на прощанье:

— Приходи хоть обедать к нам под воду! Тут с тобой и поговорить не дадут.

— Ладно! — отвечал Гузик и спешил в котельную.

В тот день за обедом Гузик казался задумчивее обычного. Ванюшка убеждал его скорее изготовить механический заступ, а Гузик как будто не слыхал. Он ел морскую капусту, приготовленную Марфой Захаровной, и неопределенно мычал. После обеда Гузик коротко предложил всем мужчинам отправиться вместе с ним. Зачем, куда — на эти вопросы он не дал никакого ответа. Эта таинственность заинтересовала Ванюшку. Наверно, что-нибудь опять новое выкинет Гузик.

Марфа Захаровна и Пунь остались дома хозяйничать, а мужчины, надев водолазные костюмы, вышли из подводного жилища. День был сумрачный, и при-

шлось тотчас зажечь фонари. Гузик жестами показал, чтобы все стояли неподвижно и ждали его, а сам отправился за дом. Прошло несколько минут, и вдруг с другой стороны дома, откуда никто не ожидал, вспыхнул яркий свет. Ванюшка направил в ту же сторону свет своего фонаря и увидал необычайное зрелище: Гузик выехал на каком-то странном экипаже, полутракторе-полутанке, на гусеничном ходу. Ванюшка бросился к своему другу-изобретателю и начал осматривать экипаж.

Да, это был подводный трактор — «заступ», о котором Ванюшка так долго мечтал. На машину были направлены все фонари, и Гузик начал демонстрацию.

Он проехал мимо них и потом показал рукою позади себя. Трактор оставил в почве полосу углублений — по пяти в ряд, — идущих несколько вкось. Ванюшка пригляделся, как трактор роет ямы. Сзади машины виднелись пять металлических стержней, которые последовательно, слева направо, поднимались, опускались, захватывали пальцами-скребками куски земли и выбрасывали ее в сторону, оставляя в почве ровные, узкие и довольно глубокие ямы. Но это было еще не все. Гузик, сорвав подводные аплодисменты, уехал за дом и через некоторое время вернулся оттуда на той же машине, нагруженной пучками веток. Он проехал по целине. На этот раз трактор не только выкапывал ямки, но и садил в них пучки кустов. Это было великолепное зрелище. Гузик ездил по гладкой почве, и везде, где он проезжал, тотчас «вырастал» кустарник.

— Браво! — закричал Ванюшка.

Но его никто не слыхал, кроме его самого. Тогда он подбежал к трактору, уселся рядом с Гузиком и начал аплодировать перед самым его лицом. Тот сразу не понял этого жеста и даже немного растерялся. Затем Ванюшка схватил слуховую трубку Гузика и крикнул:

— Молодец, Микола! На ять сделал, фут возьми! Теперь ты только придумай такой заступ, чтобы гранит ковырять можно было.

Гузик махнул головой и пригласил всех следовать за ним. Ванюшка, имея в виду сопротивление подводной среды, не утерпел и уселся на трактор, который двигался довольно быстро. Он хорошо брал всякие неровности почвы и, как настоящий маленький танк, бесстрашно нырял в ложбины и влезал на бугры. Ванюшке приходилось наклоняться вперед, как при сильном ветре. Вот и ровное плато, лишенное водорослей. Маленькая подводная пустыня. Выход горной породы. Трактор быстро пробежал по каменистой почве и остановился. Металлические стержни-руки поднялись, а на смену им из-под трактора выдвинулись пять буравов, которые начали быстро сверлить дыры в каменистой почве. Правда, эту быстроту нельзя было сравнить с быстротой копки ям: там вся работа шла на ходу, здесь же приходилось периодически останавливаться, сверлить камень и снова подвигаться вперед на несколько десятков сантиметров, чтобы опять сделать остановку. Но все же это был большой успех.

Закончив опыты, вернулись в подземное жилище. Ванюшка обнял и расцеловал Гузика. Но тот не был склонен к изъявлению нежных чувств. Отстранив от себя Ванюшку, он сказал:

— Вот видишь, я все сделал, о чем ты просил меня. Но, пожалуй, мы сможем обойтись без сверления ям в граните. Это все-таки дорогонько стоит. Вот когда пустим в ход вторую электростанцию, тогда дело другое. У нас будет дешевая энергия.

— А как же быть с подводными бесплодными каменистыми равнинами?

— Это тебе скажет Волков, мы уже беседовали с ним, — ответил Гузик.

— Бесплодные равнины можно превратить в цветущие, если можно так выразиться, поля иным способом, — ответил Волков. — Есть вид водорослей, который в Японии называется «фунори». Японцы разводят фунори как раз на каменистой почве таким образом. Они бросают на дно камни, преимущественно горные, так как горные камни более шероховатые, чем морские, обточенные уже водой. Этих

камней с шероховатой поверхностью, оказывается, достаточно для того, чтобы задержать, закрепить споры фунори. И водоросль быстро начинает разрастаться на камнях. Набросать камней, пожалуй, будет дешевле, чем сверлить дыры. Впрочем, мы можем использовать оба способа. Во всяком случае, в пределах нашей досягаемости, а вернее, в тех пределах, до которых простираются морские водоросли, мы не оставим ни одного сантиметра неиспользованным. Но в первую очередь мы будем эксплуатировать то, что, как говорится, лежит под руками. Ведь мы еще не собираем и десятой части даже естественно растущих водорослей.

— Вот так, фут возьми, Семен Алексеевич! Сколько же мы сможем заготовить водорослей?

— Думаю, что через год-два мы обгоним американцев. Могу поручиться за то, что будем получать несколько миллионов долларов дохода в год. Но об этом мы еще успеем помечтать. А сейчас пойдем-ка с тобой, Ванюшка, на работу. Сегодня нам еще много надо пошагать!..

XV. ПОД ВОДЯНЫМ ОДЕЯЛОМ

Постепенно удаляясь все более на север, Волков и Ванюшка исследовали площадь дна, покрытую водорослями, чтобы взять на строгий учет эти естественно растущие богатства.

Здесь было довольно глубоко, и потому приходилось работать в полном водолазном костюме со скафандром. Костюм замедлял движения, но зато в нем легче дышалось — вода не давила на грудную клетку, а поэтому и усталость чувствовалась меньше. Но Ванюшка был «болен темпами». Медлительность мучила его, причиняла почти физическую боль.

— Много времени на переходы теряем, — говорил он. — Какие же это темпы! Надо бы заказать Гузику изобрести подводный автомобиль, что ли.

В самом деле, на этот раз они зашли очень далеко. Здесь не встречались рабочие-водолазы, срывав-

шие капусту, зато было очень много рыб, быть может перекочевывавших сюда из вод подводного совхоза, где стало слишком беспокойно.

«Конобеева бы сюда», — подумал Ванюшка, поражаясь необычайному количеству рыб. Треска шла густой массой. С ее необъятным количеством можно было сравнить лишь темные тучи роев саранчи. Рыбы, кем-то напуганные, метались как обезумевшие, наскакивая друг на друга. Даже сильный свет фонаря их не пугал. Они бились в стекло скафандра, подплывали под руки, словно в поисках спасения. Потом вся масса вдруг повернула вправо, на восток. Прошло не менее получаса, пока «горизонт» не очистился от этого необычайного скопления рыб.

— Уф, фут возьми, даже дыфать как будто легче стало! — сказал Ванюшка. — Вот она, валюта! Тыщи, миллионы на свободе ходят, сами в руки идут. Возьмите нас! Эх! Надо бы добраться скорее и до этого добра. А это еще что такое?..

Какой-то шест коснулся скафандра Ванюшки и быстро поднялся. Ванюшка хотел схватить за конец, но Волков остановил его.

— Гаси фонарь! — сказал Волков. — Это, наверно, рыбаки или ловцы водорослей. Они заметили свет в глубине воды, а может быть, увидели нас и испугались.

— Нашим нечего пугаться! — ответил Ванюшка. — Наши рыбаки знают, что теперь под водой водолазы с фонарями ходят. Испугаться могли только японцы, которые нашу капусту воруют. Дай-ка я выплыву на поверхность да гляну.

Ванюшка нажал кнопку у аппарата, и водород, получившийся при электролизе воды для добывания кислорода и обычно выпускавшийся наружу, начал надувать резиновый баллон, который поднял Ванюшку на поверхность.

В десятке метров от Ванюшки, покачиваясь на волнах, стояла японская лодка, тупоносая, расписанная по краям красными узорами. Два японца смотрели на берег и не видели Ванюшку. Ванюшка решил посоветоваться с Волковым, как наказать хищ-

ников. Он выпустил из баллона водород и опустился вниз, влекомый тяжестью грузил в подметках.

— Японцы, — сказал он Волкову. — Давайте проучим их! Поднимемся и выдернем весла из их рук. Нет, это не годится. Их унесет в океан, и они могут погибнуть. Ведь они только рабочие. Я знаю — это лодки Таямы. Я просто уцеплюсь за их шест, если они еще опустят его. Вот он! — Ванюшка схватил конец шеста.

Шест задвигался и медленно пошел вверх вместе с Ванюшкой. Японец решил, что на конце шеста хорошая добыча — большой пук водорослей. Каково же было его удивление, когда из воды показался скафандр водолазного костюма! Ванюшка подплыл к лодке и жестами дал понять, что он перевернет лодку, если они не уберутся отсюда немедленно.

Японцы тотчас же взялись за весла и поплыли прочь.

Ванюшка был очень взволнован этой встречей. Вернувшись домой, он заявил Волкову:

— Семен Алексеевич, они продолжают воровать народное достояние. Я не могу допустить этого. Мы должны устроить сторожевой пост. Я сам буду сторожить. Если нас сейчас обкрадывают, то что же будет, когда мы насадим капусту на мелких местах? Их надо проучить. Я сейчас вызову Гузика по телефону с берега и поговорю с ним.

Когда Гузик явился, Ванюшка изложил ему свой план. Территория подводного совхоза все расширяется. За этой территорией тянутся пространства, никем не охраняемые. Необходимо улучшить подводную охрану. Для этого нужно выстроить подводную сторожку в нескольких километрах к северу от главного подводного жилища. В сторожку переселятся Ванюшка и Конобеев.

— Марфа Захаровна будет против! — перебил Волков. — Нельзя так: зазвать старушку под воду и оставить одну.

— Мы будем меняться с ним дежурствами. Макар Иваныч и теперь днями пропадает. Необходимо провести телефон.

— На такое расстояние проводить телефон трудно, — возразил Гузик. — Ведь в воде приходится изолировать провода. Необходимо, значит, прокладывать кабель. Это стоит недешево. Притом за кабелем нужно смотреть. Его могут повредить и морские животные и люди. Удобнее поставить небольшие радиостанции на короткой волне. Вода передает радиоволны. Одного аккумулятора хватит надолго, чтобы питать радиостанцию. Таким образом можно установить связь между отдаленнейшими уголками подводного совхоза.

— Еще одно надо, — продолжал Ванюшка. — Вот случится тревога. Я вызову вас радиосигналом. А пока вы доберетесь до меня, меня двадцать раз могут убить, и рыбы съедят, ничего не останется. Изобрети ты, пожалуйста, подводный автомобиль. Ведь если ты электричеством обеспечен, то чего проще! Я так думаю, тут и изобретать нечего, разве только гусеничный ход приладить. Дорог, правда, под водой еще нет хороших, но со временем мы и шоссе проведем. Полный Автодор, одним словом.

— С автомобилем ничего не выйдет. Шоссе провести, дорогой мой, не так-то легко. Под водой есть и горы, и пропасти, и расщелины, и обрывы, и болота. Попробуй проложить дорогу да мосты построить! — возражал Гузик. — Все деньги ухлопаешь, а скорости настоящей не достигнешь. Положим, можно сделать кузов автомобиля в виде хорошо обтекаемого тела рыбы. Но колеса все-таки будут вязнуть. В подводное болото влезешь — не вытащишь машину. Ты прав в одном отношении: изобретать мне действительно почти ничего не приходится. Мне остается только использовать величайшее изобретение нашей советской техники — наш маленький, но мощный аккумулятор. Немного конструктивной выдумки — и задачу подводного транспорта мы разрешим, не прибегая к постройке автомобиля. Достаточно взять обыкновенный винт, какой применяется в моторных судах, только поменьше, и укрепить его... на твоей голове. И винт потянет тебя за мое почтение!

— А голову не оторвет? Ты смотри у меня, Гузик!

— Не оторвет. Аппарат можно укрепить у плеч, но винт выдвинуть впереди головы, так что ты будешь разрезать воду твоим медным лбом.

— Ты не ругайся, Гузик. Медные лбы только у твердолобых. А сопротивление воды? Наше тело не похоже на тело рыбы.

— Сделаем особый плащ из полужесткого материала, который придаст обтекаемую форму твоему телу. И ты помчишься вперед...

— С какой скоростью?

— Да хоть бы и сотню километров в час!

Ванюшка был в восторге. Однако ждать, пока будет выстроена сторожка, поставлена радиостанция и изготовлен винтовой двигатель, он не мог. Не терпелось! И Ванюшка решил отправиться на дежурство в ту же ночь, чтобы рано утром быть на месте.

— Я возьму несколько запасных аккумуляторов, и мне хватит кислорода на несколько дней. Возьму пресной воды и запас пищи в резиновый мешок. Когда захочу есть или пить, всплыву на поверхность, выйду на берег, позавтракаю — и снова в воду. Если что случится, буду стучать камнями.

Простившись с товарищами, он отправился в путь. Было темно. Ванюшка зажег свой фонарь и время от времени посматривал на компас, прикрепленный сверху резиновой перчатки.

Ступив несколько шагов влево, начал вдруг медленно падать куда-то в бездну. Хорошо, что это случилось в воде. Будь это на земле, Ванюшка разбился бы вдребезги. Да и водолазный костюм кстати: падая в морскую бездну, юноша не рисковал утонуть.

Чем ниже, тем медленнее «тонул» Ванюшка. Свет его фонаря освещал каменную отвесную стену и длинные веревкообразные стебли подводных растений. Ванюшка ухватился за одну из этих веревок. Она медленно начала опускаться вместе с ним. Однако надо же подниматься вверх! Ванюшка взмахнул руками — и остался на месте. Веревка опутала его ноги. Он согнулся и начал развязывать ее. Не под-

дается. Ножом ее! Ванюшка вынул кортик. Ах!.. Кортик выскользнул из рук и нырнул вниз, блеснув, как рыба.

Без ножа плохо и опасно. Вдруг откуда-нибудь вылезет осьминог. Надо опуститься еще ниже и найти кортик.

Ванюшка с трудом разорвал стебли водорослей и осторожно опустился. Вот он и на дне. Угрюмое подводное ущелье меж скал. Внизу — среди водорослей — целое кладбище лодок, рыбачьих баркасов, шхун... Человеческие ребра, черепа... Куски мачт, железная острога, гарпун, якорь, еще якорь... А вот и оброненный кортик. Здесь совсем не видно рыб. Почему бы это? Зато на дне много рыбьих скелетов. Странное подводное рыбье кладбище! Почему здесь не водится рыба?.. Вот одна показалась вверху. Она мечется, словно попала в сети... Вот она исчезла во тьме водяного «неба». Вот другая, нет, та самая. Она едва ворочается, лежит на боку, опускается. Отравлена!.. Быть может, здесь имеются газы, отравляющие рыб, как в знаменитой Собачьей пещере в Италии? Углекислота?!. Хорошо, что Ванюшка в водолазном костюме. Но и ему как будто становится тяжело дышать в этом жутком ущелье смерти. Скорей наверх!.. Ванюшка собирает в баллон водород и всплывает.

Ночь. Небо чистое. Звезды. Волны качают Ванюшку. Он уже привык к их баюканью. Он может даже уснуть на волнах. Но что это? Волна вдруг бросает его и пребольно ударяет обо что-то. Берег далеко. Что же это может быть здесь? Ни лодки, ни буя. Ах вот оно что! Когда волна спала, Ванюшка увидал обнажившийся черный утес. Так вот отчего внизу так много погибших судов! Этот опасный подводный утес — вершина подводного горного пика — погубил уже не одно судно.

Ванюшка опускается вниз и идет по неровной почве. Опять лес водорослей. Здесь очень глубоко. Самое подходящее место для ловли. И далеко от совхоза. Ванюшка решает здесь прождать до утра. Еще рано. Он смотрит на часы, прикрепленные к правой

руке. Два часа ночи, а вышел он в девятом часу вечера. Почти шесть часов в пути! Надо отдохнуть! На этом песке хорошо уснуть. Ванюшка не без труда ложится, обматывает вокруг себя водоросли и, легонько покачиваясь, засыпает сладким сном. Он так храпит в своем скафандре, что рыбы пугаются. Даже крабы, подозрительно косясь, боком пятятся подальше в сторону. Ванюшка может спать спокойно. Одежда его крепка и надежна, кислорода хватит на много часов. Почему бы и не проспать ночку под водой, как спят рыбы?

XVI. ВАНЮШКА-ДИПЛОМАТ

Проснулся он от усиливающегося покачивания. Начинался прилив. Ванюшка лежал на мелком месте, где вся масса воды перемещается вперед во время приливов и отливов. Открыл глаза. Утро. Поверхность воды чуть-чуть розовела от солнца. Над самой головой Ванюшки маячило темное пятно. Это дно лодки.

Ванюшка сразу вспомнил, зачем он сюда пришел. Разорвал водоросли, всплыл на поверхность и увидел лодку, нагруженную бурыми водорослями, и в ней двух японцев. Еще несколько лодок медленно передвигались вдоль побережья, а в открытом океане стояла большая шхуна Таямы Риокици. Ванюшка подплыл к лодке и потребовал, чтобы его доставили на шхуну. Но японцы не поняли — или не пожелали понять — его мимического языка. Ванюшка погрозил им кулаком и направился к шхуне.

Подплыв к корме, он ухватился за якорную цепь и начал делать знаки матросам, стоявшим на борту. Поднялась суета. К борту подошел японец в резиновом плаще и кожаном шлеме. Японец пристально посмотрел на Ванюшку, потом сделал знак, приказав матросам, чтобы они подняли его. Ванюшке бросили конец троса и подняли на палубу. Он быстро снял с головы скафандр и обратился к японцу в плаще и шлеме:

— Вы Таяма Риокици?

Один из матросов тотчас перевел этот вопрос.

— Нет, — отвечал японец в плаще. — Я шкипер господина Таямы. А кто вы и что вам надо?

— Мне надо видеть Таяму, а зачем — вы сами можете догадаться. Вы ловите водоросли у наших берегов.

Японец минуту подумал и быстро сказал что-то матросу по-японски. Матрос кивнул и убежал.

— Прошу обождать! — сказал шкипер, любезно улыбаясь в то время, как глаза его были суровы.

Скоро матрос вернулся, скороговоркой передал что-то японцу. Тот, улыбаясь еще любезнее, сказал Ванюшке:

— Господин Таяма Риокици просит вас к себе. Но вам удобнее будет, если вы снимете ваш водолазный костюм.

Ванюшка подумал. Одет он был более чем легко. Не уронит ли он советский престиж, если явится к Таяме в одних трусах? Ведь он, Ванюшка, выступает в важной роли дипломата. Вдобавок он совсем не желает, чтобы ему приказывали.

— Мне так удобно, — ответил он японцу. — Визит мой не продлится долго. Если Таяма опасается, что я наслежу в его каюте, то мы можем встретиться с ним здесь, на палубе.

Японец в шлеме опять послал матроса к Таяме. Наконец эти предварительные дипломатические переговоры о месте конференции окончились: Таяма просил Ванюшку пожаловать к нему в каюту, не стесняясь костюмом. Ванюшка отправился в своем водолазном костюме, оставив на палубе только скафандр. Правду сказать, водолазный костюм не создан для визитов. На суше он тяжел, в особенности его свинцовые подошвы. Ванюшка с трудом передвигал ноги, спускаясь по узкому трапу.

Каюта капитана была устроена внутри шхуны и освещалась только фонарем, висевшим у потолка. Посредине комнаты сидел, поджав ноги, толстый человек с лицом Будды. Трудно было сказать, сколько ему лет, весел он или печален, — бронзовая мас-

ка лица была непроницаема. На нем было надето два халата — нижний — белый с отворотами, открывавшими тучную шею, и верхний — голубой, с широкими рукавами. Полы халата на коленях были подвернуты в виде валика. Будда сидел, опустив глаза на ковер и склонив голову, как будто он глубоко задумался или молился.

Ванюшка остановился у двери и зорким взглядом окинул комнату. Направо виднелась узкая дверь, а за нею — самая обыкновенная «европейская» каюта.

И еще одно увидал Ванюшка: из-за двери в капитанскую каюту выглядывала хорошенькая, на вид совсем юная японка с косо посаженными миндалинками черных глаз, коротко остриженная. На японке была матроска и короткая синяя юбка, на ногах — легкие европейские туфли. Девушка смотрела на Ванюшку с полудетским-полуженским любопытством. Ванюшка улыбнулся и весело мигнул ей.

Будда, очевидно умел, глядя на пол, видеть, что́ делается вокруг. Он неожиданно проговорил несколько японских слов, после которых японочка, улыбнувшись в ответ на приветствие Ванюшки, скрылась за дверью и прикрыла ее.

— Прошу вас, садитесь, — сказал Таяма по-русски и довольно правильно.

— Я вижу гражданина Таяму Риокици? — спросил Ванюшка, не без труда усаживаясь на подушку в своем водолазном костюме.

Таяма еще ниже наклонил голову и сказал:

— Вы видите перед собою вашего покорнейшего слугу. Я сам и моя шхуна в вашем распоряжении. Если вы пришли ко мне по делу, то дело не уйдет. Вы мой гость, и вы должны осчастливить меня, разделив со мною утреннюю трапезу.

В капитанской каюте опять мелькнула матросская блузка японки. Ванюшке очень хотелось вновь подмигнуть ей, но положение обязывало, и дипломат только повел бровью. Таяма, как ожившая статуя, принял с колен руки и налил из бутылки две рюмки.

Тонкий аромат прекрасного рома наполнил комнату.

— Благодарю, не пью! — сказал Ванюшка, поднимая руку. — И вообще я хотел бы поговорить раньше о деле.

Будда опять превратился в статую. Потом в его руках неожиданно появился веер, которым Таяма начал обмахивать свое лицо, хотя в каюте не было жарко. Быть может, это был только хитрый маневр. И в самом деле, Ванюшка засмотрелся на «фокусный» веер, произошла пауза, которой воспользовался Таяма. Не давая говорить Ванюшке, он начал говорить сам: жаловаться на плохие времена, на перенаселенность Островов, на безвыходное положение тысяч японских семейств.

— Я не спрашиваю, кто вы и зачем пришли. Я знаю это. Вы вправе требовать, чтобы мы ушли от ваших берегов, и мы уйдем. Но не судите нас строго. Мы берем лишь то, что вы сами не используете. Зачем богатствам пропадать напрасно, если ими можно накормить голодных? Сравните наши страны. Япония имеет всего триста восемьдесят пять тысяч квадратных километров, а у вас один Дальневосточный край раскинулся на площади в два миллиона семьсот семнадцать тысяч семьсот квадратных километров. У нас на одном квадратном километре теснятся полтораста человек, а у вас не приходится и одного — ноль и семь десятых. Можно ли судить нас строго? Но я вижу, я знаю, вы устраиваете подводный сосвос... сос... совхоз. Вы хотите использовать ваши богатства так, как они никогда не использовались раньше. И мы не будем мешать вам. Мы уважаем собственность. Не трудитесь убеждать меня. Я сейчас же дам распоряжение ловцам, чтобы они снимались с якоря. Я больше не буду плавать у ваших берегов. Можете передать это вашим товарищам: товарищу Волкову и другим уважаемым товарищам.

Ванюшка был удивлен и раздосадован.

Удивлен тем, что Таяма так хорошо обо всем осведомлен и знает организаторов подводного совхоза даже по фамилиям. Раздосадован же тем, что победа досталась слишком легко, что Таяма сдался

без боя, что он своим фокусом с веером сумел вырвать инициативу в ведении переговоров, сказал все, что ему было нужно, и поставил Ванюшку в такое положение, когда тому не о чем больше было говорить. Катись, мол, колбасой — и только. Конечно, Ванюшка не дипломат. Но провести себя он не позволит и в обиду не даст. Надо на прощанье по крайней мере сказать откровенно, что́ он о Таяме думает. Пусть скиснет от этих слов! Тоже — ромом задобрить хотел!

— Так вот что, гражданин Таяма, — сказал Ванюшка. — О вашей тесноте мы сами очень даже хорошо знаем. Но только мы знаем еще, что и в Японии не всем тесно живется. Есть там худые, а есть даже и очень толстые. Вы о себе заботитесь, а не о бедноте. А вот когда японский пролетариат свернет вам шею, тогда мы с ним поговорим особо, у нас с ним будет отдельный разговор. С ними, с бедняками, мы всегда сговоримся и, может быть, эти земли им отдадим, потому что наш Союз — родина всех пролетариев. А пока вы в Японии хозяева, мы вас не допустим у наших берегов хозяйничать.

Ванюшка поднялся и, довольный собой, вышел из каюты. Тяжело ступая, он начал подниматься по ступеням.

Таяма, сохранивший в продолжение всей Ванюшкиной речи неподвижность статуи, трижды ударил в ладоши. Мимо Ванюшки стрелой промчался матрос. В следующую минуту несколько матросов, спускавшихся по трапу, с поразительной для них неловкостью сбились в кучу на узенькой площадке и, всячески извиняясь, задержали Ванюшку по крайней мере на две-три минуты. Наконец ему удалось выбраться на палубу.

Матрос, который обогнал его на трапе, держал в руках его скафандр, а шкипер внимательно рассматривал. Ванюшка подошел к ним и протянул руку к скафандру. Шкипер через переводчика сказал Ванюшке, что в скафандре имеется повреждение и что поэтому гостю лучше не покидать судна, пока повреждение не будет исправлено.

— Никакого повреждения в скафандре нет, — ответил Ванюшка. — Давайте его сюда.

Но, взяв скафандр в руки, Ванюшка увидел, что сбоку действительно имеется небольшое углубление, сделанное каким-то режущим предметом. Сквозной дыры еще не было, но все же вода могла проникнуть внутрь, в особенности при некотором давлении. В таком скафандре нельзя опускаться на дно. Ванюшка готов был поклясться, что этого повреждения не было в то время, когда он поднимался на палубу. Снимая скафандр, он не мог не заметить изъяна на блестящей гладкой поверхности аппарата. Ванюшка подозрительно посмотрел на шкипера японца.

— Что это значит? — спросил он.

— Вероятно, вы ударились под водою об острую скалу, — ответил японец. — Но это пустяки. Наши мастера быстро поправят повреждение. Вам придется немного погостить у нас.

Погостить на шхуне после того, как он высказал откровенное мнение о Таяме, не очень-то улыбалось Ванюшке. Но делать было нечего. Бросать водолазный костюм он не хотел, до берега доплыть не легко...

— Если вы не хотите снять костюма, то я советовал бы вам по крайней мере снять ящик со спины и грузила с ног, — предложил шкипер.

Это был неплохой совет. В конце концов почему бы и не снять ранца и грузил?

— А скоро починят скафандр?

— Я полагаю, что на это уйдет не больше часа, — ответил японец. — Здесь ветрено. Быть может, вы сойдете в кают-компанию?

XVII. СТАРЫЕ СЧЕТЫ

Ванюшка сбросил ранец и грузила и, не снимая костюма, отправился в кают-компанию. Кок принес ему на подносе печенье, уже знакомую бутылку рома и стакан чаю, поклонился и вышел. В кают-ком-

пании никого не было, чему Ванюшка был рад. Он покосился на бутылку и отставил ее, чай же выпил не без удовольствия. «Этим ты меня не подкупишь!» — думал он о Таяме.

Поскучав полчаса, он решил подняться на палубу. Но в этот самый момент в каюту вошла молодая японка, уже в японском национальном костюме — в розовом кимоно и маленьких шитых золотом туфельках. В руках она держала грушевидную четырехструнную гитару с бледно-розовой лентой у колков. За нею появился матрос-переводчик, который сказал, обращаясь к Ванюшке:

— Господин Таяма Риокици просил передать уважаемому гостю, что он приказал своей дочери поиграть — занять уважаемого гостя музыкой и пением, чтобы уважаемому гостю не было скучно, пока чинят его скафандр. — И, низко поклонившись, матрос вышел, прикрыв дверь.

Ванюшка злился на себя, на Таяму, на маленькую японку.

Японка между тем, приветливо улыбаясь и приседая, подошла к стулу, уселась, положила на колени гитару с месяцеобразными прорезами в деке и начала играть при помощи тонкой треугольной костяной пластинки — плектрона, как играют на мандолине. Взяв несколько аккордов, она запела. Звуки инструмента были очень нежные, а маленький голосок девушки еще нежнее. Она пела какую-то сладко-грустную песенку. Ванюшка не понимал слов, но он понял, что это была песня о неразделенной любви.

Ванюшка положил голову на ладонь, оперся о стол и заслушался...

Какие-то голоса, как будто спорившие, привели юношу в себя. В его душе вдруг зародилось беспокойство. Не заманил ли его хитрый Таяма в ловушку? Быть может, его скафандр и ранец с аккумулятором и аппаратом, вырабатывающим кислород, будут спрятаны, а Ванюшку посадят под замок! Он вдруг поднялся так резко, что японка уронила плектрон и оборвала пение, сердито посмотрел на испу-

ганную девушку и, едва не сбив с ног матроса, стоявшего за дверью, выбежал на палубу.

Шкипера не было. Матросы поднимали на палубу шлюпки и лодки. Таяма, по-видимому, сдерживал слово и собирался уходить. Но ведь он может захватить с собою в качестве пленника и Ванюшку!

— Где мой ранец? Где шкипер? — набросился Ванюшка на матроса, но тот не понимал по-русски и только пожимал плечами.

Матрос сделал шаг, чтобы позвать шкипера, но Ванюшка остановил его. Быстро сбежав по ступеням трапа, он направился без предупреждения в каюту капитана. Здесь он застал такую картину. Возле стола стояли шкипер, сам Таяма и молодой матрос с длинным носом и короткими волосами, в очках, похожий скорее на инженера или врача, чем на простого матроса. Все они внимательно рассматривали скафандр и вскрытый аппарат для добывания кислорода. Тут же на столе лежал знаменитый аккумулятор Гузика, а на листе ватмана виднелись наспех сделанные наброски карандашом. Японец в очках снимал чертежи.

— Вы что тут делаете?! — закричал Ванюшка, позабыв о том, что он одинок и беззащитен. — Вы не только нашу капусту крадете, но и наши секреты, наши изобретения?

— Простите, — сказал японец в очках по-русски. — Естественное любопытство. Мы хотели ознакомиться с аппаратом, пока будет чиниться ваш скафандр. Он готов. Вы можете...

— А эти чертежи зачем? — не унимался Ванюшка. — Тоже любопытство? Давайте их сюда! — Он схватил чертежи и засунул их за пазуху в водолазный костюм. — Давайте аккумулятор!

Ванюшка быстро собрал аппарат, надел скафандр, прикрепил дыхательные трубки и вышел из каюты, не говоря ни слова. И, удивительное дело, его никто не задержал. Он поднялся на палубу, надел на ноги грузила и прыгнул за борт, не осмотрев даже, хорошо ли исправлен скафандр. Уже в воде он оглянулся на борт шхуны. Из окна небольшого иллюминатора

выглянуло лицо молодой девушки. Японка улыбнулась и махнула маленькой ручкой, словно выточенной из слоновой кости.

И неожиданно, по какой-то непонятной для него самого ассоциации, Ванюшка вдруг вспомнил девушку, которую он видел в пещере. «Вот та — это да, фут возьми!» — громко сказал он в скафандре. Об-

раз японки побледнел, а силуэт девушки, стоявшей на фоне костра, обрисовался так четко, как будто он видел его на самом деле, Ванюшка крякнул и опустился на дно.

Вернувшись в подводное жилище, Ванюшка рассказал о своем визите к Таяме Риокици. Это было во время обеда. Марфа Захаровна приготовила уток, доставленных с берега ее мужем, и больших крабов. А Пунь угостила пастилой, сделанной из морских водорослей. На этот раз даже Ванюшка похвалил кулинарные способности Пунь.

— Оказывается, она не кухарка, а кондитер. Очень вкусно. И знаете что, Семен Алексеевич? Давайте изготовлять эту пастилу для продажи. Ходко пойдет!

— Это идея, — ответил Волков и спросил Ванюшку, где он так долго был.

Когда Ванюшка упомянул имя Таямы Риокици, Конобеев вдруг так стукнул волосатым кулаком по столу, что запрыгали тарелки, и сказал:

— Убить мало этого паразита! Из-за него я чуть не утоп!

И Конобеев рассказал давнишнюю историю. Оказалось, что между ним и Таямой были старые счеты. Конобеев и Таяма не раз сталкивались во время рыбной ловли.

Еще до мировой войны и революции у Конобеева была небольшая рыболовная артель, а Таяма, богатый купец и промышленник, вел дело на широкую ногу. Его шхуны бороздили воды Японского и Охотского морей, а иногда заплывали и в Берингово море. Рыба, водоросли, морские котики — все это хищнически уничтожалось Таямой у наших берегов. Отсутствие охраны и малочисленность прибрежного населения развязывала руки Таяме, который обнаглел настолько, что не стеснялся ловить рыбу или бить котиков на глазах русских рыбаков и промышленников. Больше того, иногда он вступал с ними в настоящие сражения из-за лучших мест ловли.

Излюбленным приемом Таямы был такой. В свежий ветер одна из его шхун начинала носиться по волнам, как бешеная. Она наскакивала на русские рыбачьи баркасы, зацепляла полуспущенным якорем сети, рвала их или увлекала за собой. Сам Таяма или его штурман ругательски ругали в это время на русском языке экипаж и рулевого шхуны, которые не умели-де обращаться с управлением и не знали своего дела. Перевернув с десяток русских баркасов и изорвав сотни метров сети, экипаж шхуны Таямы укрощал «взбесившееся» судно.

Однажды шхуна Таямы налетела таким образом на баркас, в котором находился Конобеев. В это время он спускал в воду огромную сеть.

Увидав перед собою вырастающую стену борта шхуны, Конобеев поднял вверх огромные кулачищи

и закричал. В голосе его слышались такие громоподобные раскаты и такая убедительная чувствовалась угроза, что даже дисциплинированный рулевой Таямы смутился и начал быстро вертеть колесо штурвала, желая избегнуть столкновения. Но расстояние было слишком малое. Шхуна наскочила на баркас и перевернула его вместе со всеми находящимися в нем рыбаками. Конобеев упал в воду и запутался в сети. И он, вероятно, погиб бы, если бы не счастливая случайность. Сеть зацепилась за полуспущенный якорь шхуны, который и потащил ее за собой. Быстрым движением Конобеева подняло на поверхность; он выхватил нож, которым потрошил рыбу, разрезал сеть и освободился.

Таяма тотчас сделал распоряжение спустить шлюпку и выловить Конобеева. Но Макар Иванович отказался от помощи. Когда шлюпка подплыла к нему и один из матросов протянул руку, Конобеев закричал:

— Прочь руки! Я не приму помощи от убийц! — и поплыл дальше.

Берег едва виднелся вдали, море было бурное. Конобеев выбивался из сил, но продолжал плыть в своих огромных рыбачьих сапогах. Шлюпка следовала издали, надеясь, что он утомится и примет помощь. Скоро Макар Иванович действительно выбился из сил и начал тонуть. Шлюпка немедленно поспешила на помощь. Матрос протянул Конобееву весло, но тот, злобно выругавшись, так сильно рванул его, что маленький японец вместе с веслом упал в воду.

Японцы, забыв о Конобееве, начали вылавливать из бурных волн упавшего товарища, а Макар Иванович, отдышавшись, поплыл дальше.

Выловив упавшего матроса, японцы вернулись на шхуну, предоставив Конобеева самому себе и волнам.

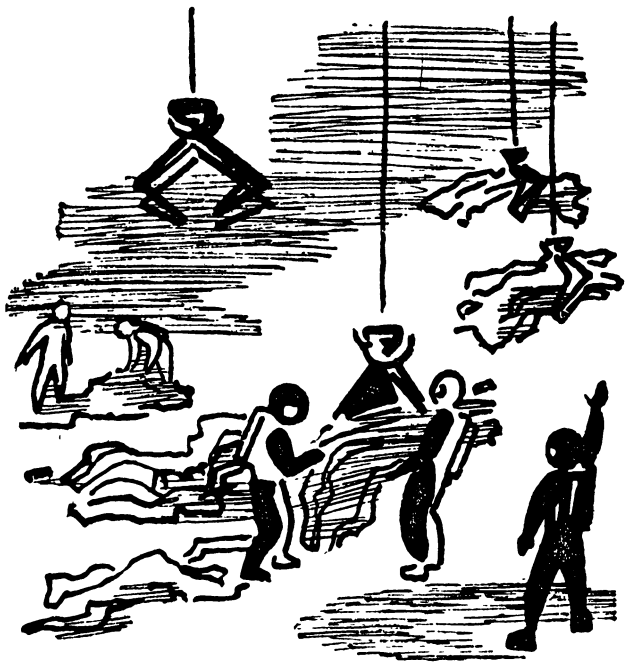
— Таяма уверен, что я утонул, — закончил Макар Иванович.

Тут же за обедом все решили, что Ванюшка был прав, предлагая устроить подводную сторожку. И, не

откладывая дела, с этого же дня приступили к устройству целых трех сторожек. Предполагалось, что постоянно дежурить под водой будут лишь в одной сторожке, а две другие послужат запасными базами, где подводный охранник сможет отдохнуть и пообедать, не поднимаясь на поверхность, или же снестись с центральной базой при помощи небольшой коротковолновой радиостанции.

Сторожки имели вид колпака высотою в пять и диаметром в шесть метров. Железный колпак с внутренней стороны был покрыт изоляционной оболочкой, которая сохраняла тепло и предохраняла стены от потения. В колпаке были заключены шкаф с про-

дуктами, запас пресной воды, электрическая плита, шкафчик с необходимой посудой, кровать, застланная серым пушистым одеялом. Далее: ковер на полу, под ним — линолеум, деревянный пол и бетон, как основание, дверь, снабженная наружной камерой для впуска и выпуска воды, круглое окно с толстым стеклом, наконец, электрическая лампочка на потолке и сильный рефлектор для освещения подводного



мира за окном. На отдельном столике помещалась приемно-передающая радиостанция. И еще одним аппаратом была снабжена подводная сторожка: перископом, который можно было поднимать на поверхность, чтобы обозревать окрестности. Вначале

этот перископ был установлен на постоянном стержне, но стержень этот очень скоро сломала проходившая шхуна. Пришлось сделать его выдвижным и убирать по надобности.

Третья — крайняя — сторожка находилась в двадцати километрах от главного подводного жилища, которому Волков дал громкое название «Гидрополис» — водяной город.

— А почему бы и не быть водяным городам? — говорил он. — С тех пор как существует чудеснейший аккумулятор, многое стало возможным. Водолаз может теперь находиться под водой неограниченно долгое время, передвигаться с быстротой акулы, освещать свой путь лучше, чем освещают его глубоководные рыбы. Мы сможем строить подводные жилища, снабженные всем необходимым. И кто знает, быть может, через много-много веков, когда население земли увеличится и на суше станет слишком тесно, часть людей уйдет на постоянное жительство под воду. Здесь имеется еще огромная неиспользованная площадь. Сами океаны могут дать неограниченные запасы электроэнергии, если использовать разность потенциалов электродов в разной температуре воды верхних и нижних слоев. Электроэнергия путем электролиза даст нам кислород, она же даст свет и тепло. Представьте себе подводные города, залитые электрическим светом, подводные автомобили, велосипеды, трамваи, поезда, своеобразные подводные дирижабли, телеграфы, телефоны, подводные сады и парки с лужайками для детей, с кучками песку, с прирученными вместо собачек рыбами. Разве это не заманчивая перспектива? Гидрополис — только первая ласточка.

Месяц спустя после того, как были выстроены сторожки, Гузик преподнес Ванюшке подарок — маленький винтовой двигатель, при помощи которого можно было проплывать под водой огромные пространства. Теперь Ванюшка проделывал под водой концы в сотни километров, побывал в проливе Татарском и мечтал об исследовании берегов Охотского моря.

Вернувшись из одного такого путешествия в Гидрополис, Ванюшка сказал Волкову:

— Семен Алексеевич! Это же безобразие. Столько богатства у нас пропадает! Так нельзя. Видали вы карту первой пятилетки? Там Чукотского полуострова и Камчатки вы даже не найдете: они прикрыты картой Кузнецкого бассейна. Прикрыты! И что прикрыто? Миллиарды! Леса, звери, рыбы, золото, ископаемые всяческие, птицы, водоросли, — миллиарды тонн водорослей, а значит, целые цистерны йоду, целые горы калийных удобрений, корма для людей и скота. Надо заселить погуще наше побережье. Протянем наши промыслы сплошной ниткой до Берингова пролива, заселим рабочими, а потом и начнем разворачивать производство за производством, промысел за промыслом!

В январе приступили к первой «жатве». Посаженные пучки ветвей задержали споры водорослей, которые разрослись теперь пышными плантациями. Хорошо принялись и фунори на засыпанных горными камнями местах. Ванюшка ходил на подводные нивы и любовался урожаем. На плантациях уже работало несколько сот человек. Механические косилки скашивали и связывали длинные ленты водорослей. На глубоких, с изрезанным профилем морского дна местах водолазы вырывали водоросли просто руками или же подрезали их ножом.

На берегу работа кипела еще оживленнее. Если бы теперь Хунгуз захотел побегать по берегу, то он едва ли нашел бы свободное место: все было завалено горами водорослей. Немного выше расположились сортировщики, промывщики, еще дальше — сушильщики. Водоросли, предназначенные для химической переработки, отвозились на завод целыми поездами вагонеток с маленьким электровозиком во главе. Сердцем электровозика был все тот же аккумулятор величиною со спичечную коробку.

«Страдная» пора продолжалась от января до весеннего равноденствия. Работы было столько, что Ванюшка на время позабыл о Таяме. Но Таяма сам напомнил о себе.

XVIII. ТАЯМА ОТДАЕТ ВИЗИТ

Поздно вечером, когда все собрались после трудового дня в столовой и засели за чай, зазвонил телефон с берега. Заводской инженер-химик, который в это время еще работал в лаборатории, сообщил, что недалеко от берега бросила якорь какая-то шхуна, с которой высадился толстый японец внушительного вида. Фамилию свою он не называет и говорит, что у него есть важное дело к Семену Алексеевичу Волкову, которого он желает видеть немедленно.

— Это Таяма! — воскликнул Ванюшка. — Пусть придет сюда.

— Зовите! — сказал Конобеев с угрожающим видом. — Однако, сюда он войдет, а отсюда его вынесут.

— Таяме не следует показывать нашего подводного жилища, — возразил Волков, — если только это действительно Таяма. Но почему, Ванюшка, ты думаешь, что это Таяма?

— Кто же может быть иной? Важный, пузатый, как следует купчишке. Идем все к нему!

— Разумеется, — ответил Волков. — Я не имею ни малейшего желания говорить с ним с глазу на глаз.

— А почему бы раньше не узнать, что у него на уме? — сказал Гузик, как бы рассуждая сам с собой. — Таяма хитрый и опасный соперник. Если мы придем все вместе, то он, конечно, не скажет того, что́ скажет одному Семену Алексеевичу. Давайте сделаем так...

— Семен Алексеевич будет говорить один, а мы устроимся за перегородкой в резерве и накроем Таяму! — докончил Ванюшка. — Айда!

Ванюшка не ошибся: посетителем был Таяма. В дорогой меховой шубе и такой же шапке, он ожидал Волкова в конторе завода.

Когда Волков вошел, Таяма назвал свое имя, вежливо, но с достоинством поклонился, сняв шапку, и сказал:

— Разрешите поговорить с вами по одному важному делу.

Волков предложил сесть.

Таяма говорил долго и внушительно. Он начал издалека, как и в разговоре с Ванюшкой. Говорил об ужасной тесноте и перенаселенности островов Японского архипелага, говорил о нужде, о безработице, о непрекращающейся эпидемии самоубийств, о самоубийствах целых семейств, долго распространялся о «неосвоенных» просторах Дальневосточного края, привел даже русскую пословицу о собаке, которая лежит на сене: сама не ест и другим не дает!

— Позвольте внести фактическую поправку, — не утерпел Волков. — Во-первых, «собака» сама начала усиленно есть дальневосточное сено, — вы видите и знаете, как быстро мы развиваем эксплуатацию морских водорослей. Но это лишь первые шаги. Во-вторых, «собака» и другим дает есть, если только это происходит в рамках законности. Разве между Советским правительством и Японией не заключаются различные договоры о торговле, о рыбной ловле и прочее?

— То, что вы делаете, — капля в море по сравнению с тем, что у вас есть, — возражал Таяма. — Что же касается договоров между правительствами, то это ужасно сложная, громоздкая вещь. Отдельным лицам гораздо проще договориться. К этому, собственно, и сводится цель моего визита... — Волков насторожился. Таяма заметил это и поспешил добавить: — Но не думайте, пожалуйста, что я хочу предложить вам незаконное... что-нибудь вроде... взятки.

— Нельзя ли ближе к делу?

— Одним словом, я предлагаю вам следующее: я буду ловить рыбу и добывать водоросли в тех местах, которые еще не освоены вами, вашим подводным... — как это? — завхозом. Согласитесь, что убытка от этого вам не будет: и рыба и водоросли дают ежегодный прирост, превышающий убыль от улова. Если же я скажу, что из моего улова рыбы и добычи водорослей я буду давать вам четверть — натурой или стоимостью, — то ясно, что для вас это

явится чистой выгодой, так сказать, расширением производства. Вы превысите план выработки, получите благодарность...

Волков поднялся.

— Вы хотите подкупить меня?

Поднялся и Таяма.

Дверь с треском открылась, и в комнату влетел Ванюшка. А за ним появилась огромная фигура старика, закрывшего выход своим массивным телом.

Желтоватая кожа Таямы потемнела.

— Нас подслушивали? — сказал он, делая возмущенное лицо.

Конобеев подошел к Таяме вплотную. Пушистая борода Макара Ивановича почти коснулась лица Таямы. Уже тихим, но зловещим, как отдаленный гром, голосом Конобеев спросил:

— Узнаёшь?

Таяма внимательно посмотрел в лицо Макара Ивановича. Кто один раз в жизни видел это характерное лицо, тот не забывал его никогда. Таяма отступил на шаг, не отрывая взгляда. Видно было, что он напрягал всю силу воли, чтобы не показать волнения.

— Да, я узнаю вас, — после паузы, несколько охрипшим голосом ответил Таяма.— Помнится: в бурю моя шхуна столкнулась с вашей лодкой, вы тонули, мои матросы хотели помочь вам, но вы...

— Врешь! — крикнул Конобеев с такой силой, что даже Ванюшка, привыкший к его голосу, невольно присел. — Врешь, гадина! Ты утопил меня, как утопил многих наших рыбаков. Но я поднялся со дна моря, чтобы рассчитаться с тобой за себя и за тех. — Страшная волосатая рука протянулась к Таяме, огромные пальцы-клещи сомкнулись на груди японца — и Конобеев одной рукой приподнял сто двадцать пять килограммов таямовских мехов и жира. Таяма взлетел вверх, как перышко. А вытянутая рука Макара Ивановича даже не дрогнула.

Конобеев направился к двери. Открыв ее пинком ноги, он вынес полузадохнувшегося японца на улицу, донес до шлюпки и бросил так, что Таяма пролетел три метра, прежде чем попал на руки своих матросов. Вместе с хозяином они повалились на дно шлюпки, зачерпнувшей полным бортом и едва не перевернувшейся.

— Эффектно! — сказал Гузик задумчиво и тотчас перевел глаза на горизонт, где мерцал сигнальными огнями далеко проходивший пароход.

XIX. НЕВЕДОМЫЙ ВРАГ

Визит Таямы несколько дней служил темою для разговоров, но потом о нем начали забывать. Стояло горячее время, и новые заботы и события отвлекли внимание.

Началось с того, что Марфа Захаровна, непревзойденная специалистка варить капусту, подала на

стол нечто несообразное. Даже Ванюшка, самый ревностный поклонник ее кулинарного искусства, отхлебнув из ложки, вдруг сделал гримасу, как грудной младенец, которому дали намазанную горчицей соску.

— Что это за гадость такая? — воскликнул он. Марфа Захаровна покраснела, причем оказалось, что от обиды ее красное, как спелый помидор, круглое лицо было способно краснеть еще больше. Правда, надеясь на свой талант, она не попробовала сама капусту. Но разве она не варила так, как всегда! Марфа Захаровна подошла к столу, взяла ложку своего мужа, зачерпнула капусту, попробовала и вдруг вразвалку, как испуганная утка, выбежала из кухни и плюнула в мусорное ведро. Капуста имела отвратительный горько-соленый вкус.

— Понять не могу, что́ бы это значило! — сказала она, возвращаясь из кухни. — Капуста была свежая, хоро́шая, солила я ее как будто в меру, как всегда. Прямо ума не приложу!..

— Влюблены, наверно, — пошутил Ванюшка.

А Волков вышел из столовой и через несколько минут вернулся, держа в руках стакан воды.

— Так я и думал. Попробуй немножко на язык! — сказал он, обращаясь к Ванюшке.

— Нас отравили? — спросил тот, беря стакан.

— Я не стану угощать тебя отравой, — ответил Волков. — Попробуй и скажи.

Ванюшка омочил губы, попробовал на язык, как это делают дегустаторы, и с удивлением сказал:

— Настоящая морская соленая вода! Откуда вы ее достали?

— Из нашего водопроводного крана, — ответил Волков.

— Как же она могла попасть туда? Ведь у нас в кране пресная вода с берега!

— Очевидно, где-нибудь прорвалась водопроводная труба, и морская вода проникла туда, — сказал Гузик, мечтательно глядя в потолок. — Надо будет осмотреть и исправить, вот и все.

Он вышел из столовой; вслед за ним отправился

Ванюшка, а Волков и Конобеев остались обедать. Щи были испорчены, но осталось второе — жареная рыба.

Через полчаса Гузик явился и сделал доклад:

— Так и есть. Труба повреждена, По-видимому, трактор задел ее. Не надо было поручать Цзи Цзы. Какой он тракторист?

— Ну, что же делать? Научится, — ответил Волков. — Я рад, что он хоть за что-нибудь взялся. А где Ванюшка?

— Пошел на берег сказать рабочим, чтобы починили трубу и телефонный кабель.

— Как, и... телефонный кабель?

— Ну, разумеется, ведь он положен почти рядом с трубой.

Не успели починить трубу и телефонный кабель, как под водой случилось новое происшествие.

Рано утром Волков и Ванюшка были разбужены Конобеевым. Он звал их поскорее посмотреть на то, что делается на «дворе», как он говорил по привычке. А делалось, вероятно, что-нибудь необыкновенное, так как Макар Иванович явился в спальню Волкова прямо в мокром «зимнем» водолазном костюме, сняв только с головы скафандр.

— Я, вишь ты, вышел пораньше, хотел идти на шестой километр работать, однако, вижу: несуразное случилось.

— Да что же случилось? — допытывался нетерпеливый Ванюшка, облачаясь в водолазный костюм.

— Мамай, одним словом, — ответил Конобеев.

Волков и Ванюшка вышли из дома и, засветив фонари, посмотрели вокруг. В разных местах на недавно скошенных «лугах» валялись кучки свежевырванных водорослей. Пока в этом ничего удивительного не было: буря на море нередко перебрасывает водоросли с места на место. Волков и Ванюшка пошли следом за Конобеевым. Но, чем дальше они шли, тем больше валялось на земле сорванных водорослей. И еще одна подробность не ускользнула от глаз Волкова: в это утро им почти не встречалась рыба — как будто что-то испугало ее и рыба уплыла далеко

отсюда. Путники прошли около километра, пока пришли к плантации, на которой еще не были сняты водоросли, — сегодня сюда должны были прийти косцы. Увы, печальное зрелище представилось их глазам! Вся плантация была изуродована — водоросли вырваны вместе с пучками веток, разбросаны, перемешаны с песком и илом. Эти водоросли могли пойти разве только на золу. Лучшие нивы, лучшие, отборные сорта фукусов, алярия и ламинария были уничтожены. Конобеев взял слуховую трубку Волкова и сказал:

— Однако, и дальше не лучше!

Они отправились дальше, и Волков убедился, что и дальше действительно было не лучше. Водоросли были уничтожены на много гектаров к северу.

— Это Таяма вредительствует! — крикнул Ванюшка в трубку Волкова, но тот отрицательно покачал головой. Испортить в одну ночь такую огромную площадь было немыслимо. Для этого нужна армия людей. Откуда их может взять Таяма?

Волков нагнулся, осветил дно фонарем и начал изучать. Под водой следы человеческих ног на песке быстро сглаживаются, и только свежие следы оставляют некоторые неровности. Волков искал их, но не находил. Лишь кое-где виднелись длинные продольные бугорки как будто недавнего происхождения. Такие бугры могли быть сделаны лапами якоря, когда он волочился по песку.

— Что вы думаете, Макар Иванович? — спросил Волков Конобеева.

Старик пожал плечами.

Волков, Конобеев и Ванюшка вернулись лишь к обеду, усталые и опечаленные. Огромные пространства подводных полей были опустошены, погибли сотни, а может быть, и тысячи тонн водорослей. И хуже всего было то, что причина оставалась неизвестной.

Ванюшка несколько ночей подряд не ложился спать — он ночевал в море, бродил по подводным полям, переносился с места на место при помощи винтового двигателя и внезапно освещал прозелень

моря то там, то здесь. Однако, кроме рыб, он не встречал никого.

Море было пустынно. Водоросли тихо покачивались, рыбы поедали друг друга — все было как всегда. И тем не менее через неделю снова погиб огромный участок подводных плантаций.

Ванюшка потерял сон и аппетит.

В бесплодных поисках виновника «потравы» подводных лугов прошла зима. Несмотря на солидные убытки, причиненные подводному совхозу неизвестным вредителем, было собрано огромное количество водорослей. Ко времени весеннего равноденствия сбор прекратился. На берегу началась переработка сырья, а под водой намечались новые места для засева, заваливались камнями бесплодные каменистые равнины. С наступлением весны и лета работы стало меньше, и часть рабочих-подводников была направлена на рыбную ловлю.

Ванюшка, сбросив «зимний» водолазный костюм, в трусах и полумаске совершал далекие путешествия. Однажды недалеко от крайней сторожки он вновь застал рыбаков Таямы. На этот раз месть Ванюшки была уже подготовлена; уходя на разведку, он всегда захватывал с собой большой бурав. Подплыв к рыбачьему баркасу со стороны кормы, Ванюшка начал буравить дно и скоро сделал дыру. Японцы увидали течь и поспешно заделали дыру, но Ванюшка уже провертел вторую, а за ней третью. Перепуганные японцы поспешили к шхуне, которая и приняла их на борт. Поднявшись на поверхность, Ванюшка крикнул, что он будет теперь поступать так с каждым японским судном, которое только появится в советских водах.

В тот же день вечером, не возвращаясь в Гидрополис, Ванюшка вызвал по радио Конобеева к себе.

— Макар Иванович, — говорил Ванюшка, — таямовские бандиты опять появились. Приходите ко мне — мы их разделаем так, что отобьем охоту являться сюда.

Конобеев прибыл через несколько часов, глубокой ночью.

— Однако, я что-то встретил, когда плыл сюда, — сказал он, не без труда влезая в маленькую сторожку.

— Что же вы встретили, Макар Иванович? — спросил Ванюшка.

— Да похоже как вроде морской коровы. Большое, пузатое проплыло мимо. Жаль, не очень близко, не мог я рассмотреть, да и водоросли в этом месте больно густые. Ну, только никто как она нам вредила все время. Я пошел вслед за ней, смотрю — вся водоросль так и помята, так и порвана, будто медведь в овсе валялся.

— Идем, Макар Иванович, — сказал Ванюшка, схватывая полумаску и ранец с аккумулятором. — Может быть, нам удастся нагнать ее. Если не убьем, то хоть узнаем, кто этот паразит!

XX. ВО МРАКЕ ВЕЧНОЙ НОЧИ

Они пошли с погашенными фонарями в полной тьме, протянув руки вперед, как слепые. Неприятно было так идти: то неожиданно оступишься и попадешь в яму, то запутаешься в водорослях, то споткнешься обо что-то: не то утерянный якорь, не то обломки разбитого баркаса...

Шли долго. Ванюшка уже начинал уставать. Видно, и на этот раз ему не посчастливится поймать жар-птицу... И вдруг он и Конобеев почувствовали на своем теле движение воды — ощущение, похожее на то, когда на земле обнаженный человек чувствует давление ветра. Откуда-то сильно «дуло». Они повернулись в сторону этого подводного водяного ветерка. Но не успели они сделать нескольких шагов, как «ветерок» превратился в сильный «ураган», столь резко оттолкнувший их назад, что Ванюшка упал, а Конобеев пошатнулся. Наклонив голову, старик рванулся вперед. Ванюшка поднялся и последовал за ним. Неожиданно кто-то схватил Ванюшку за плечо. На ощупь это была человеческая рука. Конобеев? Но он ушел вперед. Значит, тот человек, ко-

торый производил опустошения на полях! По движению воды Ванюшка почувствовал, что человек другой рукой хочет схватить его за горло. Ванюшка пошарил рукой у пояса кортик и замахнулся, пытаясь вспороть неведомому врагу живот. Но враг схватил Ванюшкину руку. Ужаснейшая боль! Ванюшка вскрикнул; в тот же момент сильнейший свет ослепил его глаза и погас. Но этого короткого мгновения было достаточно, чтобы Ванюшка мог увидеть наклонившееся над ним огромное бородатое лицо Конобеева.

— Сдурел ты, что ли? — заорал Ванюшка в водяную тьму. Конобеев отпустил руки. Он схватил слуховую трубку и виновато забормотал:

— Однако, история-то какая от тьмы случилась! Сослепу чуть друг друга не прикончили! Идем, что ли. Ушло чудовище, а ты на меня наткнулся!

Ванюшка уселся на дно и зажег фонарь.

— Гаси! — крикнул Конобеев. — Может быть, оно недалеко ушло.

Ванюшка погасил, и вдруг где-то далеко-далеко в глубине блеснул как будто ответный огонек. Блеснул и погас... Потом еще раз блеснул и погас уже в другом месте.

— Видел? — спросил Ванюшка. — Что это? Пойдем туда! — сказал он, показывая в ту сторону, где в последний раз блеснул огонек.

Они взялись за руки и пошли. Дно быстро понижалось. Друзья входили в глубокую подводную низину. Время от времени навстречу им «веял ветерок».

— Большой зверь шевелится, однако, — сказал Конобеев, приглушая голос, хотя он говорил в трубку, плотно прижав губы к краям ее.

Ванюшке стало немного страшно. Впервые он подумал о том, что они подвергаются большой опасности.

Когда же в темной пучине вдруг опять сверкнул огонек, Ванюшка побежал вперед, оставив Конобеева. Скорее бы встретиться с этим неведомым вра-

гом! Может быть, это самая безобидная рыба, только снабженная световым аппаратом, как многие обитатели глубоких вод?!

Ванюшка почувствовал, что вода все сильнее давит грудную клетку. Труднее становилось втягивать в себя кислород. Зато выдыхание происходило с необычайной быстротой. Очевидно, они шли уже на значительной глубине. Еще несколько метров вниз — и ноги Ванюшки заболтались в воде, не ощущая почвы. Вода начала выдавливать его вверх. Какая досада, что он не надел зимнего водолазного костюма с бочкообразной грудью! Тогда можно было бы проникнуть на гораздо большую глубину. Все тело сдавлено, но особенно достается груди. Ванюшка болтался в водном пространстве, как человек, попавший в мир невесомого. Он не мог идти дальше. Более тяжелый Макар Иванович плавал где-то под ним... Он поймал Ванюшку за ноги и потянул вниз.

— Однако, ты пропадешь тут, милый! — крикнул Конобеев в трубку.

— Ничего... Макар Иванович! — задыхаясь, ответил Ванюшка.

Он не хотел сдаваться, но Конобеев, подхватив юношу под мышки, вдруг одним ударом правой руки поднялся вместе с ним на десяток метров вверх. Ванюшка чувствовал, как с каждым метром скатывается с него тяжесть, сковывавшая все тело. Правда, Ванюшка теперь прибавил в весе, но зато он может дышать нормально. Какая досада, что им не удалось выследить чудовище! Но теперь они уже кое-что знают. Надо только продолжать слежку. Ванюшка посмотрел вверх. Оттуда виднелся слабый свет. Утро! Однако как незаметно прошла ночь!

«Солнце! Благодатное солнце! Хорошо, интересно под водой, но скучно без солнца. Правда, через небольшой слой воды оно и светит и греет подводный мир, но все же...» Ванюшка не успел додумать своей мысли. Его внимание было привлечено длинным шестом, который медленно погружался в воду. Посмотрев вверх, Ванюшка увидел дно лодки и

смутное отражение человека, нагнувшегося из-за борта над водою. Лодка находилась почти над самой сторожкой. Ванюшка толкнул Конобеева локтем.

— Опять японцы взялись за свое! — сказал он. — Сейчас я просверлю им донышко.

— Погоди, однако! — крикнул прямо в воду Конобеев и, отстранив Ванюшку, зашагал к шесту. Макар Иванович был обозлен неудачами прошлой ночи. Притом он помнил свое обещание, данное Таяме. А это, конечно, были его агенты; и Конобеев решил, наконец, расправиться с купцом по-настоящему. Слово старика Конобеева твердо!

XXI. НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Конобеев рванулся вперед. Своею головою Нептуна он начал таранить воду с такой силой, что рыбы, проплывавшие сзади него, крутились в водовороте. Ухватившись за шест, Макар Иванович дернул его с такой силой, что лодка перевернулась, и люди начали падать в воду. Один, два, три... Двое мужчин и женщина. Один мужчина, быстро всплыв на поверхность, направился к берегу. Ванюшка определил, что это японский рыбак или матрос. Другой мужчина, барахтаясь, шел ко дну. Женщина отчаянно пыталась уцепиться за перевернутую лодку. Лодку отнесло в сторону. Женщина, делая беспорядочные движения руками и ногами, стала погружаться головою вниз, прямо на Ванюшку. Он отошел в сторону и протянул вверх руки, намереваясь подхватить ее. Рот у нее был плотно закрыт, глаза широко раскрыты и смотрели с ужасом на подводное чудище — человекоподобное существо с большим черным носом, протягивающее к ней руки. Вот женщина открыла рот. Она захлебывается!.. Что делать? Вынести ее на поверхность или стащить в сторожку, благо она рядом? Ванюшка увидел, что Конобеев несет на руках утонувшего мужчину, открывает дверь в камеру сторожки и вносит туда. Ванюшка подхватил женщину на руки и поспешил за стариком.

Закрыли железную дверь и пустили в ход насосы. Они работали исправно, но Ванюшке казалось, что никогда еще вода не вытекала так медленно. Он держит женщину в руках, высоко подняв ее голову

к потолку, чтобы дать ей скорее воздуха, как только схлынет вода. У потолка ярко горела лампа. Вот вода опустилась до уровня плеч. Теперь Ванюшка мог хорошо рассмотреть лицо женщины. И вдруг он вскрикнул от удивления.

Да ведь это о н а, та самая девушка, которую встретил он в пещере и напугал своим эхом! О которой он так много думал, тщетно искал! И неужели он встретил ее теперь лишь для того, чтобы похоронить ее тут?

Вода опустилась еще только по щиколотку, а Ванюшка уже хотел открыть дверь сторожки. Конобеев

удержал его. Наконец камера освободилась от воды. Ванюшка и Конобеев перенесли утонувших людей в избушку и положили на пол. Начали приводить их в чувство.

Прошло несколько томительных минут. Ванюшка волновался все более. Но вот девушка стала оживать. Исчезла бледность лица, дрогнули веки. Она почти сознательно взглянула в лицо Ванюшки и едва заметно улыбнулась. Ванюшка пришел в восторг.

— Фывы? — спросил он. Это должно означать «живы». Но девушка не поняла его. Может быть, подводные люди говорят на особом языке.

— Как вы сюда попали, фут возьми? — задал Ванюшка второй вопрос.

— Это мне нравится! — ответила девушка насмешливо и тут же закашлялась. — Маленькая... прогулка... на дно...

Взволнованный Ванюшка картавил больше обыкновенного.

— Я в пеффере вас видел, давно, а теперь вы тут. Вот я и удивляюсь, как вы... опять здесь... сюда попали...

— Бррр... Гррр... Апчхи!.. Аленка, ты жива? — послышался голос мужчины, пришедшего в себя.

«Аленка! Елена! Так вот, значит, как ее зовут! — подумал Ванюшка. — Лена, Леночка. А тот называет ее Аленка. Кто он ей? Отец, должно быть. А может быть, муж?..» — и в сердце Ванюшки вонзилась игла. Неприятное, незнакомое, болезненное чувство. Он еще не знал, что это ревность.

— А вы, Борис Григорьевич? — спрашивает девушка.

«Борис Григорьевич, вы... Кто же он? Отец?..» — мучительно пытается разгадать Ванюшка.

— А я хотел пустить пузыри, — отвечал Борис Григорьевич, — да вот сей почтенный старец начал на мне играть, как на гармошке, пришлось опять начать эту музыку. — Борис Григорьевич приподнялся, уселся на полу, упершись руками, и, подняв голову вверх, спросил:

— Кому мы обязаны нашим неожиданным спасением?

Конобеев крякнул. Один только Ванюшка понимал смысл этого неопределенного междометия: хорошо, мол, спасение, если я сам едва не утопил вас!

— Я вижу, — продолжал Борис Григорьевич, не дождавшись ответа, — перед собою, очевидно, водолазов, хотя вы больше похожи на новую, черноносую породу людей, которые, наверное, произошли от морской сырости.

Аленка рассмеялась, а Ванюшка начал подозрительно быстро снимать свой каучуковый нос.

— Где мы находимся? Который теперь час? — продолжал Борис Григорьевич. — Что стало с нашим лодочником и моими инструментами?

— Находитесь вы под водой, — ответил Ванюшка за Конобеева, к которому был обращен вопрос, — в подводной сторожке подводного совхоза; час теперь девятый, лодочник ваш удрал, бросив вас утопать, и теперь, наверное, уже сушится на берегу — он плавает, как рыба, — а инструменты ваши, наверное, лежат на дне морском рядом с нашей сторожкой. Мы подберем их, высушим и предоставим вам в полной исправности. А носы у нас, между прочим, как и у вас.

— Подводный совхоз? Это великолепно! — вскричал Борис Григорьевич, вскакивая с пола. Он оказался очень высоким мужчиной — под стать Конобееву, — лысый, с черными, коротко подстриженными усами и черными бровями. Остатки волос на висках были совершенно седые. — Мы давно уже слышали о подводном совхозе; еще в прошлогоднюю экспедицию здесь уже поговаривали о нем, а в этом году мы непременно хотели познакомиться с этим чудом природы. И вот, как говорится, не бывать бы счастью, да несчастье помогло. Позвольте представиться: член Академии наук, профессор Борис Григорьевич Масютин. А эта сидящая на полу девица, виновница всего происшествия, — Елена Петровна Пулкова — родная дочь Пулковской обсерватории, попросту Аленка, аспирантка, от слова «аспире» —

«дуть, веять, стремиться». Самое стремительное и легкомысленное существо в мире.

Аленка поднялась с пола, оправила мокрое платье и подала руку Ванюшке и Конобееву.

— Макар Иванович Конобеев, Иван Иванович Топорков. Служащие подводного совхоза. Очень приятно познакомиться, — сказал Ванюшка, крепко сжимая руку Масютина и еще крепче — Аленки. — Вас попросту зовут Аленка, а меня Ванюшка. Вот и очень хорошо. Позвольте просушить ваше платье. — Ванюшка пустил струю горячего воздуха.

— Я вижу, у вас тут все электрифицировано. Молодцы! Подходи, Аленка, сушись первая. Если я начну сушиться, то ваш аппарат непременно испортится.

— Тут двоим места хватит, становитесь, Борис Григорьевич, — пригласила девушка.

— Мне, понимаете, удивительно не везет, — продолжал Масютин, с удовольствием поворачиваясь то одним, то другим боком перед теплой струей воздуха. — Терпеть не могу путешествовать. То ли дело сидеть у себя в кабинете на Морской. Я люблю ночью работать. Все спят. Тихо. Самоварчик ворчит — у меня такой маленький есть, — папиросы покуриваешь. И никаких тебе происшествий. Я домосед. И, несмотря на это, только и делаю, что путешествую.

— Потому что вы любите, — сказала Елена Петровна.

— Я! Люблю? Путешествовать? Терпеть не могу. Ненавижу! Я не выношу путешествия как такового. Но я люблю, это правда, извлекать из-под земли разные полезные ископаемые, редкие металлы и прочее такое. Я, видите ли, химик, геолог, физик. Геолог и химик преимущественно. Для меня нет большего удовольствия, как вытащить откуда-нибудь из-под земли за ушко да на солнышко какую-нибудь урановую смолку, апатит, сланец. Но если бы все это можно было вытащить из ящика письменного стола, я с места никуда бы не сдвинулся. Ты уже суха, Аленка? Женщины одеваются легче. А я еще подсушусь...

XXII. ДРУЗЬЯ — ВРАГИ

Поворачиваясь перед аппаратом, Борис Григорьевич продолжал:

— Химики — народ особенный. Вы думаете, химия наука? Нет, химия — это миросозерцание. Я вижу все совсем иначе, чем вы. Вы видите, например, охру и говорите, что это желтая краска, та самая, которой натирают паркетные полы. А для меня это железо, сгоревшее в огне кислородного горения. Вы не замечаете, что весь мир объят страшным пожаром кислородного горения, — а я вижу этот страшный неугасимый пожар. Вы ходите по глине, и для вас она только глина. А для меня это алюминий, сгоревший в огне кислородного горения, окислившийся, что одно и то же. Если бы не кислород, вы ходили бы не по глине, а по горам алюминия. И нам пришлось бы и горшки и печки делать из чистейшего алюминия. Да, все металлы, все почти элементы мира сгорают в огне кислорода. И мы также сгораем. Вы говорите — старость, а я говорю — горение. Вы говорите — человек умер, я говорю — сгорел.

Вот я и обсох. Хорошо! Да, о чем я? Приехали сюда — опять несчастье. Но в этом уже Аленка виновата. Она химичка, но с биологическим уклоном. Ну вот, потащила меня покататься на лодке. Планктон, видите ли, ее интересует.

— Борис Григорьевич, но ведь вы сами... — начала девушка.

— Молчи, Аленка, молчи! Я пятьдесят два года Борис Григорьевич, а такой непоседы не встречал. Одним словом, наняли какого-то китайца или японца — я их плохо различаю, — поехали или поплыли, как у вас там говорится. Драги, шесты, сачки, крючки все как следует. Плывем. И вдруг какой-то морской дуралей, акула или спрут, приняв наш инструмент, вероятно, за аппетитную приманку, так дернул за шест, что все мы полетели в воду.

— Борис Григорьевич, — решился прервать многоречивого собеседника Конобеев. — Вы меня простите, старика. Это я дуралей морской и есть. Я вас

чуть не потопил. Случай такой вышел. У нас японцы рыбу да водоросли воруют...

— Хе-хе-хе! — вдруг неожиданно высоким тоном засмеялся Масютин. — Поймали рыбку, да не ту? Макар Иванович, вы тут ни при чем, это все планида моя надо мною шутит. Я уже говорил вам, что со мной происходят самые невероятные вещи.

— А черта вы когда-нибудь видели, если с вами такое невероятное приключается? — неожиданно спросил Ванюшка.

— Черта? — удивленно протянул Масютин. — Нет, черта не видел.

— Вы забыли, Борис Григорьевич, — отозвалась Пулкова. — А помните в пещере?..

— Да, да, в самом деле! Чем не черт? Эдакий черноносый нас испугал.

— Так это ж я! — сказал Ванюшка.

Аленка всплеснула руками.

* * *

Появление гостей взволновало жителей Гидрополиса. Обитатели торжественно собрались в столовой за обеденным столом и начали рассуждать о том, куда удобнее поместить гостей. Масютин настаивал, что он будет жить на берегу с Аленкой и приходить к ним в гости.

— Если я поселюсь у вас, то со мной, а значит и со всем вашим подводным домом, непременно стрясется какое-нибудь несчастье: либо «рыба-кит» проглотит вас, либо пожар приключится.

— В воде-то? — испуганно спросила Марфа Захаровна.

— Да, я не удивлюсь, если вода загорится от моего присутствия.

Но Аленке очень хотелось пожить под водой, и она уговорила Масютина не уходить на берег.

— Какая ты непонятливая, Аленка! Ведь мы же стесним их!

— Нисколько, — неожиданно вступил в разговор молчаливый Гузик, — мы прекрасно разместимся. —

И он начал объяснять, куда кому надо переселиться, чтобы освободить помещение для гостей.

— Хороси девуска будет зить со мной! — вдруг заявила Пунь, стоявшая у дверей. Вслед за этим она подошла к Пулковой и погладила ее по голове. Все рассмеялись.

Пунь настояла на своем; Аленка согласилась жить в домике, где помещалась Пунь, пока не вернется ее муж. Ванюшка с Гузиком поместились в лаборатории, а Масютин — с Волковым.

И надо же было случиться, что в этот самый день вечером неожиданно явился Цзи Цзы, пропадавший более двух недель. Пунь встретила мужа в столовой, где он пил чай, и заявила ему, чтобы он к ней больше не являлся. Цзи Цзы так озлился, что его желтоватое лицо стало лиловым. Жена, рабыня, смеет ему указывать! Нет, решительно ее надо скорее убрать отсюда. Иначе она забудет все корейские обычаи и станет настоящей большевичкой...

Цзи Цзы поднялся из-за стола, не допив чая, и, подойдя к Пунь, крепко схватил ее за руку.

— Идем отсюда! — грозно сказал он, но Пунь запротестовала и стала вырываться.

Супруги начали громко спорить и кричать. Цзи Цзы уже поднял руку, чтобы «вразумить» жену по своему обычаю, но подоспевший на крик Ванюшка остановил его.

— Не смей бить женщину! — крикнул он.

Цзи Цзы посмотрел на Ванюшку с нескрываемой злобой, но отпустил жену. Потом глухо сказал по-русски:

— Не надо так? Ухожу! — И он ушел.

Скоро Ванюшка услыхал шум воды, наполнявшей камеру. Очевидно, Цзи Цзы надел водолазный костюм и уплыл, решив ночевать на берегу. Этой семейной сцене не придали особого значения. Один Ванюшка был в восторге оттого, что Пунь показала себя настоящей женщиной. Ванюшка плохо спал в ту ночь. Ворочался и Гузик.

В четыре часа утра Ванюшка тихонько поднялся, чтобы не будить своего товарища, и вышел. Он на-

дел водолазный костюм, побывал на берегу, нарвал большой букет луговых цветов и поставил его в вазу на обеденный стол.

— Это еще что такое? — удивленно спросил Волков, заглянув в столовую.

Ванюшка, смутившись, ответил:

— Товарищ Пулкова говорила мне, что очень любит полевые цветы, вот я и решил сделать ей су... сюрприз. Только вот, пока плыл, маленько букет разлохматился. — И Ванюшка начал неумелыми пальцами поправлять цветы.

В этот момент дверь в столовой тихо приоткрылась, и в образовавшуюся щель Волков увидел лицо Гузика. Дверь тотчас захлопнулась. Это заинтересовало Волкова, и он, неслышно открыв дверь, выглянул в коридор. Там он увидал Гузика с большим букетом цветов, спасавшегося в лаборатории. Волков усмехнулся: «Совсем голову потеряли ребята».

Это была правда: у Ванюшки все валилось из рук. Гузик сделался рассеянным, как никогда. Он забывал являться к обеду, отвечал невпопад, ухитрялся часами сидеть неподвижно, глядя в одну точку.

— Изобретает! — тихо говорил Ванюшка, указывая на Гузика.

Гости чувствовали себя очень хорошо. Борис Григорьевич Масютин очень сдружился с Марфой Захаровной. Они вместе попивали чаек. Масютин рассказывал ей о своих злоключениях, приводя старушку в трепет. Подводным миром Масютин интересовался мало. В своей комнате, рядом с комнатой Волкова, он приводил в порядок свои путевые заметки и обдумывал большой научный труд.

— Хорошо, — говорил он. — Вот где надо строить кабинеты для ученых — под водой! Тишина необычайная. Нигде мне так хорошо не работалось, как здесь.

А Пулкова целые дни проводила в подводных экскурсиях. Она собрала богатую коллекцию водорослей и мечтала о том, чтобы проникнуть в глубоководные долины океана, где надеялась найти новые виды красных водорослей. Ванюшку беспокоили оди-

ночные прогулки девушки, но сопровождать ее он не мог, так как принужден был работать с Волковым.

Однажды, возвращаясь к себе, он неожиданно встретил Пулкову, которая, сидя на коленях на дне, забавлялась маленькими крабами. Ванюшка был очень взволнован, увидев ее. Ему давно хотелось поговорить с девушкой наедине. О чем — он еще сам не решил, но о чем-то страшно важном.

Увидев его, Аленка приветливо помахала рукой. Ванюшка подошел, опустился рядом с нею на песок, взял ее слуховую трубку и спросил:

— Гуляете?.. — Ему хотелось сказать совсем другое; он готов был крикнуть в трубку: «Я люблю вас!» — но не решился.

Пулкова показала на маленьких крабов, которые пытались удрать от нее, а она вновь и вновь ловила их руками.

— Жаркая сегодня погода... теплая вода, хочу я сказать, — продолжал Ванюшка.

Он ждал, что Пулкова что-нибудь ответит ему, но она брала в руку его слуховую трубку и отвечала только кивком головы.

— Вы тоже черноволосая! — произнес он в третий раз, решительно не зная, как вызвать девушку на разговор.

Она улыбнулась, кивнула головой и продолжала забавляться крабами, ритмически выпуская изо рта пузырьки отработанного воздуха. У Ванюшки защемило сердце. «Не любит она меня! А может, кокетничает, — разве женщин поймешь?» — поспешил он успокоить сам себя. Он тяжело вздохнул через свой черный каучуковый нос и выпустил огромное количество мелких пузырей.

— Однако, пора идти! — сказал он. — Вы будете к завтраку?

Девушка отрицательно покачала головой. Ванюшка вздохнул еще раз, поднялся и медленно зашагал к подводному жилищу. Аппетит у него пропал. Он шел и бранил себя за свою нерешительность. Так нельзя; надо узнать, любит она или нет.

Вернуться, что ли, и спросить ее?

Незаметно для себя, в раздумье, он повернул назад. Но когда приблизился к тому месту, где она сидела, ему показалось, что в глазах его двоится: как будто не одна, а две смутные размытые тени маячили перед ним. Он подошел еще ближе и остановился, не веря глазам. Пулкова сидела на дне все в той же позе, но уже не занималась крабами. В руках ее был цветок полевой ромашки; она обрывала его лепестки, как бы гадая: «любит, не любит». А перед нею, также на коленях, сидел Гузик, медленно покачиваясь вверх и вниз вместе с водою.

«Так вот что ты изобретал!» — с горечью прошептал Ванюшка; и во второй раз нехорошее чувство ревности вспыхнуло в его душе.

XXIII. ЗА КРАСНЫМИ ВОДОРОСЛЯМИ

Пулкова решила осуществить давнишнее желание — проникнуть в таинственные глубины океана, чтобы обогатить свою коллекцию глубоководными водорослями. Спускаться в глубину нужно было в особом жестком бочкообразном водолазном костюме. Волков убеждал девушку не отправляться в такое рискованное путешествие одной, но она уверяла, что с нею ничего не может случиться.

— Мы не дадим вам водолазного костюма, — шутя заявил Волков.

— Я сама возьму, — ответила Пулкова.

— Сами? Да понимаете ли вы, какая это тяжесть? Без посторонней помощи вы не в состоянии будете даже надеть на себя этот костюм.

Пулкова ничего не ответила, но втайне решила настоять на своем. И вот однажды утром, когда в доме оставались только Масютин, углубленный в свою работу, Марфа Захаровна, вязавшая по привычке чулки, и Пунь, Пулкова вызвала кореянку и попросила ее помочь облачиться в глубоководный водолазный костюм. Пунь, души не чаявшая в «холосей девуске», охотно исполнила ее просьбу.

Выйдя на подводную улицу, Аленка пустила в ход

винтовой двигатель. Пропеллер завертелся; тело девушки приняло почти горизонтальное положение, и она быстро двинулась в путь. Пулкова уже давно собиралась посетить морскую долину, находившуюся к востоку от Гидрополиса, далеко в сторону от подводных дорог. Она как-то была вместе с Масютиным у края этой долины и видела там огромные водоросли — целые подводные дремучие леса.

Подплыв к опушке подводного леса, Аленка остановила двигатель, опустилась и пошла по мягкому илистому дну.

Здесь было совсем тихо, не чувствовалось ни малейшего волнения воды. Лишь от движения самой Пулковой тихо раскачивались соседние водоросли да рыбы танцевали свой бесконечный танец страха и любопытства: туда — сюда, вперед — назад...

Аленка попала в узкое ущелье, из которого, казалось, не было выхода. Надо вернуться назад. Девушка сделала шаг, но нога зацепилась за что-то. Дернула ногу. «Что-то» не отпускало — оно шевельнулось и сжало ногу у колена, а в следующее мгновенье чьи-то объятия охватили девушку у пояса. Пулкова наклонила голову, чтобы свет фонаря упал вниз, и увидала большие глаза и несколько хоботообразных щупалец спрута. Спрут смотрел внимательно, как бы изучая жертву. Свет фонаря, видимо, не очень беспокоил его. Он медленно поднимал одну из своих ног, желая охватить Пулкову у плеч. Аленка была испугана, но не очень. При ней острый кортик, сейчас она вынет его, обрежет спруту ноги и освободится.

Спрут поднимал ногу медленно, широко распластав ее на высоте плеч девушки. Когда нога была вытянута во всю длину, спрут с неожиданной быстротой обвил тело у плеч и начал присасываться. К счастью, руки девушки ниже локтей еще были свободны. Она протянула левую руку к кортику. Но в это время спрут неожиданно употребил военную хитрость — выпустил целое облако сепии. Свет фонаря Пулковой потускнел, как свет солнца во время лесного пожара. Через минуту облако стало еще гуще.

Пулкова не могла различить даже собственной протянутой руки. Бороться при таких условиях было трудно. Спрут действовал на ощупь, Пулкова же не могла так хорошо, как он, ориентироваться в темно-коричневом полумраке. Опустив руку вниз, чтобы вынуть из ножен кортик, она нащупала ногу спрута, обвившуюся по поясу. Рукоять кортика была покрыта ногою спрута. Эти ноги были идеально приспособлены для сдавливания жертвы. Довольно мягкие в свободном состоянии, напрягаясь, они становились упругими, как самая твердая резина. Это был совершеннейший «аккумулятор» мышц, всегда готовых к страшному напряжению и сокращению. С каждым мгновением спрут сжимал все сильнее. Пулкова попыталась оторвать ногу спрута, но это оказалось невозможным. Тогда она начала надавливать пальцами на то место, где пояс соприкасался с ногою спрута, чтобы как-нибудь продвинуть пальцы, а потом и руку между поясом и ногою и вытащить кортик. Напрасно! Спрут уже плотно присосался к резине костюма, и между ногой отвратительного головоногого и водолазным костюмом не было ни малейшей щели. Скоро кольцо, обхватившее Аленку ниже плеч, спустилось и закрепило правую руку. Вслед за этим настала очередь и для левой руки. Пулкова судорожно сжала в пальцах кастаньеты, при помощи которых могла дать знать о себе. Если ей самой не удалось освободиться от спрута, то единственная надежда на помощь друзей. Только бы спрут не прижал кисти ее руки!..

«Не хочу! Не хочу!» — что-то кричало в Аленке. И сердце холодело от ужаса...

Она шевелит пальцами, но пальцы отказываются повиноваться. Рука онемела... Как глупо поступила! Надо было сразу, в первую же минуту, выхватить кортик! Но что это? Огонек вдали! Едва заметная мутная точка. Ее ищут! Спасение! Спасение!! Спасение!!!

Пулкова разминает застывшие пальцы, делает невероятные усилия, чтобы шевельнуть ими... Едва слышный стук раздается в тишине моря... Пулкова

с напряженным вниманием следит за далеким огоньком... Вот он повернул вправо. «Не туда! Не туда!» — хотелось крикнуть Пулковой. Вот опять огонек приближается. Неужели услышал?.. Нет, опять повернул в сторону... стал маленьким... исчез...

XXIV. «ХОЛОСАЯ ДЕВУСКА»

За вечерним чаем сидели в столовой Масютин, Конобеев и Марфа Захаровна: Пунь мыла посуду в кухне.

— Что-то наших долго нет, — заботливо промолвила Марфа Захаровна, наливая стакан чая Масютину. — Совсем жидкий; надо подварить — одна вода.

— Да, вода, — проговорил Масютин, пододвигая к себе стакан. — Я как-то сказал, что океан — это только вода, и больше ничего. Оно не совсем так. — И ученый, оседлав любимого конька, завел нескончаемый разговор о химии, удивляя Конобеева непривычно большими величинами: — В океане есть соли: поваренная, та самая, которой Марфа Захаровна подсаливает кушанья, хлористая магнезия, сернокислая магнезия, гипс. Знаете ли вы, какой объем имеют все океаны? Миллиард двести восемьдесят шесть миллионов кубических километров!

— Это много? — наивно спросил Конобеев, поглаживая свою роскошную бороду.

— Солнце этой водой не потушишь, но если бы устроить пожарную кишку, из которой вода вырывалась бы струей в километр толщиной, то можно было бы такой струей не только Солнце достать, но еще выше скакнуть, чуть не в десять раз. С Земли вы могли бы поливать огороды на Луне, Меркурии, Марсе, Венере. А если струю пустить потоньше, то и на Сатурне, на Нептуне и на Уране. Если всю соль собрать, которая в океанах растворена, то можно всю Северную Америку покрыть слоем в два с половиной километра толщиной. Почти двадцать мил-

лионов кубических километров соли растворено в океане.

— А золото есть? — спросил Конобеев.

— Ого! Золота в океанах шесть триллионов килограммов. Если из океанов добывать золота каждый год столько, сколько из земли добывается, то на десять миллионов лет хватит. Шутка?

— Отчего же его не добывают?

— Добывают, да мало. Невыгодно пока. Но я сейчас работаю как раз над тем, как бы подешевле да побольше можно было золота из океанской воды добывать: тогда мы загремим!

Приняв от Марфы Захаровны стакан чая, неизвестно какой по счету, он продолжал:

— Океаны, моря — неисчерпаемый источник богатств. Возьмите хотя бы Каспий. Нет никакого сомнения, что на дне этого моря имеются нефтяные источники. Недаром на поверхности его появляются жирные пятна, а вода иногда «пылает». Если бы спустить воду Каспийского моря...

— И что это Аленки нет? Беспокоит она меня, — не утерпела Марфа Захаровна.

В этот момент Пунь уронила на пол тарелку, громко заплакала и, выйдя из кухни в столовую, сказала:

— Я виновата. Аленка не слусалась. Больсой водолазный костюм надела и посла глубоко, глубоко...

— Однако, жесткий водолазный костюм она не могла надеть: тяжел больно он! — заметил Конобеев.

Пунь заплакала еще больше и ответила:

— Я помогла ей. Холосый девуска просит...

— Святители-угодники! Чувствовало мое сердце! — прошептала Марфа Захаровна.

Все были взволнованы.

— Однако, чего же ты молчала? — грозно спросил Конобеев.

Пунь закрыла лицо руками и, всхлипывая, ответила:

— Думала, придет, сецас, придет.

Масютин поднялся и, подойдя к радиотелефону, начал вызывать Ванюшку, который должен был на-

ходиться в сторожке. Но ни он, ни Волков не отзывались. Впрочем, Волков через несколько минут явился. Узнав об исчезновении Пулковой и отсутствии в сторожке Ванюшки, он сначала улыбнулся — пришла в голову мысль, что молодые люди гуляют вдвоем по подводным лесам, но потом забеспокоился.

— Нам надо немедленно идти на розыски, — сказал он. — Гузик дома?

Изобретатель работал в лаборатории. Он побледнел, когда узнал, что Пулкова ушла утром и не возвращалась. После экстренного совещания мужчины решили оставить дома Пунь и Марфу Захаровну, приказав им послать на поиски Ванюшку, когда он вернется, а сами быстро надели легкие водолазные костюмы, запаслись утроенным количеством аккумуляторов, вооружились кортиками и отправились в путь, условившись сигнализировать друг другу кастаньетами и вспышками света.

Ночь была совершенно темная. Четыре человека разбрелись в разные стороны, пустили в ход маленькие гребные винты и с огромной скоростью начали буравить своими телами водную стихию. На всем ходу они врезались в густые водоросли, вспугивали больших рыб, мирно спавших в неподвижных слоях воды, проносились над глубокими пропастями, обходили подводные горные вершины. Время от времени гасили свет фонарей, чтобы посмотреть, не светит ли вдали фонарик Пулковой.

Вода посветлела над головой. Наступило утро. Гузик совершенно выбился из сил, у Масютина испортился двигатель и закапризничал аппарат, вырабатывающий кислород. В конце концов Гузику пришлось взять неудачливого профессора на буксир и уже при свете солнца тащить в Гидрополис. Только Волков и Конобеев продолжали свои безуспешные поиски.

В подводном жилище Масютин и Гузик застали одну заплаканную Марфу Захаровну. Она сообщила им, что Ванюшки до сих пор нет, а Пунь ушла.

— Куда ушла? — удивленно спросил Масютин.

— Надела водолазный костюм и отправилась искать Аленку. «Не вернусь, — говорит, — пока не разыщу».

Друзья немного отдохнули. Гузик исправил повреждения в водолазном костюме Масютина, и они снова отправились на поиски.

А в это самое время Аленка лежала уже на песчаной косе, в двух шагах от линии прибоя. С головы девушки был снят скафандр. Она пришла в себя. Прямо в глаза ей светило солнце. У ног ее сидела сияющая Пунь. Это она спасла Елену.

Пунь знала направление, куда отправилась Пулкова. Но и Пунь не нашла бы Елену в глубоководном подводном каньоне, если бы не счастливая случайность: спрут, обвивая щупальцем голову Елены, коснулся выключателя и зажег фонарь. Вспыхнул свет, который был замечен Пунь.

Она начала работать руками изо всех сил, чтобы опуститься в глубину, но это было не легко сделать. Легкий водолазный костюм решительно отказывался «утопить» Пунь. Тогда кореянка, перевернувшись головой, пустила в ход гребной винт. Дело пошло на лад. Она стала погружаться в бездну между двумя отвесными скалами.

Кореянка ужаснулась, увидев «холосую девуску» в объятиях отвратительного спрута. Пунь хотела броситься на помощь своей любимице, но не могла этого сделать: гребной винт пришлось остановить, и давление воды было так значительно, что кореянка ежеминутно могла быть выброшена вверх, как пробка. С величайшим трудом ей удавалось удерживаться, цепляясь пальцами за неровности скалы. Так, сантиметр за сантиметром, подвигалась она к спруту, не отпуская рук от скалы.

Заметив приближавшегося врага, спрут медленно повернулся и направил на Пунь немигающие глаза. Кореянка, держась левой рукой за скалу, правой выхватила кортик и начала наступать на спрута, который уже освободил пару ног, чтобы схватить непрошеного посетителя. Пунь уже замахнулась кор-

тиком, намереваясь обрубить ногу, но спрут в этот момент выпустил огромное облако сепии и скрылся за «дымовой» завесой. Тогда Пунь решилась на отчаянное средство. Высоко подняв правую руку, воо-

руженную кортиком, она выждала, пока холодный и скользкий конец ноги спрута, шероховатый только на том месте, где имелись присосы, не коснулся ее тела и не обвился вокруг бедер. Тогда Пунь отняла левую руку от скалы — теперь спрут держал ее, и она не рисковала взлететь наверх, — сделала небольшой надрез на обвившей тело ноге. Давление ужас-

ного кольца несколько ослабло. Спрут подтягивал тело Пунь все ближе к себе. Этого она и ожидала. Нащупав левой рукой тело спрута, Пунь начала быстро и уверенно наносить удары, стараясь поразить его в самое сердце. Мускулы щупальца, обвившего ее тело, ослабели; щупальце разжалось и беспомощно повисло. Пунь поняла, что спрут издыхает, и принялась осторожно обрубать остальные щупальца, присосавшиеся к водолазному костюму Пулковой. Когда последнее было отрублено, Пунь, обхватив Пулкову, быстро поднялась с нею на поверхность.

На поверхности океана было раннее утро. Пунь заглянула через стекло скафандра в лицо Пулковой — и ужаснулась. Лицо Аленки было бледное и неподвижное, как у мертвеца.

Изнемогая от усталости, Пунь, наконец, добралась до берега; набежавшая волна выбросила ее на песчаную отмель вместе с Пулковой. Не теряя времени, кореянка быстро сняла с головы Елены скафандр и начала трясти ее за плечи, не зная, как привести в чувство. Ветер, яркий солнечный свет и морской воздух скоро вернули Пулковой сознание. Она открыла глаза, посмотрела на Пунь и поняла все.

— Холосая девуска, — ласково сказала Пунь, целуя Елену.

XXV. РЫБКА НА КРЮЧКЕ

В тот самый день, когда Пулкова отправилась в свое рискованное путешествие, Ванюшка находился у северных границ подводного совхоза. Ему хотелось во что бы то ни стало выследить неизвестного врага, который портил водоросли. Целый день Ванюшка плавал вдоль и поперек подводных плантаций, но не встретил ничего необычного.

Вечер в воде наступает гораздо раньше, чем на земле. Даже на небольшой глубине уже сгущаются серо-зеленые сумерки, в то время как на земле еще тихо тает закат. Скоро в воде стало совершенно темно. Плыть без света было рискованно, зажигать же фонарь Ванюшка не решался, чтобы не привлечь

внимания врага. Вода похолодела. Ванюшка устал, а близость сторожки соблазняла возможностью поесть и хорошенько выспаться. Глаза слипались. И тут совершенно неожиданно далеко на востоке он увидел в воде странное размытое световое пятно. Постепенно пятно начало растягиваться, превращаясь в длинный конус. Очевидно, источник света перемещался и, все усиливаясь, с поразительной быстротой приближался к Ванюшке. Тогда Ванюшка решил, что безопаснее будет опуститься ниже и пропустить неизвестного пловца над собой. Скоро водное пространство вокруг осветилось ярче, чем в солнечный полдень. Многочисленные рыбы сверкали в сияющем конусе света серебром чешуи. Ванюшка поспешно опустился в темную глубину и, зацепившись за густую водоросль, взволнованно смотрел на загадочного подводного бродягу. Это была подводная лодка. Ванюшка хорошо рассмотрел ее длинный продолговатый корпус, когда лодка проплывала над самой его головой.

Это была особенная лодка, странной формой корпуса напоминавшая акулу. Когда субмарина с необычайной быстротой пронеслась над ним, Ванюшка выплыл из своего убежища и поплыл вслед, пытаясь нагнать. Но это было не легко — лодка обладала исключительно быстрым ходом. И Ванюшка никогда не догнал бы ее, если бы субмарина, круто повернувшись, не остановилась.

И вдруг на гладком теле «акулы» как будто выросли крылья. Эти крылья состояли из сложной системы кос и стержней, снабженных крючками. Медленно опустившись почти на дно, лодка двинулась в путь, захватывая крючьями водоросли и подрезая их косами почти под корень. Иногда лодка начинала хлопать крыльями, чтобы сбросить нависшие водоросли, и снова принималась за свою разрушительную работу.

Ванюшка ругался всеми ругательными словами, какие только знал, и специально для этого случая придуманными, видя те разрушения, которые производила субмарина. Не могло быть никаких сомне-

ний в том, что это был тот самый неуловимый враг, тот вредитель, который наделал столько хлопот подводным совхозникам.

Кто находился внутри субмарины? Таяма? Но может ли частный человек иметь подводную лодку? Ванюшка решил проследить возможно дальше, куда она направится. Пользуясь тем, что субмарина шла сравнительно медленно, Ванюшка подплыл к ней сзади и ухватился за один из торчавших стержней.

Несколько часов подводная лодка занималась своим вредительским делом, уничтожив водоросли на огромном расстоянии. Ванюшка беспомощно болтался в воде, вцепившись в беспрерывно двигавшийся стержень. Потом лодка остановилась и неожиданно «сложила крылья». Косы и стержни плотно прижались к бокам, войдя в пазы. Крюк, за который держался Ванюшка, также вошел в особый паз так быстро, что Ванюшка едва успел выпустить руки, а ниже лежащий крюк неожиданно прижал его ногу. Крюк не переломил ногу и даже не сдавил ее слишком больно, но, несмотря на все усилия, Ванюшка не мог освободить ее.

— Вот так фут возьми! Попался на крючок, как рыбефка! — прошептал Ванюшка, пуская пузыри. Руки его были свободны. Он попытался приподнять крюк, но не смог даже сдвинуть его с места.

А субмарина понеслась вперед с необычайной скоростью. Давлением воды, как ветром в бурю, Ванюшку отклонило назад, и ему с большим трудом удалось выпрямиться, пригнуться и лечь на корпус лодки головой вперед.

Это было безумное путешествие. Ванюшка летел среди морских просторов неведомо куда, но уж наверно навстречу своей гибели. Долго ли продлится это путешествие?.. У Ванюшки мог иссякнуть кислород, он мог умереть с голоду; наконец, если он благополучно достигнет вместе с лодкой ее пристани, то там его найдут и, конечно, не пощадят. Невесело!

Сколько времени прошло в этом молчаливом беге, Ванюшка не мог определить. Он так устал, что, несмотря на всю необычайность положения, задремал.

Проснулся он от особого ощущения тепла: вода вокруг словно утратила свою плотность и стала прозрачная. Очевидно, субмарина шла не глубоко под уровнем океана, и на земле наступило утро. У Ванюшки невольно сжалось сердце. Что принесет это утро?..

Через минуту яркий солнечный свет осветил Ванюшку. Лодка покачалась и, наконец, неподвижно остановилась.

Ванюшка оглянулся вокруг. Над ним был застекленный свод гигантского павильона. Лодка качалась в бетонированном бассейне. Люк открылся, и оттуда вышли три молодых японца: один из них — в костюме морского офицера и два — в матросских. Ванюшка лежал на поверхности лодки, погруженный в воду по плечи. Японцы еще не видали его. Офицер — очевидно, капитан — поднял свисток-сирену, висевший у него на шнурке, и издал короткий пронзительный свист. Все три моряка стояли спиной к Ванюшке, глядя на широкую стеклянную дверь в стене, которой замыкался свод. От двери до бассейна шла лестница из белого мрамора. Скоро стеклянная дверь открылась, и к бассейну спустился в японском халате, с веером из слоновой кости в руке Таяма. Улыбаясь, он сказал несколько слов по-японски и вдруг, перестав махать веером, высоко поднял свои светлые пушистые брови и вскрикнул, как птица. Моряки, как по команде, повернули назад головы и увидели Ванюшку. Он привстал и, кивнув мокрой головой, сказал, несколько гнусавя, так как нос его был зажат аппаратом:

— Доброго утра!

Таяма даже рот открыл от изумления, услышав это приветствие. Потом лицо его нахмурилось. С треском сложив веер, он начал нервно бить им себя по ладоням и, подойдя к самому краю площадки, сказал, обращаясь к Ванюшке:

— Вы опять изволили пожаловать ко мне в гости! Прошу вас, выходите же сюда.

— И рад бы, да не могу, — отвечал Ванюшка. — Я тут за крючок зацепился маленько.

— За крю... заце... — неожиданно высоким голосом вскрикнул Таяма и вдруг залился таким неудержимым смехом, что его толстый живот запрыгал, шелковый халат затрепетал, как флажок на ветре, щеки задрожали, а маленькие, заплывшие, узкие, косые глазки прослезились.

Смех прекратился так же неожиданно, как начался. Таяма вдруг ударил себя по ладони левой руки веером, точно приказывая самому себе замолчать. Лицо купца стало бесстрастно, как маска; он спокойно отдал какое-то распоряжение. Матрос подошел к Ванюшке и сковал его руки ручными кандалами; другой матрос опустился в люк подводной лодки. Крюк, прижавший ногу Ванюшки, приподнялся. Первый матрос вытащил Ванюшку из воды и перенес, держа на руках, на мраморную лестницу.

— Это что же такое? — угрожающе спросил Ванюшка, приподнимая скованные руки и обращаясь к Таяме.

Но купец не спеша повернулся и раскачивающейся походкой вышел из стеклянного павильона.

Матросы, подтолкнув Ванюшку сзади, жестами приказали ему идти.

«Вот так влопался, фут возьми!» — подумал Топорков.

Они вышли из павильона. Ванюшка увидел небольшой, но чрезвычайно живописный карликовый японский садик. Маленькие корявые столетние сосны, миниатюрные беседочки, игрушечные мостики, переброшенные через ручьи, прудик, цветочные клумбы придавали саду необычайный вид. Налево виднелся небольшой японский домик с открытой верандой, на которую вела лестница в несколько ступеней без перил. На веранде сидел на полу, поджав ноги и положив руки на колени, молодой человек в национальном японском костюме; против него в такой же позе — «косоглазенькая», дочь Таямы. Она посмотрела на Ванюшку, и взгляд ее — только взгляд — выразил мгновенную смену радости, удивления и огорчения. Ванюшка прошел мимо японского домика и обогнул его. Один из матросов

крикнул пожилому японцу, который стоял за домом в тени вишневого дерева. Пожилой японец быстро посмотрел на Ванюшку и еще быстрее повернулся к нему спиною и скрылся за углом дома.

Ванюшка готов был держать пари, что он видел перед собою Цзи Цзы! Но этого не могло быть: муж Пунь, кореец Цзи Цзы, не мог оказаться в Японии!

Карликовый садик кончился. Через ворота в живой изгороди Ванюшка со своими конвоирами вышел на большой, хорошо мощенный двор с различными службами, автомобильным гаражом и каменным двухэтажным домом с верандой. Это был настоящий европейский уголок. Возле водопроводной колонки стоял большой автомобиль с темно-синим кузовом. Молодой японец-шофер в кожаном костюме поливал колеса и крылья автомобиля из шланга и затем тщательно вытирал их тряпкой. Увидав необычайного арестанта с черным носом, ранцем за спиной и резиновой трубкой, идущей от носа к ранцу, японец в кожаном костюме прекратил работу и проводил Ванюшку внимательным взглядом. В этом взгляде Топорков подметил нечто такое, что заставило его также внимательно посмотреть на шофера.

Конвоиры остановились посредине двора. На балконе второго этажа появился Таяма. Он застегивал воротник крахмальной рубашки, пыхтя от натуги. Отдышавшись, он указал рукой на гараж, отдал короткое распоряжение и скрылся.

Матросы сняли с Ванюшки водолазный костюм и отвели его в пустой гараж. Двери закрылись, щелкнули замки. Ванюшка с ручными браслетами на руках остался один.

XXVI. СЕРП И МОЛОТ

Ванюшка осмотрел свою тюрьму. Широкие двери закрывались плотно. Слабый свет проникал через небольшое окно у самого потолка. Второе окно, тоже у самого потолка, вело, очевидно, в ту часть гаража,

где помещалась легковая машина Таямы. Здесь, в Ванюшкиной тюрьме, находился старый грузовик и разный автомобильный хлам: старые колеса, шины, бидоны из-под бензина. Ванюшка осмотрел все углы, подошел к дверям и начал стучать подошвами, с которых еще не были сняты свинцовые пластины-грузила. Дверь приоткрылась, яркий луч света ослепил его. Ванюшка посмотрел на двор и увидел, что в автомобиле, уже блестевшем, как новенький, сидели Таяма, его дочь и молодой человек, который был с «косоглазенькой» на веранде дома. Все они были в белых европейских костюмах. Японка увидела Ванюшку, но в этот момент автомобиль выехал за ворота.

Ванюшка жестами начал объяснять матросу, стоявшему у дверей, что он хочет пить и есть и что ему мешают кандалы. Жесты он подкрепил энергичными русскими ругательствами.

— Фтоб сейчас сняли эти фтуки, фут возьми! — кричал он, потрясая кулаками.

Японец неопределенно кивнул головой и запер дверь.

Через несколько минут явилась девочка японка в длинном балахоне, с черными взлохмаченными волосами, и принесла миску риса. Ванюшка вдруг озлился. Вареный рис совсем не улыбался ему, привыкшему к основательным мясным блюдам Марфы Захаровны.

— Не хочу я кафы! Кафой не наефся, фут возьми! — Он едва не выбросил миску с рисом, но, подумав, взял ее обеими руками и сказал, обращаясь к девочке: — Мяса хочу, хлеба... Бурфуи проклятые!..

С отвращением съел пресный, безвкусный, как жеваная бумага, рис. Напала тоска. «Браслеты» уже успели натереть руки. Таяма, наверное, его пустит в расход. Эх, пропала жизнь! Ванюшке вдруг стало жалко себя. Вспомнился ему подводный совхоз, вспомнилась Аленка. Всех жалко, и совхоза жалко. Сколько сделано, а еще больше сделать надо... Ну что ж, если и придется погибнуть, то он умрет, как солдат на посту. Эта мысль вдруг наполнила Ванюш-

ку бодростью. Нечего нюни распускать! Он сумеет, если понадобится, встретить смерть, как настоящий мужчина.

Свет солнца на потолке давно погас, и через окно Ванюшка увидал звезды. Шум голосов, слышавшихся со двора, постепенно затихал. Где-то далеко заиграли на рояле. От этих звуков у Ванюшки вновь неудержимо защемило сердце. Где-то под полом скребли крысы. Вот теперь они шуршат за стеной. Да крысы ли это? Ванюшке показалось, словно кто-то осторожно ходил в соседнем помещении гаража, — и в этот самый момент Ванюшка едва не вскрикнул от удивления.

Рама в окне на внутренней стенке вдруг тихо откинулась и опустилась; в образовавшемся отверстии появилась чья-то голова, и неизвестный человек, осторожно спустив к Ванюшкиным ногам легкую металлическую лесенку, слез, подошел к Ванюшке и, дружески улыбаясь, протянул ему руку. Лицо незнакомца показалось Ванюшке знакомым. Он видел это лицо совсем недавно! «Шофер!» — вспомнил вдруг Ванюшка.

— Комрэйд! — тихо прошептал шофер.

Ванюшка не понял его. Японец постоял, задумавшись, потом, пошарив, нашел на полу кусочек мелу, нарисовал на стене серп и молот и, указав Ванюшке на эту эмблему, ткнул пальцем себе в грудь.

— Товарищ! — тихо прошептал Ванюшка, и японец так же тихо ответил:

— Товарищ!

Теперь для Ванюшки все было ясно. Здесь, в чужой стране, у него есть друзья, как и во всем мире. Эти друзья спасут его. Ванюшка предполагал, что шофер предложит ему немедленно бежать из тюрьмы через окно. Но шофер жестами дал понять Ванюшке, чтобы он ждал, а сам убрался тем же путем, каким явился, и унес лестницу.

Прошло некоторое время, и в окне вновь появилась голова шофера. Вслед за ним появилась вторая голова. Второй спаситель — белый как лунь старик — также дружески пожал руку Ванюшке и, при-

близив толстые губы к самому его уху, начал говорить.

В молодости старик занимался рыболовством, ходил на промысел в русские воды и научился с грехом пополам говорить по-русски. Шофер пригласил его как переводчика и просил передать следующее:

— Сегодня утром он, шофер, ездил с господами в город. Таяма отвез свою дочь и ее жениха к сестре своей...

«Так вот кто был тот молодой человек! Жених «косоглазенькой»!» — мелькнула мысль у Ванюшки.

— ...а сам заехал к начальнику полиции и, захватив его с собой, вернулся домой. По пути рассказывал о своем пленнике, спрашивал, как поступить с ним. Начальник полиции ответил, что, конечно, надо его... чкр! — И садовник жестом показал, как отрубают голову.

У Ванюшки вдруг похолодело на сердце и подтянуло живот.

— «Но как лучше спрятать концы в воду?» — спросил Таяма.

«Именно в воду, — ответил начальник полиции. — Отвезите труп коммуниста в вашей подводной лодке и бросьте на съедение рыбам!»

Но вот он — коммунист, — продолжал старик, показывая пальцем на шофера, — и вы коммунист. И он сказал, что спасет вас, но это трудно. С острова некуда бежать, а на острове вас скоро разыщет полиция. Надо обдумать, как спасти вас.

Все молчали. Потом Ванюшка тихо зашептал:

— Я могу спастись, если удастся достать мой водолазный костюм. Надо выкрасть его у Таямы.

Садовник перевел слова Ванюшки шоферу. Тот отрицательно покачал головой:

— Невозможно. Дом Таямы — крепость.

Ванюшка улыбнулся.

— Но в этой крепости, — ответил он, — есть предатель, который поможет нам.

— Кто это?

— Дочь Таямы, — ответил Ванюшка. Жених? Это ничего не значит. Он, Ванюшка, видал, каким взглядом она посмотрела на него!

Шофер радостно улыбнулся. «Золотая лилия», так зовут по-японски дочь Таямы, каждое утро совершает прогулку на автомобиле. И шофер может поговорить с ней. Но так как это сделать можно только завтра, то побег придется отложить до следующей ночи.

— А если меня завтра чкр!.. — повторил Ванюшка звук и жест садовника.

Шофер ответил:

— Они не решатся убить вас и закопать ваше тело на земле Таямы. Они должны вывезти вас на подводной лодке. Но я сделаю так, что механизм лодки испортится и механик заявит, что на исправление потребуется не менее суток.

И неожиданные друзья, пожав Ванюшкину руку, неслышно удалились.

XXVII. «ФЫВ!»

Впоследствии, когда Ванюшка вспоминал о том, что с ним произошло дальше, ему казалось, что он видит сумбурный сон.

Томительный день. Надоевший разварной рис. «Браслеты» на руках. Запах пыли, каучука, керосина. Луч солнца сквозь узкое окно. Жара. Томительное течение минут. Полусон, полузабытье. Его кто-то будит, осторожно трогая за руку. Это шофер. Он снимает ручные кандалы. Вместо желтого теплого солнечного света — серебристый свет луны. Шофер увлекает Ванюшку к лестнице.

Ураганный теплый ветер дует в лицо. Деревья шумят. Луна прыгает в облаках; скоро облака окончательно закрывают луну. Шофер тянет Ванюшку за руку. Они проникают в карликовый садик. Тьма, зги не видать. Неожиданно шофер, идущий впереди, останавливается. Слышится шепот. Это старик садовник.

Старик нырнул куда-то во мрак и через некоторое время вернулся с водолазным аппаратом. Ранец, фонарик, наносник с трубкой, гребной винт — как будто все в порядке. Ванюшка быстро надел на себя аппарат, подвязал башмаки с грузилом и тяжелой походкой двинулся дальше. Буря выла, заглушая звуки его шагов. Недалеко от стеклянного павильона, где находилась подводная лодка, Ванюшка заметил темную фигуру. На мгновение луна выглянула из-за туч, и Ванюшка узнал дочь Таямы. «Косоглазенькая», — подумал он благодарно. Но на дворе вдруг послышались крики, и вслед за тем раздалось два выстрела. Неожиданно в саду вспыхнули электрические фонари, осветив его, как днем.

— Тревога! — сказал старик. — Спасайся скорей, прыгай в бассейн!

Садовник скрылся в кусты. Шофер пожал руку Ванюшке и тоже поспешил скрыться.

А со стороны двора в сад уже вбегало несколько вооруженных людей. Они начали стрелять. Ванюшка видел, как «косоглазенькая» вдруг слабо вскрикнула и упала. Стиснув зубы, Ванюшка бросился в павильон и, не оглядываясь, ринулся в темную воду бассейна.

Кислородный аппарат действовал исправно. Ванюшка зажег фонарь и увидал, что находится в широком подводном тоннеле. Погасив фонарь и пустив в ход маленький гребной винт, быстро поплыл. Скоро по усилившемуся движению воды понял, что находится в открытом океане. На поверхности, вероятно, была сильная буря, если даже здесь, на порядочной глубине, Ванюшку изрядно качало. И вдруг ему показалось, что море вокруг него как будто стало светлее. Ванюшка оглянулся и, к своему ужасу, увидал ослепительный свет прожектора. Сомнений не было, за ним гнались на подводной лодке.

Что делать? Опуститься вниз? Но он не мог в своем легком водолазном костюме погружаться на большую глубину. И, немного подумав, Ванюшка решил подняться на поверхность. Рассвирепевший океан как будто только и ждал этого. Он начал играть

с Ванюшкой. Подбрасывая его вверх и вновь опуская в бездну, обрушивал каскады пены, вертел, трепал, носил из стороны в сторону. У Ванюшки закружилась голова; и, улучив момент, он опять опустился вниз, но сразу попал в полосу яркого света и принужден был вновь подняться на бушующую поверх-

ность океана. Так повторялось несколько раз. Наконец он заметил, что подводная лодка ушла вперед.

Под утро он почувствовал недостаток кислорода. Очевидно, аккумуляторы истощались. Ванюшка всплыл на поверхность и надул водородом резиновый мешок. Буря утихла; светало.

Почти весь день Ванюшка носился на волнах, изнывая от жажды и еле живой от усталости.

Наконец, когда солнце уже было на закате, он увидал невдалеке шхуну с красным флагом — советским флагом! Он начал кричать, рискуя надорвать горло. Наконец его заметили и, почти потерявшего сознание, приняли на борт. Только на пятые сутки

после захода солнца Ванюшка высадился на берег у пристани химического завода подводного совхоза. Тотчас потребовал себе заряженный аккумулятор и, забежав на минуту в контору, поспешил сообщить в Гидрополис о своем прибытии. К телефону подошел Гузик, и по тому, как он вскрикнул, услы-

шав голос Ванюшки, можно было судить, насколько друг обрадовался его возвращению.

В подводном жилище Ванюшку встретили с самой бурной и искренней радостью. Старуха Конобеева даже прослезилась.

— Тебя-то и в живых не чаяли видеть, — сказала она, утирая слезу уголком платка, которым была повязана ее голова.

— Фыв! — сказал Ванюшка, и только один Волков, который лучше других привык к его произно-

шению, понял, что это должно означать «жив». — Фыв, и еще сто лет профыву. — Он потер кулаком слипающиеся глаза и сказал сонным голосом: — Сил нет, спать хочется. Завтра вечером мы устроим торфественный уфин, и я вам все расскафу.

Он едва дошел до кровати и, не раздеваясь, уснул. А наутро, когда Волков пришел будить его, чтобы идти вместе на работу, он нашел только пустую кровать. Пунь сказала, что Ванюшка ушел с «холосей девуской». Волков улыбнулся.

«Им много надо рассказать друг другу», — подумал он и отправился на работу один.

XXVIII. ПРЕРВАННЫЙ УЖИН

Вечером все вновь собрались в столовой. Марфа Захаровна и Пунь сбились с ног, готовя кушанья. Тут были и знаменитые сибирские пельмени, и пироги с рыбой, и жареные утки, и рыба, и сладкая пастила из водорослей, и варенья, и фруктовые воды. Все принарядились и выглядели празднично. Волков был избран председателем и объявил повестку дня «торжественного заседания», которое должно было состояться перед ужином.

1. Елена Пулкова. Информация. — Это означало, что Пулкова должна была подробно рассказать Ванюшке о своем приключении в подводном каньоне. В сущности говоря, большой надобности в таком докладе не было, так как Аленка уже, наверное, рассказала Ванюшке обо всем во время прогулки, но то был неофициальный доклад.

2. Иван Топорков. Информация. — Ванюшка должен был рассказать обо всем, что с ним произошло за время его отсутствия.

3. Семен Алексеевич Волков. Доклад. — Волков предполагал в кратких чертах описать все работы по устройству подводного совхоза и достижения.

Когда повестка дня была оглашена и утверждена собранием, Ванюшка поднялся, необычайно покраснев, стараясь прикрыть смущение развязностью тона

и поглядывая на Пулкову, которая тоже почему-то смутилась и опустила глаза.

— Товарищи, — сказал он сдавленным голосом,— позвольте, так сказать, перед официальной частью в общем и целом сделать маленький доклад, так сказать по личному вопросу... целиком и полностью...— Ванюшка вздохнул, еще раз взглянул на Пулкову и продолжал: — Дело в том, что я... что мы с Еле...

Но тут произошло нечто неожиданное. Подводный город содрогнулся. Громовой удар послышался за стеною. Что-то заскрежетало, зашумело. Второй глухой удар последовал за первым. В углу разошлись бревна, и в расщелине показалось нечто черное, длинное, остроносое и тотчас ушло назад. А в образовавшееся отверстие и через щели раздавшихся бревен хлынула вода.

Все окаменели от неожиданности, с недоумением глядя друг на друга. В тот же момент погас свет. Ноги ощутили холод воды, быстро поднимавшейся.

В жуткой тьме послышалось завывание двух существ. То были Хунгуз и Пунь, а Марфа Захаровна точно лаяла коротко и отрывисто: «Ах! ах! ах!» — и залилась истерическим плачем.

— Однако, старуха, где ты? — вскричал Конобеев.

— Аленка! — изменившимся голосом звал Ванюшка.

— Я говорил, что принесу несчастье Гидрополису! — промолвил Масютин, но его никто уже не слушал.

— Тише! — покрыл все голоса голос Волкова. — Без паники! Скорей через библиотеку и лабораторию к выходу в коридор! Мы перейдем в мой домик, который, быть может, не залит водой.

Все поднялись и уже по пояс в воде бросились к выходу. Железная дверь отодвинулась, и люди начали вбегать в коридор, который соединял центральный дом с домиком Волкова. Здесь также не было света. Кто-то задвинул железную дверь. Вода перестала вливаться, хотя и сюда ее набралось по коле-

но. Друзья вошли в избушку Волкова и здесь остановились.

— Придется скорее пройти в склад и надеть водолазные костюмы, — послышался голос Волкова. — Быть может, вода настигнет нас и здесь.

Голос Масютина ответил:

— Но здесь только три водолазных костюма, а нас всех семеро.

— Можно пройти в склад по боковому коридору, недаром же мы их сделали, — промолвил Ванюшка. — Товарищ Масютин, Семен Алексеевич, Аленка! Надевайте скорей водолазные костюмы. Гузик, где ты? Открывай боковую дверь в коридор. Гузик! Да где же ты, фут возьми?

Гузик не отзывался.

— Фто за фтука! Товарищи, Гузика нет! — уже с тревогой в голосе крикнул Ванюшка.

— Этого еще не хватало! — проворчал Волков.

Ванюшка постоял минуту, что-то соображая, и вдруг бросился к железной двери, крикнув на ходу:

— Ты, Макар Иванович, женщин провожай, а я поплыву Гузика разыскивать.

— Однако, куда ты поплывешь, оглашенный, без водолазных снарядов?

Но Ванюшка не слушал Конобеева. Он открыл железную дверь и, с трудом справляясь с идущим навстречу потоком, ринулся по коридору, через который он только что бежал. Плывя у самого потолка, Ванюшка мог дышать.

Из столовой он проплыл в библиотеку-читальню, а из нее — в машинное отделение, причем для того, чтобы проникнуть в двери, ему каждый раз приходилось нырять. Из машинного отделения дверь вела в пространство между деревянным домом и металлическим колпаком. Ванюшка поплыл туда и попытался пустить в ход предусмотрительно поставленные на случай внезапной аварии помпы. Они действовали. Вода начала спадать. Откачав ее, Ванюшка открыл вторые железные двери, вошел под колпак южного дома и, наконец, открыл дверь комнаты. Свет ослепил его. В лаборатории, у электрической

плиты, стоял Гузик, освещенный водолазным фонарем. Он занимался странным делом: поджаривал на горячей плите какие-то бумажки.

— Гузик, с ума ты софел! Фто ты тут делаефь? — вскрикнул обрадованный Ванюшка. — Где ты пропадал?!

Гузик посмотрел на Ванюшку с обычной растерянностью и ответил:

— Понимаешь, я вспомнил, что в машинном отделении остались мои чертежи и формулы очень важного изобретения, и вернулся, чтобы спасти их. Они лежали в ящике стола и маленько подмокли...

Друзья надели костюмы и направились по длинному коридору, соединявшему южный дом с западным, стоявшим лицом к берегу. Здесь, в комнате Волкова, Гузик и Ванюшка нашли всех остальных обитателей подводного жилища.

* * *

Все были подавлены случившимся. И у всех было такое чувство, словно они сдавали крепость врагу. Шли в темноте по знакомой дороге. Даже фонари зажигать не решались. И только над поверхностью воды начали вспыхивать один за другим фонари, пока не зажглись все семь, растянувшись световой гирляндой.

Женщин устроили в конторе, а мужчины тотчас отправились в океан, чтобы исправить повреждения. Оказалось, что лодка пробила насквозь железный коридор, соединявший восточный и северный домики. Стальной нос протаранил толстую железную броню центрального колпака! Но какой же крепости должна быть лодка и какой силы мотор, приводящий ее в движение!

XXIX. ЭЛЕКТРОМАГНИТ ДЕЙСТВУЕТ

После первого нападения надо было ожидать второго. В конторе завода Волков собрал «военный совет», чтобы обсудить план защиты. Первым взял слово Гузик.

— Субмарина Таямы, — заявил он, — своего рода чудо военной техники. Если нам удастся захватить ее как военный приз, то это будет отличное приобретение.

— Захватить! Легко сказать, — отозвался Ванюшка. — В сети ты ее не поймаешь.

— Существует сеть, — ответил Гузик, — которую она не пробьет. Видал ли ты когда-нибудь детские игрушки: уточки, рыбки, сделанные из легкого металла, пустые внутри и с железным наконечником? Эти уточки и рыбки пускают в блюдце с водой и при помощи маленького магнита заставляют их двигаться. Так вот: я думаю поймать лодку Таямы, как игрушечную рыбку, при помощи магнита. Но так как «рыбка» велика, то и магнит должен быть особенный. Я опояшу металлическим кольцом наш подводный дом и при помощи тока большой мощности превращу это кольцо в электромагнит гигантской силы.

Этот план заинтересовал всех, хотя и высказывались сомнения в его осуществимости. С особой горячностью возражал Ванюшка. Гузик был непреклонен. Его, как изобретателя, пленяли новые способы ведения войны. И в конце концов смелый план был принят.

Целый день подводники потратили на то, чтобы склепать и укрепить будущий электромагнит. Все источники электроэнергии, имевшейся в распоряжении Гузика, были пущены им вход. Наконец, когда электромагнит получил достаточную мощность, произвели опыт. Ванюшка надел на голову гребной винт, а на ноги толстые железные подошвы. Гузик заранее объяснил Ванюшке его роль. Ванюшка должен был изображать собой подводную лодку. Он отошел на несколько десятков метров от подводного жилища, поднялся при помощи гребного винта на два-три метра вверх и протянул ноги с железными подошвами по направлению к подводному жилищу. Гузик включил ток.

В тот же момент Ванюшка почувствовал, что он падает, но как-то странно: в горизонтальном на-

правлении. Электромагнит действовал! Тогда Ванюшка поспешил пустить в ход гребной винт. «Падение» замедлилось, как будто над головой юноши вдруг раскрылся парашют. Но все же Ванюшка продолжал двигаться ногами вперед к подводному жилищу, и чем дальше, тем быстрее. Наконец ноги довольно ощутительно ударились о железный пояс. У Ванюшки было такое ощущение, будто он спрыгнул на землю с крыши дома.

Он хотел оторвать ступни от электромагнита. Не тут-то было. Ноги точно вросли в железную полосу. К Ванюшке подбежал Волков, схватил его за руки и, пустив в ход свой гребной винт, начал тянуть юношу, как на буксире. Ванюшка не отрывался. Вслед за Волковым подошли Масютин, Конобеев и присоединили силы своих гребных винтов, цепляясь друг за друга, как «дедка за репку». Но даже четыре гребных винта не могли оторвать Ванюшку, а сам он, рискуя быть разорванным на части, начал кричать, дергать руками и мотать головой, разбрасывая во все стороны лучи своего фонаря. Но друзья не поняли его, приписывая эти движения выражению восторга. И Ванюшке плохо пришлось бы, если бы в этот момент Гузик не выключил ток. Вся четверка отлетела от магнитного пояса, помчалась вперед, влекомая быстро вращающимися гребными винтами.

Гузик был удовлетворен результатами опыта. Но все же решение задачи зависело от одного неизвестного: какова сила двигателя подводной лодки.

Еще до наступления ночи все были на местах. Гузик стоял наготове в машинном отделении Гидрополиса, а Ванюшка, Волков, Конобеев и Масютин расположились на четырех углах подводного жилища, лежа с погашенными фонарями в густых водорослях. Ванюшка смотрел в чернильный водный мрак, но ничего не видел. Минуты текли медленно. Ему уже захотелось спать, когда вдали мелькнуло едва заметное световое пятнышко. А через минуту Ванюшка уже не сомневался в том, что видит прожектор подводной лодки. Он побежал к подводному жилищу и начал стучать по стенке железного кол-

пака, желая предупредить Гузика о приближении врага. В ответ на этот стук вспыхнул прожектор Гидрополиса, и все окна подводного жилища ярко засияли огнями. Ванюшка начал еще сильнее стучать в стенку.

— Ну, что ты колотишься, как припадочный! — услышал вдруг Ванюшка голос Гузика, незаметно подошедшего к нему. — Я нарочно осветил Гидрополис, чтобы Таяме удобнее было найти его.

— А вдруг Таяма при ярком свете увидит пояс? — с опаской спросил Ванюшка.

— Увидит, когда будет поздно, да и, увидав, ничего не поймет. Не беспокойся. Когда лодка приблизится на расстояние трехсот-четырехсот метров, стукни мне, и я пущу ток.

Не доходя несколько сот метров до Гидрополиса, подводная лодка повернула, замедлив ход, и поплыла вокруг подводного жилища, словно отыскивая удобное место для атаки или высматривая, не угрожает ли ей какая-либо опасность. Ванюшка постучал Гузику. Лодка сделала полный круг и начала второй, уже на расстоянии не более сотни метров. Но тут Ванюшка заметил, что лодка начала двигаться как-то странно. Она виляла из стороны в сторону, как автомобиль в руках неопытного шофера, — причем Ванюшка заметил, что расстояние между лодкой и Гидрополисом быстро уменьшается.

«Действует!» — подумал Ванюшка, холодея от волнения.

Свет прожектора все усиливался. Как огромная серебристая акула, быстро разрезала субмарина зеленоватые воды. Только нос ее не напоминал морду акулы — он был слишком острый и походил на голову щуки.

XXX. СЛОЖЕНИЕ СИЛ

Но тут картина вновь изменилась. Подводная лодка вдруг остановилась под тупым углом по направлению к Гидрополису и дала задний ход. Гребной винт работал с такой силой, что вокруг Ванюш-

ки поднялось настоящее волнение, и со дна, как дым, закрутились вихри ила. Ванюшка принужден был переползти на несколько метров. С нового места субмарина была хорошо видна. Казалось, она была привязана невидимым тросом, который тщетно старалась разорвать. Но все же, видимо, и «трос» испытывал огромное напряжение и как будто вытягивался. И вот случилось, казалось, непоправимое. Медленно-медленно, как улитка, субмарина начала отходить назад. Борьба была решена в пользу Таямы!

— Так нет же! — закричал Ванюшка, поднимаясь на ноги.

Он вдруг подбежал к подводной лодке с быстротой, какая только была возможна под водой. Ему пришла в голову мысль: схватиться за выступы сложенных «крыльев» и, пустив в ход свой гребной винт, тянуть подводную лодку к дому, как упирающегося козла. Он подплыл к лодке, ухватился за нее и начал тянуть. «Ведь там, где противники почти равны, ничтожная прибавка силы может дать одной стороне перевес!» — думал Ванюшка.

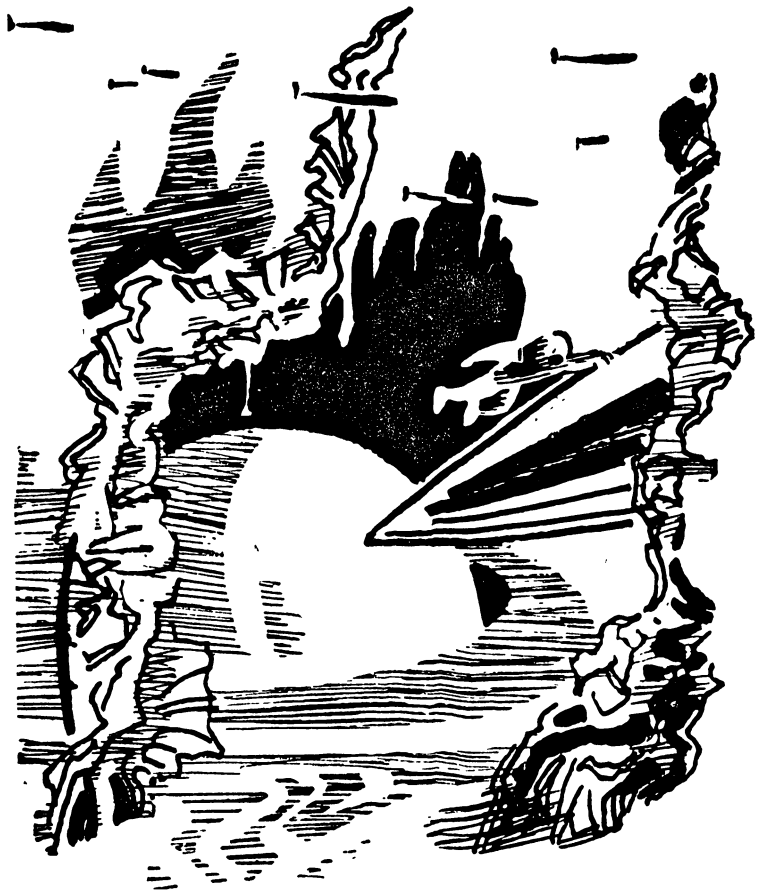
Его расчет оправдался: лодка остановилась. Тут на помощь Ванюшке подоспели Волков и Конобеев, которые поняли и оценили его план. Волков схватился за лодку с другой стороны, а Конобеев, уцепившись снизу, потянул субмарину, упираясь огромными ножищами в илистую почву.

«Сложение сил» подействовало. Лодка сначала медленно, а потом со все увеличивающейся скоростью двинулась прямо на Гидрополис.

— Ура-а! — крикнул Ванюшка и в тот же момент был сброшен вместе с Волковым развернувшимися «крыльями» лодки.

Едва ли это было сделано умышленно — крылья, состоящие из металлических кос, полос и крючьев, были развернуты, вероятно, для того, чтобы увеличить сопротивление. Скоро и Конобеев принужден был оставить лодку, которая рванулась вдруг с такой силой, что старик упал. Друзья с ужасом смотрели на этот бешеный прыжок, который мог нанести подводному жилищу страшные повреждения.

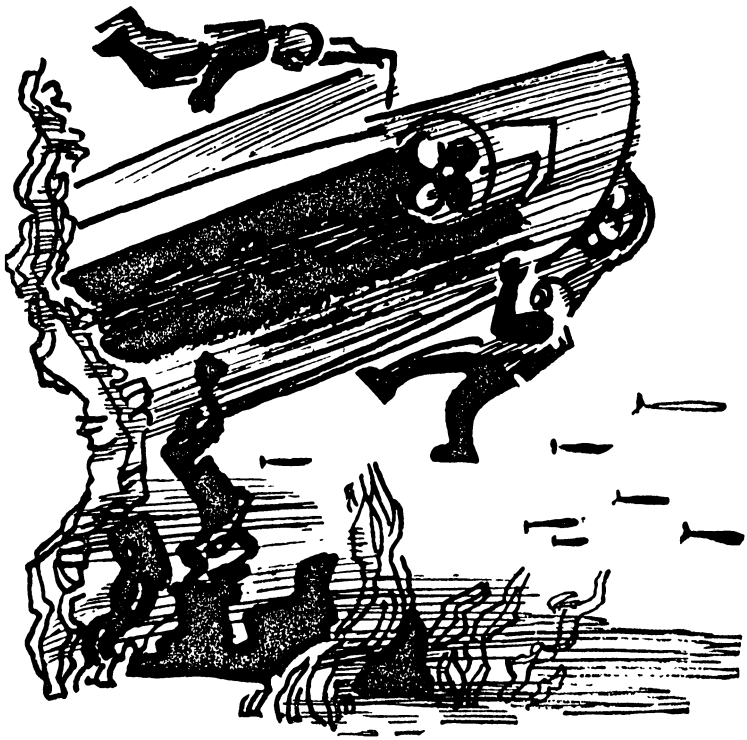
Однако случилось нечто неожиданное: на расстоянии каких-нибудь десяти метров субмарина круто повернула боком. Винт остановился, лодка правой



стороной пришвартовалась к железной полосе электромагнита и замерла.

— Стоп! Приехали! — крикнул Ванюшка в слуховую трубку Волкова. — Теперь, кафется, крепко влип Таяма!

Все поспешили к подводной лодке. Как бы не веря своим глазам, Ванюшка схватился за крюк, выступающий сбоку лодки, и потянул. Конобеев также



ухватился за лодку и начал ее тянуть. Но даже этот геркулес оказался бессильным сдвинуть ее с места. Лодка держалась так крепко, словно была припаяна к железной полосе.

— Надо отправить радиограмму людям в подводной лодке, — сказал Ванюшка и, пройдя в машинное отделение подводного дома, протелеграфировал:

«Сдавайтесь. Вы в плену, и вам не удастся бежать».

Ответа не последовало.

Ванюшка еще раз послал телеграмму, изменив длину волны:

«Гражданину Таяме. Говорит Иван Топорков, служащий подводного совхоза. Сдавайтесь. Телеграфируйте ответ через пять минут, иначе мы взорвем вас вместе с лодкой».

— С ума ты сошел! — вскрикнул Гузик. — Разве можно взрывать подводную лодку? Для того ли я старался?

— Это я фтоб напугать их, — ответил Ванюшка.

Но японцы упорно молчали. Они либо испугались угрозы, либо вовсе не получили радиограммы.

— Значит, не фелают с нами разговаривать, — решил Ванюшка. — Ну что ж, подофдем. Когда у них кислорода не хватит и начнут задыхаться, небось заговорят. Ты, Гузик, слушай, а я пойду посмотрю, что там делается.

И Ванюшка вышел из подводного жилища и подплыл к субмарине.

Если нельзя было видеть, то Ванюшка попытался услышать, что́ делается в подводной лодке. Зацепившись за крюк, он приложил к стальной стенке конец своей слуховой трубки, как врач, выслушивающий больного. Ему повезло. Металлические стенки субмарины очень хорошо пропускали звуки. Там, по-видимому, происходила довольно бурная сцена. Ванюшка отчетливо слышал возбужденные голоса, о чем-то горячо споривше. Ему даже показалось, что он узнал голос Таямы. Внезапно голоса замолкли. Послышалась глухая возня, как будто там, внутри лодки, что-то перетаскивали или боролись. Любопытство Ванюшки было возбуждено до крайности. Шум голосов усилился. Неожиданно послышался страшный треск. Револьверные выстрелы?.. Потом долго говорил один голос, как будто убеждавший. И снова возня, а вслед за нею — мертвая тишина.

Неожиданно кто-то тронул Ванюшку за ногу. Внизу под ним стоял Гузик с зажженным фонарем

на голове и жестом приглашал Ванюшку сойти вниз. «Наверное, телеграмма получена».

Ванюшка не ошибся. Гузик сказал, что от Таямы получен ответ. Таяма сдается.

XXXI. ХАРАКИРИ

Яркие лучи утреннего солнца заливали спокойную гладь океана, когда подводная лодка Таямы поднялась на поверхность. Волков, Конобеев и Масютин с четырьмя водолазными костюмами для пленного экипажа взобрались на мостик субмарины. Люк открылся, и друзья увидали белую чалму огромных размеров. Короткая толстая фигура с видимым трудом поднялась на мостик — человек средних лет с характерным японским лицом, одетый в белый морской костюм. То, что все приняли за чалму, оказалось неумело сделанной повязкой; сквозь ткань просачивалась кровь.

— Однако, Таяма! — вскрикнул Конобеев. — Паразит проклятый!

Волкову пришлось тронуть Конобеева за руку, чтобы привести в себя.

— Макар Иванович, не теряйте головы! — внушительно сказал Волков.

Но Конобеев ничего не слышал. Старик положил на площадку пару принесенных водолазных костюмов и, не спуская с Таямы глаз, начал протягивать к нему страшные огромные ручищи с узловатыми, поросшими волосами пальцами. А Таяма, бледный, с опухшим, болезненным лицом, стоял неподвижно и смотрел куда-то в пространство. И только когда рука Конобеева придвинулась совсем близко, Таяма, не изменяя неподвижности тела, сделал правой рукой молниеносное, короткое движение: средним и большим пальцем он сжал руку Конобеева у кисти. Макар Иванович — лесной великан, таежный зверь, который умел молча и спокойно переносить удары медвежьей лапы, срывающей кожу вместе с мясом, — вдруг завопил так, что его услышали на берегу.

Таяма, как будто ужалив, принял руку и вновь стоял неподвижно. Рука Конобеева упала вниз, как плеть. Старик уже не кричал, но смотрел на врага с безграничным удивлением. Масютин и Волков невольно улыбались. Они поняли, что произошло. Таяма применил один из приемов джиу-джитсу, доказав лишний раз, что ловкость, тренировка и умение побеждают грубую силу.

— Я требую, — сказал Таяма по-русски, воспользовавшись паузой, — чтобы меня, как пленного, оградили от оскорблений.

Волков внушительно посмотрел на Конобеева, а тот, растирая левой рукой правую, глухо проворчал:

— Однако, ладно уж! Семь бед — один ответ!

— Следующий! — крикнул Волков в отверстие люка. На площадку поднялся новый пленник. На этот раз не только Конобеев, но и Волков вскрикнул от удивления. Перед ними с застывшей улыбкой каменного изваяния стоял Цзи Цзы. Он был в своем обычном корейском костюме. Правую руку держал на перевязи.

— Однако, ты как сюда попал? — спросил его Конобеев. — Изменил нам? На сторону Таямы передался? Не твои ли это с водопроводом проделки были? Ну, подожди, ужотко повесим тебя на одном суку с Таямой!

— Эй, эй! — крикнул кто-то снизу в люк и произнес несколько слов на японском языке.

Волков нагнулся, посмотрел вниз и увидал, что человек в рабочем костюме поднимает на руках безжизненное тело матроса. Волков и Масютин извлекли это тело на площадку подводной лодки. Молодой японец матрос был еще жив. Но на его груди сквозь разорванную рубашку виднелась рана, нанесенная холодным оружием. Нечего было и думать, о том, чтобы такого тяжело раненного отправлять в Гидрополис. Волков вызвал с берега шлюпку, на которой раненого осторожно доставили на берег и поместили в больницу.

Последним поднялся на мостик молодой японец

в рабочем замасленном костюме, с черными как смоль короткими волосами и энергичным лицом. Он протянул руку Волкову и, приветливо улыбаясь, сказал на ломаном русском языке:

— Здравствуйте, товарищ!

Волков пожал ему руку и начал расспрашивать, но японец уже истощил свой запас русских слов и только беспомощно разводил руками. Затем он закрыл крышку люка, надел водолазный костюм и отправился вместе с Волковым и Масютиным в Гидрополис.

Таяму и Цзи Цзы конвоировали Ванюшка и Конобеев.

* * *

За большим круглым столом в библиотеке-читальне Гидрополиса собрались подводные совхозники, чтобы допросить пленных.

Первым — через переводчика — давал показания механик. По его словам, никто из экипажа подводной лодки не мог понять, почему она вдруг начала отклоняться от своего пути.

— Я, признаться, и теперь не понимаю, что́ случилось и какая невидимая сила притянула подводную лодку, как магнитом, к вашему подводному жилищу, — откровенно сознался механик.

Гузик самодовольно улыбнулся. Его авторское самолюбие было удовлетворено.

— В ваших словах вы сами даете ответ на вопрос, — сказал он японцу-механику и охотно рассказал ему об электромагните.

— Что же было дальше? — спросил Ванюшка, с нетерпением ожидавший конца объяснения Гузика.

— Мы не знали причины, но мы видели, — продолжал механик, — что лодка идет не туда, куда мы направляем ее, и мы поступали так, как если бы она попала в стремительный поток. Ничего не помогало. Мы не могли выбраться из этого заколдованного места и в конце концов...

— Влипли! — не утерпел Ванюшка.

— Влипли, — перевел переводчик.

— Влипли, — улыбаясь, кивнул головой механик. — И вот тут-то, — продолжал он рассказ, — в подводной лодке разыгрались страсти. Когда были получены телеграммы Топоркова, Таяма, взывая к нашему патриотизму, заявил, что он предпочитает взорвать лодку и погибнуть вместе с нею и нами, чем сдаться. «Надеюсь, — сказал он, обращаясь к нам, — что вы вполне согласны со мной!» Но тут его ждало разочарование. Я знал, что не из одного патриотизма и национальной гордости Таяма решается на такое героическое средство. Уничтожить подводную лодку ему было необходимо, чтобы не скомпрометировать многих лиц. Частенько гостями нашей подводной лодки были люди в штатском, но... с весьма военной выправкой. Капиталистические круги Японии с большой тревогой и неудовольствием смотрят на быстрый рост советского Дальнего Востока и на начавшуюся усиленную эксплуатацию естественных богатств. Не мудрено, что Таяма, много лет промышлявший у ваших берегов, старался всеми силами уничтожить подводный совхоз. Чтобы получать нужные сведения и причинять мелкий вред, он подкупил одного из ваших служащих...

— Цзи Цзы? — спросил Волков.

Механик утвердительно кивнул головой и продолжал:

— С какою осторожностью и тщательностью Таяма подбирал штат своих служащих! И все же он проглядел опасность; в самой подводной лодке оказались: один коммунист — это я — и один сочувствующий — раненый матрос, который в решительную минуту перешел на мою сторону, на нашу сторону!

Ванюшка тряхнул головой и промолвил:

— Здорово, фут возьми!

— Когда Таяма приказал взорвать подводную лодку, — продолжал механик, — я заявил, что отказываюсь исполнить его приказание и не допущу, не позволю взорвать ее. Услышав мои слова, Таяма взбесился: «Вы не позволите? — тихо переспросил он меня. — Что это, бунт?» — «Да, это бунт», — ответил я. Таяма заскрипел зубами, посмотрел на

остальных и, очевидно, решил сразу выяснить положение. «Ты со мною, Цзи Цзы!» — спросил он корейца. Цзи Цзы утвердительно кивнул головой. «А ты?» — обратился он к матросу. Матрос посмотрел на меня, на Таяму и, не колеблясь, ответил: «Я не оставлю товарища!» — и указал на меня. Тогда, выхватив неожиданно нож, Таяма, как тигр, бросился на матроса и нанес ему рану в грудь. Матрос упал. В ту же минуту сильным ударом мне удалось выбить из руки Таямы нож и отбросить его далеко; затем я бросился к машине, схватил спрятанный за нею револьвер и выстрелил в Таяму, ранив его в голову; следующим выстрелом я ранил в руку Цзи Цзы.

— Скажите, — перебил механика Ванюшка, — а почему вы не взорвали подводное жилище миной, а протаранили его?

Японец пожал плечами.

— Я думаю, — отвечал он, — что Таяма не хотел употреблять слишком... военных способов войны. Если только он захочет отвечать, от него вы можете получить ответ на ваш вопрос.

Волков спросил механика, как его зовут, и затем сказал:

— Товарищ Хокусаи! Наш допрос — неофициальный. Виновных мы предадим законному суду. Но уже теперь можно сказать, что даже среди обвиняемых вы не окажетесь, — Волков поднялся и крепко пожал руку механика. — А теперь, — продолжал Волков, — пройдите в столовую, хорошенько отдохните и позавтракайте.

Раненый матрос, которого допрашивали в больнице, подтвердил все показания механика. Цзи Цзы также довольно верно описал весь ход событий в подводной лодке. Но когда его спросили, как он попал к Таяме и что там делал, кореец заявил с напускным спокойствием:

— Я — человек свободный. У кого хочу, у того и служу. А кому служу, тому и ответ даю.

— Ну вот подожди, ты не то запоешь, когда тебе придется давать ответ перед судом, — сказал Ванюшка.

Остался недопрошенным только Таяма. Его показания должны были открыть много интересного. С тех пор как привели его в подводное жилище, он уселся в угол прямо на полу и, низко опустив голову, сидел неподвижно, как японская статуя.

Волков сказал Ванюшке, чтобы он сходил к Таяме и привел его на допрос. Ванюшка, взяв конвойных, отправился исполнять это поручение. Широко открыв дверь комнаты, он громко крикнул:

— Гражданин Таяма! На допрос!

Таяма продолжал сидеть неподвижно. Ванюшка еще громче повторил свой приказ. Таяма немного приподнял голову, посмотрел на Ванюшку, неожиданно громко произнес несколько японских слов нараспев. Вдруг Ванюшка заметил в правой руке Таямы довольно большой блестящий нож с широким лезвием. Как Таяма умудрился спрятать его? Ванюшка бросился к Таяме, желая обезоружить его, но было уже поздно. Таяма быстро и хладнокровно занес нож с левой стороны внизу живота, вонзил по рукоять и быстрым движением разрезал живот слева направо с такой ловкостью, как будто харакири было для него самым обычным делом. Поток крови залил пол. Таяма с некоторым недоумением смотрел на кровь несколько мгновений, потом медленно упал лицом вперед...

Впоследствии, когда Ванюшка, поинтересовавшись, спросил у китайца-конвоира, который знал японский язык и присутствовал при харакири, что́ сказал Таяма перед смертью, китаец ответил:

— Таяма сказал: «Когда из четырех японцев двое оказываются коммунистами и когда измена проникает в собственный дом, не надо больше жить».

XXXII. ЗАСЕДАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Подводное жилище освещено внутри так, что глазам больно. Все усаживаются за длинный стол. Волков избирается председателем. Он встает и говорит:

— Товарищи, несколько дней назад наше торжественное заседание было прервано по не зависящим от нас причинам. — Волков повысил голос: — Заседание продолжается, товарищи! И теперь, надеюсь, никто не прервет его и никто больше не помешает нашей работе. — Послышались аплодисменты; и горячее других аплодировали два японца — механик с подводной лодки и матрос, который настолько уже поправился, что врач разрешил ему присутствовать на празднике. — Повестка остается прежней! Слово принадлежит товарищу Елене Пулковой.

Гости — многочисленные представители различных цехов совхоза — с интересом прослушали рассказ Пулковой.

Вслед за Ванюшкой выступил Волков с докладом об основании и развитии подводного совхоза.

— Товарищи! — начал он, обращаясь к гостям — рабочим и служащим. — Многие из вас уже застали существующим и Гидрополис, и химические заводы, и склады, и многочисленные постройки на берегу. Но вот посмотрите, что здесь было еще совсем недавно. — Волков показал на фотографию, висящую на стене. — Вы видите этот дикий, нетронутый, первобытный уголок природы? На этом самом месте товарищу Топоркову, Конобееву и мне пришла впервые мысль заняться сбором и эксплуатацией подводных водорослей. Там, где только дикие птицы нарушали своими криками тишину, зазвучали фабричные гудки. На том месте, где искали мы звериные следы, возвышаются теперь здания заводов, складов и домов-коммун. То, что вы видите здесь, повторяется и на Северном Сахалине и на Камчатке. Всюду мы начинаем побеждать дикую стихию и овладевать несметными богатствами океана и недр земли. Мы боремся с климатом, с бурями, с природой. Мы боремся с вредителями — с мелким зверьем, вроде Цзи Цзы, и с такими крупными хищниками, как Таяма. И мы побеждаем, и мы победим! Смотрите, что́ сделали мы на нашем фронте!

И Волков, указывая на диаграммы, графики и планы, начал говорить о том, как постепенно расши-

рялась площадь подводного совхоза по береговой линии на юг и север и как завоевывались все новые подводные плантации, как увеличивалась добыча водорослей, как вырастали заводы, как рос экспорт, как расширялось применение водорослей в различных областях химической промышленности...

Его доклад продолжался около двух часов и был прослушан всеми с большим вниманием.

— Позвольте мне сделать маленькую информацию, — сказал Масютин, поднимаясь со стула. И ученый сделал интересное сообщение о том, что ему удалось найти в водорослях ванадий, который употребляется в технике для придания стали особой крепости. — Но это еще не все. Самое интерес-

ное я приберег под конец. Помните, я говорил о том, что дно океана может содержать полезные ископаемые, как и прочие недра земли? Представьте себе, я нашел, и совсем недалеко от Гидрополиса, пласты чудеснейшего каменного угля, который выходит прямо на поверхность океанского дна.

Все захлопали в ладоши и начали поздравлять Масютина.

— А теперь, товарищи, под музыку можно и поужинать! Мы сегодня хотим угостить всех собравшихся двенадцатью блюдами, приготовленными из морской капусты. Это бенефис Марфы Захаровны и Пунь...

— Нет, позвольте! Прошу еще не закрывать официального заседания, — перебил Ванюшку Масютин. — Когда мы собрались в прошлый раз, то, помнится, наглое вторжение Таймы прервало на самом интересном месте какое-то внеочередное сообщение товарища Топоркова. Я думаю, мы все заинтересованы в том, чтобы наш милый Ванюшка окончил это прерванное сообщение.

— Просим! Просим! — послышались голоса, и все выжидательно смотрели на Ванюшку. Он чуть-чуть покраснел, отмахнулся рукой, как от мухи, но, вынуждаемый общими просьбами, принужден был подняться.

— В такой торфественный день о такой мелочи не стоило бы и говорить. Дело маленькое, личное, так сказать. Ну уж, если вы хотите, скафу...

Ванюшка ткнул себя указательным пальцем в грудь, потом показал тем же пальцем на сидящую против него Пулкову и сказал кратко:

— Фенюсь.

СОДЕРЖАНИЕ

Человек-амфибия 5

Подводные земледельцы 205

Беляев Александр Романович

Собрание сочинений в 8 томах, том 3 (Человек-амфибия. Подводные земледельцы). М., «Молодая гвардия», 1963.
384 с. с илл.

Р2
Б44

Редакторы *Б. Клюева, С. Митрохина*
Художественный редактор *Н. Печникова*
Технический редактор *Л. Петрова*

Подписано к печати 15/VIII 1963 г. Бум. 84×108¹/₃₂. Печ. л. 12 (19,68) + 8 вкл. Уч.-изд. л. 18,2. Тираж 200 000 экз. Заказ 967. Цена 81 коп.
Отпечатано с матриц в Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова Московского городского совнархоза. Москва, Ж-54, Валовая, 28.